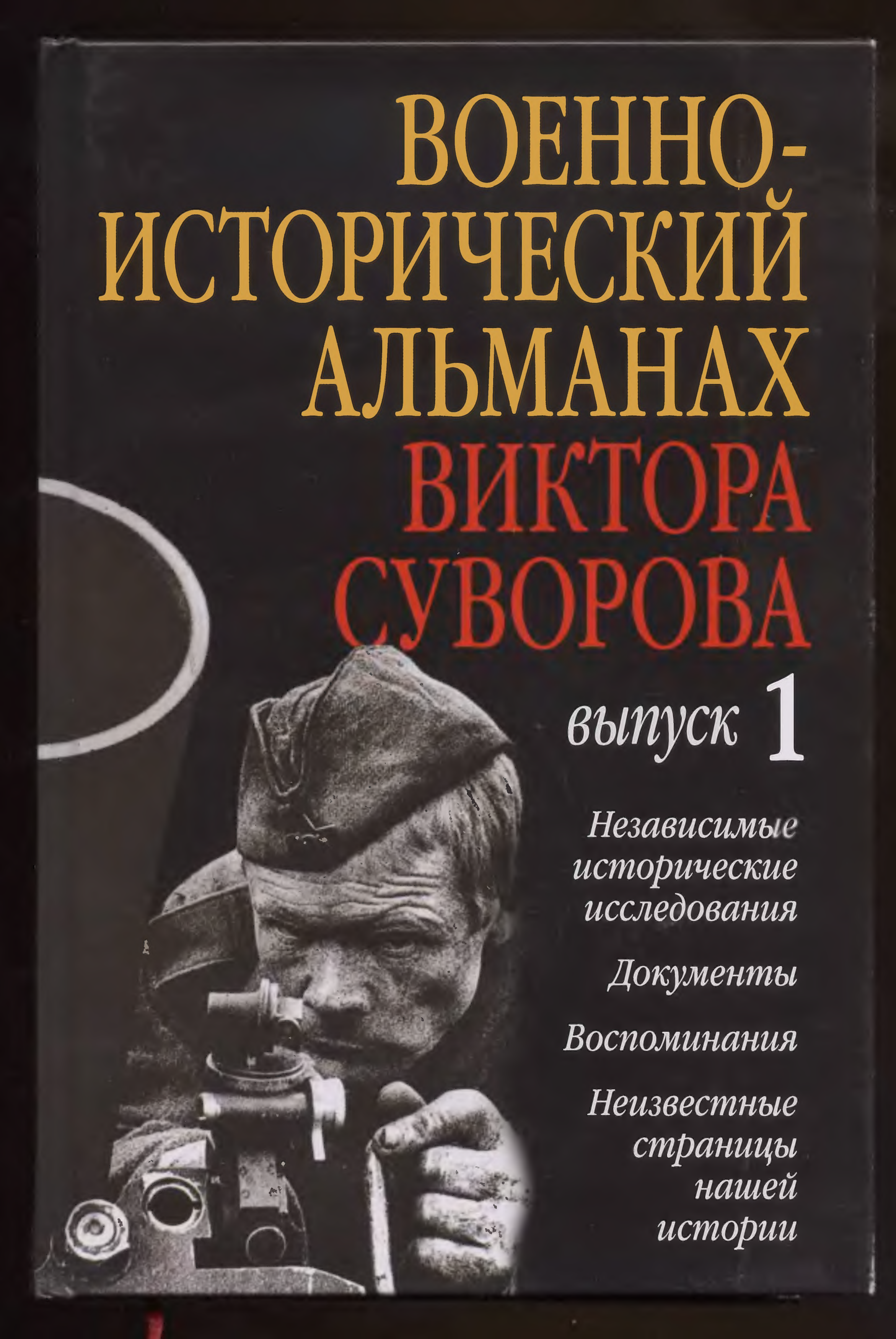

ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
ВИКТОРА
СУВОРОВА
выпуск 1
Независимые
исторические
исследования
Документы
Воспоминания
Неизвестные
страницы
нашей
истории

За историческую правду
против фальсификаций нашей истории

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ ВИКТОРА СУВОРОВА

Независимые исторические исследования

Выпуск первый

Под редакцией Виктора Суворова
и Дмитрия Хмельницкого

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 355/359, ББК 68, С 89

Авторы: В. Суворов, Д. С. Хмельницкий, Р. Ш. Ганелин, Д. Г. Наджафов, Г. Р. Рамазашвили, Ю. С. Цурганов, А. С. Гогун, М. Г. Меерович, А. А. Пронин, В. Леонгард, К. И. Альбрехт

Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Выпуск 1 / В. Суворов и др. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2012. — 400 с., 24 отд. л. ил.

ISBN 978-5-98124-583-1

Редактор-составитель Дмитрий Сергеевич Хмельницкий

Под общей редакцией Виктора Суворова

В Военно-историческом альманахе Виктора Суворова публикуются работы ведущих российских и зарубежных историков, рассказывающие о малоизвестных сторонах и событиях истории СССР 1920–1940-х годов, связанных с подготовкой Сталиным военной агрессии против Европы, которая была главной целью внешней и внутренней политики СССР в предвоенные годы.

Издательство «Добрая книга»
Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.
Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru
Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЦЕНЗИИ

ИНТЕРВЬЮ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

Предисловие Виктора Суворова

Мой собеседник!

Вторая мировая война была самой жуткой трагедией во всей человеческой истории. На фронтах и в тылах погибли десятки миллионов людей, материальные потери и разрушения не поддаются учету, несколько лет все физические, моральные, интеллектуальные силы, ресурсы и способности миллиарда здравомыслящих существ были направлены на то, чтобы истреблять себе подобных и разрушать все, что ими создано.

Досталось всем — китайцам и грекам, японцам и румынам, немцам, полякам и французам, норвежцам и сербам. Но советским людям — больше всех. Нам выпало по особой норме.

XX век для нашей страны был хождением по мукам: крушение империи и Гражданская война, уход миллионов в изгнание и кровавая индустриализация, дистрофическая коллективизация и перманентные чистки… Все это наш народ вынес и пережил. Потом — война. И вот в ходе войны жизнеспособность страны была окончательно и необратимо подорвана. Мы проскочили невидимый рубеж, после которого нация больше не способна себя восстанавливать.

Многие годы и даже десятилетия мы не замечали или не хотели замечать этот надлом. Наши космические корабли бороздили просторы вселенной, мы перекрывали Енисей и в области балета были впереди всех. Казалось, что все хорошо, и так будет всегда. Но жизнь расставила все по своим местам: Россия не способна себя прокормить, Россия не способна производить товары, которые выдерживают конкуренцию на мировом рынке, Россия живет за счет разбазаривания невосполнимых природных ресурсов. А кладовые природы отнюдь не бездонны. Что же дальше?

Коль скоро сложилась такая ситуация, надо искать выход. Для этого надо оценить обстановку, надо понять причины создавшегося положения, надо определить, где же мы находимся и как тут очутились. Начинать следует с войны. Давно пора ответить на многие вопросы. Отчего она случилась? Каковы потери? Почему так много? Где планы обороны страны? Если их не было, то кто в этом виноват? Если они были, то почему их не удалось выполнить? Если они существуют, то почему их нельзя никому показывать через 70 лет?

Удивительная вещь — страна, которой в войне досталось больше всех, к истории этой войны интереса не проявляет.

О, да! Мы лепим идолов на курганах, чтобы убедить себя: во какие мы сильные! Главное, чтобы очередная каменная баба была больше тех, которых водружали на пьедесталы до нее. Наши вожди украшают георгиевскими ленточками свои лимузины в знак того, что Германию сокрушили. Не беда, что мы сами достойный автомобиль сработать не способны, — купим в поверженной Германии! Мы стращаем былого супостата стремительно устаревающей боевой мощью. Мы сотрясаем столицу грохотом танков, созданных еще во времена товарища Брежнева. Мы поем песни о Победе. Мы устраиваем грандиозные представления с барабанным боем и выносом знамен. Однако…

Однако написать историю войны государство не способно.

С момента германского вторжения прошло семь десятков лет. Но где история войны? Каждая попытка сочинить официальную версию завершается провалом — причем каждый раз провалы становятся все более скандальными и позорными.

При Сталине историю советско-германской войны не писали. Сталин понимал, что если написать «без пятнышек», то возникнет слишком много вопросов. А если написать правду, то нечем будет гордиться.

А после Сталина наши вожди ринулись историю сочинять. За долгие десятилетия попыток предпринято множество. Каждый раз — скандал. Каждый раз получается все хуже.

15 мая 2009 года Дмитрий Медведев подписал указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Стараниями означенной комиссии издан шеститомник «65 лет Великой Победы». Основная идея: Советский Союз не готовил нападение на Германию.

То есть если бы Гитлер не напал на Советский Союз, то товарищ Сталин навсегда остался бы ДРУГОМ Гитлера, а народы Советского Союза, в соответствии с подписанными в Кремле договорами, навсегда были бы ДРУЗЬЯМИ нацизма. И пусть бы мирно дымили над концлагерями Европы трубы крематориев — нас это не касалось. Уж наш народ такого друга не подвел бы никогда, уж наши вожди обеспечили бы Гитлера по потребностям всем необходимым для продолжения войны, для победы над всеми врагами рейха, для удержания покоренных народов под пятой нацизма, для распространения коричневой чумы по всей Европе и миру.

Самое интересное в том, что те же ученые люди, в тех же томах, часто в той же главе и даже в том же абзаце доказывают: Красная Армия спасла Европу от коричневой чумы.

Возразят: не сам же Медведев сочинял сей уникальный труд!

Отвечаю: шесть томов созданы по именному указу Медведева. Неужели он лично за это не несет ответственности? Неужели он этого не читал?

В мою задачу не входит разбор последнего шедевра официальной научной мысли. Я о другом: свою историю нам надо знать. Особенно — историю этой страшной войны. Нашему народу это жизненно необходимо. Мы не только имеем право знать свою историю, мы обязаны ее знать. А серьезные историки злонамеренно прячут правду от народа, превращая народ в стадо, в безграмотное быдло. Чтобы остановить деградацию страны или хотя бы притормозить ее, надо разобраться с причинами, поставить диагноз. Но, не позволяя народу вникать в собственную историю, наши академики и стратеги загоняют болезнь внутрь, обрекая страну на повторение чудовищных преступлений, а народ — на вырождение и вымирание.

Ждать милости от власти не приходится. И архивов перед нами никто не откроет. Вот потому и создается сей альманах. Я ни в коем случае не надеюсь на то, что удастся ответить на большинство неразрешенных вопросов. Я ставлю более скромную задачу: привлечь к разрешению нерешенных проблем всех, кого волнует судьба страны и ее народа. И если на самые сложные вопросы ответов найти не сможем, то кто нам мешает эти вопросы задать?

Виктор Суворов
4 декабря 2011 г.

СТАТЬИ

РАФАИЛ ГАНЕЛИН*

Сколько раз был в Москве Риббентроп?

Сговор с Гитлером — провал политики Сталина

30 января 1939 года в Москве ждали приезда К. Шнурре. О его поездке в качестве личного гостя посла Шуленбурга, а на самом деле для переговоров с А. И. Микояном распорядились Гитлер и Риббентроп. Чтобы привлечь к себе меньше внимания, Шнурре выехал сначала в Варшаву, где был и Риббентроп для зондажа возможности союза с Польшей против СССР. Но сведения о намерениях Шнурре отправиться в Москву попали в печать, и Риббентроп приказал ему вернуться в Берлин. В Москве были очень этим недовольны. Молотов неоднократно говорил Шуленбургу, что Советское правительство усомнилось в искренности германских намерений вести экономические переговоры и увидело цель Германии в том, чтобы испортить отношения СССР с Англией и Францией. Сталин и Молотов долго помнили об этом.

10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии Сталин выступил с докладом, содержавшим недвусмысленное приглашение Германии к переговорам. Именно так это было понято в германском посольстве в Москве и в берлинском дипломатическом ведомстве[1]**. Впоследствии Сталин сам сказал немцам, что имел в виду открыть

* Ганелин Рафаил Шоломович, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, автор монографий по истории России, росийско-американским и советско-американским отношениям. Публикуемый текст — глава из книги «СССР и Германия. Отношения вождей и каналы политических связей». С.-Петербург, 2010.

** Здесь и далее цифрами отмечены ссылки на источники или комментарии, которые приводятся в конце каждой статьи. — *Примеч. ред.*

путь к сближению с Германией. Любопытно, что американский поверенный в делах А. Керк усмотрел в словах Сталина развитие идей «Краткого курса истории ВКП(б)». На словах Гитлер не откликнулся на доклад Сталина сколько-нибудь определенным образом, но оккупация Германией Чехословакии 15 марта была таким откликом на деле.

Усиливая в течение марта натиск на Польшу, требуя от нее, в частности, сотрудничества против СССР, Риббентроп угрожал ей «возвратом Германии к рапалльской политике». А когда 26 марта Польша германский ультиматум отклонила, Гитлер, по словам современной исследовательницы И. Фляйшхауэр, «опять стал искать пути и средства наказания Польши с помощью России».

Как бы шутя, он заявил Браухичу: «А знаете ли вы, каким будет мой следующий шаг? Вам лучше сесть, прежде чем я скажу, что им будет... официальный визит в Москву». Это было до 30 марта, а 31-го, когда Чемберлен заявил, что Англия и Франция будут отстаивать независимость Польши, пришедший в ярость Гитлер воскликнул: «Я сварю им чертово зелье!» При этом он упомянул «на худой конец германо-русский союз» и выразил уверенность в том, что «перед призраком национал-социалистско-большевистского альянса эти старые склеротики англичане... капитулируют»[2].

Речь шла как будто бы не о самом этом альянсе, а о призраке его как средстве давления на Англию и Францию, но «чертово зелье» германо-советского союза действительно варилось — и не только «на худой конец». Вот что писал о своих действиях, последовавших за XVIII съездом ВКП(б), Риббентроп: «С марта 1939 г. я считал, что в речи Сталина мною услышано его желание улучшить советско-германские отношения. Он сказал, что Россия не намерена “таскать каштаны из огня” для капиталистических держав. Я ознакомил фюрера с этой речью Сталина и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за нею скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между Берлином и Москвой»[3].

Каким же способом провел Риббентроп зондаж в Москве вместо визита туда самого Гитлера, заявлявшего о таком своем намерении Браухичу?

В 1989 г. в №30 журнала «Огонек» в качестве иллюстрации к печатавшимся там воспоминаниям Н. С. Хрущёва была помещена фотография встречи или проводов Риббентропа на аэродроме. Подпись под ней гласила: «Посредник (рейхсминистр Риббентроп на аэродроме в Москве. 30 марта 1939 г.)». Слово «посредник», смысл которого непонятен, никак не может иметь отношения ни к августовскому, ни к сентябрьскому визитам Риббентропа в Москву. Вряд ли, впрочем, оно может служить аргументом в пользу реальности мартовского. Фотография эта опубликована, в частности, в книге Г. Л. Розанова как запечатлевшая встречу Риббентропа 27 сентября 1939 г.

Лишь в 2001 г. автор этих строк обратил в журнальной статье внимание на фотографию в «Огоньке» и подпись под ней с необъяснимым словом «посредник», отметив, что люди на аэродроме одеты не по-сентябрьски, а по-мартовски тепло[4].

Как и во время прилета Риббентропа 23 августа 1939 г., говорилось в статье, сцена на фотографии в «Огоньке» отражала установившееся в Москве преобладание той линии советско-германских связей, которая проходила через гестапо и НКВД, над официально-дипломатической. Комиссара госбезопасности в центре группы я определил как В. Г. Деканозова, через месяц с небольшим ставшего заместителем наркома иностранных дел, а затем полпредом и послом в Берлине (28 сентября он был на обеде у Молотова в честь Риббентропа с участием Сталина). Возможно, впрочем, что это был В. Н. Меркулов, участник встречи на аэродроме 23 августа. Оба они стали, Меркулов в сентябре, Деканозов в декабре 1938 г., комиссарами государственной безопасности 3-го ранга с тремя ромбами[5]. Встреча 23 августа 1939 г., судя по газетным сообщениям, была единственной аэродромной сценой с участием такого комиссара.

Но 23 августа было, как указано в сводке погоды, очень жарко. Следовательно, комиссар госбезопасности, одетый на «огоньковском» снимке в шинель, был на аэродроме по меньшей мере дважды.

Весьма сведущий в советско-германской теме В. И. Кручина-Богданов высказал мне тогда предположение, что Риббентроп мог бывать в Москве и без сообщения об этом. Ссылаясь на свою

родственницу, он рассказал, что Риббентроп был покорен талантом и обаянием Г.С.Улановой. Имея в виду, что тот не забывал и о своей официальной миссии, В.И.Кручина-Богданов заключил: «В любви не повезло, зато повезло в картах». Вскоре после этого разговора В.И.Кручины-Богданова не стало. Его вдова С.Я.Кручина-Богданова ныне сообщила мне о своей невестке, московской адвокатессе Е.Я.Боярской-Тарутиной, любительнице театра, располагавшей фотографиями Г.С.Улановой, о которых было известно, что они сделаны для Риббентропа.

Балетоманом, любующимся танцем Г.С.Улановой, Риббентроп предстает в воспоминаниях не только его собственных, но и М.Плисецкой. Вот как писала она о спектакле, устроенном для Риббентропа с участием Г.С.Улановой и К.М.Сергеева, вызванных из Ленинграда, имея в виду прилет Риббентропа «на подписание злополучного пакта»: «Спектакль этот запомнился мне и атмосферой… Риббентроп сидел совсем близко от меня в царской ложе (так по старинке величаем мы и поныне центральную ложу театра). Он был сед, прям, породист. От большого кольца на его руке шло такое сияние, что рябило в глазах. Каратов тыща! Он намеренно играл бликами своего ювелирного чуда, барственно уложив длиннопалые руки на бордюр ложи… с благосклонностью и вниманием взирал на сцену и, не скупясь, хлопал Улановой»[6].

В воспоминаниях самого Риббентропа речь идет о посещении балета «Лебединое озеро», данного в честь немецкой делегации во время ее второго визита в сентябре 1939 г. (судя по сообщению о репертуаре театров в «Правде», это было 28-го, эту же дату называет в своем отчете Хильгер, отмечая, что Риббентроп посмотрел только один акт балета). Не называя Г.С.Уланову, Риббентроп пишет о «прима-балерине, приехавшей ради нас из Ленинграда». Ее танец вызвал у него восторг и воспоминания об Анне Павловой, которую он встречал еще до Первой мировой войны. «Я хотел было лично поблагодарить балерину, — писал Риббентроп, — но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий»[7]. Балерина тех лет В.Д.Бугаева, которой я рассказал об этом эпизоде, одобрила предусмотрительность посла. А посылку цветов сочла задним числом означавшей опасность для Г.С.Улановой, которая могла быть заподозрена в том, что в цветах спрятана записка.

Я отмечал в своей статье, что фотография сцены на аэродроме 30 марта 1939 г. с подписью под ней в «Огоньке» остается не подтвержденной, но и не опровергнутой. В изданной в 2007 г. книге А.Осокин обратился к этой фотографии, не упоминая о ее опубликовании в «Огоньке», данной при этом подписи и моей статье. Под заголовком «Кто, где и когда встречал Риббентропа?» он воспроизвел снимок вместе с подписями, с которыми он печатался в различных изданиях: «Встреча Риббентропа в Москве», «Рейхсминистр Риббентроп на аэродроме в Москве. 1939 г.», «Москва. 27 сентября 1939 г.» (в списке встречавших в этот день, приведенном в «Правде» 28 сентября 1939 г., ни Меркулова, ни Деканозова не было), «Встреча Риббентропа в Москве», — высказав предположение, «что это либо неизвестный его прилет, либо перелет внутри страны во время двух его известных посещений»[8].

Оставив возможность неизвестного прилета без рассмотрения, А.Осокин счел, что Риббентроп летел «скорее всего на Западную Украину, например во Львов, скажем, для уточнения линии раздела Польши между СССР и Германией». Он считает присутствовавшими на аэродроме Н.С.Хрущёва, А.А.Жданова или предсовнаркома Украины Л.Р.Корнийца, а комиссара госбезопасности принял за Г.М.Маленкова в форме корпусного комиссара, которой тот никогда не носил. «Странную дату» этого снимка 30.III.39 г., обнаруженную А.Осокиным в картотеке Российского государственного архива кино-фоно-фотодокументов, в научном отделе архива объяснили опиской, приведшей к тому, что сентябрь оказался мартом. Но как быть с числом 30? Предположение о том, что это дата выхода в свет газеты с сообщением об отлете Риббентропа, представляется А.Осокину необоснованным. В этом следует с ним согласиться. Да и слово «посредник», несомненно, бессмысленное применительно к августу и сентябрю, вряд ли было чьей-то простой опиской.

Но насколько «странной датой» для появления Риббентропа в Москве было в 1939 г. 30 марта? Предшествовавшие ей мартовские обстоятельства уже были отмечены. Перейдем к апрельским, за ней последовавшим.

1 апреля Гитлер произнес речь, в которой идея союза со Сталиным была выражена очень ясно. Он говорил о наличии немецких культурных корней в Восточной Европе, чего не понимают в Англии, назвал союзы западных держав с восточноевропейскими государствами «кратковременным соединением неоднородных

тел», отметил существование «мировоззренческих и идеологических разногласий» «между демократической Великобританией и большевистской Россией». Затем, похвалив СССР за предательство дела испанских республиканцев, он расценил это как доказательство готовности Сталина к полному отказу от антифашистской политики. «Нам приятно констатировать, — как бы похлопывая Сталина с оттенком покровительственности по плечу, заявил он об испанском вопросе, — насколько быстро, даже очень быстро, здесь произошли изменения в мировоззрении поставщиков боевой техники красным, насколько хорошо там вдруг понимают национальную Испанию и готовы обделывать с ней дела если уж не в идеологической, то по крайней мере в экономической сфере. Это также указывает направление политики». Направление это он видел в преодолении «еврейско-большевистской чумы», от которой погибнет «одно государство за другим», если не станет с ней бороться. Поборовшее ее и созданное на этой основе «немецкое народное государство», продолжал Гитлер еврейскую тему своей речи 30 января, «хочет жить в мире и дружбе с любым другим государством»[9].

3 апреля в Германии была издана директива о готовности войск к нападению на Польшу к 1 сентября, а 11 апреля был утвержден план операции.

«Переговоры о торговом договоре, — отмечал Риббентроп вслед за сообщением о своем зондаже в Москве, — которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий период продвинулись вперед»[10].

С апреля советский поверенный в делах Г. А. Астахов стал регулярно посещать Шнурре, и их переговоры вскоре приобрели политическое содержание. Это было строгой тайной, и записи переговоров регистрировались как носивших чисто экономический характер. Только несколько человек в германском МИДе знали о том, что происходило на этих переговорах в действительности[11]. Каким бы способом ни производил Риббентроп свой зондаж в Москве, он сделал это не без успеха.

17 апреля советская сторона выступила с предложением о заключении между СССР, Англией и Францией договора о взаимной помощи против агрессии, а также об оказании помощи странам Восточной Европы в случае агрессии против них. «Литвиновские» наркоминдельцы надеялись на успех советского предложения, несмотря, в частности, на то, что после расправы Сталина над командованием Красной Армии Англия и Франция не могли не сомневаться в ней как возможной союзнице. Сомнения англо-французских политиков представлялись вполне объяснимыми, как бы ни относились они к процессу над Тухачевским и другими: если расстрелянные действительно были германскими шпионами, это означало, что Красная Армия находилась до недавнего времени в руках Гитлера. И уж совсем предостерегающий смысл имело для возможных союзников СССР более обоснованное предположение — о фальсифицированности дела. А когда пятеро из семи членов суда, такие же видные военные деятели, как и подсудимые, безо всякой огласки разделили их судьбу вместе с подавляющим большинством таинственно исчезнувших наиболее известных советских военачальников, а многие государственные и партийные деятели были вместе с тысячами рядовых граждан осуждены как германские шпионы, происходившее в СССР, несомненно, оценивалось на Западе, по крайней мере, как затрудняющее возможность военно-политического союза с ним[12]. Так что сталинские предвоенные расправы были и с этой стороны бесценным для Гитлера подарком. С началом войны Сталин, очевидно, понял опасность заговорщической темы, но не отказался от стряпанья расстрельных дел и собственного руководства этим занятием. Так, по сведениям одного из новейших авторов, утверждая смертный приговор Д. Г. Павлову и другим, он сказал для передачи председателю Военной коллегии Верховного суда В. В. Ульриху: «Пускай он выбросит весь этот хлам о заговоре»[13].

Мюнхенский сговор Англии и Франции с Гитлером и другие акты их политики, здесь не рассматриваемые, облегчали путь к советско-германскому пакту[14]. Но даже при том, что взаимное недоверие между СССР и англо-французами мешало их союзу, а отказ Польши пропустить советские войска для ее защиты был действительным препятствием к его заключению (не забудем, что с началом 30-х годов преследование поляков и прибалтов в СССР осуществлялось в значительной мере на основе национального принципа, и у польских властей, как и в общественной среде, существовал страх перед СССР, к сожалению, подтвержденный событиями последующих лет), Сталин должен был, по мнению Е. А. Гнедина, понимать, что дело шло к войне не против СССР, а между западными державами и Германией[15]. Сам Е. А. Гнедин считал тогда, что возможность коллективного отпора агрессии не отпала с точки зрения не только Литвинова, но и самого Стали-

на. 23 октября 1938 г. он поместил в «Известиях» согласованную с Литвиновым статью. В ней он утверждал, что мюнхенский договор опасен для Англии и Франции, и объяснял его происхождение тем, что европейская реакция боится победы над гитлеровской Германией, невозможной без участия СССР, а оно приведет к его усилению. На следующий день Ворошилов похвалил статью редактору со ссылкой на Сталина, который, по мнению Гнедина, «поскольку условия для реализации его тайных планов еще не созрели, считал уместным и правильным такое понимание сложившейся в Европе ситуации, из которого вытекало, что готовится война не против СССР, а по-прежнему против Западной Европы, и что существуют силы (“европейская демократия”), естественным союзником которых является СССР». «Такова была оценка положения к концу 1938 года… — заключал он через много лет. — Я готов высказать предположение, что именно потому, что Сталин понимал значение назревшей эволюции на Западе в пользу отпора Германии, он поторопился удалить Литвинова и арестовать его ближайших сотрудников. Так подготовлялся ранее намеченный отказ от участия в отпоре гитлеровской Германии, подготовлялось сотрудничество с нею»[16]. В пропаганде того времени и историографии последовавших десятилетий это обернулось постулатом о мюнхенском сговоре как главной причине советско-германского пакта. Между тем и Сталин оказался заражен «франко-английскими иллюзиями, что умиротворение Гитлера возможно», о которых еще в 1936 г. Литвинов говорил Потёмкину.

Вряд ли можно считать, что советское предложение заключения договора о взаимопомощи с Англией и Францией было чисто литвиновским делом. Однако в Москве побеждало другое политическое направление. В тот же день, 17 апреля 1939 г., советский полпред А. Ф. Мерекалов в первый раз за время своего пребывания в Германии — а он вручил свои верительные грамоты в июне 1938 г. — посетил статс-секретаря МИДа Г.-Э. фон Вайцзеккера[17] и спросил его, что он думает о германо-русских отношениях. Вайцзеккер, по словам Мерекалова, заявил: «Германия имеет принципиальные политические разногласия с СССР. Все же она хочет развить с ним экономические отношения». Сам же Мерекалов, как видно из меморандума Вайцзеккера, сославшись на то, что в русско-итальянских отношениях идеологические расхождения не были препятствием, заявил,

что такие расхождения не должны стать камнем преткновения и в отношениях с Германией. «Советская Россия не использовала против нас существующих между Германией и западными державами трений и не намерена их использовать. С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше. Этим замечанием, к которому Мерекалов подвел разговор, он и закончил встречу. Через несколько дней он намерен посетить Москву», — такими словами завершил Вайцзеккер меморандум об этой встрече.

В Берлин Мерекалов больше не вернулся. Его демарш Е. Гнедин считал, как и действия Канделаки, разумеется, продиктованным «свыше»[18].

27 апреля 1939 г. Сталин и Молотов вызвали к себе Литвинова и Майского и устроили им скандал по поводу визита вежливости, нанесенного проезжавшим через Хельсинки Майским финляндскому министру иностранных дел Эркко[19].

1 мая Литвинов еще присутствовал на параде и демонстрации, но на следующий день Сталин позвонил ему по телефону и приказал составить для Молотова список наиболее видных дипломатов.

2 мая комиссия ЦК ВКП(б) под председательством Берии в составе председателя Совета Народных Комиссаров Молотова, назначенного одновременно наркомом иностранных дел, Деканозова, ведавшего в НКВД иностранной частью, ставшего теперь заместителем наркома Молотова[20], и секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова начала разгром Наркоминдела с арестами его сотрудников. В ночь с 3 на 4 мая здание Наркоминдела было оцеплено войсками НКВД. Утром Литвинову было объявлено о снятии его с поста, и вскоре он больше чем на два года оказался под присмотром приставленной к нему охраны.

По воспоминаниям Е. Гнедина, чуть ли не единственного из арестованных наркоминдельцев, выжившего в ГУЛАГе, в мае-августе 1939 г. готовился показательный процесс над Литвиновым, его сотрудники должны были дать для этого свои показания. Однако в октябре Сталин от своего намерения отказался[21].

Как только в начале мая НКВД одержал верх над старым Наркоминделом, поверенному в делах в Берлине Г. А. Астахову было немедленно поручено осторожно выяснить отношение гитлеровской дипломатии к снятию Литвинова и к новым пер-

спективам советско-германских отношений и, как он расска-зал Гнедину, встретившись с ним «на пересылке», предложить германскому Министерству иностранных дел подготовитель-ные к заключению пакта переговоры[22].

Сообщая в Берлин о происшедшей в Москве перемене, гер-манский поверенный в делах Типпельскирх считал ее «спон-танным решением Сталина», связанным «с различием точек зрения в Кремле на переговоры, которые ведет Литвинов». «У Молотова, не еврея по национальности, репутация "ближай-шего друга и соратника" Сталина. Его назначение явно пре-следует цель гарантировать следование внешней политики линии, указываемой Сталиным», — завершал Типпельскирх свою телеграмму[23].

Здесь следует отметить, что Г. К. Жуков, много раз участво-вавший во встречах Сталина с его окружением, подчеркивал, что Молотов вообще вел себя самостоятельно, а убежденность Сталина в верности Гитлера пакту поддерживал «особенно активно». «Молотов не только сам был человеком волевым и упрямым, которого трудно было сдвинуть с места, если уж он занял какую-нибудь позицию, — сказал Жуков К. М. Симоно-ву. — По моим наблюдениям, вдобавок к этому он в то время обладал серьезным влиянием на Сталина, в особенности в во-просах внешней политики, в которых Сталин тогда, до войны, считал его компетентным. Другое дело потом, когда все рас-четы оказались неправильными и рухнули, и Сталин не раз в моем присутствии упрекал Молотова в связи с этим. Причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ. Молотов и после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 года продолжал утвер-ждать, что Гитлер не нападет на нас. Надо учесть, что в глазах Сталина в этом случае Молотов имел дополнительный автори-тет человека, самолично побывавшего в Берлине.

Авторитет Молотова усиливался качествами его характе-ра. Это был человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо соображений, крайне упрямый, жестокий, созна-тельно шедший за Сталиным и поддерживавший его в самых жестоких действиях, в том числе и в 1937–1938 годах, исходя из своих собственных взглядов. Он убежденно шел за Сталиным, в то время как Маленков и Каганович делали на этом карьеру.

Единственный из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моем присутствии высказывал иную точку

зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он не-изменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитле-ру нельзя верить ни в чем»[24].

Не потому ли именно Жданову было поручено написание известной газетной статьи в пользу пакта с Германией, о кото-рой будет сказано чуть ниже? Если придерживаться утверди-тельного ответа на этот вопрос, следует считать, что Сталин и в этом действовал под влиянием своего изощренного дикта-торского коварства.

Эстонский посланник в Москве А. Рей объяснял замену Лит-винова Молотовым «желанием устранить формальные препят-ствия для проведения каких-то более серьезных переговоров с Берлином». «С евреем Риббентроп не стал бы разговаривать!» — добавлял Рей[25]. То обстоятельство, что Литвинов в анкетах в графе «национальность» писал: «русский»[26], дела, разумеется, не меняло. «Уход Литвинова значительно облегчил бы заключение договора с Германией, поскольку личность Литвинова сама по себе во всех отношениях для Берлина неприемлема», — говори-лось в сообщении, полученном из Москвы в Варшаве[27].

Вероятно, не только позиция Литвинова, но и его националь-ность должны были служить препятствием для его участия в переговорах с официальным Берлином. Риббентроп в своих ме-муарах, написанных во время Нюрнбергского процесса, отрицал теорию всемирного еврейского заговора. При этом он подчерки-вал, что во время своих визитов в Москву занимался определе-нием масштабов еврейского влияния в СССР и был удовлетворен его умеренностью. Вспоминая о банкете, устроенном в его честь в сентябре 1939 г., он писал: «В течение всего вечера я не раз дру-жески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, что-бы чокнуться со мной. Особенно запомнились мне маршал Воро-шилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к круп-нейшим закулисным лицам интернационального еврейства. Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения как в этот вечер, так и вообще во время обоих моих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой ак-ции, руководимой интернациональным еврейством и согласован-ной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсо-лютно всесильном органе для всей России, кроме Кагановича, не

было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало. По моим собственным наблюдениям, а также на основе исследований, которые я приказал провести по данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи с этими городами и странами поддерживались через Коминтерновский центр, и наверняка в нем тоже сидели евреи. Но тезис, будто какой-то интернациональный межгосударственный еврейский центр планомерно действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным»[28].

Мало того, Риббентроп настаивал на своем противодействии гитлеровскому антисемитизму. Он ссылался при этом на то, что, став министром, приблизил к себе посла Ф. Гауса, женатого на полуеврейке, и прикрывал супружескую чету от всех нападок. Гаус был юридическим советником Риббентропа в Москве в августе и сентябре 1939 г. «Он почти единственный, — писал Риббентроп, — хорошо знает, как я порой почти в отчаянии возвращался от Гитлера, поскольку все мои попытки добиться изменения политики в еврейском и церковном вопросах оставались безуспешными, а мои попытки во время войны побудить фюрера пойти на мирный зондаж тоже не имели никакого успеха»[29].

Тем не менее, Литвинов был для германской стороны неприемлем. Одиозной фигурой был он и для руководства НКВД... Следует добавить, что в 1929 г. заведующий отделом печати Наркоминдела Б. Волин доносил о его «величайшей дикой ненависти» к ОГПУ, как, впрочем, и о его отрицательном отношении к Политбюро. По мнению автора, ссылающегося на этот документ, его появление усилило преданность Литвинова Сталину, назначившему его наркомом[30].

На сей раз состав комиссии с Берией в роли председателя заранее указывал на цель, с которой она была создана. Конфликт между ведомствами, как уже знает читатель, был решен в пользу НКВД еще до того.

Вероятно, противоречия между Сталиным и Литвиновым выходили за пределы международно-политической сферы. Интересно, что сам Литвинов свое устранение ставил в связь не с ориентацией Сталина на союз с Гитлером, а со сталинизмом в целом. Такую позицию он занял еще до заключения пакта и, не соблюдая осторожности, отстаивал ее даже перед новым знакомым. Через

несколько дней после своего снятия с поста наркома, 9 мая 1939 г., Литвинов познакомился с членом партии с 1912 г. А. Г. Соловьёвым. «Его перевели на пенсию, хотя вполне еще мог бы работать этот талантливый и опытный дипломат... Очень интересный человек», — записал в этот день в своем дневнике Соловьев. А запись 22 июня этого года гласила: «Заходил Литвинов. Заговорил о произволе, репрессиях, стал порицать т. Сталина за ограниченность ума, за чрезмерное самомнение и самоуверенность, за карьеризм и неограниченную власть — наследие многовековой темноты и бескультурья. У Ленина на первом плане человек. Потому он никогда никого полностью не отсекал, кроме абсолютно безнадежных врагов. У Сталина на первом плане согласие или несогласие с его взглядом. Со временем история жестоко осудит Сталина за великую ложь и уничтожение кадров... Неужели он, хотя бы частично, прав?»

Последние слова этой записи Соловьёва означали его внутреннее сопротивление литвиновской непримиримости. А она была долговременной и неизменной. Шокированный, а может быть, и напуганный этим Соловьёв записал 10 марта 1940 г.: «Зашедший Литвинов опять пустился возмущаться... Но мне уже неприятно жевать и пережевывать одно и то же. Ведь ничего изменить мы не можем. Поспешил отделаться»[31].

Как известно, Литвинов не только был оставлен Сталиным на свободе, но и использовался при необходимости благодаря авторитету, которым он обладал в англо-саксонском мире. После нападения Германии на СССР ему было поручено обращение по радио к народам Англии и США. Он был назначен послом в Вашингтоне, где оставался до 1943 г., и заместителем наркома иностранных дел (до 1946 г.). В 1943–1946 гг. заместителем наркома был и вернувшийся из Лондона И. М. Майский. Однако, по словам И. Г. Эренбурга, А. С. Щербаков, руководивший идеологической деятельностью во время войны, в конце 1943 г. упрекал его в том, что он подпал под их влияние[32]. В. М. Бережков, бывший некоторое время переводчиком у Сталина и Молотова, утверждал впоследствии со слов А. И. Микояна, что смерть Литвинова в 1951 г. имела причиной предписанную Сталиным автомобильную катастрофу[33]. Однако биограф Литвинова подробно описывает его болезнь и кончину[34]. Готовившаяся, по сведениям Н. Петрова, в 1946 г. автомобильная катастрофа не состоялась (Эхо Москвы, 29 ноября 2009 года, 17.00). Майский, как известно, встретил смерть Сталина

в тюрьме. Систематическое рассмотрение хода советско-германских переговоров в мае-августе 1939 г. явилось предметом целого ряда исследований[35]. Лишь несколько обстоятельств, прямо или косвенно свидетельствовавших о личной роли Гитлера и Сталина в процессе сближения обеих стран, следует здесь отметить.

10 мая Гитлер принял Шнурре и Хильгера, которые настаивали на соглашении с СССР, по крайней мере экономическом. Гитлер же не сказал о своих намерениях ни слова[36]. Поэтому когда Астахов в беседе со Шнурре 17 мая проявил большую настойчивость по поводу развития советско-германских отношений и даже пообещал, что для Англии переговоры с СССР вряд ли будут удачны, Шнурре был тем не менее сдержан и даже избегал уточнять точку зрения советского собеседника, хотя 15 мая, по словам Астахова, затронул в беседе с ним тему об улучшении отношений[37].

А 20 мая Молотов заявил Шуленбургу о невозможности торговых переговоров «без подведения под них "политической базы"». Что он под этим подразумевал, Шуленбургу не удалось от него узнать. Но в Берлине дело поняли так, что речь идет о политическом союзе, и с ведома Гитлера вновь стали вести переговоры с Астаховым, хоть Гитлер и заявил 20 июня, что «германское правительство в возобновлении экономических переговоров с Россией не заинтересовано»[38]. Этому предшествовала беседа Астахова с болгарским посланником в Берлине Парваном Драгоновым, которого Астахов посетил 14 июня, сейчас же после приезда в Москву английской делегации. Английские авторы Э. Рид и Д. Фишер видят в этом «первый определенный шаг Сталина к полному германо-советскому соглашению». Астахов просил передать германскому дипломатическому ведомству, что пакту с Англией и Францией Советский Союз предпочитает сближение с Германией, и если она согласится на пакт о ненападении, то советская сторона от соглашения с англо-французами, по-видимому, откажется. На следующий же день Драгонов сообщил об этом немецкой стороне как о «громе среди ясного неба», и Риббентроп тут же заявил находившемуся в Берлине японскому послу в Риме, что Германия заключит теперь пакт о ненападении с Россией[39].

Разумеется, для начавшихся в Москве переговоров с Англией и Францией это было неблагоприятным, если не роковым, предзнаменованием. Шуленбург, совершив поездку в Берлин, 28 июня заявил Молотову от имени Гитлера и Риббентропа об их желании улучшить отношения с СССР, а 29 июня в «Правде» появилась статья А. А. Жданова о том, что Англия и Франция хотят не союза с СССР, а вовлечения его в войну с Германией. 24 июля Шнурре решительно заявил Астахову о стремлении Германии к улучшению отношений с СССР, а 26-го пригласил его и заместителя торгпреда Е. И. Барбарина в ресторан для порученного ему Риббентропом разговора. В частности, он сделал прямой намек на раздел территориальных сфер влияния и развил концепцию социально-экономической общности большевистского и фашистского режимов. «Несмотря на различия в мировоззрении, — излагал Шнурре сказанное им Астахову и Барбарину, — есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется довольно противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий»[40].

Здесь имелись в виду отношения СССР с Англией и Францией, трактуемые в духе национал-социалистической идеологии с ее антибуржуазной направленностью. Но цель социологического экскурса Шнурре состояла не только в том, чтобы воспрепятствовать этим отношениям. «Довольно широкая дискуссия велась по вопросу о том, почему национал-социализм считает внешнюю политику Советского Союза враждебной», — писал Шнурре о беседе в ресторане. Дискуссия эта явилась поздним отзвуком ранних германо-советских объяснений о соотношении «государственного» и «агитационного» начал. Об этом свидетельствовала следующая же фраза меморандума, отражавшая сказанное советскими представителями. «В Москве никогда не могли этого понять, — заявили они, имея в виду ошибочность представлений гитлеровского руководства о враждебности советской внешней политики по отношению к Германии, — хотя там всегда понимали противостояние национал-социализма коммунизму внутри Германии». Теперь представитель германской стороны, а не советской, как некогда Енукидзе, заговорил о победе «государственных» начал над «агитационными», и не в Германии, а в Советском Союзе. Поощрительно отзываясь о его политической эволюции, Шнурре заявлял, что именно она открывала ему теперь путь к сотрудничеству с Германией на мировой арене. «Я воспользовался этим удобным случаем, — отчитывался Шнурре перед Риббентропом и Гитлером, — для подробного изложения нашего мнения относительно изменений, происшедших в

русском большевизме за последние годы. Антагонизм к национал-социализму явился естественным результатом его (национал-социализма. — *Р. Г.)* борьбы с коммунистической партией Германии, зависимой от Москвы и являвшейся лишь орудием Коминтерна. Борьба против германской коммунистической партии уже давно закончилась. Коммунизм в Германии искоренен. Коминтерн же уже заменен Политбюро, которое следует теперь совершенно другой политике, чем та, которая проводилась, когда доминировал Коминтерн. Слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (празднование годовщины Полтавской битвы, Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского) изменили интернациональный характер большевизма, как нам это видится, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию. При таком положении дел мы сегодня видим возможности, которых не видели ранее, так как удостоверились, что не делается попыток распространять в какой-либо форме коммунистическую пропаганду в Германии»[41].

Прямо названному Сталину немецкая сторона ставила теперь в заслугу возрождение даже тех патриотических традиций, происхождение которых было связано с вооруженной русско-немецкой борьбой в далеком прошлом[42]. Эти теоретические рассуждения (с некоторыми погрешностями насчет якобы состоявшегося перехода власти от Коминтерна к Политбюро) немцы ставили в связь со своим предложением урегулировать все проблемы от Балтийского до Черного моря и Дальнего Востока. Вступление Сталина на путь территориального расширения страны было необходимо Берлину для нападения на Польшу. Но оно стало очень полезным Гитлеру — вряд ли для него неожиданно — и в войне с СССР. Вопреки распространенному представлению о том, что территориальные приобретения способствовали советской обороне в войне, Гитлер получал важные преимущества военного и морально-политического характера. Выведенная за пределы старых укрепленных районов и попавшая на территории с враждебно к ней настроенным, по крайней мере, что касается Прибалтики, населением, Красная Армия оказалась летом 1941 г. в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Здесь следует отметить, что маршал Б.М.Шапошников, возглавляя Генеральный штаб в

1940–1941 гг., стоял на том, что германское нападение надо отражать, опираясь на старые укрепления[43]. Кроме того, характер принятой в 1939 г. советской политики открывал Германии возможность обосновывать ссылками на нее свои утверждения о необходимости превентивного характера германского нападения на СССР.

29 июля 1939 г. Молотов через Астахова сообщил в Берлин благоприятный отклик на слова Шнурре. В сущности, речь шла о решении Сталина вступить с немцами в политические переговоры, прямо запросив их об условиях. Таинственность вокруг слов Молотова о «политической базе», сказанных 20 мая, исчезла[44]. До намеченного срока вторжения в Польшу оставались считанные дни, и немцы очень торопили дело. «Политически русская проблема решается здесь в крайне срочном порядке. В течение последних десяти дней у меня было хотя бы по одной личной либо телефонной беседе с министром иностранных дел, и мне известно, что он постоянно обменивается с фюрером мнениями по этой теме», — писал Шнурре Шуленбургу 2 августа. В этот день Астахов был приглашен к Вайцзеккеру, а затем к Риббентропу, который повел с ним разговор на тему общего урегулирования отношений под девизом: «Нам спешить некуда». В сущности, он предъявил Советскому правительству ультиматум. Вряд ли можно истолковать иным образом следующие его слова: «Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело, следовательно, за тем, какого пути желают ее правители. Если Москва займет позицию против нас, мы знали бы, что нам делать и как нам действовать; в противном же случае на всем протяжении от Балтийского моря до Черного не было бы ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить между нами». Так изложил свое заявление Астахову сам Риббентроп в своем отчете[45]. А вот как выглядело это заявление в записи Астахова: «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться. В этом я глубоко уверен. (Это Риббентроп повторил в различных выражениях несколько раз.) Я не знаю, конечно, по какому пути намерены идти у вас. Если у вас другие перспективы, если вы, например, считаете, что лучшим способом урегулировать отношения с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то, конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских

демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой. Мы уверены в своих силах (с подчеркнутой аффектацией). Не будет такой войны, которую проиграл бы Адольф Гитлер».

В конце встречи Риббентроп обратился к затронутой Шнурре национально-патриотической теме в советской политике и идеологии. Сообщая Молотову о встрече со Шнурре, Астахов почел за благо об этом умолчать. Но на сей раз поступить так он не мог: беседа с министром иностранных дел была официальным событием важного значения, причем, обращаясь к национально-патриотической теме, Риббентроп, как видим, говорил прямо от имени Гитлера и сам просил сообщить обо всем Молотову.

«Стремясь, по-видимому, сказать что-либо приятное, — продолжал Астахов запись беседы с Риббентропом, — он заметил, что хотя нашей страны не знает, а в странах так называемых "западных демократий" провел много лет, но ему кажется, что германцам с русскими, несмотря на всю разницу идеологий, разговаривать легче, чем с "западными демократами". Кроме того, ему и фюреру кажется, что в СССР за последние годы усиливается национальное начало за счет интернационального, и если это так, то это, естественно, благоприятствует сближению СССР и Германии. Резко национальный принцип, положенный в основу политики фюрера, перестает в этом случае быть диаметрально противоположным политике СССР.

Скажите, г-н поверенный в делах, — внезапно изменив интонацию, обратился он ко мне как бы с неофициальным вопросом, — не кажется ли Вам, что национальный принцип в Вашей стране начинает преобладать над интернациональным? Это вопрос, который наиболее интересует фюрера…

Я ответил, что у нас то, что Риббентроп называет интернациональной идеологией, находится в полном соответствии с правильно понятыми национальными интересами страны, и не приходится говорить о вытеснении одного начала за счет другого. "Интернациональная" идеология помогла нам получить поддержку широких масс Европы и отбиться от иностранной интервенции, то есть способствовала осуществлению и здоровых национальных задач. Я привел еще ряд подобных примеров, которые Риббентроп выслушал с таким видом, как будто подобные вещи он слышит в первый раз». Изобретенное Сталиным сочетание интернационального и национального хотя и удивило Риббентропа, но не вызвало его реакции. И перед тем как попрощаться, он просил сообщить ему, «считает ли Советское правительство желательным более конкретный обмен мнениями»[46].

Как мы сейчас увидим, последовавший через несколько дней обмен мнениями был более чем конкретным. Однако перед этим следует остановиться на том, как Вайцзеккер накануне подписания советско-германского пакта объяснял его смысл германским союзникам — Италии и особенно Японии, которая считала себя преданной Берлином в ее противостоянии с Советским Союзом. 22 августа Вайцзеккер разослал в германские дипломатические миссии ноту, в которой, в частности, говорилось: «Возможное обвинение в том, что, заключив соглашение с Советским Союзом, мы нарушили принципы Антикоминтерновского пакта, в данном случае не имеет силы. Эволюция Антикоминтерновского пакта все более и более вынуждала державы видеть своего главного врага в Британии. Кроме того, русский большевизм при Сталине пережил структурные изменения решающего характера. Вместо идеи мировой революции на первый план вышли идеи русского национализма и консолидации Советского государства на его нынешней национальной, территориальной и социальной основе. В этой связи стоит обратить внимание на устранение евреев с руководящих постов в Советском Союзе (падение Литвинова в начале мая). Разумеется, оппозиция коммунизму внутри Германии остается полностью прежней. Борьба с любым возобновлением попыток проникновения коммунизма в Германию будет продолжаться с прежней суровостью. Во время переговоров Советскому Союзу не было оставлено никаких сомнений на этот счет, и он полностью принял данный принцип»[47].

Таким образом, усиление приватизированной Сталиным национал-патриотической части большевистской идеологии и политики, преследование коминтерновцев с выдачей гитлеровским властям некоторых деятелей КПГ, прекращение поддержки европейских коммунистов и вытеснение евреев из советского и партийного аппарата — все эти шаги были в германской интерпретации сделаны Сталиным для заключения пакта с Гитлером.

3 и 4 августа Шуленбург посещал Молотова, и 4-го тот, по словам Шуленбурга, «оставил свой привычный сдержанный тон и казался необычайно откровенным»[48]. Встречи происходили чуть ли не ежедневно. 11 августа после заседания Политбюро Молотов отправил Астахову для передачи германскому правительству

телеграмму о готовности к переговорам о договоре с вопросом о том, кто будет вести их с германской стороны — Шуленбург или присланное из Берлина лицо. Гитлер, ведший переговоры с эмиссаром англо-французов швейцарским дипломатом К. Бурхардтом, сразу уловил в телеграмме Молотова приглашение в Москву и поначалу решил воспользоваться им сам. Затем он остановился на поездке Риббентропа, очевидно, считая, что решение Сталина еще не окончательное: в Москве начинались переговоры с английской и французской военными миссиями[49]. 14 августа Риббентроп телеграфировал Шуленбургу, что готов прибыть в Москву, чтобы от имени Гитлера изложить Сталину взгляды фюрера. «Противоречие мировоззрений национал-социалистической Германии и СССР», отмечал Риббентроп, было единственной причиной их противостояния «в последние годы», которая, как показал «ход развития в недавнее время», не исключает «разумных отношений», «нового хорошего сотрудничества» и даже «нового будущего обоих государств». При этом в телеграмме подчеркивалось, что и за время противостояния «естественная симпатия немцев ко всему истинно русскому никогда не исчезала»[50].

Предписав послу добиться для него, Риббентропа, приглашения в Москву от самого Сталина, Риббентроп с неожиданной в таких обстоятельствах твердостью заключил, что «предпосылкой» его приезда должна быть «подробная беседа со Сталиным». Насколько известно, Шуленбург со Сталиным в эти дни не встречался. 17 августа, однако, он сделал Молотову откровенное заявление о том, что «Германия не намерена далее терпеть польские провокации», и Риббентроп, начиная с 18-го, готов прилететь в Москву. Ответ Молотова на предыдущее заявление немцев содержал упреки им в прежней антисоветской политике, требование о подписании торгово-кредитного соглашения и сообщение о готовности «через короткий срок» заключить пакт о ненападении с одновременным подписанием специального протокола. Инициатива составления протокола должна, как говорил Молотов, исходить от обеих сторон. При этом он каждый раз подчеркивал, что дело это требует времени[51].

Так было и в беседе Шуленбурга с Молотовым 19 августа, которая началась в два часа дня с извинений посла за свою настойчивость в форсировании событий. Он заявил, что Риббентроп, срочно прибыв в Москву, «имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство», а также «подписать протокол, в который бы вошли как упоминавшиеся уже вопросы, так и новые, которые могли бы возникнуть»[52].

Однако Молотов говорил, что германский проект пакта о ненападении «ни в коем случае не является исчерпывающим», и предлагал Германии в качестве модели выбрать тот из ее договоров с Польшей, Латвией, Эстонией или другими странами, который покажется ей подходящим. Он ждал также более определенного заявления о содержании протокола.

«На доводы, которые я неоднократно и подчеркнуто выдвигал в пользу необходимости поторопиться, Молотов возразил, что пока что даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена. Прежде всего должно быть подписано, и провозглашено, и приведено в действие экономическое соглашение. Затем наступит очередь пакта о ненападении и протокола, — писал Шуленбург в Берлин. — Молотова, очевидно, не трогали мои возражения; и первая беседа закончилась заявлением Молотова о том, что он высказал мне взгляды Советского правительства и не может более ничего к ним добавить»[53].

Но не прошло и тридцати минут после того, как завершилась продолжавшаяся час беседа, когда Молотов дал знать послу, что просит разыскать его в Кремле в половине пятого. У Шуленбурга оставалось не более часа. На сей раз торопился Молотов, и извинения теперь были принесены в обратном направлении: нарком извинился перед послом за то, что поставил его в затруднительное положение. Он заявил, что сделал доклад Советскому правительству, и вручил послу оказавшийся готовым советский проект пакта. Впрочем, Риббентропа Молотов пригласил только на 26 или 27 августа. «Молотов не объяснил мне причины изменения своей позиции. Я допускаю, что вмешался Сталин», — писал Шуленбург. Но что произошло в течение получаса после первой беседы посла с Молотовым? Ведь на первую встречу с послом Молотов пришел из кабинета Сталина, где провел час вместе с Микояном. Туда же он отправился после второй и провел там три часа; позже, чем он, там появился и провел час сменивший Мерекалова на посту полпреда в Берлине А. А. Шкварцев. Остается предположить, что после первой встречи Молотова с Шуленбургом в позиции Сталина произошел сдвиг, о котором Молотов был поставлен в известность, несмотря на отсутствие записи о посещении им кабинета Сталина в это время[54].

И. Фляйшхауэр, являющаяся одной из наиболее компетентных германских исследователей этих событий, считает, опираясь, в частности, на сообщенное ей лично мнение Шнурре, что Сталин медлил до известного момента, когда 19 августа на переговорах с Англией и Францией стало ясно, что им не удается склонить Польшу к уступкам в вопросе о пропуске Красной Армии[55]. Помимо этого, она связывает решение Сталина с намеченным на 20 августа наступлением советских войск против японских. Но не сопровождалось ли промедление Сталина тем, что он обдумывал какое-то известие из Германии, миновавшее дипломатическое ведомство в Берлине? В отправленном назавтра, 20 августа, и прошедшем через руки Риббентропа, Шуленбурга и Молотова послании Гитлер писал Сталину, что он «еще раз» предлагает принять Риббентропа во вторник, 22 августа, самое позднее — в среду[56]. Вряд ли такое предложение Гитлера было в первый раз получено Сталиным в короткий промежуток времени между двумя встречами Молотова и Шуленбурга 19 августа. Вероятнее другое: сейчас же после первого визита Шуленбурга Молотову стало известно о решении Сталина созвать заседание Политбюро ЦК ВКП(б) для объявления о принятии условий Гитлера. По словам Т. С. Бушуевой, опубликовавшей французскую запись речи Сталина, произнесенной на этом заседании, оно было созвано срочно, а У. Черчилль сообщил в своих мемуарах, что оно происходило 19-го вечером[57].

Разумеется, для принятия окончательного решения и подготовки речи Сталину нужно было какое-то время. По сведениям, приводимым А. Буллоком, Сталин, очевидно, еще в начале августа приказал найти для него материал о Гитлере и фашистском движении. Кроме книг «История германского фашизма» Конрада Гейдена, переведенной на русский язык в 1935 г., и «Германия вооружается» Дороти Вудман, а также донесений разведки о численности вооруженных сил Германии, Сталин просмотрел «Майн кампф» и подчеркнул те места, в которых Гитлер говорит о своей давнишней цели обеспечить будущее Германии путем завоевания «жизненного пространства» на востоке за счет территории России[58]. Если предположить, что побудительным мотивом для решения Сталина послужило не известное нам обращение к нему Гитлера, предшествовавшее письму 20 августа, то нельзя вслед за В. Л. Дорошенко не обратить внимание на примечание, сделанное редактором советского издания мемуаров Черчилля А. С. Орловым: «В Москве решение заключить договор о ненападении было принято 17 августа»[59], а также на указание Ф. Д. Волкова: «19 августа 1939 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение подписать пакт о ненападении с Германией»[60].

Между тем Гитлер был в субботний день 19 августа в состоянии такой неуверенности и напряженности, что среди его окружения возникло беспокойство за его здоровье. На Нюрнбергском процессе эксперт германского Министерства иностранных дел Гаус рассказывал, что был свидетелем того, как Гитлер и Риббентроп разбирали телетайпную ленту с сообщением Шуленбурга, прочитав которое Гитлер радостно воздел руки к небу и принялся хохотать. Ночь он провел без сна, ожидая от Шуленбурга полного отчета. На рассвете выяснилось, что в 2 ч. ночи глава советской торговой миссии по указанию из Москвы сообщил Шнурре по телефону о готовности подписать торговый договор. Только в семь утра 20-го, когда Гитлер в изнеможении свалился в постель, пришел подробный отчет Шуленбурга. Однако дата приезда Риббентропа в Москву не была советской стороной изменена[61]. Между тем Гитлер торопился с вторжением в Польшу и обратился к Сталину с уже известным нам посланием. А. Буллок считает, что, адресовав его Сталину, игнорируя Молотова как главу правительства, Гитлер пошел на уловку: то, что он поставил этим на карту свой престиж, не будучи уверен в ответе, доказывало Сталину серьезность гитлеровских намерений. Представляется, однако, необходимым опять напомнить о подчеркнутой Гитлером повторности его обращения к Сталину, а также о том, что в этот критический момент Гитлер настаивал на приеме Риббентропа именно Сталиным, а не Молотовым, точно так же, как это было выдвинуто в качестве условия визита Риббентропа в его телеграмме Шуленбургу 14 августа.

Как известно, согласие на прием Риббентропа 23 августа было дано лишь 21-го в ответной телеграмме Сталина на личное послание Гитлера от 20-го[62]. Эту сталинскую телеграмму Гитлер рассматривал как сообщение о готовности к заключению пакта, полученное в результате своих более ранних действий, нежели телеграмма Сталину от 20-го. Выступая 22-го перед руководством германских вооруженных сил, он заявил: «Четыре дня тому назад я предпринял специальные меры, в результате которых Россия ответила вчера о своей готовности к соглашению. Установлен личный контакт со Сталиным»[63]. Слова «четыре дня тому назад», произнесенные 22 августа, означали 18-е, одинаково близкое как

к названному А.С.Орловым 17-му, так и Ф.Д.Волковым — 19-му. Во всяком случае, вряд ли они относились к телеграмме 20 августа. Приходится признать, что эта телеграмма Гитлера была, по крайней мере, не первым его обращением к Сталину, как он и счел нужным в ней отметить. Добавим к этому, что вечером 16 августа в течение пяти минут (с 21 ч. 10 мин. до 21 ч. 15 мин.), достаточных для передачи документа, в кабинете Сталина был Деканозов[64]. Не принес ли он то, что в телеграмме Шуленбургу, отправленной из Берлина 16 августа в 16 ч. 15 мин. и полученной в Москве 17-го в 1 ч. 00 мин., Риббентроп назвал «вчерашним посланием для господина Сталина»? Если это так, то доставленное Деканозовым 16-го, скорее всего, было отправлено как раз накануне. А к 19-му мог последовать еще какой-нибудь демарш, предпринятый за 4 дня до 22-го. Неполнота известной сталинской документации не вызывает сомнений[65]. Речь Сталина 19 августа, к которой следует теперь обратиться, опубликована Т.С.Бушуевой, как уже было сказано, по записи на французском языке[66].

Известный исследователь этих сюжетов С.З.Случ, произведя тщательный текстологический анализ всех вариантов этой речи, отрицает произнесение ее Сталиным и считает текст сфабрикованным. Он солидарен в этом с германскими авторами Э.Йеккелем и Б.Бонвечем[67]. В связи с этим уместны некоторые замечания. Читатель знает уже, что между тремя часами и половиной четвертого знаменательного дня 19 августа переговоры Молотова с Шуленбургом, которые они оба считали в тот день законченными, не только возобновились по инициативе Молотова, но и приняли неожиданный оборот. Как считал Шуленбург (и он был в этом совершенно прав), дело вел за их спинами Сталин, находившийся в переписке с Гитлером. Ведь Молотов даже при второй своей встрече с германским послом, в ходе которой, вопреки сказанному наркомом при первой, оказалось, что советский проект пакта готов, приглашал Риббентропа прибыть только 26 или 27 августа. А приглашение на 23-е, как уже говорилось, содержалось в телеграмме самого Сталина, отправленной 21-го в ответ на повторное телеграфное обращение Гитлера по этому поводу. Известно, в каком волнении провел день 19 августа Гитлер. Надо думать, что и Сталин находился в неменьшем напряжении. В общей сложности четыре часа провел у него Молотов, вначале вместе с А.И.Микояном, в конце — с полпредом в Берлине Шкварцевым. Психологически вполне можно себе представить, что у Сталина

появилась потребность в монологе перед группой влиятельных кремлевских лиц, в свою очередь озадаченных, по крайней мере, внезапным возвращением Шуленбурга к Молотову. Сам факт такого собрания, его характер, как и сказанное там, вполне могли остаться нигде ни официально, ни неофициально не отраженными[68]. Хорошо известно, что очень часто практика была именно такова. Отсутствие сведений о заседании 19 августа не менее вероятно, чем сомнительность его проведения. Неужели Сталин ничего не сделал этим вечером, чтобы его окружение узнало о вступлении на принятый им новый путь от него самого, а не в чьем-то пересказе? Кстати, прием посетителей он завершил в 20 ч. 40 мин., а заседание, по сообщению агентства Гавас, открылось в 22 ч. С.З.Случ в опровержение факта произнесения Сталиным речи 19 августа ссылается на то, что руководство Коминтерна и после 19 августа продолжало свою деятельность без учета кардинальной перемены в сталинской политике. Между тем, согласно получившим распространение сообщениям о заседании с речью Сталина, в нем участвовали представители ВКП(б) в Коминтерне. Однако вряд ли это можно считать убедительным; как уже говорилось, К.Готвальду и Д.З.Мануильскому основная суть советско-германского пакта, сообщенная Сталиным в речи, которую отрицает С.З.Случ, была известна: первому — уже 21 августа, а второму — в день подписания пакта. Действовать же руководство Коминтерна продолжало по-старому, ожидая прямых директив. Кстати, как подчеркивает С.З.Случ, этот образ действий не сразу изменился и после заключения пакта, ставившего точки над «i»[69].

Понадобилась встреча Сталина с Г.М.Димитровым 7 сентября, чтобы приспособить линию Коминтерна к сталинскому замыслу. 27 августа 1939 г. Димитров представил Сталину подборку восторженных откликов коминтерновцев на пакт. Но с началом войны 1 сентября в их среде началась сумятица. Западные коммунисты были за продолжение антифашистской борьбы, хотя германские коммунисты в Москве были за контакт с рядовыми нацистами, видя главного врага в социал-демократах, и в гестаповских документах отмечалось, что Коминтерн перестал быть враждебным. Встреча Сталина с Димитровым 7 сентября 1939 г. не была достаточно эффективной. Исполком Коминтерна заранее, 22 сентября, приветствовал второй советско-германский пакт, но с оговоркой о возможности заключения Советским Союзом аналогичных соглашений с Англией и Францией и продолжения ан-

тифашистской борьбы. Указанию покончить с народным фронтом французская компартия подчинилась, а английская — нет. В апреле 1941 г. Сталин уже подумывал о роспуске Коминтерна. Но запись в дневнике Димитрова сказанного ему при этой встрече Сталиным так перекликалась по смыслу с предполагаемой сталинской речью 19 августа, что поскольку вариант этой речи появился в печати почти через три месяца после встречи 7 сентября, приходится, если считать его подделкой, заподозрить ее изготовителя в заглядывании в димитровский дневник.

Недавно опубликовано сделанное в октябре 1939 г. сообщение представителя Наркоминдела чехословацким коммунистам, которое — читатель сам сумеет в этом убедиться — могло появиться лишь как изложение сказанного Сталиным.

Д. Г. Наджафов писал мне 15 сентября 2005 г.: «Что касается статьи С. З. Случа о тексте выступления Сталина 19 августа 1939 года, пожалуй, можно согласиться с тем, что нужды в таком выступлении у него не было. Важнее, на мой взгляд, другое. Ведь сам С. З. Случ подчеркивает, что текст адекватно отразил сталинские намерения и мысли, повторенные, и об этом он тоже пишет, в других материалах (например, в инструкциях Г. Димитрову). В то же время С. З. Случ считает, что приписываемый Сталину текст не имел никакого практического значения. Вот это-то и вызывает серьезные сомнения. Если Запад был в курсе антикапиталистической стратегии Сталина, то как это могло не отразиться на позиции и политике западных стран? На это и стоило обратить внимание. Где-нибудь я напишу, какие вопросы возникают в этой связи».

Не зная приписываемого Сталину доклада, Е. А. Гнедин так характеризовал в 1976 г. обстановку, в которой он мог быть произнесен, и поворот в политике, с ним связываемый: «При сложившихся [1939 г.] обстоятельствах избегнуть необходимости сделать попытку договориться с Германией ради того, чтобы предотвратить ее нападение на СССР, было трудно. Еще труднее было не использовать возможность, открывшуюся, когда гитлеровская дипломатия сформулировала свое предложение. Эта констатация вовсе не исключает того, что создавшаяся ситуация и согласие Гитлера на сговор со Сталиным были подготовлены не только внутренней политикой Сталина, но и тайными предыдущими маневрами Сталина (1933–1938 гг.), характер и существо которых еще не раскрыты. <…>

Таким образом, признание возможной необходимости или неизбежности в 1939 году маневра, предотвращающего немедленное нападение Германии на СССР, отнюдь не означает положительной оценки того конкретного маневра, какой был произведен Сталиным, того пакта, который был фактически заключен. Сталинский сговор с Гитлером, политика союза с фашистской Германией, которую проводили Сталин и Молотов после 1939 года, фактический отказ от антифашизма и поддержки антифашистских сил в мире — весь этот политический курс и мероприятия, с ним связанные, можно оценить только отрицательно и заклеймить как с точки зрения государственной целесообразности, так и с принципиальных позиций…»[70]

Такому истолкованию дела трудно отказать в некоторой степени соответствия содержанию предполагаемого сталинского доклада.

Во всяком случае документ этот заслуживает ознакомления с ним читателя, имеющего возможность воспользоваться результатами текстологического анализа С. З. Случ и учесть его аргументы. Упомянув о выборе между договором о взаимопомощи с Францией и Англией и предложенным Германией пактом о ненападении, Сталин без оговорок и сомнений заявил, что договор с Англией и Францией предотвратит войну, поскольку Германия вынуждена будет отказаться от захвата Польши. Казалось бы, в этом заключался бесспорный аргумент в пользу такого договора, тем более что в том «модус вивенди», которого, по его мнению, Германия стала бы искать с западными державами, он вовсе не усматривал сговора мирового империализма против СССР, как об этом говорилось в советской пропаганде, а вслед за ней — в историографии. Но Сталин сразу же высказался за пакт с Германией как означающий войну, поскольку именно в результате ее предотвращения он ожидал, что события в дальнейшем могут принять опасный для СССР характер. В чем он эту опасность усматривал, прямо сказано не было, но по смыслу речи заключалась она в одном — в мирное время захват власти большевиками невозможен, так как «диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны». «Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию», — сказал Сталин. Выбор был им сделан в пользу большой войны якобы для победы мировой революции. Каковы основания для употребления слова «якобы»? Опирающая-

ся на снятую Сталиным с полки концепцию мировой революции, его конструкция будущего носила фантастический характер. Как представляется, она была рассчитана на остатки революционной экзальтированности слушателей. Хотя среди них были коминтерновцы, не пришлось ли некоторым притвориться? Ведь рассуждения Сталина о победе коммунизма во Франции и Германии вряд ли могли быть приняты за чистую монету.

И, наоборот, вполне искренними выглядят другие, лишенные революционного пафоса, аргументы Сталина в пользу договора с Гитлером — утверждения о привлекательности германских территориальных предложений и о возможности использовать в интересах СССР войну Гитлера с Западом, которая, как надеялся Сталин, станет затяжной. Что же касается рассуждений Сталина о перспективах революции в Германии, то они, как представляется, служили ему для обоснования не только своего пособничества Гитлеру в развязывании войны, но и намерений помочь ему сырьем и продовольствием в ее ведении. Помочь Гитлеру Сталин предлагал для того, чтобы в случае его поражения и якобы неизбежной при этом советизации Германии с созданием коммунистического правительства изнуренные длительной войной Англия и Франция были не в состоянии разгромить советскую Германию, в то время как в результате победы в скоротечной войне они ее уничтожат, захватив Берлин. «А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии», — сокрушался Сталин, отстаивая помощь отнюдь не им, а Гитлеру[71]. Чтобы оценить значение этих слов, если они были произнесены, следует отметить, что в намерения Сталина, осуществленные после заключения пакта, входила выдача Гитлеру германских коммунистов, главным образом из числа уже арестованных в СССР (до марта 1941 г. было выдано около тысячи человек, в числе которых были и евреи; первая партия была выдана в декабре 1940 г. и считалась подарком НКВД фюреру)[72].

Прервав революционную фразеологию, Сталин перешел к рассмотрению тех последствий, которые имела бы для СССР победа Гитлера над Англией и Францией. «Некоторые придерживаются мнения, что эта возможность представляет для нас серьезную опасность. Доля правды в этом утверждении есть, но было бы ошибкой думать, что эта опасность будет так близка и так велика, как некоторые ее себе представляют», — рассуждал Сталин, имея, по-видимому, в виду Литвинова и разгромленный Наркоминдел.

Тут-то он и попал пальцем в небо, став жертвой своей примитивной логики и величественной непререкаемости и заглотив заброшенную Гитлером приманку.

За неделю до германского нападения на СССР Геббельс писал в своем дневнике: «Москва хочет остаться вне войны до тех пор, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Вот тогда Сталин захотел бы действовать. Но мы перечеркнем этот расчет»[73]. Можно подумать, что Геббельс вспомнил о предположительно произнесенной почти за два года до того сталинской речи. Но ведь через три дня после нее Вайцзеккер разослал циркуляр о том, что Сталину было сообщено о непримиримости Гитлера к германским коммунистам как одном из условий советско-германского пакта. Не поэтому ли Сталин связывал их победу с поражением Гитлера в войне? Если это действительно было сказано, то такие слова являли собой образец чрезвычайного лицемерия в свете уже известного читателю о судьбе Неймана и Тельмана.

Сталин оказался неспособным предвидеть именно тот оборот событий, который придал им Гитлер, вовсе не считавший свою победу над Англией и Францией обязательным условием для начала войны с СССР. В какой момент Сталин понял ошибочность своего расчета — вопрос, требующий специального рассмотрения. Разочарование принесли ему события мая 1940 г.[74] Но 19 августа 1939 г. он заявил, что «по крайней мере в течение десяти лет» Германия не нападет на СССР, поскольку будет истощена и поглощена наблюдением за побежденными Англией и Францией с целью помешать их восстановлению. На освоение «победоносной» Германией «огромных территорий» он отводил «многие десятилетия». «Очевидно, что Германия будет очень занята в другом месте, чтобы повернуться против нас», — такой трагический для нашей страны вывод сделал Сталин, открывая путь к войне[75].

С явной нарочитостью рассуждая о перспективах мировой революции, откровенно связанных им с необходимостью мировой войны, Сталин ближе всего к сердцу принял территориальные обещания Гитлера, первое из которых было связано с немедленным разгромом Польши и ее разделом. Это было выражено не совсем ясной фразой, возможно, впрочем, плохо записанной, но, скорее, произнесенной без слова «захват». Она гласила: «Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию». Затем Сталин, судя по записи, заявил: «Германия пре-

доставляет нам полную свободу действия в Прибалтийских странах и не возражает по поводу возвращения Бессарабии СССР. Она готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию. Остается открытым вопрос, связанный с Югославией...»[76]

Смысл сказанного ясен. Но все ли из содержащегося в трех приведенных фразах отражено в известных документах советско-германских дипломатических переговоров? Не была ли судьба по крайней мере некоторых из упомянутых Сталиным стран предметом его личных сношений с Гитлером? Не на основании ли достоверного сообщения американских информаторов из германского посольства посол США в Москве Л. Штейнхардт писал в Вашингтон 24 августа, уже на следующий день после прилета Риббентропа: «...По существу далеко идущее соглашение по политическим вопросам было достигнуто между правительствами Германии и Советского Союза до решения послать Риббентропа в Москву, и пребывание здесь Риббентропа носило прежде всего характер театрального жеста, рассчитанного на то, чтобы произвести впечатление на мировое общественное мнение, в частности на англичан и французов»[77]?

[1] *Schmid W.* Am Anfang stand die Wirtschaft. Erinnerungen an den Deutsch-Sowjetischen Nichtangriffspakt // Berliner Jahrbuch für osteuropäischen Geschichte. 1995. 1. S. 252. Анализируя доклад Сталина в сопоставлении с другими речами на съезде, В. М. Дашичев — а он был среди первых исследователей темы, которая стала предметом его многолетних занятий, — отмечает: «В силу своей патологической подозрительности, болезненного воображения и безграничного коварства Сталин приписывал политике Англии и Франции замыслы, которые он сам вынашивал против этих держав» — и усматривает в докладе «скрытую угрозу в их адрес — направить германскую агрессию на Запад». В. М. Дашичев реконструирует цепь событий в Европе в 1939 г., отражавших развитие непримиримых противоречий Англии и Франции с Германией и Италией, которые «служили весомым опровержением заключений Сталина о западной политике невмешательства» (*Дашичев В. М.* Роль советско-германского пакта о ненападении в стратегии Гитлера // *Дашичев В. М.* Стратегия Гитлера: Путь к катастрофе. 1933–1945. Т. 1. М., 2005. С. 464–465). Анализ всего хода съезда дает А. Гогун, считающий Вторую мировую войну «критическим воплощением в жизнь идей и лозунгов XVIII съезда» (*Гогун А.* Съезд воинствующих... // Правда Виктора Суворова-2. М., 2007. С. 32).

[2] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991. С. 110–111.

[3] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 134.

[4] *Ганелин Р. Ш.* Сталин и Гитлер (встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // Барьер: Антифашистский журнал. 2001. № 1 (6). С. 56.

[5] Краткий справочник о структуре центрального аппарата НКВД, МВД, НКГБ, МГБ, КГБ СССР: Июль 1934-апрель 1960 / Авт. и сост. А. И. Какурин, Н. В. Петров. М., 1996. С. 13.

[6] Я, Майя Плисецкая... М., 1994. С. 97–98.

[7] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 160.

[8] *Осокин А.* Великая тайна Великой Отечественной. М., 2007. С. 12. 18 ил.

[9] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин. С. 115–116.

[10] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 134.

[11] *Schmid W.* Am Anfang stand die Wirtschaft. S. 253.

[12] В качестве германских шпионов в Ленинграде было расстреляно руководство общества глухонемых, причем оставалось неясным, не симулировали ли они в интересах шпионажа свои дефекты.

[13] *Пальчиков П.* Он был обречен: Документальная повесть // Москва. 2006. № 5. С. 87.

[14] Читатель может быть отослан, в частности, к анализу Г. Л. Розанова в разных главах его книги (*Розанов Г. Л.* Сталин—Гитлер. 1939–1941. М., 1991) и другим изданиям, включая глубокие работы В. П. Смирнова.

[15] *Гнедин Е.* Из истории отношений между СССР и фашистской Германией: Документы и современные комментарии) / Вклад в «Банк памяти». М.: «Хроника»; Нью-Йорк, 1977. С. 49.

[16] *Гнедин Е.* Выход из лабиринта. М., 1994. С. 137.

[17] Дальний родственник В. И. Ульянова (Ленина) по материнской линии (см.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины: Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 125).

[18] *Гнедин Е. А.* Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. С. 49; *Сиполс В. Я.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 5. С. 128; Меморандум статс-секретаря МИД Германии 17 апреля 1939 // От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. Таллин, 1990. С. 79–80.

[19] *Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов: Революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 362–363.

[20] Отец В. Г. Деканозова Георгий Деканози (Деканозов) числился в дореволюционной российской контрразведке агентом японского разведчика Акаси в 1904–1905 гг. Грузинский дворянин, он издавал журнал «Сакартвело», вокруг которого группировались лица, примыкавшие к грузинской партии социалистов-федералистов (*Старков Б. А.* Охотники на шпионов: Контрразведка Российской империи. 1903–1914. СПб., 2006. С. 92–98).

[21] *Бракман Р.* Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. М., 2004. С. 393.

[22] *Гнедин Е.* Выход из лабиринта. С. 15. «Человек, без которого не было бы пакта», как назвал Астахова Л. Безыменский, был осужден в июле 1941 г. как польский шпион и погиб. Арестованный в 1940 г., он в письме из тюрьмы напоминал Л. П. Берии, с которым был знаком еще по Закавказью, что действовал в Берлине именно под его наблюдением, упомянув и о своей встрече с Гитлером (*Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 273). Ведя переговоры о пакте, Астахов откровенно сказал однажды своим немецким партнерам, что Сталин не лучше Гитлера (*Schlägel K.* Berlin Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998. S. 190).

[23] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 80.

[24] *Симонов К. М.* Заметки к биографии Г. К. Жукова. Ч. 2: «Записи бесед» // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.

[25] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 110.

[26] *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 42.

[27] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 81. Любопытна реакция П. Н. Милюкова. 9 мая 1939 г. он писал О. О. Грузенбергу: «Мы сейчас на острие — вследствие польского вопроса: каждый день ждем разрешения, а получается только возрастающее нетерпение. Отставка Литвинова — и возникающая отсюда задержка в связи с возможными переменами, конечно, должна была поощрить Гитлера на крутой метод расправы. Но пока он подбирается лисьим шагом. Не сегодня—завтра увидим» (Письма П. Н. Милюкова О. О. Грузенбергу: Из парижского архива Соломона Познера / Публ. В. Е. Кельнера. Russian Staudies, 3:1 (St. Petersburg. 2000) 297). «Все же он не унимается, — писал Милюков о Гитлере в следующем письме 27 июня, — и у нас есть сведения, что конец июля и начало августа будет жарким…» (там же).

[28] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 161.

[29] Там же. С. 211–212.

[30] *Генис В. Л.* Дело Савелия Литвинова // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 106–107.

[31] *Соловьев А. Г.* Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. / Публ. Н. Зелова; Примеч. С. Вакунова, Н. Тесемниковой // Неизвестная Россия: XX век. М., 1993. Вып. IV. С. 140–228.

[32] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М., 1991. Т. 2. С. 322. В ответ на жалобу Эренбурга, обвиненного одним из подчиненных Щербакова в популяризации подвигов солдат-евреев, Щербаков сослался на «настроения русских людей» и добавил: «Вы многого не понимаете. Прислушиваетесь к тому, что скажет Литвинов или Майский. А они оторвались от положения у нас…» Между тем Литвинов позволял себе защищать свои позиции 1939 г. Так, летом 1942 г., во время пребывания Молотова в США, он «почему-то», как выразился присутствовавший при разговоре А. А. Громыко, продолжал отстаивать свою правоту перед Молотовым, «а тем самым, конечно, и перед Сталиным». Громыко видел в этом причину его отзыва из Вашингтона (*Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1. 2-е изд., доп. М., 1990. С. 423). И Молотов, и Громыко порицали Литвинова до конца своих дней. О распространении антисемитских настроений в 1942–1943 гг. см.: *Дейч Г. М.* Воспоминания советского историка. СПб., 2000. С. 122–123, 131. Анализ причин антисемитизма в армии в связи с различными сторонами национального вопроса в ней дан Борисом Слуцким в «Записках о войне» (СПб., 2000. С. 149–154). Исследовательское рассмотрение темы см.: *Костырченко Г. В.* В плену у красного фараона. С. 7–25. Примерно тогда, когда Щербаков наставлял Эренбурга по поводу «настроений русских людей», Сталин и Берия отправляли С. М. Михоэлса и давнего агента НКВД еврейского поэта И. Фефера с миссией в США, чтобы убедить американское общественное мнение в полной ликвидации антисемитизма в СССР. При этом использовались слухи о намерении Сталина создать еврейскую республику в Крыму, сообщенные Оппенгеймеру и Эйнштейну. Литвинов, кстати сказать, будучи послом в США, выступал, по словам Судоплатова, против установления связей с сионистским движением. Что касается И. Эренбурга, то Берия после смерти Сталина вспоминал, как в 1939 г., получив приказ Сталина о его аресте, предъявил телеграмму от резидента НКВД в Париже о политических заслугах Эренбурга. Сталин ответил: «Ну, что же, если ты так любишь этого еврея, работай с ним и дальше» (*Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. М., 1996. С. 223, 342, 404).

[33] *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 339. Литвинов был похоронен раньше объявленного времени. Мой дядя, Л. И. Ганелин, к указанному в газете часу начала панихиды явился к зданию МИД на Кузнецком мосту и спросил охранника в одном из подъездов, как пройти на панихиду. Тот извинился и сказал, что через его подъезд туда попасть нельзя. В других подъездах говорили то же самое. Тем временем из ворот выехал похоронный автобус с гробом, отправившийся на кладбище.

Возложение принесенных цветов не одобрялось, деньги, собранные на венок старыми большевиками, были им возвращены. Вход на Новодевичье кладбище во время похорон был закрыт.

Впрочем, это был не единственный случай. Когда в следующем году умерла А. М. Коллонтай, рассказывала Б. А. Романову жена акад. Б. Д. Грекова Т. М. Грекова (Грековы жили поблизости от Коллонтай и поддерживали знакомство), она накануне похорон договорилась с секретарем Коллонтай норвежкой Лоренсен, что придет за час до выноса, чтобы помочь в приготовлениях. Подойдя к парадной, она увидела, что автобус уже приехал и стоял вплотную к двери. Несколько молодых людей загораживали вход и вежливо просили немного подождать. Действительно, вскоре другие молодые люди вынесли гроб, и автобус с ним уехал.

Прошло совсем немного времени, и жестокое отмщение за издевательский похоронный ритуал (и, разумеется, не только за это) судьба обрушила на Сталина. Много часов пролежал он перед смертью без помощи на мокром полу.

[34] *Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов. С. 431.

[35] См., в частности: *Розанов Г. Л.* Сталин—Гитлер. С. 86–92; *Шуранов Н. П.* Политика накануне Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992. С. 30 и след.; *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой; *Read A., Fisher D, Thedeadlyembrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Sowjet pact 1939–41. L. 1988.*

[36] *Schmid W.* Am Anfang stand die Wirtschaft. S. 252.

[37] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 82; *Сипопс В. Я.* За несколько месяцев до августа 1939 г. С. 129.

[38] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 135, примечания к нем. изд.

[39] *Read A., Fisher D.* The deadly embrace. P. 96–97.

[40] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 86.

[41] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 87.

[42] Тем не менее нынешний национал-патриот Баркашов отвергает фильм «Александр Невский» как поставленный евреем Эйзенштейном.

[43] По свидетельству маршала С. Бирюзова, Шапошников предлагал держать основные силы «в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов». Но предложение это не было принято (*Бирюзов С.* Суровые годы. М., 1966. С. 17–18), и Шапошников потерял свой пост. Поступили же прямо противоположным образом, исходя из задуманного нападения на Германию, — был составлен исчерпывающий план бомбардировок аэродромов на германской стороне (*Солонин М.* И все-таки Великую войну приготовил Сталин… (Интернет: Свободная пресса. 24.12.09)). При этом старые укрепления так называемой линии Сталина забросили или даже засыпали землей, уничтожили приспособления для взрыва железных дорог, расформировали Днепропетровскую флотилию, распустили заранее сформированные партизанские отряды.

Должен в этой связи обратиться к собственным случайным воспоминаниям 14-летнего. 3 июля 1941 г. нам позвонил по телефону в Ленинграде мой дядя А. И. Синельников, инженер управления аэродромного строительства НКВД. Из-под Риги, где они строили аэродромы, подразделение, в котором он состоял, на грузовиках, под обстрелом перебазировалось из Прибалтики в Ленинград и стояло у здания Управления НКВД, ожидая

приказа из Москвы от заместителя Берии Сафразьяна о том, куда им ехать дальше для строительства аэродромов. Вокруг грузовиков образовался лагерь из собравшихся родственников и знакомых вроде меня и чинов НКВД, не стесняясь, повторявших: «Выманил нас, сволочь, в предполье и там разбил». А когда из Москвы последовал приказ ехать в Ивановскую область, его комментировали словами: «Вот где надо было строить аэродромы, а не в Риге».

[44] *Розанов Г. Л.* Сталин—Гитлер. С. 77–78.

[45] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 135.

[46] *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 268–271

[47] Цит. по: *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 219. В 11 часов вечера 21 августа Риббентроп по телефону сообщил о своем визите в Москву японскому послу Осима, который в волнении и гневе немедленно оказался у Вайцзеккера. Вайцзеккер в своих объяснениях, в частности, заявил, что Риббентроп еще несколько месяцев тому назад сообщил послу о целесообразности нормализации германско-русских отношений. При этом он утверждал, что хотя экономические и политические переговоры с Москвой длились в течение некоторого времени, возможность для заключения пакта о ненападении представилась только два-три дня тому назад (там же. С. 220–221). Ср. с последней приведенной фразой ноты Вайцзеккера 22 августа, в которой о переговорах с СССР говорится как о совершившемся деле.

[48] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 88.

[49] *Розанов Г. Л.* Сталин—Гитлер. С. 84–86.

[50] *Риббентроп И., фон.* Между Лондоном и Москвой. С. 137–138.

[51] *Сиполс В. Я.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 года. С. 139.

[52] Там же.

[53] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 93.

[54] Посетители Кремлевского кабинета И. В. Сталина / Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 48. Не могла ли встреча Молотова со Сталиным произойти в каком-либо месте, в котором Молотов просил Шуленбурга разыскать его в Кремле?

[55] *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин. С. 262. См. также, в частности, об англо-германских контактах в эти дни, кроме упомянутых книг Г. Л. Розанова, Г. Городецкого, работы Л. Безыменского, В. Сиполса, М. Панкратовой, О. Ржешевского в сборнике «Альтернативы 1939 года» (М., 1989). К сожалению, неизвестно, в какой именно день во время одного из заседаний советской и англо-французских военных миссий адъютант К. Е. Ворошилова, возглавлявшего советскую миссию, передал ему приказание Сталина: «Клим, Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку» *(Сувениров О. Ф.* «Клим, Коба сказал…» // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 59. Со ссылкой на сообщение В. Дашичева на заседании «круглого стола» в Институте всеобщей истории АН СССР 19 мая 1988 г.). Этим адъютантом Ворошилова был комкор Р. П. Хмельницкий.

[56] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 95. При переводе монографии И. Фляйшхауэр употреблено слово «вторично» *(Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин. С. 270).

[57] *Бушуева Т.* «Проклиная — попробуйте понять…» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232; *Дорошенко В. Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны. Другая война. 1939–1945 / Под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 60–61. Прием посетителей у Сталина кончился в этот день в 20 ч. 40 мин. (Посетители Кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 48). Т. С. Бушуева считала, что заседание Политбюро было совместным с руководством Коминтерна. Косвенным подтверждением этого служат сведения о том, что член президиума Исполкома Коминтерна и его секретарь по делам Центральной Европы К. Готвальд 21 августа знал о предстоящем заключении советско-германского пакта, включая раздел Польши, который, как сейчас увидим, был центральным вопросом в речи Сталина. О ликвидации Польши как непосредственной цели пакта говорил в день его заключения и Д. З. Мануильский, секретарь Исполкома Коминтерна, представлявший в нем ВКП(б). С другой стороны, Н. С. Хрущёв утверждал, что о приезде Риббентропа узнал лишь накануне. Впрочем, в речи Сталина об этом прямо сказано не было. С ведома Сталина Ворошилов, Хрущёв, Булганин и Маленков провели день заключения пакта на охоте *(Леонгард В.* Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. L., 1989. С. 20, 24. 16–18).

[58] *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 234.

[59] *Дорошенко В. Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны. С. 60–61.

[60] *Волков Ф. Д.* Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 171.

[61] *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 235–236.

[62] От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 96. Существуют основания считать, что стоял вопрос о поездке в Москву самого Гитлера, но он от нее отказался, предпочтя отправку Гесса или Лея, на приезд которого Шуленбург получил согласие Молотова в 11 ч. утра 21 августа.

[63] Там же. С. 97.

[64] Посетители Кремлевского кабинета Сталина. С. 48.

[65] Впрочем, среди 300 дел архива Сталина, остающихся в Архиве Президента Российской Федерации, есть и касающиеся переговоров с Германией накануне войны *(Илизаров Б. С.* Сталин: Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 152).

[66] Другая война. 1939–1945. С. 73–75.

[67] *Случ С. З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139. Первый вариант этого текста был распространен агентством Гавас 28 ноября 1939 г. и немедленно заклеймен в «Правде» самим Сталиным как «вранье», сфабрикованное «кафешантанными политиками из агентства Гавас». Однако, излагая свою точку зрения по поводу того, что Франция и Англия напали на Германию, а не наоборот, Сталин отрицаемого С. З. Случем факта произнесения речи предпочел не касаться

[68] Следует напомнить, что запись о посещении Молотовым сталинского кабинета между двумя его встречами с германским послом отсутствует. А он ведь сказал вернувшемуся Шуленбургу, что сделал доклад Советскому правительству.

[69] *Случ С. З.* Речь Сталина, которой не было. С. 126–127.

[70] *Гнедин Е.* Выход из лабиринта. С. 136.

[71] Когда при открытии переговоров 23 августа Риббентроп заявил, что он, в отличие от англо-французов, прибыл в Москву не для того, чтобы просить СССР о военной помощи, Сталин, как свидетельствовал Риббентроп, «с характерной для него ясностью и точностью искренно ответил: “Отказом в самом начале [переговоров] от какой-либо военной помощи Советов Германия заняла гордую позицию. Советский Союз, однако, заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы военных сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию”» (Риббентроп — Шуленбургу, 18 октября 1939 г. // СССР—Германия: 1939–1941. Т. 2. Вильнюс, 1989. С. 18). Этот текст заявления Сталина в германской записи, присланный ему Риббентропом через Шуленбурга для авторизации перед

включением его Риббентропом в свою речь, был, в сущности, в Москве подтвержден. «Наш текст, вместо текста, имевшегося в речи Риббентропа (передано Шуленбургу 19.X)», как назвал его В. М. Молотов, гласил: «Точка зрения Германии, отклоняющей военную помощь, достойна уважения. Однако сильная Германия является необходимым условием мира в Европе — следовательно, Советский Союз заинтересован в сильной Германии. Поэтому Советский Союз не может согласиться с тем, чтобы западные державы создали условия, могущие ослабить Германию и поставить ее в затруднительное положение. В этом заключается общность интересов Германии и Советского Союза» (*Безыменский Л.* Гитлер и Сталин. С. 340–341).
Читатель отметит, что единственная существенная кремлевская правка, состоявшая в замене военного конфликта между Германией и западными державами попытками этих держав поставить ее в затруднительное положение, придала сталинскому обещанию оказать помощь Германии более широкий характер.

[72] Выступление И. Щербаковой (Мемориал) по радио «Эхо Москвы» 9 января 2010 г.

[73] «Блеф вполне удался!» Выдержки из дневника И. Геббельса /7 *Осокин А.* Великая тайна Великой Отечественной. С. 107.

[74] «Он не думал, что Гитлеру удастся так быстро расправиться с Францией»,— пишет В. И. Дашичев, приводя рассказ полковника А. И. Кононенко, опубликовавшего в «Красной звезде», в редакции которой он заведовал отделом иностранных армий, статью о прорыве вермахтом 14 мая 1940 г. линии Мажино. «На следующий день, — излагает В. И. Дашичев рассказ А. И. Кононенко, — в редакцию явились два человека в штатском и, представившись как сотрудники НКВД, попросили Кононенко следовать с ними. На улице их ждал автомобиль. Кононенко решил, что его арестовали, и пожалел, что не взял из дома приготовленный на этот случай чемоданчик с вещами. Каково же было его изумление, когда его привезли в Кремль и привели прямо в кабинет Сталина. Сталин с ходу спросил: «Товарищ Кононенко. я прочитал Вашу статью. Это правда, что немцы прорвали линию Мажино?» Кононенко ответил утвердительно, хотя и ошибался, ибо немецкие войска не прорвали, а обошли линию Мажино со стороны Бельгии и Голландии. Видно было, как его ответ поверг Сталина в отчаяние и растерянность. Сталин произнес срывающимся голосом: «Что же мы теперь будем делать? Это не входило в мои расчеты». После этого он сказал: «Вы свободны», и Кононенко отвезли обратно в редакцию». «Этот эпизод лишний раз свидетельствует об истинных настроениях Сталина при заключении пакта 1939 г., которые оказались необоснованными и ошибочными», — завершил изложение этого выразительного эпизода В. И. Дашичев. Его высокая исследовательская репутация оправдывает воспроизведение некоторых положений предисловия к первому тому его нового четырехтомника независимо от того, со всеми ли из них можно согласиться. Производя сравнительный анализ расчетов Гитлера, Черчилля и Сталина, В. И. Дашичев пишет: «Сталин связывал заключение пакта 1939 г с коварным расчетом втравить Германию в затяжную войну с Францией и Англией на Западном фронте и, после того как они обескровят друг друга, навязать всей Европе коммунистический строй. Так был дан зеленый свет для развязывания Гитлером Второй мировой войны. Молниеносный разгром Франции и оккупация вермахтом почти всей Западной Европы, за исключением Англии, оказались для Сталина громадным шоком… Теперь перед ним возникла перспектива войны с закаленным в боях вермахтом, которому он мог противопоставить слабую армию с низкой боеспособностью, лишенную в результате расстрела в период сталинских «чисток» более чем 40 тыс. кадровых военных. Обезглавив армию, Сталин был очень далек от идеи нанесения «превентивного удара» по Германии — вздорной выдумки Резуна-Суворова, представленной в его книгах и подхваченной многими историками у нас и на Западе (В. И. Дашичев делает здесь ссылку такого содержания: «Критике ложной интерпретации замыслов Сталина посвящена, в частности, книга Помогайло А. А. «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны» (М., 2002). — *Р. Г.),* Сталин панически боялся войны с Германией, всячески старался отдалить ее и ни в коем случае не спровоцировать. Этим в первую очередь объясняется, почему 22 июня 1941 г. Красная Армия была застигнута врасплох нападением вермахта.
Крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 гг. на поиски союза с Англией, что было вполне реально. Как до 1939 г., так и впоследствии он, будучи в плену превратных представлений об «империалистическом заговоре» против СССР, ложно оценивал позицию правящих кругов Англии и цели их традиционной европейской политики. Возможно, Сталин не мог освободиться от «мюнхенского синдрома». Черчилль оказался намного умнее, прозорливее и гибче в своих политических и стратегических расчетах. Он лучше понимал правила игры и борьбы сил на европейском континенте.
Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г. В нацистском плену оказалось более 3 млн советских солдат и офицеров. За грехи Сталина народу пришлось расплачиваться очень большой кровью. Невероятными усилиями и ценой больших потерь враг был остановлен под Москвой и Ленинградом. Теперь настал черед Гитлера испытать громадный шок» (*Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера: Путь к катастрофе. 1933–1945. Т. 1. М. 2005. С. 12–13).

[75] Е. А. Гнедин считал, что «ни заключение пакта в 1939 году, ни усилия расширить соглашение с Гитлером в 1940–1941 годах не были только плодом ошибочной оценки конъюнктуры, данной единолично Сталиным. «В обеих ситуациях решающую роль (наряду с просчетами) играла сама ориентация на сотрудничество с фашистской державой, с которой можно было победить Мир», — писал он (*Гнедин Е. А.* Выход из лабиринта. С. 135–136).

[76] Вернемся к вопросу о достоверности опубликованной Т. Бушуевой записи сталинской речи. Теперь, когда читатель знает содержание этой записи, он может сопоставить ее с отчетом делегации чехословацких коммунистов из Комитета освобождения Чехословакии, с трудом в течение более чем двух недель добиравшейся из Праги в Москву. Прибыв туда 3 августа 1939 г., они просили приема у Сталина или Молотова, но только 5 и 12 октября были приняты заведующим Центрально-европейским отделом НКИД А. М. Александровым (1907–1983, чрезвычайный и полномочный посол). Вот к чему сводилось основное из ими услышанного. «В ответ на раздражение, выраженное нами против советско-германского договора, — говорилось, в частности, в отчете, — нам было сказано, что это должно было произойти, т. е. если бы СССР заключил договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, в результате его предвидения и мудрости, поведет Европу в мировую революцию… Что касается договора, можно указать следующее: 1) он привел к войне; 2) Гитлер прямо навязал нам свободу действий в Прибалтике; 3) он дал нам построить Большую Украину и Белоруссию; 4) сдавшись на нашу милость, Гитлер также сдал нам и Германию, бастион в Центральной Европе; 5) он дал нам свободу действий в наших делах в Бессарабии и также в бывшей вашей Подкарпатской Руси; 6) он открыл нам путь в Европу.

Мы получили следующие разъяснения по вышеупомянутым [пунктам]: 1) Окруженная Германия никогда бы не вступила в войну. Гитлер был убежден, что он одержал успех в том, что сделал в Чехословакии… он настроил вас против словаков и поляков. Он воспользовался Мюнхеном, чтобы возбудить недоверие между вами и Западом. Он настроил словаков против мадьяр и поляков. Он счастлив и доволен тем, что разделил СССР и Запад. 2) Все, что Великобритания отказалась дать нам, было предложено нам Гитлером, т. к. он понял суть наших переговоров с Западом. СССР был исключен из европейской заморской торговли… Получив базы на Балтике, нам удалось получить там экономический и военный контроль. В результате его скудоумия Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя. У нас не будет трудностей большевизировать страны Балтии. 3) Он предложил нам раздел Польши, который мы получили без каких-либо потерь. 4) Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции. Наши поставки немцам будут таковыми, что они останутся голодными. 5) План Гитлера — получить контроль над Юго-Восточной Европой. Когда это произойдет, мы вернем себе Бессарабию и Подкарпатскую Русь. 6) В результате экономических договоров он открыл нам маршрут в Рейх. Его война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны».

«Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т. к. если она попадет под контроль Запада и Польша будет восстановлена, мы будем отрезаны от остальной Европы. Настоящая война должна длиться столько, сколько мы захотим… Сохраняйте спокойствие, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас», —заключал А. М. Александров.

Невозможно себе представить, что он, а не Сталин произнес все это первым. И только ответ Александрова на вопрос делегатов о судьбе их товарищей по партии был самобытным и, вероятно, поэтому трагически разоблачительным.

«В ответ на наше вмешательство по поводу наших арестованных людей, — говорилось в отчете, — нам было сказано, что должны быть жертвы. Революция возникает из угнетения и несчастья. Чем больше принесено жертв, тем ранее [наступит] и тем более жестокой будет революция. У нас была возможность убедиться, что режим в СССР основывается на том, что людей держат на нижайшем возможном уровне [жизни]. В результате общего впечатления, полученного там, мы пришли к заключению, что для нашей нации лучше всего будет уйти от коммунизма и обратиться к западным державам — демократиям» (*Шаули М.* Война Гитлера изнурит Европу, которая потом станет нашей легкой добычей // Клио. 2008. № 3 (42). С. 130–134. Опубликовав отчет, израильский исследователь дал о нем подробные источниковедческие сведения и яркий анализ исторической ситуации).

[77] *Наджафов Д. Г.* Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 57.

ДЖАХАНГИР НАДЖАФОВ*

Введение к пакту Молотова — Риббентропа

Направленность наших интересов обусловлена нашим мировоззрением

Макс Вебер

В памятный день 19 августа 1991 г., часов в одиннадцать утра, мы с женой (и моим соавтором в ряде публикаций), выйдя из дома, услышали необычный шум. По Ленинскому проспекту, к центру города, грохоча, вереницей шли танки. Недоумевая, отправились по неотложным делам. Я поехал в редакцию журнала «Новая и новейшая история», где должен был подписать в печать верстку своей статьи. Только на обратном пути, на выходе из станции метро «Проспект Вернадского», из расклеенной листовки за подписями Б. Н. Ельцина и Р. И. Хасбулатова узнал о силовой попытке государственного переворота противников Перестройки.

Но входя в редакцию журнала (тогда она помещалась на Старом Арбате), я еще не знал, зачем появились танки в Москве. Там это уже знали.

Статья называлась «Советско-германские переговоры 1939 года по документальным публикациям США»[1]. Ее темой были закулисные переговоры (В. М. Молотов предпочитал эвфемизм «разговоры», а И. Риббентроп — «беседы») сталинского Советского Союза с гитлеровской Германией, приведшие к заключению между ними пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Для написания статьи были привлечены официальные публикации внешнеполитических документов США и воспоминания американских дипломатов, оказавшихся в курсе советско-германских

* Наджафов Джахангир Гусейнович, ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории РАН.

переговоров. Особую значимость использованным американским источникам придавало то, что со второй половины мая 1939 г. посольство США в Москве получало подробные сведения об этих переговорах от тайного информатора в германском посольстве[2].

Молодой сотрудник редакции, который «вел» статью, показал ее подготовленный к печати вариант, не скрыв своего несогласия с изменениями, внесенными в авторский текст работниками журнала рангом повыше. Помимо правок по всему тексту, сняты были начало и конец статьи, содержавшие формулировки общего порядка — постановку вопроса (начальные 2,5 страниц) и краткие выводы.

Отправился к члену редколлегии, штатному сотруднику редакции, рассчитывая отстоять свои позиции. Старый знакомый, всегда улыбчивый и доброжелательно настроенный (когда-то он способствовал моей публикации в другом журнале), на этот раз был строг, чтобы не сказать суров. Изумлению моему не было предела. Дошло до того, что я сгоряча пригрозил забрать статью обратно, что было холодно встречено. Через пару дней ситуация в стране прояснилась, и статья вышла в свет в начале следующего года. Правда, под измененным в редакции названием и с редакционными купюрами и правкой[3]. Главный редактор журнала прокомментировал публикацию словами «многострадальная статья», имея в виду, видимо, то, что статья была сдана в редакцию журнала много месяцев назад.

Что же оказалось неприемлемым в авторском варианте статьи?

На отвергнутых редакцией первых страницах рукописи статьи обосновывалось привлечение американских дипломатических документов для изучения предыстории советско-германского пакта о ненападении. Обоснование это включало критику как состояния исследования пакта в советской историографии, так и состава документов официальных советских публикаций по теме пакта.

Изъятое заключение-резюме лучше привести текстуально:

«Американские дипломатические документы о развитии советско-германских отношений, приведших к заключению договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г., позволяют сделать выводы по ряду вопросов.

Советско-германский договор, как видно из этих документов, отвечал имперской сущности сталинской внешней политики. Подтверждение тому — секретный дополнительный протокол к договору. Судя по документам, ответ на вопрос, какой из

сторон — германской или советской принадлежала инициатива заключения договора, можно свести к следующему положению: стороны, хотя и по причинам далеко не одинаковым, но обоюдно стремились к урегулированию взаимоотношений. Как видно из этих же документов, май, июнь, июль 1939 г. были критически важным периодом, если говорить о времени, когда произошло сближение международных позиций нацистской Германии и сталинского Советского Союза. В преддверии германского нападения на Польшу это встречное движение решительно ускорилось».

Показательный эпизод с публикацией журнальной статьи упомянут потому, что он имеет прямое отношение к рождению у меня замысла ряда статей по истории советско-германского пакта[4], отражая этапы моей работы над этой темой. Вообще же мой интерес к проблематике, связанной с пактом, определился задолго до этого. И первоначально этот интерес был связан с работой по собственно американской тематике.

Одним из следствий моих длительных занятий историей Соединенных Штатов Америки стала изданная в 1969 году монография под «романизированным» (по описанию в каталоге Библиотеки Конгресса США) названием «Народ США — против войны и фашизма. 1933–1939». (Кстати, появилась она на свет не без препон со стороны Отдела пропаганды ЦК КПСС[5].) Поиски ответа на вопрос, почему Америка выступала против немецкого нацизма и его агрессии привели к заключению, что это было результатом, говоря обобщенно, ее приверженности демократии. Соединенные Штаты времен президента-либерала Ф. Рузвельта рано вступили на путь идеологической, экономической и политико-дипломатической борьбы с нацистской Германией, став наиболее притягательным убежищем для знаменитого физика А. Эйнштейна и других немецких антифашистов-эмигрантов. На фоне советско-германского стратегического партнерства в 1939–1941 гг. американский антифашизм представляется гораздо более последовательным, чем советский, которым манипулировали из Кремля.

Фактический материал книги ставил под сомнение один из основных аргументов, оправдывающих заключение советско-германского пакта о ненападении. Аргумент сталинских «Фальсификаторов истории» (1948 г.), по которому Советский Союз оказался вынужденным пойти на пакт с Германией из-за враждебной позиции западных держав, прежде всего Англии и Франции. Враждебной настолько, что последние якобы намеревались объединиться

с нацистской Германией в «крестовом походе» против страны социализма. Опираясь при этом, как неоднократно подчеркивается в этой брошюре, выпущенной в разгар Холодной войны, на «поддержку» Соединенных Штатов[6].

Этот сталинский аргумент подробно рассмотрен в ряде моих работ. Здесь же отметим странность логики, по которой лидеры демократического Запада, столкнувшись с глобальным наступлением агрессивного блока Германии, Японии и Италии, занимались еще и провоцированием СССР, умножая тем самым ряды своих недругов.

Хотя моя работа об антивоенно-антифашистском движении в США в 1930-е годы хронологически охватывала период вплоть до Второй мировой войны, в ней ничего не говорилось о заключенном за несколько дней до ее начала советско-германском пакте, известие о котором произвело на западный мир, включая Соединенные Штаты, эффект разорвавшейся бомбы. Упрек одного из оппонентов (монография защищалась в качестве докторской диссертации) в том, что в книге этому важнейшему событию не нашлось места, был более чем оправдан. Не упомянут же был пакт по той причине, что он оценивался мною (как и некоторыми другими историками, но, разумеется, в приватном порядке[7]) отнюдь не в соответствии с его официальной трактовкой — как мудрого, дальновидного акта сталинской внешней политики. А никакой иной печатной оценки пакта не допускалось.

Меня смущала, чтобы не сказать сильнее, очевидная противоречивость официально выдвигавшихся доводов в пользу решения заключить пакт с нацистской Германией. С одной стороны, это решение превозносилось как единственно правильное, принятое, как говорится, в нужное время и в нужном месте. С другой — заявлялось, что оно далось нелегко, было вынужденным при сложившихся тогда опасных для Советского Союза международных реалий, не оставлявших иного выбора. Но могло ли решение, продиктованное внешними обстоятельствами и на которое, в принципе, не следовало идти, тем более что оно было принято, как упорно утверждалось, всего лишь за несколько дней середины августа 1939 года, быть одновременно и нежелательным, и правильным?! Не мог я найти удовлетворительного ответа и на вопрос, способствовал ли пакт или, наоборот, нарушал, мешал осуществлению агрессивных планов Гитлера. И самая неотступная мысль: как оценивать советско-германский пакт в свете его трагических

последствий — потерь СССР в десятки миллионов людей в войне с Германией 1941–1945 годов? Вспоминается знаменитая фраза министра полиции Франции Ж. Фуше по поводу убийства по наполеоновскому приказу герцога Энгиенского, одного из членов королевской семьи Бурбонов: «Это хуже, чем преступление, это ошибка»[8]. В самом деле, последствия преступления, осуществленного по тайному умыслу, еще можно как-то спрогнозировать, учесть, но непредсказуемой ошибки — нет.

Мой интерес к теме советско-германского пакта сохранялся и в дальнейшем, будучи отчасти реализован в монографии о внешней политике США в 1935–1941 годы[9]. Но лишь отчасти. Оставалось желание углубиться в тему, особенно в проблему, которая все еще вызывает споры в историографии — проблему мотивов сталинского руководства при заключении пакта, целевых установок сталинского Советского Союза во Второй мировой войне. И, таким образом, попытаться полнее раскрыть историческое значение советско-германского пакта.

Со временем пришло и понимание наличия взаимосвязи между советской вовлеченностью в мировые дела, в первую очередь в связи со Второй мировой войной — едва ли не решающим этапом попытки реализации антикапиталистической стратегии СССР, и далеко неоднозначными последствиями такой вовлеченности. Пришло понимание значения исторических процессов, инициированных мировой войной, для судеб социализма — как для ее советской модели, так и для социализма вообще.

Плодотворный этап в изучении советско-германского пакта в отечественной историографии, начавшийся в период Перестройки, получил развитие в постсоветской России. Документальные издания последнего времени и открывшиеся (к сожалению, далеко не полностью) архивные возможности заметно расширили круг источников для такого изучения, позволяя придти к определенным, значимым научно-историческим результатам. Опираясь на новые архивные материалы, российские авторы существенно расширили диапазон исследований по пакту и его последствиям.

Переосмыслению исторического значения советско-германского пакта способствовали и новые методологические подходы, и новые документальные материалы, которые выгодно отличают труды многих наших историков. В то же время некоторые отечественные историки сохраняют верность сталинской версии причин и сущности пакта.

Зарубежные историки, не связанные, как правило, жесткими идеологическими путами, своим критическим подходом к предвоенной внешней политике СССР сделали немало с точки зрения раскрытия роли советско-германского пакта в развязывании войны. Нельзя однако сбрасывать со счетов и того, что зарубежная историография, пусть и в меньшей степени, чем советская, тоже пострадала в условиях Холодной войны с ее едва ли не тотальной идеологизацией исторических исследований. Впрочем — что следует подчеркнуть — историки, превыше всего ставящие поиски истины, были во все времена.

Для отечественной историографии понадобилось ровно полвека, чтобы «закон расстояния», оправдывающий принудительность исторического комментария, сработал в отношении пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. И случилось это только тогда, когда стала известна, теперь уже не только для живущих за рубежом, а и для нас с вами, пожалуй, *самая большая из тайн* предвоенной сталинской дипломатии. Тайна о том, что подписание пакта между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом сопровождалось принятием сторонами секретного дополнительного протокола о разграничении «сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», наглядно выражавшего экспансионистскую сущность тайного сговора нацистского и коммунистического диктаторов.

Это стало известно в конце 1989 г. благодаря работе комиссии Съезда народных депутатов СССР под председательством А. Н. Яковлева. Бесспорно, правда о секретном протоколе многое проясняет относительно исторического значения советско-германского пакта. Но и сегодня последнюю точку в этом смысле ставить, скорее всего, рано.

Ибо, как ни странно, в современной России, провозглашающей себя страной демократии, сохраняется многолетняя советская традиция сокрытия документов, связанных с *политической* стороной дела, с *подоплекой* советско-германского пакта. Таких документов, которые бы окончательно раскрыли, когда и как, какими путями правители двух еще недавно смертельно враждовавших государств, СССР и Германии, пришли к взаимному согласию. К согласию, которое вскоре, через месяц, трансформировалось в еще более близкие отношения с подписанием — *по советской инициативе* — Договора о границе и дружбе от 28 сентября 1939 г.

О том, насколько сталинское руководство было чувствительно к сохранению тайны, окружавшей заключение пакта, можно судить по перечню вопросов, которые СССР счел «недопустимыми для обсуждения» на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками (ноябрь 1945 — октябрь 1946 г.). Составленный по указаниям правительственной комиссии во главе с В. М. Молотовым и А. Я. Вышинским и представленный главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко Международному военному трибуналу, этот перечень включал пункты, которые «должны быть устранены от обсуждения:

1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем [СССР].
2. Внешняя политика Советского Союза:
   а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.);
   б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине;
   в) Балканский вопрос;
   г) советско-польские отношения.
3. Советские прибалтийские республики»[10].

А это как раз те вопросы, которые с неизбежностью встают перед всяким, кто занимается пактом — его предпосылками, сущностью, последствиями.

С заключением советско-германского пакта завеса тайны вокруг него все более сгущалась. Десятилетиями кремлевские руководители скрывали не только факт подписания вместе с пактом секретного протокола, обнажавшего подлинные намерения его участников. Не менее последовательно и упорно скрывали они и то, какими путями стороны шли к взаимному согласию. В очевидной попытке избежать постановки таких вопросов, как заинтересованность в пакте сталинского Советского Союза, преследуемые им при этом классово-имперские цели.

Мне уже приходилось писать про внезапное прекращение в 1977 г. на 21-м томе издания известной серии «Документы внешней политики СССР», позднее (уже в постсоветское время) признанное как «необоснованно» приостановленное решением

советского руководства[11]. Обращаю внимание читателя на два обстоятельства. Во-первых, на то, что документальная серия была приостановлена на 1938 годе — последнем, предшествовавшем началу Второй мировой войны. Во-вторых, на то, что решение об этом принималось на уровне «тогдашнего советского руководства». И, конечно, без всяких объяснений.

Но предположить, почему издание серии было прекращено именно на 1938 годе и именно решением высшего советского руководства, думается, можно. Предположение это связано с тем, что следующий, 22-й том серии должен был включать текст пакта о ненападении между нацистской Германией и сталинским Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 года. Не публиковать текст пакта нельзя было хотя бы потому, что еще в самом начале серии было провозглашено за правило публиковать наряду с архивными материалами «важнейшие документы» советской внешней политики, пусть даже ранее известные[12].

Об изначальной установке инициаторов серии на ее политико-пропагандистское назначение я могу судить по опыту своего участия в подготовке нескольких томов «Документов внешней политики СССР» (с третьего по одиннадцатый). Будучи прикомандированным, в числе других сотрудников Академии наук СССР, в помощь Редакционному аппарату Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, в которой в основном занимался составлением «примечаний — комментарий» к публикуемым документам.

Эта работа состояла в поисках дополнительных материалов (не только архивных), на основе которых и готовились примечания. В конфронтационных условиях Холодной войны приходилось комментировать многие факты и явления международных отношений в политико-идеологическом плане, оспаривая иные, чем наши, трактовки и оценки, нашедшие отражение в документах. Своеобразный симбиоз научных примечаний с откровенно идеологическими, конъюнктурными комментариями.

Значение документальной серии для исследователей истории советской внешней политики бесспорно. Поскольку, при всей ограниченности серии, она все же несколько расширила документальную базу исследований. Но цели публикации, повторюсь, были скорее политическими, нежели научными. Выход каждого тома расценивался как еще один политико-пропагандистский успех, как удачный ход в идеологической борьбе с капиталистическим противником. Задача снабдить исследователей новыми архивными документами ради действительно правдивого освещения истории внешней политики СССР определенно была не на первом плане.

Один-два примера в подтверждение сказанного. Формально архивные документы отбирались по критерию значимости, но таким образом, чтобы избежать публикации политически невыгодных для Советского Союза материалов. Плюсом можно считать лишь то, что тем самым сводились к минимуму изъятия, сокращения и прочие вмешательства в тексты (чего старались избегать). Но никак нельзя сказать, что в томах серии опубликованы действительно важнейшие дипломатические документы из архива МИД СССР, что они действительно воссоздают более или менее полную картину советской внешней политики. Это затруднительно и по той простой причине, что на каждый календарный год отводился один единственный том. Кроме того, желая охватить отношения со всеми государствами, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения — а таких государств было около тридцати, — включались и малозначительные документы: лишь бы показать множественность внешнеполитических связей Советского Союза. В итоге в каждом томе серии архивные документы составляли лишь около половины его содержания.

Тома вели работники МИДа в ранге посла и посланника. Атмосфера была творческой, но работа шла строго в рамках «большевистской бдительности». Как-то мы, прикомандированные из Академии наук, собрались с утра в комнате у послов в ожидании поручений. Сбились на разговоры на общеполитические темы. Врезалось в память, как один из ведущих томов, участник гражданской войны, дослужившийся до ранга посланника, указав на молодого, аккуратно одетого кандидата наук — в костюме, при галстуке, сказавшего что-то не понравившееся ему: «Таких мы к стенке ставили». Пример, указывающий на методы «диктатуры пролетариата», пришедшей на смену царизма.

Итак, еще раз: почему именно на 1938 годе оказалась прерванной публикация документов из архива МИД СССР?

Вот какими соображениями по поводу решения высшего советского руководства приостановить продолжение серии «Документы внешней политики СССР» делился со мной В. М. Холодковский, с которым мы подружились на почве общего интереса к предыстории Второй мировой войны.

Личность замечательная во многих отношениях, В. М. Холодковский начинал как специалист по истории советско-финских отношений. Тематика его трудов, как нетрудно представить, затрагивала непосредственно различные аспекты истории советской внешней политики — от Ленина до Сталина. Исследовательская скрупулезность сочеталась в Викторе Михайловиче с опорой на документальные источники на различных языках, и не только европейских. Его научная любознательность не знала границ, распространяясь на многие вопросы всеобщей истории, особенно наиболее проблемные и спорные. Так, он написал статью о пожаре в Москве 1812 года, обнаружив явное несоответствие одной из версий причин пожара с данными первоисточника на французском языке. Статью долго держали в редакции журнала «Вопросы истории», и она вышла в свет лишь тогда, когда в связи с приездом в СССР генерала де Голля в 1966 г. решено было откликнуться на это событие[13].

Показательно, что тексты В. М. Холодковского проходили через цензуру выхолощенными. А в начале 1980-х годов он вынужден был оставить работу в Институте всеобщей истории АН СССР из-за гонений по партийной и административной линиям, которым он подвергся после заявления на международной конференции о персональной ответственности Сталина и Молотова за советско-финскую Зимнюю войну 1939–1940 годов.

С точки зрения советских руководителей, рассуждал Виктор Михайлович, приостановка публикации на 1938 годе — единственно приемлемое решение. Их глубокий интерес в том, чтобы постараться вообще «забыть» о советско-германском пакте, один факт повторной публикации которого неизбежно повлечет за собой массу крайне нежелательных для Кремля вопросов. Возобновятся дискуссии о роли пакта в развязывании Второй мировой войны, об обстоятельствах «сталинского натиска на Запад» в 1939–1940 годах, о масштабах военно-политического сотрудничества с нацистской Германией после заключения пакта. Не говоря уж о том, что неизбежно будет поднят вопрос о секретном дополнительном протоколе к пакту, существование которого упорно отрицалось советской стороной. Так в повестке дня международной политики вновь окажутся многие политико-дипломатические и территориальные проблемы в Европе, оставшиеся со времени мировой войны и разделявшие капиталистический Запад и социалистический Восток. Проблемы, решение которых потребовало бы определенного пересмотра итогов войны, зафиксированных в Ялте и Потсдаме. Что целиком подтвердилось в дальнейшем, приведя к крушению коммунистической общественно-политической системы в СССР в 1989–1991 гг.

О мотивах, по которым было прекращено на 1938 годе издание серии «Документы внешней политики СССР», можно судить также по поведению последнего генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, публично отрицавшего существование в советских архивах секретного протокола, хотя он был ознакомлен с оригиналом протокола заведующим Общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдиным[14]. Как говорил один из моих коллег: «Общий отдел — самый главный отдел ЦК».

Официально объявленная международно-правовая преемственность между Россией советской и постсоветской много шире, охватывая различные сферы общественно-политической жизни страны. Включая историю — и что особенно примечательно — особенно предысторию Второй мировой войны. Как ни странно, все еще сохраняют силу грифы «Секретно» и «Совершенно секретно», проставленные на партийно-государственных материалах советского времени, когда на многое вводился запрет.

Практически недоступны для рядового исследователя материалы Президентского (бывшего Кремлевского) архива. В том числе, по-видимому, бóльшая часть знаменитой «особой папки» — документов с грифом наивысшей секретности, которым помечены более 60 тысяч таких папок[15]. По данным составителей сборника документов «Сталинское Политбюро в 30-е годы», остается в закрытом «ведомственном» Президентском архиве и весь комплекс особых протоколов Политбюро ЦК КПСС[16]. Бывший пресс-секретарь Президента Российской Федерации С. В. Ястржембский свидетельствовал: «Архив президента располагает многими еще неизвестными общественности материалами»[17].

Важное свидетельство, учитывая, что многие, не предназначенные для публикации партийные документы КПСС, остаются засекреченными, тем более имеющие отношение к внешней политике. Рассмотрение «вопроса НКИД» на заседаниях Политбюро ЦК, судя по его протоколам, неизменно сопровождалось припиской: «особая папка». В одной из них в конце концов — через полвека! — и был обнаружен оригинал секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту 1939 г.

Но и сегодня о переговорах в Кремле в августе-сентябре 1939 г. с участием И. В. Сталина, В. М. Молотова и министра иностранных

дел нацистской Германии И. Риббентропа, предшествовавших заключению двух советско-германских договоров, приходится судить по записям немецкой стороны. Другая сторона, по советской традиции, продолжает уверять, что ее записи переговоров то ли не велись вообще, то ли не сохранились. В то же время, например, опубликован советский документ о том, что в октябре 1939 г. по запросу германского посла в СССР Ф. Шуленбурга ему были переданы «цитаты из высказываний т. Сталина в беседе с Риббентропом» на переговорах в сентябре 1939 г., результатом которых стал советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.[18] Значит, советская запись переговоров все-таки существовала. Вместо публикации нашей записи переговоров (со сталинскими «цитатами») составители соответствующего, 22-го тома серии «Документы внешней политики СССР» отсылает исследователя к помещенной в примечаниях в конце тома немецкой версии хода переговоров[19]. Видимо, вполне заслуживающей доверия как исторический источник. Невольно вспоминаются ленинские слова о тайне, в которой рождаются войны, на этот раз в применении к скрытному механизму выработки и принятия внешнеполитических решений в бывшем Советском Союзе, решений, определявших судьбы целых народов, а то и всеобщего мира.

В ноябре-декабре 1993 г. Институт всеобщей истории РАН дважды обращался с запросом в Президентский архив с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с документами Политбюро, отражающими как подготовительный этап, так и ход переговоров о заключении советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г.[20] Но безрезультатно. Последний отказ (после настойчивой просьбы ответить письменно) сопровождался ссылкой на то, что запрашиваемые материалы заседаний Политбюро переданы в Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ — в то время РЦХИДНИ) и после рассекречивания будут предоставлены для открытого использования[21]. Действительно, секретные материалы Политбюро — так называемые «особые папки» — были переданы в РГАСПИ в 1995 г., но только *подписные* протоколы, неполные по сравнению с протоколами *подлинными.* И первоначально только за 1923–1939 гг. в количестве 25 дел[22] (позднее эта практика была расширена). Мало того, что передача осуществлялась, мягко выражаясь, неспешно. Часть полученных архивных материалов была помещена в восстановленный спецхран, доступ куда, как и в

советские времена, нужно оформлять особо[23]. Некоторые другие материалы, помимо «особой папки», переданы в копиях, без резолюций лиц, кому они предназначались.

Наивысшей тайной окружена преступная деятельность Сталина. Из 1 703 дел архивного фонда Сталина, переданного из Президентского архива в РГАСПИ, свыше 300 до сих пор отсутствуют. Запрещен доступ ко всей переписке Сталина с карательными органами, ведомствами обороны, иностранных дел и т. д.[24]

Имеется немало свидетельств целенаправленной чистки архивных документов, связанных с советско-германским пактом. Комиссия Съезда народных депутатов СССР установила, что после войны Сталин и Молотов «заметали следы» существования приложенного к пакту секретного дополнительного протокола[25]. Архивный фонд В. М. Молотова, чья подпись стоит и под самим пактом, и под секретным дополнительным протоколом, передан в РГАСПИ без документов по советско-германским отношениям предвоенного периода. Более двух десятков дел (точнее — 23 дела) по разделу НКИД СССР, согласно описи фонда, были «расформированы» во время его передачи в РГАСПИ из Президентского архива (по словам работника которого эти дела изъяты секретной службой уже в наше, постсоветское время). Во многих других архивных делах отсутствуют материалы критически важного периода 1938–1940 гг.[26]

Странности наблюдаются и в работе Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации. Там исследователям отказывают в самом элементарном — в ознакомлении с описями имеющихся архивных дел под предлогом, что для размножения описей нет средств. Автору, принимавшему, как уже говорилось выше, участие в подготовке ряда томов «Документов внешней политики СССР», известно, что экземпляров описей несколько. К тому же от исследователя требуют, чтобы он сказал «конкретно», что ему нужно, фактически лишая его надежд на научные открытия в процессе архивных поисков. А ведь многие исторические открытия так и делаются.

Но даже если конкретизировать запрос с указанием сути дела, лиц и дат, то и тогда шансы на результат проблематичны. Чаще всего вам предоставят кое-что несущественное[27], давая знать, что вопрос исчерпан. Был случай, когда не удалось получить архивный оригинал записи беседы Сталина с президентом США Ф. Рузвельтом, в которой Сталин имел неосторожность проти-

вопоставить советско-германский пакт 1939 г. «антисоветскому сговору» в Мюнхене в сентябре 1938 г., признав тем самым антизападную направленность соглашения с Германией.

Случай, заслуживающий того, чтобы остановиться на нем, поскольку речь идет о заявлении Сталина, по которому можно предметно судить о скрытых мотивах его решения заключить пакт с Гитлером.

Об упомянутом заявлении Сталина известно из официозной двухтомной «Истории внешней политики СССР». В этом издании говорится о том, что на Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) в беседе с президентом США Сталин «откровенно сказал», что если бы не было Мюнхена, то не было бы и советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г.[28] Однако опубликованные советские и американские записи бесед И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом в Ялте 4 и 8 февраля 1945 г. не содержат упоминаний ни Мюнхена, ни пакта[29].

Конечно, хотелось проверить или уточнить ссылку авторов официозного издания, чтобы прояснить, в каком контексте затрагивалась в беседе руководителей СССР и США тема Мюнхена и пакта, какова была реакция американского президента, получила ли эта тема развитие в ходе беседы.

В свое время, в разговоре по телефону с фондохранителем Архива внешней политики удалось выяснить, что существует копия документа, полученного из Кремлевского архива во время работы работников МИД СССР над упомянутой «Историей внешней политики СССР» и что в нем действительно затрагивается тема Мюнхена и пакта. Но в выдаче этого документа мне было отказано на том основании, что это «сталинский документ» и потому остается секретным. В дальнейшем архивный работник более высокого ранга поспешил дезавуировать свидетельство фондохранителя, призвав меня выяснить все у автора соответствующей главы. Авторы же глав в издании не обозначены по фамилиям и за давностью времени поиски ни к чему не привели.

Не внесли ясность в вопрос и переданные в РГАСПИ из Президентского архива документы фонда Сталина, относящиеся к Крымской конференции. Подробное изучение стенограмм бесед Сталина с Рузвельтом, имевших место в Ялте 4 и 8 февраля 1945 г., показало, что в этих беседах тема Мюнхена и пакта не поднималась[30]. Загадка: то ли напутал автор официозного издания, то ли я не так понял фондохранителя, то ли не все сталинские документы

доступны исследователям. Мой опыт подсказывает — вернее всего последнее.

Остается надежда на материалы архивов военных и особенно разведывательных органов советского времени, до которых непросто добраться. О значении таких материалов можно судить по тому, что Сталин, не доверяя аппарату НКИД СССР при М. М. Литвинове (смещенному со своего поста в начале мая 1939 г.), предпочитал, судя по достаточно обоснованным данным, иные, агентурные каналы связи с нацистским лидером[31]. Подтверждение того, что в тоталитарных режимах дипломаты «не самые надежные источники для определения действительных намерений их хозяев»[32]. А те из них, которые могли обладать информацией о тайных контактах, например советник полпредства СССР в Германии Г. А. Астахов, были уничтожены физически[33]. Вот почему комиссия А. Н. Яковлева не обнаружила в дипломатической документации СССР за 1937–1938 гг. свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Германией[34]. Хотя такие документы должны быть, если вспомнить заявление В. М. Молотова при ратификации договора о ненападении с Германией о том, что «советское правительство *и раньше* (имеется в виду период после продления Гитлером в мае 1933 г. советско-германского договора 1926 г. — *Автор.*) считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией…»[35].

Беседы с работниками архивов убеждают: свою чиновничью задачу они видят в том, чтобы хранить, в их понимании, «государственные тайны». Парадокс в том, что они стоят на охране тайн советского тоталитарного режима. Правда, опасения просоветски мыслящих чиновников можно понять. Ведь новые архивные документы раскрыли глаза многим, особенно зарубежной общественности, для которой сила советского строя, по наблюдению эмигрировавшего в США поэта Н. М. Коржавина, состояла «в его неправдоподобии — никто не мог поверить, что это на самом деле так»[36]. Но и без новых архивных документов, сделавших иные тайны явными, можно и должно добиваться объективного, непредвзятого анализа предвоенной сталинской внешней политики. По результатам многолетних поисков смею утверждать, что открытых, доступных материалов для этого хватает.

Описанные выше усилия по охране секретов сталинского режима дополняет живучая советская практика дозированных, усе-

ченных тематически публикаций дипломатических документов. Историко-документальный департамент МИД России никак не желает пересмотреть однажды провозглашенный принцип — что «огромные размеры дипломатической переписки делают невозможным опубликования всех документов, хранящихся в архивах СССР»[37]. Выход (!?) нашли, как уже говорилось выше, такой: выпускать по одному тому за каждый год. А чем можно объяснить тот вопиющий факт, что в двух книгах тома «Документов внешней политики [СССР]» за 1939 год и изданного уже в постсоветской России, не нашлось места для публикации выступления В. М. Молотова 31 августа 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР при ратификации советско-германского пакта? Сильно подозреваю, что по той причине, что в выступлении содержалась оправдавшая себя оценка пакта как «поворотного пункта в истории Европы, да и не только Европы». Про какой еще двусторонний межгосударственный договор того времени можно сказать, что он, подобно советско-германскому пакту, изменил ход европейской и мировой истории?! Вот, оказывается, с какой глобальной геополитической целью Сталин пошел на пакт с Гитлером!

Продолжающаяся во многих случаях секретность льет воду на мельницу тех наших историков, которые, как это ни странно, вопреки логике причинно-следственной связи между внутренней и внешней политикой, продолжают утверждать, будто предвоенная сталинская внешняя политика (в кричащем отличии от внутренней) была реалистичной, рациональной, даже единственно возможной. Но дело в том, что если от критики сталинизма отсекается его внешняя политика, то многое в нем так или иначе оправдывается. Отсюда продолжающиеся усилия скрыть роль сталинского Советского Союза в возникновении Второй мировой войны, что сделало этот вопрос одним из тайн сталинизма. Область внешней политики все еще остается его прибежищем. В интересах объективного анализа генезиса Второй мировой войны сталинская внешняя политика заслуживает самого пристального внимания. А именно — ее экспансионистская направленность, классово-имперские цели. Не это ли и пытаются скрыть приверженцы советских порядков, по-прежнему задающие тон в деле доступа к архивам советского времени?

Между тем, по свидетельству самих работников Архива внешней политики РФ, наш внешнеполитический архив, по сравнению, например, с американским, «несравнимо богаче». В нем, по

их словам, накапливается до 80 процентов деловых бумаг, а весь архивный фонд на начало 1992 г. насчитывал 1 626 фондов, расписанных в 44 тыс. описях[38]. Среди них 1 300 тысяч дел с секретными документами — около пяти километров стеллажей[39]. В совокупности архивный фонд МИД России насчитывает около 2 млн дел[40].

А как обстоит дело с публикациями дипломатических документов в тех же Соединенных Штатах, «несравнимо» уступающих нам по архивному богатству? Сопоставимое (по тематике) американское издание документов по внешней политике Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers за 1934–1941 гг. насчитывает от 4 до 7 томов за каждый год. Соответствующее английское издание Documents on British Foreign Policy за 1919–1939 гг. вышло в 3-х сериях в 27, 21 и 10 томах каждая. Примерно то же самое можно сказать о публикации дипломатических документов во Франции, Германии, Италии, Японии. И, разумеется, никакого сравнения с нашим опытом доступности к архивным материалам.

Конечно, в томах, изданных в постсоветское время, можно обнаружить и достаточно интересные документы, тем более привлекающие внимание, что на протяжении стольких лет с публикацией архивных документов дело обстояло далеко не лучшим образом (чтобы не сказать просто — плохо). Таким образом, проблема издания полноценных документальных томов по истории внешней политики СССР все еще ждет своего решения.

Секретность сохраняет свою привлекательность для составителей очередных томов «Документов внешней политики [СССР]». Рецензент тома этой серии за 1939 г. В. П. Софронов отмечал заметные «провалы и прерывность в подаче материалов»[41]. Хотя и изданного в отличие от прежней практики в двух книгах.

Не лучше обстоит дело с подбором документов для 23-го тома этой серии, охватывающего период между 1 января и 31 октября 1940 г. Период, когда продолжалась внешнеполитические акции по реализации советско-германских тайных договоренностей. Составители же тома характеризуют публикуемые документы как отражающие меры, «направленные на обеспечение безопасности страны...»[42]. Значит ли это, что ими сознательно исключались документы, раскрывающие экспансионистские цели сталинского Советского Союза, в частности в отношении своих малых западных соседей, участь которых была предопределена секретным протоколом к советско-германскому пакту?

Решились составители 23-го тома и на то, чтобы самим определять, какие из «идеологизированных» документов стоит публиковать, а какие нет. Не представлены в томе также «документы и материалы по международной деятельности ВКП(б)», отвергнутые по причине их «откровенно пропагандистского характера»[43]. Но насколько оправдан такой подход?

Внешняя политика СССР была самой партийной внешней политикой, какую только себе можно представить, ее изначальные идейно-политические установки сохранялись почти до самого конца существования Советского Союза. Поэтому и формулировалась внешняя политика верхушкой партийной номенклатуры, восприятие которой окружающего мира определялось прежде всего и главным образом классовыми, марксистско-ленинскими постулатами. Партийные документы более важны для понимания целей внешней политики СССР, чем сугубо дипломатические, они просто необходимы, если иметь в виду раскрытие мотивов и целей советского руководства, для прикрытия которых и служили специфические методы и приемы дипломатии. В партийных документах ключ к механизму принятия внешнеполитических решений. Следует также подчеркнуть важность подхода к предвоенной политике сталинского Советского Союза с учетом глобальных устремлений его руководителей, находящих большее отражение именно в партийных документах.

Отвергая «идеологизированные» документы, составители «Документов внешней политики [СССР]» проигнорировали существеннейший признак всякой тоталитарной системы[44], в которой идеология служит инструментом и власти, и политики. Любопытно, что в одном из предыдущих томов этой серии опубликован материал, ставящий под обоснованное сомнение решение составителей не публиковать так называемые идеологизированные документы.

Имеется в виду один из документов 16-го тома рассматриваемой документальной серии. Осенью 1933 г. М. М. Литвинов, находившийся в Берлине проездом в США (где предстояли переговоры о возобновлении советско-американских дипломатических отношений), имел беседу с министром иностранных дел Германии К. Нейратом. В беседе Литвинов говорил о восприятии «за границей и в СССР» нацистской пропаганды, будто бы предназначенной для внутреннего потребления, «как предложение услуг по искоренению большевизма и вне Германии». И подчеркнул:

«Политические деятели должны учитывать не только вкладываемые ими в свои слова понятия, но и их объективный смысл и восприятие их внешним миром»[45].

Заслуживает упоминания и наблюдение М. С. Восленского о роли пропаганды в советской системе власти. Постоянно повторяемые и последовательно осуществляемые пропагандистские кампании, орудием которых служили «идеологизированные» материалы партийной печати, приобретали в советских условиях «собственную динамику», порождая «политический вихрь»[46].

Материалы, появлявшиеся в партийной «Правде» и правительственных «Известиях», отбрасываемые составителями тома как печатный балласт, внимательно изучались дипломатическим корпусом, составляя тему срочных донесений посольств из советской столицы. Иностранные дипломаты в Москве хорошо представляли значение подцензурной печати как рупора Кремля, непосредственно выражавшей его установки во внутренней и внешней политике. Публикации в печати были частью *государственной* пропагандистской кампании, преследуя не столько цели информационные, сколько имея в виду воздействие на умы советских людей в нужном для власти направлении.

Недаром советские послы за рубежом рассматривали публикации в основных печатных органах в качестве инструкций из центра. Такие, как, например, передовая статья в «Известиях» от 11 мая 1939 г. «К международному положению» (вероятно, написанная Сталиным[47]) и статья А. А. Жданова в «Правде» от 29 июня 1939 г. «Английские и французские правительства не хотят равного договора с СССР»[48]. Кстати, обе эти газетные публикации все же вошли в официальный сборник документов[49].

Еще один очередной том серии, 24-й, охватывающий период между 22 июня 1941 г. и 1 января 1942 г., и в самом деле представляет собой, как пишут его составители, большую ценность для анализа событий указанного периода. Но этот том выпущен в 2000 г., а к лету 2011 г. продолжения серии еще не последовало. Из издательства «Международные отношения» мне ответили по телефону, что они выпускали тома серии с 22-го по 24-й по заказу МИД России, но теперь такого заказа нет. Звоните, мол, в МИД. Повторяется прием, использованный в 1977 году?!

Несомненно, ограниченность официальных документальных публикаций никак не способствует выработке как можно более четкого представления о советской внешней политике того време-

ни. Этим объясняются, в частности, различные трактовки решения Сталина заключить пакт с Гитлером, сводящиеся к нескольким основным версиям: выиграть время, отсрочить войну с Германией; повернуть ее агрессию против Запада, воспользовавшись обострением «межимпериалистических противоречий» в интересах мирового социализма; вернуть с немецкой помощью под свой контроль утерянные территории царской России. Версии, в общем, вполне приемлемые, совместимые и дополняющие друг друга. Но какая из них имела для Сталина и его окружения определяющее, приоритетное значение? Точнее — каков был на самом деле, так сказать, генеральный курс предвоенной сталинской внешней политики?

Поиск ответа на вопрос о роли Советского Союза перед Второй мировой войной видится через постановку вопроса в принципиальном плане. А именно: *ограничивался ли Сталин в своей внешней политике ответной реакцией на мировые события, вынуждаемый к этому решениями, принимаемыми в столицах великих капиталистических держав, или же он стремился играть самостоятельную и активную роль на международной арене, стараясь навязать свои правила игры в уже начавшейся «второй империалистической войне», считаясь с ее вероятным перерастанием в войну «всеобщую, мировую»?* Таким образом, исследовательская проблема сводится к тому, чтобы установить, насколько намерения и действия сталинского руководства соответствовали глобальным целям Советского Союза и каковы были эти цели.

Разбор в моих предыдущих публикациях причин и следствий пакта включал его оценку под углом обозначенной постановки вопроса, но работу вряд ли можно было считать завершенной. Ведь круг вопросов для более глубокого исследования тематики пакта включает многое, в том числе: особенности восприятия советским руководством Второй мировой войны, отношение Сталина и его окружения к странам капитализма, русская имперская традиция и международная практика большевизма, характер сталинского режима, советская внешняя политика и идея мировой революции, взаимосвязь внутренней и внешней политики сталинского Советского Союза и некоторые другие.

Конечно, многогранность исторических реалий 1930-х годов, сложности постижения перипетий предвоенных международных отношений вызывают мысли о тщетности попытки «объять необъятное». Не потому ли так много написано и все еще пишется по предыстории минувшей мировой войны? И не потому ли продолжаются нескончаемые споры в историографии и далеко за ее пределами о виновниках войны — прямых и косвенных? Понятно, что шансы на известную результативность исследования дает метод подхода к событиям прошлого с разных точек зрения, через их комплексный анализ. И все же есть нечто исходное, своего рода исследовательский ген, доминанта в виде предопределенности научного интереса. Этот интерес — в строго объективном видении проблем прошлого, в поисках таких путей решения этих проблем, от которых напрямую зависит мера основательности наших вопросов к истории. При этом расчет в том, чтобы воспользоваться опытом истории, ее уроками; познать передающиеся от поколения к поколению проблемы, связывающие прошлое с настоящим, а настоящее — с будущим. Конечно, прошлое не повторяет самого себя, но поскольку исторический процесс непрерывен, самое важное — постигнуть направленность этого процесса, его тенденцию.

И еще соображение методологического порядка. При анализе внешней политики сталинского руководства, приведшей к заключению советско-германского пакта 1939 г., конечно же важно рассмотреть весь спектр обстоятельств, связанных между собой причинной связью и определяющих, каждый из них по-своему, те или иные существенные признаки этой политики. Но еще важнее, гораздо важнее изучение *совокупного* воздействия таких обстоятельств — их воздействия как частей некой *системы мотивации*, как элементов единого целого, который не может быть сведен к простой сумме воздействия различных обстоятельств.

Это возвращает нас к базовой составляющей исследовательского подхода к пакту и его оценке — принципам, положенным в основу изучения пакта, обоснованию постановки темы и определению круга рассматриваемых вопросов, критериям отбора фактического материала. То есть к исходной, *мировоззренческой позиции*, фактически предопределяющей многое, если не все, в нашем столь глубоко разделенном мире. Для начала XXI в., в моем понимании достигнутого уровня знаний, в том числе в познании прошлого, такая мировоззренческая позиция связана с идеями либерализма — так, как они представлены в исторической практике, позволяющей говорить о существовании современной цивилизации, с учетом наработанного опыта либеральной демократии. С идеями, нашедшими воплощение в понятиях свободы личности, свободы индивидуальной, реализуемой в условиях экономической и политической демократии. В этом, думается, осо-

бенность общемирового развития в наше время, основной вектор развития во времени и пространстве.

Не следует ли отсюда — с учетом роли советского коммуно-социализма в новейшее время, что исследовательская мысль в изучении тенденций мирового развития в XX веке должна идти скорее в русле анализа социально-политических, нежели военно-стратегических и дипломатических факторов? В конце концов коммунизм пал в результате проигрыша в соревновании *общественно-политических* систем, а не в результате войны (хотя социалистический Советский Союз был одной из двух сверхдержав и, казалось бы, мог попытаться спастись, развязав глобальный вооруженный конфликт).

Конкретный, предметный исторический анализ является непременным условием для понимания мотивов сталинского руководства при заключении советско-германского пакта. Что позволяет, соотнеся непосредственные причины подписания пакта с его последствиями, определить место и роль пакта во внешней политике Советского Союза в канун Второй мировой войны — так, как это представляли себе Сталин и его ближайшее окружение. Но не только. Одновременно через такой анализ можно выйти на оценку объективной роли пакта во всей предвоенной политике Советского Союза, а еще — на оценку (точнее, на переоценку) всей сталинской внешней политики, кульминацией которой явилась Вторая мировая война.

[1] Под таким названием статья (в первоначальном варианте) вошла в сборник материалов научной конференции, состоявшейся в Институте всеобщей истории РАН 15 ноября 1989 г. // Предвоенный кризис 1939 г. в документах. (Материалы научной конференции Института всеобщей истории АН СССР 15 ноября 1989 г.). М., 1992. С. 45–69.

[2] См. подробнее: Наджафов Д. Г. Американский «источник информации» в германском посольстве в Москве. // Запретная правда Виктора Суворова. М., 2011. Стр. 41–77.

[3] Наджафов Д. Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 года. // Новая и новейшая история. 1992. №1. С. 43–58.

[4] Всего я опубликовал шесть таких статей в сборниках «Правда В. Суворова».

[5] См. Наджафов Д. Г. Коллега, единомышленник, друг. // Отрешившийся от страха. Памяти А. М. Некрича. Воспоминания, статьи, документы. М., 1996. С. 110.

[6] Фальсификаторы истории. (Историческая справка.). М., 1948. С. 21–55: раздел «Не борьба с германской агрессией, а политика изоляции СССР».

[7] См. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. 2-е изд., испр. и доп. С.-Пб., 2006.

[8] Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 436.

[9] Наджафов Д. Г. Нейтралитет США. 1935–1941. М., 1990.

[10] Зоря Ю. Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергском досье. // Международная жизнь. 1989. №9. С. 130.

[11] См. Наджафов Д. Г. Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года. // Правда Виктора Суворова 2. Восстанавливая историю Второй Мировой. М., 2007. С. 55–57.

[12] От Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 6.

[13] Исследовательский талант В. М. Холодковского высоко ценил академик В. М. Хвостов. Будучи директором нашего института, он часто привлекал В. М. Холодковского к составлению исторических справок по различным вопросам всеобщей истории, в том числе по истории советской внешней политики перед Второй мировой войной.

[14] Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 261–262.

[15] Независимая газета. 1991. 31 марта.

[16] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 9 (От составителей).

[17] См. Синявский Б. Сталин станет доступней. // Известия. 1998. 3 апреля. В разговоре с высокопоставленным работником Президентского архива я поинтересовался, что могут означать слова С. В. Ястржембского. Последовал ответ: «Спросите у Ястржембского!»

[18] Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. В. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 19 октября 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. М., 1992. Т.22. Кн. 2. С. 200.

[19] Там же. С. 606–617.

[20] Директор Института всеобщей истории РАН Чубарьян А. О. — Председателю Государственной Архивной службы — Главному архивисту России Пихоя Р. Г. 10 ноября 1993 г.; И. о. Директора Института всеобщей истории РАН Калмыков Н. П. — Руководителю Администрации Президента Российской Федерации Филатову С. А. 1 декабря 1993 г. // Архив автора.

[21] Директор Архива Администрации Президента Российской Федерации Коротков А. В. — И. о. Директора Института всеобщей истории РАН Калмыкову Н. П. 10 декабря 1993 г., № А17–461. // Архив автора.

[22] См. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 7–9 (Введение).

[23] У меня был доступ в спецхран по форме № 3, возобновляемой ежегодно. В очередной раз, оформляя мне доступ по этой форме, работник спецчасти архива заявил, что форма № 3 позволяет ознакомиться с материалами с грифом «Секретно», а с грифом «Сов. секретно» — нет . Мое замечание, что такие материалы соседствуют в каждом деле, не встретило понимания. И я был вовсе лишен возможности работать в спецхране.

[24] Курляндский И. Над Историей кружат грифы. Доступ к архивам эпохи Сталина закрыт — «секретно»! Рассекречивание документов советского режима саботируется. // Новая газета. 2010. 20 октября.

[25] Сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. Доклад председателя комиссии А. Н. Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР. // Правда. 1989. 24 декабря.

[26] Примером может служить архивное дело из фонда В. М. Молотова «Статьи в “Правде” на международные темы с замечаниями и пометками Молотова»

за 1938–1950 гг., из которого изъяты материалы периода между сентябрем 1938 и декабрем 1939 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 82. Опись 2. Дело 986.

[27] Например, не сами документы, а препроводительные к ним письма в две-три строчки, как это случилось с моим обращением за материалами переписки руководства МИД СССР с Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС за 1949–1950 гг.

[28] История внешней политики СССР. 1917–1985. В 2-х т. Изд. 5. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1986. Т. 1. С. 387.

[29] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 49–53, 139–144; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1955. P. 570–573, 766–771.

[30] См. Крымская конференция, 4–11 февраля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 235.

[31] См. Ганелин Р. Ш. СССР и Германия перед войной. Отношения вождей и каналы политических связей. СПб., 2010.

[32] Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 225.

[33] См. Соколов В. В. Трагическая судьба дипломата Г. А. Астахова. // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

[34] Сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. // Правда. 1989. 24 декабря.

[35] Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В двух томах. М., 1880. Т. 2. С. 350. Курсив мой.

[36] Известия. 1992. 15 февраля.

[37] От Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. // ДВП СССР. Т. 1. С. 5 и Т. 22. Кн. 1. С. 5.

[38] Из выступления заместителя начальника Историко-архивного департамента МИД России Соколова В. В. на совещании в Институте всеобщей истории РАН 9 января 1992 года. // Архив автора.

[39] «Когда стареет гриф “секретно”». Интервью с заведующим Архивом внешней политики СССР, заместителем начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР Соколовым В. В. // Известия. 1989. 2 ноября.

[40] Ответы директора Историко-документального департамента МИД России П. В. Стегния на вопросы редакции журнала «Новая и новейшая история». // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 143.

[41] Отечественная история. 1995. № 3. С. 208.

[42] ДВП СССР. М., 1995. Т. 23. Кн.1. С. 5.

[43] Там же.

[44] См. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996.

[45] Из дневника Народного комиссара иностранных дел СССР. Берлин. 28 октября 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. С. 591.

[46] Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 485.

[47] В. З. Роговин, опираясь на материалы РГАСПИ, пишет, что статья «Известий» одно время была включена в 14-й том «Сочинений» И. В. Сталина. // Роговин В. З. Мировая революция и мировая война. М., 1998. С. 220–221.

[48] После появления передовой статьи в «Известиях» находившийся в Москве полпред СССР в Германии А. Ф. Мерекалов в сообщении в Берлин Г. А. Астахову, исполнявшему обязанности временного поверенного в делах СССР в Германии, характеризовал статью как внесшую ясность «в вопрос о позиции СССР в международной политике». Мерекалов А. Ф. — Астахову Г. А. 15 мая 1939 г. // Архив внешней политики РФ. Фонд 082. Папка 92. Опись 22. Дело 3. Лист 18. В свою очередь советский полпред в США К. А. Уманский о беседе с президентом Ф. Рузвельтом о ходе тройственных переговоров в Москве сообщал в НКИД СССР, что в ответ «подробно развил Рузвельту нашу аргументацию в разрезе статьи Жданова». Телеграмма полномочного представителя СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 2 июля 1939. // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 478–479.

[49] Передовая статья газеты «Известия» — «К международному положению». 11 мая 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С. 390–393; Статья А. Жданова — «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». 29 июня 1939 г. // Там же. С. 472–475.

ДЖАХАНГИР НАДЖАФОВ

СССР и Запад в 1933–1939 годах: Перипетии советско-американских отношений

В ноябре 1933 г. пришло долгожданное в Советском Союзе дипломатическое признание со стороны США. Американское решение о «возобновлении отношений с Россией» принималось на фоне начавшегося подрыва Версальско-Вашингтонского международного правопорядка, установленного победителями в Первой мировой войне. Захват Японией Маньчжурии в 1931–1932 гг. и приход к власти в Германии в начале 1933 г. Гитлера, не скрывавшего реваншистских планов, вызвали очередной виток напряженности между великими державами.

Интересы дела всеобщего мира стали лейтмотивом переговоров о взаимном признании между президентом США Ф. Рузвельтом и народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым, проходивших в Вашингтоне 8–16 ноября 1933 г. После первого же дня переговоров советский нарком сообщил в Москву о полном сходстве мнений сторон «о наличии двух источников военной опасности» в лице Японии и Германии, стремящихся «к захвату чужих земель». При этом Рузвельт подчеркнул, телеграфировал Литвинов, «что мы находимся между этими опасностями, но что вместе с Америкой мы могли бы, может быть, эти опасности предотвратить»[1].

Так благодаря акту взаимного дипломатического признания обозначилась перспектива сотрудничества двух стран, в частности в вопросе противодействия экспансии Японии. В инструкциях Политбюро ЦК ВКП(б) М. М. Литвинову предписывалось «не уклоняться от конкретного разговора о наших отношениях с Японией. Если же Рузвельт будет в разговоре добиваться некоторого сближения с нами или даже временного соглашения против Японии, то Литвинов должен отнестись к этому благожелательно[2]. Но США, следуя традиции изоляционизма во внешней политике и озабоченные решением многотрудных социально-экономических проблем у себя дома, были далеки от того, чтобы брать на себя какие-либо обязательства в международном плане.

Тем не менее советское руководство выражало полное удовлетворение исходом переговоров. И. В. Сталин на партийном съезде в январе 1934 г., говоря об «успехах» политики СССР, назвал нормализацию советско-американских отношений актом, имеющим «серьезнейшее значение во всей системе международных отношений». Это, продолжил он, «поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества»[3]. Не высказанное вслух особое удовлетворение Сталину доставляло то, что признание со стороны «главного врага»[4] означало легитимацию советской власти. В одном из аналитических материалов Совета по внешним сношениям США говорилось, что благодаря заключенным Советским Союзом с рядом стран договоров о ненападении и американскому признанию «большевизм стал почти респектабельным»[5].

Вскоре состоялся обмен послами. В Вашингтон прибыл А. А. Трояновский, до этого советский полпред в Токио, а в Москву — У. Буллит, еще в 1919 г. посетивший советскую Россию с дипломатической миссией и встречавшийся с В. И. Лениным. При вручении Буллитом верительных грамот М. И. Калинину номинально глава советского государства поделился своими воспоминаниями. По его словам, Ленин несколько раз рассказывал ему о Буллите; поэтому у него (Калинина) такое чувство, что он принимает того, с кем давно знаком. А на обеде в Кремле председатель Совета министров СССР В. М. Молотов поднял тост за здоровье того, «кто прибыл к нам не только как новый посол, но и как старый друг»[6].

Но укрепить и развить двусторонние отношения не удалось. Прежде всего из-за возникших разногласий по проблеме долгов русских дореволюционных правительств. По «джентльменскому соглашению» Рузвельт-Литвинов советская сторона соглашалась на частичное удовлетворение этих долгов при условии предоставления американского займа и выплаты по нему в счет долга неко-

торого добавочного процента. Сумму долга предстояло согласовать в пределах от 75 млн до 150 млн долларов.

Но длительные, более года, переговоры, попеременно в Вашингтоне и Москве, ни к чему не привели. Участвовавшие с американской стороны в переговорах президент Ф. Рузвельт, государственный секретарь К. Хэлл, посол У. Буллит превратили решение этой проблемы в мерило искренности намерений советского руководства. Хэлл, например, отстаивал мысль, что если не удастся решить проблему долгов, проблемы, по его мнению, относительно второстепенной, то тем более трудно ожидать американо-советского сотрудничества по крупным международным вопросам[7].

Обвинив советскую сторону в неспособности «положить здоровую основу для дружеских отношений, кооперации и сотрудничества»[8], госдепартамент США опубликовал в конце января 1935 г. заявление о прекращении переговоров по финансово-экономическим вопросам[9]. Провал переговоров получил широкую огласку, когда вслед за этим Соединенные Штаты закрыли свое генеральное консульство в Москве, отозвали военно-воздушного и военно-морского атташе, сократили штат посольства в СССР[10]. Не исключался советской стороной и разрыв американцами недавно установленных дипломатических отношений.

Соединенные Штаты явно переоценивали советскую заинтересованность в американской экономической и политической помощи. У. Буллит, менее других склонный к компромиссу по проблеме долгов, уверовал в то, что Советский Союз, столкнувшись с японской угрозой на востоке и германской на западе, не имеет альтернативы американской помощи. Иначе думали советские руководители. В ответ на демарш дирекции Экспортно-импортного банка США, выступившей в поддержку американской схемы по урегулированию долга правительства Керенского, советская сторона расценила это как давление, заявив, что «можем существовать без американской помощи»[11]. Созданный для кредитования торговли с Советским Союзом, банк так и не смог начать свою деятельность в этом направлении.

Дж. Кеннан, входивший в состав первого дипломатического представительства США в СССР, писал в мемуарах, что, ввиду непонимания американцами «сложностей русского общества», он с самого начала предвидел «длинный ряд недоразумений, разочарований и взаимных обвинений»[12]. О советской доле ответственности за создавшуюся тупиковую ситуацию можно судить по

письму заместителя наркома иностранных дел Н. Н. Крестинского, направленного послу А. А. Трояновскому в марте 1935 г.

В этом письме Н. Н. Крестинский, курировавший европейское направление советской дипломатии, признал, что, «конечно, неуспех переговоров повлиял скверным образом на отношения к нам и американского правительства, и американского общественного мнения». Как признал и то, что, «конечно, Япония постаралась и будет стараться извлечь из ухудшения советско-американских отношений плюс для себя». Но, продолжал Крестинский, «нынешнее положение все-таки для нас лучше, чем если бы мы уступили американцам по вопросу о долгах». Объясняя, почему Москва сочла разрыв переговоров меньшим злом для себя, он писал: «Нам пришлось бы иметь неприятные разговоры по вопросу о долгах со всеми европейскими государствами и в первую голову с Францией, с которой мы сейчас дружно выступаем против немцев и поддерживающих их поляков. Мы не могли бы открыто дискриминировать по вопросу о долгах нашего главного союзника в Европе Францию, и нам пришлось бы пойти на большие уступки ей в вопросе о долгах. Одним словом, выигрыш на американском фронте повел бы за собой серьезные осложнения в нашей европейской политической линии, а она сейчас стоит для нас, несомненно, на первом месте»[13].

Приоритет европейского аспекта во внешней политике СССР закрепило заключение в мае 1935 г. договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, призванные стать звеном в системе коллективной безопасности в Европе, но так и не ставшими таковыми. Укрепление позиций Советского Союза на европейском континенте сопровождалось их ослаблением на Дальнем Востоке ввиду ухудшения отношений с Соединенными Штатами. Издержки такого выбора были неизбежны.

Отношения еще более осложнились как раз тогда, пишет американский историк Э. Беннетт, «когда сотрудничество представлялось наиболее настоятельным», чтобы попытаться остановить агрессоров[14]. Причиной нового громкого конфликта стал VII конгресс Коминтерна, проходивший в Москве в июле-августе 1935 г. С одобрения президента Ф. Рузвельта госдепартамент США направил в НКИД СССР ноту «с самым энергичным протестом» против решений конгресса и предупреждением о «самых серьезных последствиях». Нота обвиняла советское правительство в «вопиющем нарушении» принятого им на себя на переговорах о вза-

имном признании обязательства воздерживаться от какого то ни было вмешательства во внутренние дела США[15]. Обязательства, зафиксированного в обмене нот между Рузвельтом и Литвиновым по вопросу о пропаганде, которое распространялось на «организации, находящиеся под его (советского правительства. — *Авт.*) прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от него какую-либо финансовую помощь»[16].

Американская нота была отклонена как безосновательная в соответствии с советской политико-дипломатической практикой непризнания связи между правительством СССР и Коминтерном. В действительности же эти связи никогда не прерывались, сохранились они и после конгресса. Зарубежные компартии по-прежнему ориентировались на директивы из Москвы, согласовывая с Исполкомом Коминтерна буквально каждый свой шаг.

В архивном фонде Коминтерна можно обнаружить пространное письмо (с продолжением), направленное в декабре 1935 — январе 1936 г. Г. Димитрову и другим руководителям Коминтерна генеральным секретарем американской компартии Э. Браудером[17], заверившим, что «партия в целом неукоснительно идет по пути, намеченному VII конгрессом». Информируя о принятом решении созвать очередной партийный съезд, Браудер писал, что предложения о составе нового ЦК и политбюро будут заблаговременно переданы в Москву, чтобы получить ответ до начала съезда. Американские коммунисты хотели получить также «какие-либо указания по части углубленного анализа нынешнего положения». Письмо завершалось просьбой телеграфировать немедленно и возможно подробнее, если в Москве сочтут нужным внести изменения или дополнения к линии ЦК компартии США.

Как и раньше, важнейшие партийные документы, принимаемые американской компартией, должны были получить одобрение Секретариата Коминтерна. В ходе подготовки к президентским выборам 1936 г. Москву посетила для «консультаций» по вопросам политики партии делегация коммунистов во главе с Э. Браудером[18]. В апреле 1936 г. Коминтерном был утвержден «окончательный текст» под названием «Избирательная политика КП США»[19]. Тон документа был директивным. «Коммунистическая партия должна сосредоточить огонь против реакционного блока республиканской партии с Лигой свободы. Одновременно партия должна критиковать внутреннюю и внешнюю политику Рузвельта». Рекомендованный перечень «примерных» лозунгов

избирательной кампании коммунистов включал требование поддержки «мирной политики Советского Союза».

На официальной советской позиции сказывалась известная недооценка роли США в тогдашних международных отношениях, хотя это был индустриальный гигант, сосредоточивший у себя почти половину мирового промышленного производства. Д. А. Волкогонов, автор политической биографии Сталина, пришел к выводу, что «активных шагов по установлению конструктивных контактов с американским президентом Сталин до [Второй мировой] войны не предпринимал»[20]. Между тем американская сопричастность (в той или иной форме) к явлениям глобального характера была запрограммирована самим ходом исторического развития. Это хорошо понимали руководители Англии и Франции, дорожившие отношениями с США.

Правда, сами Соединенные Штаты давали тоталитарным режимам основания для недооценки американской мощи и возможностей. В первое президентство Ф. Рузвельта (1933–1936 гг.) они открыто демонстрировали свою «невовлеченность» в мировые дела: «торпедировали» Мировую экономическую конференцию в Лондоне (1933 г.), приняли закон Джонсона (1934 г.), запретившего предоставление займов и кредитов странам, задолжавшим американцам; отказались от вступления в Международный суд в Гааге (январь 1935 г.), приняли законодательство о нейтралитете с его положениями об эмбарго на поставки американского вооружения и предоставления кредитов воюющим странам (август 1935 г.).

Однако можно ли на этом основании утверждать, что позиция США, провозгласивших нейтралитет, была непредсказуемой? Вряд ли. Еще до начала всеобщего конфликта Сталин высказывал убеждение, что война, развязываемая Германией и ее союзниками, направлена «в конечном счете» против интересов западных стран, включая США[21]. Понимали это и лидеры Запада, всячески оттягивая открытый вооруженный конфликт. Как по причине собственной неподготовленности к войне, так и опасаясь повторения катастрофических последствий Первой мировой войны.

Закон о нейтралитете США 1935 г. был принят под популярными в стране антимонополистическими лозунгами. Считалось, что основные положения закона, запрещавшего продажу оружия и предоставление кредитов воюющим странам, послужит обузданию аппетитов американских монополий. Пресекая, как представлялось, «происки» монополий и тем самым устраняя

экономические причины вовлечения США в войну, сторонники нейтралитета надеялись предотвратить повторения печального опыта американского участия в Первой мировой войне.

Но, во-первых, практика применения нейтралитета оказалась выборочной. В начале 1937 г. Закон о нейтралитете, вопреки международному праву, был применен в отношении гражданской войны в Испании, а летом того же года он не был введен в действие в начавшейся японо-китайской войне в интересах оказания помощи Китаю. Во-вторых, достаточно быстро выявилось, что экспансия нацистской Германии и ее союзников далеко переросла рамки чисто экономических целей. (Это к вопросу о том, что имело большее значение в возникновении Второй мировой войны — экономические или социально-политические причины.)

Особый характер глобальной борьбы с угрозой фашизма предопределил тенденцию к отходу США от нейтралитета, проявившую себя задолго до нападения Японии на Пирл-Харбор. Их будущий выбор был обусловлен многими факторами, прежде всего принадлежностью США к демократическим странам. Либеральный Новый курс президента Ф. Рузвельта внутри страны не мог не отразиться на их внешнеполитическом курсе. В декабре 1936 г. на волне положительных откликов на проект новой советской конституции (и до Большого террора 1937–1938 гг.) советский полпред в Вашингтоне А. А. Трояновский доносил в Москву: «Пока что обстановка для нас благоприятная. Фашистские государства здесь не популярны, и если явных симпатий к нам нет, то можно все-таки ожидать, что выбор будет сделан в нашу пользу»[22]. Большой резонанс в мире имело выступление Ф. Рузвельта в Чикаго в октябре 1937 г. с призывом к мировому сообществу оградить себя от эпидемии агрессии установлением «карантина» вокруг агрессоров[23]. Еще раньше громкий дипломатический скандал в отношениях между США и Германией вызвало публичное заявление одного из «великих либералов» 30-х годов мэра Нью-Йорка Ф. Лагардия. Он предложил на предстоящей Международной выставке 1939 г. в Нью-Йорке открыть особый павильон: «А в этом павильоне следует поместить "комнату ужасов", в которой в качестве главного экспоната я хотел бы видеть того фанатика в коричневой рубашке, который сейчас угрожает миру всего мира». Государственный секретарь К. Хэлл счел нужным выразить «сожаление правительства». Однако на заседании правительства президент Рузвельт, обращаясь к Хэллу, сказал, что он «полностью согласен с Лагардия»[24].

М. М. Литвинов, являвшийся сторонником сотрудничества СССР с западными демократическими странами, был разочарован американским нейтралитетом. В конце 1935 г. в беседе с послом У. Буллитом и главой восточноевропейского отдела госдепартамента Р. Келли он выражал сомнение в ценности подлинно близких отношений с США из-за их нежелания проявлять активность в международных делах[25]. По словам А. А. Трояновского, его усилия противостоять тенденции «в определенных советских кругах» преуменьшить роль США в мировых делах сводятся на нет их политикой нейтралитета[26]. На двусторонних отношениях сказалось и то, что Буллит, либерал по убеждениям, к мнению которого прислушивался Ф. Рузвельт, столкнувшись с действительностью «советского эксперимента», превратился в острого критика Советского Союза и его политики.

Подписанное 13 июля 1935 г. советско-американское торговое соглашение имело временный и ограниченный характер. Его значение было еще более обесценено антисоветской кампанией в США в связи с конфликтом вокруг решений VII конгресса Коминтерна, конфликта, вышедшего далеко за рамки дипломатического инцидента. Отныне предварительным условием сотрудничества американская сторона выдвигала не только урегулирование проблемы старых долгов, но и прекращение коммунистической пропаганды в США.

Двусторонние политико-дипломатические отношения оказались надолго замороженными. Оправдывались опасения М. М. Литвинова, предупреждавшего, что агрессоры «напрягают все усилия к изолированию Запада от Советского Союза»[27]. Результатом таких усилий — от Пакта четырех (1934 г.) до Мюнхена (сентябрь 1938 г.) — стала разобщенность жертв нападений, с которыми агрессоры расправлялись по очереди. Их замыслам способствовало устранение в годы сталинских репрессий из большой политики деятелей, особенно чувствительных к фашистской опасности — Н. Н. Крестинского и других дипломатов «литвиновской школы».

Соединенные Штаты, как и другие западные державы — Англия и Франция, отдавали должное Советскому Союзу как одной из ведущих мировых держав, признавали его важную роль в международных делах. Несмотря на возникшую в середине 1930-х годов определенную напряженность в советско-американских отношениях, поддержание двусторонних дипломатических отношений

было тем минимумом, которым президент Ф. Рузвельт не хотел пренебречь. Даже покидавший Москву первый американский посол в СССР либерал У. Буллит, полностью разочаровавшийся в советском строе, тем не менее в своем «прощальном» послании в Вашингтон рекомендовал сохранять на приемлемом уровне отношения с Советским Союзом.

У. Буллит, за которым в отечественной историографии закрепилась репутация непримиримого антикоммуниста и антисоветчика, аргументировал свою рекомендацию тем, что Советский Союз «является одной из величайших держав, а его отношения с Европой, Китаем и Японией имеют столь большое значение, что мы не можем проводить свою внешнюю политику разумно, если не будем в курсе того, что делается в Москве». Развивая свои мысли о месте и роли СССР в реализации мировой стратегии Соединенных Штатов, У. Буллит подчеркивал американский интерес в поддержании мирового статус-кво, необходимость противодействия чьим-либо претензиям на решительное преобладание на Дальнем Востоке, а тем более в Европе[28].

Вот как, например, представлялась У. Буллиту политика США на случай войны между СССР и Японией. «Если победит Советский Союз, неотвратимо появление коммунистического Китая. Если победит Япония, Китай окажется в полном подчинении Японии. В случае войны между Советским Союзом и Японией нам не следует вмешиваться, а использовать свое влияние и мощь в конце войны, чтобы она завершилась без победы одной из сторон и чтобы равновесие между Советским Союзом и Японией на Дальнем Востоке не было нарушено и чтобы Китай сохранил, по крайней мере, некоторую способность к самостоятельному развитию»[29].

Рекомендации У. Буллита получили развитие в дипломатических депешах сменившего его временного поверенного в делах США в СССР Л. Гендерсона. В них настойчиво проводилась мысль о важности сохранить существующие контакты с Советским Союзом как одним из центров мировой мощи, не потерять в его лице потенциального союзника западных стран. Дипломатическая переписка между Госдепартаментом и американским посольством в Москве свидетельствует, что это была общая точка зрения штатных сотрудников посольства в советской столице. И, что не менее важно, она находила понимание в Вашингтоне.

По воспоминаниям Дж. Дэвиса, при назначении его новым послом в СССР (в 1913 г. он отклонил аналогичное предложение президента В. Вильсона), Ф. Рузвельт напутствовал его словами о том, что «в вопросах войны и мира в Европе России предназначено играть первостепенную роль» и что следует «использовать любой шанс для предотвращения войны в Европе, если такой представится»[30]. В то же время, инструктируя посла, президент подтвердил, что инициатива в активизации двусторонних отношений должна исходить от Советского Союза, как стороны, больше заинтересованной в них. Функции нового посла ограничивались сбором военной и экономической информации и выяснением, какова будет советская политика в случае войны в Европе[31].

Из вышеизложенного следует, что США не были совершенно безразличны к опасным переменам в мире. Они рано, вскоре после прихода к власти Гитлера, вступили на путь пропагандистской борьбы с нацистским режимом и ограничения экономических и иных контактов с Германией. А начиная с доктрины Стимсона (1932 г.), они отказывались признавать территориальные изменения где бы то ни было, явившиеся следствием применения силы.

В то же время весной 1937 г. Конгресс США принял новый закон о нейтралитете, на этот раз придав ему статус постоянного. Очередная демонстрация желания Америки оставаться в стороне от «суматохи и разброда в Европе» укрепила Гитлера в мысли, что ему удастся осуществить свои захватнические замыслы на континенте до американского вмешательства.

Свою службу послом в Москве Дж. Дэвис превратил в приятное времяпрепровождение. Он скупал музейные ценности, увезя с собой богатую коллекцию картин. Много путешествовал по стране и вне, получив однажды от Ф. Рузвельта строгое указание не покидать советскую столицу. Его интерпретация Большого террора 1937–1938 гг. была настолько пронизана штампами официальной советской пропаганды, что американские составители сборников дипломатических документов в ряде случаев донесениям Дэвиса предпочли дипломатические депеши нижестоящих работников посольства США в Москве — Дж. Кеннана и Ч. Болена.

Все же тенденция к сближению между двумя странами время от времени давала о себе знать. В конце 1936 г. с неофициальной миссией побывал в США член советского руководства А. И. Микоян, завязавший переговоры о строительстве или закупке военно-морских судов. Летом следующего года с визитом во Владивосток прибыла американская военно-морская эскадра — знак предупреждения Японии, вторгнувшейся в Китай (которому СССР и

США оказывали материальную и финансовую помощь). Тогда же совершил выдающийся в истории авиации беспосадочный перелет через Арктику чкаловский экипаж, члены которого были приняты в Белом доме. В августе 1937 г. стороны подписали новое торговое соглашение (продлеваемое ежегодно), по которому США стали первой великой державой, предоставившей СССР режим наибольшего благоприятствования.

Расширение нацистской агрессии в Европе и японской на Дальнем Востоке обнажили ошибочность заложенного в основу американского нейтралитета постулата, что изменения в расстановке сил в мире не имеют для США жизненного значения. Их озабоченность выявили развернувшиеся в стране с конца 1938 г. острые дебаты по вопросам законодательства о нейтралитете. Тем не менее восьмимесячные дискуссии завершились отказом конгресса пересмотреть закон о нейтралитете.

В этот момент острого международного кризиса надежды на сохранение мира в Европе, да и всеобщего мира, напрямую связывались с внешнеполитическим выбором двух еще не ангажированных великих держав — СССР и США.

В середине мая 1939 г. У. Буллит, сменивший Москву на Париж, сообщал в Вашингтон о своей беседе с Э. Даладье, председателем совета министров и министром национальной обороны Франции: «Как и я, он не питает особых иллюзий в отношении Советского Союза… Все же он считает необходимым, чтобы Россия оказалась с ними. Только так удастся создать комбинацию сил, способную удержать Гитлера от риска войны»[32].

Не меньшее значение имела позиция заокеанских Соединенных Штатов. По воспоминаниям государственного секретаря К. Хэлла, американские послы в европейских столицах дружно сообщали в госдепартамент, что судьба европейского мира зависит от того, будет ли изменен закон о нейтралитете с тем, чтобы США могли оказать помощь жертвам агрессии, прежде всего вооружением. Однако американское эмбарго на поставки вооружения было отменено в интересах Англии и Франции лишь после начала войны в Европе.

В одном из аналитических материалов влиятельного Совета по внешним сношениям США высказывалось суждение, что отмена эмбарго конгрессом летом 1939 г. предотвратила бы заключение советско-германского пакта 23 августа 1939 г., учитывая, что Советский Союз вряд ли желал оказаться в стане противников

индустриальной Америки. Такое своевременное решение конгресса, говорилось далее в материале, весьма вероятно могло предотвратить Вторую мировую войну, т. к. германский генеральный штаб, будучи против новых военных авантюр, получил бы шанс обуздать Гитлера[33]. Все это спорно, особенно в части возможного влияния отмены американского эмбарго на советскую позицию.

В условиях вступления Европы в полосу перманентного международного кризиса американо-советские отношения оставались неудовлетворительными. С середины 1938 г., после отъезда Дж. Дэвиса, США долго не имели своего посла в Москве. О назначении его преемника Л. Штейнгардта, до этого посла в Перу, «Правда» сообщила в начале марта 1939 г.[34] Однако новый американский посол прибыл в советскую столицу только через полгода, в середине августа, когда сползание к всеобщей войне приобрело необратимый характер. В эти месяцы сотрудничество между правительствами США и СССР, по оценке К. Хэлла, было «отрывочным и неполным»[35].

Поэтому вряд ли США могли всерьез рассчитывать на понимание в Москве их попыток повлиять на ход англо-франко-советских переговоров об организации совместного противодействия агрессии в Европе. Последнюю такую попытку они предприняли 16 августа 1939 г. через посла Л. Штейнгардта, передавшего В. М. Молотову «мысли» американского президента о сложившемся международном положении. Ф. Рузвельт считал, что «в случае войны в Европе и на Дальнем Востоке и возможной победы стран “оси” положение СССР и США безусловно и немедленно изменилось бы». Причем положение СССР, из-за его географической близости к Германии, «изменилось бы раньше, чем положение США». Поэтому, полагал Рузвельт, «удовлетворительное соглашение против агрессии» на тройственных переговорах в Москве «оказало бы стабилизирующее действие в интересах всеобщего мира…»[36] (Президент Ф. Рузвельт и государственный секретарь К. Хэлл были в курсе закулисных советско-германских «разговоров» благодаря американскому информатору в посольстве Германии в Москве и знали, что Германия и СССР весьма близки к заключению двустороннего соглашения[37].)

В. М. Молотов ограничился заявлением, что «мысли Рузвельта представляют для Советского правительства живейший интерес и высокую ценность». Добавив, что советское правительство относится «со всей серьезностью» к положению в Европе и к пере-

говорам с Англией и Францией и рассчитывает «на успех переговоров»[38]. Скрыв от посла, что советское руководство на уровне Политбюро ЦК за несколько дней до приема американского посла уже приняло решение о приоритете переговоров с Германией[39]. Отвергнув путь продолжения поисков договоренностей с Англией и Францией, сталинское руководство отвергло тем самым и перспективу скорого сближения с США.

Это соответствовало стратегии Советского Союза в «эпоху войн и революций» (Сталин). Его руководители не уставали повторять, что во внешней политике СССР исходит только из собственных интересов, которые противопоставлялись интересам как агрессивных, так и неагрессивных стран. Одно из авторитетных свидетельств на этот счет появилось накануне Мюнхена в знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)»[40], который Сталин по праву считал своим детищем. Изложенные в нем идеи о международном положении, отмечалось в донесении американского посольства в Москве, были повторены в сталинском докладе на партийном съезде в марте 1939 г.[41]

В этой книге по истории партии текущее международное положение (сентябрь-октябрь 1938 г.) характеризовалось как начало давно предсказанной коммунистами «второй империалистической войны». В сложившемся положении в мире обвинялись обе группировки держав: и фашистские государства, и «так называемые демократические государства». Последние, отмечалось в сталинском анализе, опасаются усиления фашистских государств, но «еще больше» боятся рабочего и национально-освободительного движения. Отсюда их двойственная политика, за которую, предсказывал Сталин, проводя аналогию с революционным 1917 годом в России, «правящие круги Англии и их друзья во Франции и США тоже получат свое историческое возмездие»[42].

Антикапиталистическая стратегия СССР многое объясняет в его подходе к проблеме коллективной безопасности в 1930-е годы. Сближение с Францией (по сталинской оценке 1930 г. — «самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира»), вступление в Лигу Наций (1934 г.), породившее иллюзию, что отныне Советский Союз станет защитником международного статус-кво, договора с Францией и Чехословакией о взаимопомощи (1935 г.) отражали не столько перемену в советской внешней политике, сколько смену тактических шагов в рамках ее неизменной международной стратегии.

Как признавал впоследствии Сталин, советским интересам больше отвечало сближение с Германией, с которой СССР объединяло стремление «*изменить* старое равновесие сил в Европе»[43], установленное Версальским мирным договором 1919 г., чему противились Англия и Франция. В том же ряду официальное заявление В. М. Молотова, сделанное им после заключения с Германией пакта о ненападении, о том, что советское правительство «*и раньше* считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией»[44].

Реакция в США на советско-германский пакт, покончивший с «неопределенностью советской позиции» (П. Кеннеди), была весьма бурной. Влиятельные комментаторы пришли к общему выводу, что заключение пакта «разоблачило гитлеровский коричневый большевизм и сталинский красный фашизм как выражение одной и той же идеи тоталитаризма»[45]. Для большинства американцев, писал исследователь американского общественного мнения, коммунизм и фашизм были одним и тем же злом[46]. Двусторонние отношения были отброшены далеко назад, вступив в полосу кризиса, продолжавшегося вплоть до гитлеровского нападения на СССР 22 июня 1941 г.

Таким образом, дипломатические отношения между США и СССР, переступивших, как казалось вначале, через барьер взаимного идеологического отчуждения, не стали однако стабилизирующим фактором международных отношений в критические для цивилизации 1930-е годы. Глубинные причины этого коренились в различиях международной стратегии этих стран в условиях развязывания Второй мировой войны.

[1] Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Вашингтона. 8 ноября 1933 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 16. М., 1970. С. 609.

[2] Протокол № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1933 г. Опросом членов Политбюро от 25 ноября 1933 г. Пункт 101/81. Об Америке. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17. Опись 162. Дело 15. Лист 119.

[3] Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 301, 303–304.

[4] Из письма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу. 30 августа 1931 г. // Хранить вечно. Специальное приложение к «НГ». 2000. 1 декабря. С. 11.

[5] The Soviet-Japanese Treaty of Neutrality, April 13, 1941 and World Revolution in the Far East. Factors for Discussion. Prepared by B. Hopper. April 19, 1941. P. 2. // Council on Foreign Relations Library (New York).

[6] The Ambassador in the Soviet Union (Bullitt) to the Acting Secretary of State. On Board Steamship «Washington», January 4, 1934. // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933–1939 (Далее — FRUS. The Soviet Union, 1933–1939). Washington., 1952. P. 56, 59.

[7] Memorandum of Conversation, by the Chief of the Division of Eastern European Affairs (Kelly). [Washington,] August 10, 1934 // Ibid. P. 130; Memorandum by the Chief of the Division of Eastern Europeans Affairs (Kelly). [Washington,] January 31, 1935 // Там же. P. 170.

[8] Телеграмма полномочного представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 31 января 1935 г. // ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С. 55.

[9] The Secretary of State to the Chargé in the Soviet Union (Wiley). Washington, January 31, 1935 // FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 172–173. В тот же день текст ноты был передан для публикации в прессе и послан американским дипломатическим представительствам в Европе, Токио и Пекине.

[10] The Secretary of State to the Chargé in the Soviet Union (Wiley). Washington. February 6, 1935 // Там же. P. 177.

[11] Письмо народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому. 19 апреля 1934 г. // ДВП ССР. Т. 17. М., 1971. С. 275.

[12] Kennan G. F. Memoirs: 1925–1950. Boston, 1967. P. 74.

[13] Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в США А. А. Трояновскому. 9 марта 1935 г. // ДВП СССР. Т. 18. С. 168–169.

[14] Bennett E. M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington, 1985. P. 61.

[15] Press Release Issued by the Department of State, August 25, 1935. // FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 250.

[16] Обмен нотами между народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым и президентом США Рузвельтом по вопросу о пропаганде. // ДВП СССР. Т. 16. С. 642–644.

[17] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 469. Л. 3–9, 11–17.

[18] Browder E. The American Communist Party in the Thirties. // As We Saw the Thirties. Urbana. 1967. P. 233–234.

[19] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 509. Л. 1–5.

[20] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 105.

[21] Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 318.

[22] ДВП СССР. Т. 19. С. 625.

[23] Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма. 1933–1930. М., 1969. С. 87.

[24] Там же. С. 187–188.

[25] FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 265.

[26] Там же. P. 284–185.

[27] Речь на заседании президиума ЦИК Союза ССР при вручении ордена Ленина. 10 ноября 1936 г. // Литвинов М. М. В борьбе за мир. М., 1938. С. 127.

[28] FRUS. The Soviet Union. 1933–1939. P. 294.

[29] Там же.

[30] Davies J. E. Mission to Moscow. New York., 1941. P. XIII.

[31] Там же. P. 6.

[32] W. Bullitt to C. Hull. Paris. May 16. // FRUS. 1939. Vol. 1. P. 255.

[33] Significance for American Policy of the Soviet Technique of Expansion. Memorandum for Discussion. Prepared by B. Hopper. October 28. 1940. P. 6. // Council for Foreign Relations Library (New York).

[34] Правда. 1939. 8 марта.

[35] The Memoirs of Cordell Hull. Vols. 1–2. New York, 1948. Vol. 1. P. 658.

[36] Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом США в СССР. 16 августа 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.) Документы и материалы. М., 1971. С. 604.

[37] См. подробнее: Наджафов Д. Г. Американский «источник информации» в германском посольстве в Москве». // Запретная правда Виктора Суворова. М., 2011. С. 41–77.

[38] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. С. 605–606.

[39] См. подробнее: Наджафов Д. Г. Советско-германский пакт 1939 года: Переосмысление подходов к его оценке. // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154–167.

[40] Имеется в виду газетный вариант книги: Правда. 1938. 9–19 сентября.

[41] The Charge in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State. Moscow, March 11, 1939 // FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 739.

[42] Правда. 1939. 19 сентября.

[43] Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле 1 июля 1940 г. Сов. секретно. // ДВП [СССР]. Т. 23. Кн. 1. С. 395 (курсив мой). См. Также: Weinberg G. L. The Nazy-Soviet Pacts: A Half-Century Later. // Foreign Affairs. 1989. № 4. P. 185.

[44] Правда. 1939. 1 сентября. См. подробнее: Наджафов Д. Г. СССР в послемюнхенской Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 67–88 (курсив мой).

[45] См. Maddux T. R. Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee (Fl.), 1980. P. 103, 170.

[46] Lovenstein M. American Opinion of Soviet Russia. Washington. 1941. P. 150.

ГЕОРГИЙ РАМАЗАШВИЛИ*

С кем собирался воевать Аэрофлот

План Смушкевича, его реализация и последствия

Кадровая милитаризация руководства

На протяжении тридцатых годов для Аэрофлота была характерной кадровая политика, при которой руководящие посты не только в Главном, но и в региональных управлениях ГВФ занимали выходцы из РККА (так, например, руководителями Закавказского управления в 1935–1936–1937-ом последовательно становятся служившие в прошлом в РККА на командирских должностях Виктор Мальцев, Петр Уркевич и Шалва Чанкотадзе).

В подавляющем большинстве случаев выходцы из ВВС назначались и командирами транспортных авиаотрядов. Они поспособствовали ужесточению в ГВФ дисциплинарной практики и ее уподоблению армейским образцам. Не случайно преступления, совершаемые летно-техническим составом ГВФ, на протяжении нескольких лет находились в компетенции военной прокуратуры.

Ситуация начала заметно меняться в конце тридцатых, когда авиационные специалисты, начинавшие свою карьеру на рубеже двадцатых-тридцатых годов, не только доросли до ответственных должностей, но и стали по уровню своей специальной подготовки превосходить некогда командовавших ими военных командиров и тем более партийных начальников.

Хотя бывшие военные командиры в соответствии с привычными им по службе в ВВС критериями имели в течение нескольких лет возможность формировать иерархию летных отрядов ГВФ, вероятно, к середине сороковых произошел бы естественный перелом в кадровой политике, когда получившие только гражданское образование авиаторы неизбежно стали бы вытеснять выполнивших свою задачу выходцев из РККА, многим из которых уже пришел срок уходить на пенсию.

Именно к концу тридцатых вследствие агрессивной политической доктрины Советского Союза не только сформировалась на теоретическом уровне, но и стала осуществляться концепция милитаризации ГВФ и последующего привлечения его подразделений к фронтовой работе.

Нахождение кадровых военных во главе Управления учебных заведений ГВФ означало, что они смогут влиять не только на подбор руководящего и преподавательского состава, но и формирование учебной программы и повседневных распорядков, принятых в школах Аэрофлота.

Отданная под руководство кадрового военного, Главная инспекция оценивала ситуацию (в территориальных управлениях и отрядах) хотя и ориентируясь на принятые в Аэрофлоте наставления, но не забывая и о той системе оценок, к которой полковник Слепнев привык в годы армейской службы.

Кадровая милитаризация, хотя и не гарантировала успеха подобного начинания, но создавала все необходимые предпосылки для того, чтобы возможный в дальнейшем перевод гражданских пилотов в ВВС не требовал ни длительной психологической адаптации, ни сложного свыкания с армейскими буднями, ни откровенного неприятия армейского отношения к приказам. Уместно заметить, что полностью сделать тождественными наставления ГВФ и ВВС все равно не удалось, тем не менее поэтапно проводившаяся милитаризация Аэрофлота, включавшая и подсудность военным трибуналам, и попытки привить армейское понимание производственной дисциплины и пришедший из РККА принцип единоначалия, и идеологизация повседневной работы, и организация на позднем этапе совместных курсов для летно-технического состава ВВС и ГВФ, позволила, начиная, по крайней мере, с 1939-го года использовать специально формируемые подразделения Аэрофлота во фронтовых нуждах. Так, в частности, в 1939-м году несколько гражданских пилотов участвовали в доставке в Монголию личного состава ВВС, а зимой 1939–1940-го Аэрофлот сформировал Спецавиагруппу, обслуживавшую вторгнувшуюся в Финляндию армию.

* Рамазашвили Георгий Рамазович, историк, исследователь архивных документов, автор цикла статей о проблемах доступа к документам в российских архивах. Живет в Москве.

Начальник ВВС Алкснис, а вслед за ним — нарком Ворошилов, начальник Аэрофлота Ткачёв и руководители территориальных управлений ГВФ неоднократно рассуждали о том, что гражданская авиация является «боевым резервом» и «младшим братом» Военно-Воздушных Сил. Очевидно, для того, чтобы остающийся на гражданке «младший брат» в нужный момент был мобилизован для участия в битвах за социализм, и проводилась эта милитаризиция управленческого аппарата ГВФ.

С той же милитаризацией ГВФ было связано и приспосабливание боевых самолетов под нужды гражданской авиации. Многие пилоты Аэрофлота, летая на машинах, переоборудованных из армейских аналогов, приобретали навыки, позволяющие в случае войны пересадить их за штурвал аналогичных боевых самолетов.

Гражданские пилоты, не участвовавшие в боевых вылетах, но действовавшие в фронтовой обстановке, когда им приходилось вывозить раненых и командный состав, доставлять почту, медикаменты и военные грузы, производить разведку погоды, получили тот опыт, который позволил еще до вторжения Германии перевести многих из них в ВВС.

Для этого потребовалось лишь принять политическое решение.

Теоретическое обоснование

24-го января 1939 года Совет Народных Комиссаров СССР назначает [полковника?] Константина Гарева заместителем начальника Главного управления ГВФ по кадрам (ЦГАСПб*, ф. 7430, оп. 10, д. № 1, л. 128). Это решение означает, что утвержденный Кремлём военный будет решать кадровую политику в Аэрофлоте.

Во время вторжения Советских войск в Финляндию Гарев возглавляет Особую Авиагруппу ГВФ, работающую в интересах фронта.

3-го марта 1940-го, то есть за 10 дней до прекращения огня, Гарев выдвигает перед начальником Аэрофлота несколько предложений, которые максимально подготовят гражданских летчиков к последующему использованию в боевых действиях.

Для того, чтобы при мобилизации пилоты ГВФ получали соответствующие их квалификации звания, полковник Гарев рекомендует «пересмотреть военное звание летно-техническому составу, состоящему в запасе» и поясняет, что «пилоты 1-го класса… по воинской учетной специальности значатся рядовыми» (РГАЭ, ф. 9527, оп. 5, д. 70, л. 49).

Пока еще открыто не назван будущий противник, военные возможности которого предопределят, какие силы понадобятся для его сокрушения Советским ВВС, но Гарев уже предлагает «просить правительство о выделении [Аэрофлоту] соответствующего количества боевых самолетов, с полным вооружением для систематической тренировки летно-подъемного состава и изучения материальной части оружия более подготовленными летчиками первого, второго и третьего классов» (там же, л. 48).

Включая в круг пилотов, которых следует готовить к боевым действиям, второй и третий классы, Гарев предлагает практически массовую тренировку летного состава Аэрофлота на военных машинах. Это означает, что уже в марте 1940-го полковник Гарев, включенный в руководство ГВФ Советом Народных Комиссаров, предвидит боевые действия такого масштаба, в котором имеющихся кадров ВВС будет недостаточно, и потребуется их пополнение, — возможно, для замещения потерь, — гражданскими летчиками.

Не ограничиваясь этими мерами, Гарев советует Молокову приблизить учебную подготовку пилотов ГВФ к армейским стандартам, для чего необходимо в школах Аэрофлота «обратить особое внимание на общевойсковую тактику; выпускаемый состав должен хорошо разбираться в военных вопросах в объеме [знаний] не ниже, [чем у] командира роты войскового соединения».

Пилотам 1-го класса Гарев явно прочит военное будущее и для этого настаивает на том, что «по линии летного центра», в котором они проходят обучение на современных двухмоторных машинах, «необходимо переподготовку летно-технического состава вести в разрезе подготовки боевого летчика».

Дабы адаптирование гражданских кадров к потребностям ВВС проходило и вне стен летного центра, Гарев рекомендует «обязать и требовать от начальников территориальных управлений систематической тренировки летного состава на внетрассовых полетах, в сложных метеоусловиях и при необорудованных трассах». Этот раздел касался, безусловно, будущих пилотов ДБА — Дальнебомбардировочной авиации, условия работы которого проходили как раз вне трасс, при существенной нехватке приводных средств, ночью и подчас при неблагоприятных метеоусловиях.

* Список сокращений приводится в конце публикации. — *Примеч. ред.*

Гарев — прагматик, и он знает наперед, что применение Аэрофлота в будущей войне будет носить не стихийный, а запланированный характер.

Из опыта Финской войны он заключает, что «существующий моб[илизационный] план Северного Управления [ГВФ] нежизненнен»: «Северное Управление с мобилизацией ЛВО не развернуло своего плана, и он оставался на бумаге... работа в этом направлении велась стихийно, т. е. не [была] связана с военными действиями ЛВО» (там же).

Исходя из этого, Гарев утверждает, что «необходимо пересмотреть и продумать мобплан», дабы привести работу Аэрофлота в максимальное соответствие с будущими действиями армии. По его словам, должна быть «ясность» в том, что в момент, когда будут вскрываться «планы мобилизации военных частей», одновременно «вскрывались бы мобпланы и этих [территорильных] управлений» ГВФ, «входящих в военный округ — действующий или находящийся на военном положении» (там же).

Из предложений Гарева можно было понять, что он предвидит не только массовый перевод опытных пилотов из ГВФ в ВВС, для чего заранее хочет готовить их почти по военной программе в летном центре, но и аналогичное осуществленному во время Финской войны использование специальных групп Аэрофлота в нуждах действующей армии.

Вероятнее всего, Гарев и не был автором этой концепции, а озвучивал позицию, сформулированную в каком-то из центров разрабатывания стратегических решений. В пользу того, что позицию Гарева разделяло руководство Народного комиссариата обороны, свидетельствует дальнейший ход событий.

Переподготовка-1940

В 1938–1939 гг. числившийся в запасе летный состав Гражданского Воздушного Флота, предназначавшийся для укомплектования частей ВВС в военное время, вызывался на проводимые Военно-Воздушными Силами сборы, в соответствии с вышедшей в 1938-м директивной Генштаба РККА № 4/1/36 519 (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 930, л. 14).

На основании объявленного в конце 1939-го призыва, в Военно-Воздушных Силах к январю 1940-го оказалась группа гражданских пилотов и авиатехников, уже получивших по окончании вневойсковой подготовки звания среднего начсостава. По распоряжению ГУ ВВС КА, они должны были проходить переподготовку строго «по своей специальности, полученной ими в училищах и школах ГВФ» (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 7).

Для боевой подготовки гражданских пилотов были организованы сборы при подчинявшихся ВВС летных школах, специальных курсах и резервных авиаполках.

Техников ГВФ направляли на «кратковременные курсы при ШМАС [школах младших авиаспециалистов]», где им предстояло изучить «материальную часть, состоящую на вооружении полка» (там же, л. 8).

Прошедшие боевую подготовку пилоты должны были «назначаться на должности резервных летчиков... и проходить службу на общих с кадровым составом основаниях, как в отношении служебно-правовом, так и в отношении получения ими материального содержания — денежного, обмундирования, питания, квартир».

Директива ГУВВС КА № 21/180673 от 12.I.1940-го также предусматривала, что «все оказавшиеся после обучения не соответствующими, согласно аттестаций, службе в Красной Армии в качестве среднего начсостава», должны были служить «на общих основаниях красноармейцами» (там же).

На 15-е января 1940-го общая численность находившихся на сборах в военных округах и армиях пилотов ГВФ, имевших, состоя в запасе, звания среднего начальствующего состава, равнялась 45-ми. Одновременно с ними на сборах находилось 19 авиатехников из Аэрофлота (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 20).

Однако уже к концу января численность гражданских пилотов, направленных на курсы и сборы в ВВС, возросла на порядок.

Согласно принятому Комитетом Обороны постановлению № 139, Гражданскому воздушному флоту предстояло в 1940 году «подготовить для ВВС 960 летчиков на самолете СБ» (там же, л. 191). Причем в эту цифру не входили пилоты ГВФ, уже прошедшие в феврале-марте Кировабадские курсы. Первая группа, состоящая из 100 летчиков, завершала подготовку на СБ 28 июня, и после этого планировалось ежемесячно готовить для ВВС еще по 160.

В связи с тем, что Управление Военно-учебных заведений не справлялось с выполнением порученного ему плана, заключавшегося в выпуске 2 000 летчиков на бомбардировщиках СБ к 1-му

июля 1940-го, помощник начальника ВВС Красной Армии генерал-майор авиации Котов был вынужден констатировать, что к 20-му июня вузы выпустили только 684 летчика, то есть треть от запланированного числа. С этим же было связано и то, что резервные авиаполки оказались лишь на 46% укомплектованы летчиками СБ, составлявшими переменный состав.

Нехватку летчиков Котов предложил Смушкевичу компенсировать, направляя в РАПы как раз тех, кто был обучен пилотированию СБ в системе ГВФ, зачисляя их на следующем этапе «в кадры Красной Армии» (там же).

Отдельную категорию, к которой присматривались ВВС КА, составляли резервные пилоты ГВФ: в 1940-м 1 200 человек должны были пройти «курс военной летно-боевой подготовки» (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 930, л. 164). Предполагалось, что 650 из них получат необходимое обучение в подразделениях ГВФ, а остальные 550 будут для этого направлены в резервные авиаполки ВВС.

9-го июля 1940-го ГУ ВВС КА направило командирам пяти резервных полков (160-го, 162-го, 163-го, 164-го и 165-го) директиву №496165с, перечисляющую требования, которые следует предъявлять к пилотам ГВФ, прибывающим, начиная с 1-го июля, на проводимые при РАПах сборы (там же, л. 73).

Их возраст не должен был превышать 30 лет; а налет — уступать тремстам часам. Поскольку к лету 1940-го руководство ГУВВС КА уже смирилось с мыслью о том, что Аэрофлот ограничен в кадровых резервах, командирам резервных полков было дано право, по собственному решению, снижать необходимый для зачисления на сборы, если пилот «при испытании показал отличные летные качества».

Эта поблажка не распространялась на тех, кто прежде не летал на П-5: любой пилот должен был откомандировываться обратно в ГВФ, если у него за плечами была работа лишь на У-2, причем его данные подлежали отправке в ГУВВС и районные военкоматы — очевидно для того, чтобы в будущем при возможной мобилизации их не рассматривали в качестве желанных для ВВС кадров. Военкоматы же должны были получить аттестации с летными оценками на каждого прошедшего сборы пилота ГВФ, а ГУГВФ — именные списки, сопровожденные оценками летной успеваемости.

Интересно, что Главное управление ВВС предупреждало командиров резервных полков о возможных перебоях в снабжении горюче-смазочными материалами, объясняя этим необходимость

«дать пилотам ГВФ максимально возможное количество полетов и хорошо изучить с ними боевую материальную часть» (там же).

Такое нацеливание РАПов на максимально интенсивное обучение гражданских пилотов означало, что Главное управление ВВС всерьез заинтересовано в том, чтобы за их счет в недалекой перспективе пополнить свои части. Очевидно, что Смушкевича не удовлетворили бы половинчатые результаты, при которых из округов пришли бы ссылки на неспособность выполнить намеченную на сборы программу из-за прогнозируемых перебоев в снабжении ГСМ. Следовательно, Смушкевич рассматривал намеченную на лето и вторую половину 1940-го массовую боевую подготовку гражданских пилотов как промежуточный этап в более масштабных предмобилизационных мероприятиях, при которых Аэрофлот должен будет передать ВВС именно тех пилотов, которые не нуждаются в длительной переподготовке, нежелательной в военных условиях.

Не будь Смушкевич еще в начале 1940-го причастен к планированию предстоящего участия ВВС в масштабных боевых действиях, он едва ли стал бы форсировать в 1940-м эту массовую переподготовку гражданских летчиков, предшествовавшую переводу многих из них в военную авиацию.

Очевидно и то, что увеличение категорий гражданских пилотов, командируемых на переподготовку в ВВС, было сопряжено с комплексом торопливых мер, связанных с планированием войны, иначе сложно объяснить их масштабность и сконцентрированность во времени, тем более идущую зачастую в разрез с интересами самого Аэрофлота.

Датируемая 9-м июля 1940-го директива №496165с свидетельствует о том, что ее написание было отдано на откуп ГУВВС, не согласовавшему на предварительной стадии ее содержание с Главным управлением Аэрофлота. Это продемонстрировала реакция гражданской авиации на содержавшиеся в директиве требования.

Вероятнее всего, возглавлявший ГУГВФ Герой Советского Союза Молоков не считал нужным спорить со Смушкевичем на той стадии, когда планы массовой подготовки кадров для ВВС лишь согласовывались, а предпочел сперва ставить начальника ВВС КА перед фактом и лишь затем объяснять ему причины происходящего.

В письме от 15-го июля, которому был присвоен номер «М-043/92с», Молоков мотивировал причины, по которым Аэро-

флот не мог послать на переподготовку требуемое количество пилотов с не менее, чем 300-часовым налетом на П-5: когда начальникам территориальных управлений 11-го июня было телеграфно приказано командировать «200 пилотов ГВФ в резервные полки ВВС К.А.», выяснилось, что должного количества «пилотов с означенным налетом часов не оказалось», а потому «было внесено предложение взять на переподготовку с налетом 120–150 час[ов], т. е. со школьным налетом» (там же, л. 164).

Идею изложили генерал-майору Котову, и тот, по утверждению служившего в 7-м отделе УК ГУВВС КА полковника Леонтьева, дал согласие брать пилотов именно с заниженным налетом, о чем было разослано «телеграфное указание Военным округам».

Упомянув, что пилоты прибывшие в Кировоградский РАП, были откомандированы обратно, даже не пройдя проверки техники пилотирования, Молоков уточнил, что ссылаться на отсутствие необходимого налета на П-5 некорректно, поскольку «все пилоты ГВФ в летных школах ГВФ прошли курс летной подготовки на самолете У-2, Р-5 и теоретический курс по изучению самолета СБ». (NB! В этом документе вместо П-5 названа его модификация Р-5.)

Безусловно, начальник Аэрофлота слегка лукавил, делая вид, что не видит разницы между выпускником школы ГВФ, имеющим опыт лишь учебных полетов, и пилотом производственного отряда, имеющим опыт самостоятельной работы без инструктора или командира звена.

Одновременно Молоков дал Смушкевичу понять, что в Главном управлении ВВС КА, ориентируясь лишь на тип самолета и количественные показатели, не понимают существенных аспектов работы ГВФ, поскольку многие пилоты, работавшие преимущественно на У-2, могли иметь налет, заметно больший, чем их коллеги, летавшие на П-5: «В системе ГВФ значительная часть пилотов в отрядах спецприменения летает на У-2 и имеет большой налет часов» (там же).

Для того, чтобы доказать необоснованность откомандирования, Молоков предоставил Смушкевичу данные о налете на Р-5 426-ти пилотов.

Неосуществимость принятого Комитетом обороны плана обеспечить ВВС 960-ю обученными пилотированию двухмоторного бомбардировщика СБ летчиками ГВФ в окружении Смушкевича осознали никак не позже последних чисел июня 1940-го, в связи с чем были вынуждены спешно уменьшать количественные показатели «первой очереди сбора пилотов ГВФ».

Смушкевичу оставалось либо существенно корректировать планы на кадровое пополнение ВВС, либо неизбежно конфликтовать с руководством Аэрофлота. В этой ситуации он осмотрительно предпочел искать компромиссные решения.

Когда, например, в базировавшийся в Кировограде 160-й РАП из ГВФ прибыли пилоты, «летающие только на У-2», помощник Смушкевича генерал-майор авиации Котов был вынужден жаловаться 9.VII.1940-го начальнику ГУ ГВФ Молокову на то, что руководители территориальных управлений ГВФ, отбирая летный состав для переподготовки в резервных полках, не выполняют тех требований, которые им были заранее сообщены и командованием Аэрофлота, и ВВС. Вместо пилотов, имеющих на П-5 налет не менее 300-ти часов, они присылали тех, кто «в большинстве своем не имеет необходимой летной подготовки для переучивания их на боевой материальной части» (там же, л. 78). Жалобы на это содержались в донесениях, поступавших от командиров и других резервных авиаполков.

Не имея более действенных рычагов влияния на кадровую политику Аэрофлота, Котов дал командиру 160-го РАП распоряжение «откомандировать непригодных пилотов обратно в свои организации» ГВФ. Ссылаясь на то, что командирование в РАПы не соответствующих требованиям пилотов приводит лишь к «непроизводительной гонке людей», он просил Молокова предписать начальникам территориальных управлений посылать на переподготовку только тех пилотов, которые соответствовали заранее согласованным требованиям.

Выходом из создавшегося положения Котову виделось не снижение критериев, а их повышение: «В случае отсутствия соответствующих пилотов в резерве, необходимо заменять недостающих, взяв с линий, но посылать летающих на У-2 недопустимо» (там же).

Вопреки приходившим из ВВС просьбам, Аэрофлот не хотел и не мог выполнить все эти пожелания, поскольку Смушкевич пытался в мирное время осуществить кадровые программы, которые могли быть оправданы лишь в обстановке масштабной войны.

Поскольку Котов явно не просчитывал последствий, которые повлечет осуществление его инициативы, начальник Главного управления ГВФ генерал-майор авиации Молоков опротестовал

эту идею в письме, которым дал Смушкевичу понять, что будет отстаивать интересы Аэрофлота.

Из датированного 15-м июля письма становилось очевидно, что Аэрофлот к такой массовой передаче собственных летчиков Военно-Воздушным Силам оказался не готов, поскольку его командование понимало, к каким последствиям для гражданской авиации приведет столь масштабное опустошение кадровых резервов.

Сложно поверить в то, что в этом не отдавал себе отчета и начальник ВВС генерал-лейтенант авиации Смушкевич. И тем не менее Молоков был вынужден объяснять очевидное: «Снять пилотов с летной [линейной] работы в летних условиях не представляется возможным по тем причинам, что нет [равного количества] подготовленных пилотов, которых можно было бы допустить к полетам на пассажирских и грузовых самолетах».

Вторая причина, по которой, как объяснял Молоков, замена резервных пилотов линейными не решит всех задач, связанных с «подготовкой военных летчиков», заключалась в том, что «линейных пилотов, имеющих большой налет часов, можно переподготовить на любой современной машине в более короткие сроки, что практически подтверждено посылкой 100 пилотов в Кировабад в [феврале и] марте» 1940 года (там же, л. 164).

Хотя об этом не говорилось напрямую, но Молоков не стал скрывать, что готов делиться с ВВС в первую очередь резервными пилотами, отзыв которых не скажется столь катастрофически на производственной работе ГВФ. Поскольку Смушкевич мог воспринять эту позицию как желание избавиться от кадрового балласта, Молоков объяснил свою позицию тем, что заботится, в частности, о «повышении летных и боевых качеств резервных пилотов ГВФ», а потому просит командующего ВВС дать указания «на военную переподготовку брать в первую очередь пилотов, состоящих в резерве ГВФ, в том числе и со школьным налетом» (там же).

Неудивительно, что даже после этого июльского письма ситуация с переподготовкой гражданских пилотов в резервных авиаполках существенно не изменилась. 2 августа теперь уже располагавшийся в Торжке 163-й РАП сообщил помощнику начальника ВВС КА генерал-майору авиации Горюнову о том, что пилоты ГВФ сбор не прошли, поскольку «были откомандированы обратно» из-за их несоответствия сформулированным в директиве №496165с требованиям (там же, л. 168).

Навязываемые коллегами из ВВС масштабы боевой переподготовки гражданских кадров оказались для ГВФ настолько невыполнимыми, что после переписки с Аэрофлотом Смушкевич был вынужден отменить «призыв пилотов ГВФ на сборы второй очереди на 1940 год», о чем Молокову 26-го июля и сообщил начальник управления кадров ГУ ВВС КА генерал-майор авиации Горюнов (там же, л. 163).

Тем не менее, Аэрофлот, насколько мог, выполнял свои обязательства, сопряженные с боевой подготовкой. Например, еще с 1-го мая ГВФ начал обучать на СБ первую партию пилотов, и к 15-му июля на эти курсы было «вызвано 306 чел[овек]» (там же, л. 164).

В интересах ВВС КА специльные сборы военной подготовки на самолетах СБ были организованы Аэрофлотом и в Минеральных Водах при курсах высшей летной подготовки, на которых уже несколько лет посылали пилотов, подлежавших переводу в 3-й или 2-й класс.

В октябре 1940-го укомплектованная руководящими сотрудниками КВЛП приемная комиссия, возглавляемая майором ВВС Яценко, подтвердила, что 43-мя пилотами ГВФ на 2-м и 3-м спецсборах пройден теоретический и летный курс по утвержденной отделом переподготовки и боевой подготовки Аэрофлота программе. Судя по тому, что из 30-ти выпускников второго, и 13-ти — третьего наборов лишь трое были пилотами 3-го, а все остальные — 4-го класса, можно предположить, что спецсборы при КВЛП были организованы для подготовки самого молодого летного состава ГВФ (там же, л. 189, 190).

По результатам проведенных испытаний 42 пилота были представлены майором Яценко к «зачислению в кадры ВВС Красной Армии» (исключение сделали лишь для пилота Северного Управления ГВФ Каширина, ходатайствовавшего оставить его в гражданской авиации) (там же, л. 192).

Продуманности массовой боевой подготовке пилотов ГВФ явно не хватало, из-за чего возникали недоразумения и конфликтные ситуации.

Например, 11.VII.1940-го заместитель начальника УК ГУ ВВС КА генерал-майор Авиации Белов был вынужден обратиться к начальнику Батайской военной авиационной школы для того, чтобы поставить под сомнение необходимость уже состоявшегося зачисления туда пилотов ГВФ, являющихся младшими лей-

тенантами запаса: «Их вообще не надо было принимать в школу, так как они уже имеют летную подготовку пилотов IV кл[асса]» (РГВА, ф.29, оп. 47, д. 928, л. 187).

Пришлось оспаривать и статус таких курсантов: младшие лейтенанты запаса не могут быть переведены «на положение рядового красноармейца-курсанта», поскольку, в соответствии с директивой № 21/180673, должны служить на правах среднего начальствующего состава (там же).

Не менее абсурдно складывалась служба и 44-х пилотов Узбекского управления ГВФ, призванных 4.III.1940-го, по наряду 10-го отделения штаба Среднеазиатского военного округа, в РККА (там же, л. 77). Хотя они прежде и не служили в армии, военные звания младших лейтенантов запаса им были присвоены еще по окончании авиационных училищ ГВФ.

Вскоре командованию Узбекского управления стали приходить письма от призванных, которых по прибытии в Одесское авиационное военное училище назначили сперва в роту охраны. Через некоторое время они были зачислены в курсантский состав наравне с теми курсантами, которые не имели летной подготовки и соответствующего звания.

В результате начальник мобилизационного сектора УзбУГВФ обратился в 7-й отдел Управления Кадров ВВС РККА с просьбой разобраться в правовом положении бывших пилотов ГВФ (там же).

Кировабадские курсы

К 5-му января 1940-го командование ВВС КА получило от Аэрофлота список на 103 пилота, летающего в ГВФ на самолетах ПС-40, Г-2 и ПС-9 (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 930, л. 9). Поскольку ПС-40 был гражданской модификацией двухмоторного бомбардировщика СБ; Г-2 — четырехмоторного ТБ-3, а трехмоторный ПС-9, хотя и использовался преимущественно Аэрофлотом, но рассматривался ВВС в качестве пригодной для выброски десанта машины, речь шла о летчиках, которые знают матчасть этих самолетов и умеют их пилотировать.

Каждый из них имел налет на ПС-40 не менее 25-ти часов, поэтому командование ВВС КА полагало, что эти кадры вполне подготовлены для того, чтобы пройти «летную тренировку по боевому обучению» (там же, л. 8).

Цифра командируемых в переписке между ГУГВФ и ГУВВС незначительно колебалась. Самое большее число пилотов, направляемых на курсы, равнялось 107. Именно на них мобилизационный отдел Аэрофлота отправил в управление кадров ГУВВС список 28 января (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 16).

Сперва планировалось организовать для этого сборы при Тамбовском летном училище ГВФ, на которых по 50 пилотов в месяц будет с 15-го января по 15-е марта проходить обучение вместе с летнабами и штурманами (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 930, л. 8).

Призыв более чем ста пилотов ГВФ предполагалось оформить через Генеральный штаб, с которым этот план уже был согласован. Но особый интерес, преследуемый Смушкевичем, заключался в том, чтобы «окончивших сборы зачислить в кадры ВВС для укомплектования восстановливаемых частей» (там же).

Поскольку сборы при Тамбовском училище должны были стать по сути тем приемным пунктом, где ВВС приглядел бы себе хорошо подготовленные кадры, «проверку прибывших» должна была осуществить комиссия, в состав которой входили представители Главного управления ВВС КА (там же, 8-об.).

Осуществление этого плана означало бы, что не позднее апреля одновременно несколько территориальных управлений Аэрофлота лишилось большинства своих наиболее опытных кадров, подготовка которых растягивалась на годы, поскольку все они имели большой налет, а многие и высокий класс. На практике Азербайджанская авиагруппа осталась бы без 5-ти, Азово-Черноморское управление — 19-ти, Восточно-Сибирское — 11-ти, Грузинское — 6-ти, Московское — 11-ти, Северное — 7-ми, Северо-Казахское — 9-ти, Южно-Казахское — 6-ти, Туркменское — 2-х, Узбекское — 2-х, Украинское — 12-ти, и управление воздушной магистрали Москва — Иркутск — 13-ти пилотов, из которых в общей сложности 8 были пилотами первого, 49 — второго, 45 — третьего и лишь 1 — четвертого класса (подсчитано по листам 9–13).

Заменить всех этих пилотов равным количеством не менее подготовленных территориальные управления возможности не имели. К тому же проведение сборов в январе — марте означало, что не менее, чем на месяц, когда зимняя навигация еще не завершена, управления теряли бы летчиков, от присутствия которых в отрядах зависело выполнение заранее составленных производственных планов.

Из этого можно заключить, что командование Аэрофлота, предоставляя ВВС КА список, едва ли знало о вынашивавшемся военными коллегами намерении решить свои кадровые проблемы за счет квалифицированных пилотов ГВФ.

Вероятно, на случай, если Аэрофлот попытается отстаивать наиболее подготовленных, командование ВВС провело с Молоковым переговоры и о других пилотах. Как утверждал в адресованной Смушкевичу докладной его помощник комдив Котов, «Молоков может выделить дополнительно:

а) 100 пилотов, летающих на разных типах с[амоле]тов с налетом до 1 000 час[ов], которые могут быть переведены на СБ в течение 2-х месяцев. <…>

б) 150 пилотов молодых, имеющих меньший налет, но вполне пригодных для перехода на СБ. <…> Их переучивание может быть организовано ГВФ в 2–3 пунктах» (там же, 8-оборотная).

Для того, чтобы максимально использовать кадровый потенциал ГВФ, начальник ВВС КА (тогда еще комкор) Смушкевич решил, не ограничиваясь намечавшейся программой переподготовки в Тамбове, действовать наверняка и в январе 1940-го обратился к наркому обороны маршалу Ворошилову с просьбой утвердить ряд мероприятий, необходимых для подготовки к боевому применению летчиков запаса, под которыми подразумевались как те 100, чей список был получен из ГУГВФ, так и те 100, кого Молоков был готов «выделить дополнительно».

На этом этапе Смушкевич предлагал призвать из ГВФ сразу 200 пилотов запаса и направить в принадлежавшее Аэрофлоту Тамбовское училище, где им предстояло обучиться пилотированию СБ и боевому применению. Обучение планировалось провести двумя группами: первые 100 пилотов должны были его пройти к 15 марта, а остальные — к 15 июля.

Одновременно Смушкевич хотел «призвать из запаса 100 пилотов ОСОАВИАХИМа, обучающихся на инструкторов, и переучить их на пилотов истребителей» к 1 мая в Херсонской школе ОСОАВИАХИМа (там же, л. 7).

Во второй половине января планы были скорректированы, и переподготовку ста опытных пилотов ГВФ было решено провести не на сборах при Тамбовском Летном Училище, а на подчинявшихся ВВС и располагавшихся в Азербайджане Кировабадских авиационных курсах усовершенствования командиров звеньев.

В августе 1939-го, по приказу НКО № 070, в Кировабадские Курсы была реформирована Кировабадская военная школа пилотов, причем их функционирование регулировалось положением, предназначавшимся сперва для Ейских курсов усовершенствования командиров звеньев, формирование которых, намечавшееся директивой ГШ РККА № 4/4/45389 от 26.I.1939-го, было затем отменено (РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 578, л. 7).

Командование ВВС могло формулировать критерии, предъявляемые к направлявшимся в Кировабад пилотам ГВФ, однако итоговые списки утверждались в Аэрофлоте. Не случайно 2 февраля, когда они уже прибыли на Курсы, мобилизационный отдел ГУГВФ лишь выслал в 7-й отдел управления кадров ГУ ВВС КА аттестационный материал на 64 командированных на курсы пилотов, летающих на ПС-40. Отсутствие аттестаций еще на 41 человека моботдел мотивировал тем, что ждет соответствующую информацию из тех подразделений, в которых они работают (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 24).

Возможно, что аттестации прибыли в Кировабад на несколько дней позже подавляющего большинства пилотов, на которых они были составлены, именно для того, чтобы не вводить руководство Курсов в неизбежный соблазн провести предварительный отсев на основе аттестационного материала. Любые откомандирования привели бы к тому, что все равно пришлось бы кого-то посылать в Кировабад взамен забракованных отборочной комиссией, причем в самый разгар зимней навигации, поэтому Аэрофлот явно не случайно сперва направил на Курсы пилотов, и лишь после этого собрал нужную документацию.

С другой стороны, нельзя исключать и того, что в моботделе ГУГВФ не были готовы к столь скорому началу переподготовки, так как могли ориентироваться на другие сроки.

Возглавлявший Курсы полковник Мительман и начальник штаба майор Богдецкий, составив представление об уровне прибывших из ГВФ пилотов, сочли необходимым привести полученную ранее программу обучения в соответствие с их квалификацией и поручили «помощнику по летной части майору Андрееву пересоставить присланную летную программу для истребителей и бомбардировщиков из УБП», учитывая подготовку слушателей и «соблюдая постепенный переход к более сложным упражнениям» (РГВА, ф. 35 495, оп. 1, д. 10, л. 70). При этом ранее запланированные учебные упражнения должны были быть сохранены, как

и налет, который предстояло каждому пилоту получить к тому моменту, как им будут окончены курсы.

Судя по тому, что скорректированная программа, как и списки комплектуемых экипажей, должны были быть представлены на утверждение Мительману 4 февраля, практические занятия на самолетах начались лишь после этого.

«Летчиков, прибывших для переучивания на скоростной матчасти и оставшихся от первого выпуска», свели в отряд из трех звеньев.

А из летчиков запаса, летнабов и стрелков-радистов были сформированы экипажи, распределенные по четырем отрядам, в каждый из которых вошло по пять звеньев (там же).

Поскольку из одного только Аэрофлота в Кировабад прибыло более ста пилотов, Курсам пришлось рассредотачивать отряды, по которым летный состав был распределен, на разных аэродромах. В итоге, для того, чтобы избежать простоев, полеты проводились в две смены: «один отряд в первую смену — на 4-м аэродроме; остальные отряды — во вторую смену на 4-м и 6-м аэродромах по два отряда на каждом» (там же, л. 70–71).

Еще до того, как пилоты прошли переподготовку, командование Кировабадских курсов получило возможность проверить квалификацию нескольких из них во внеаэродромном полете.

10 февраля пять пилотов ГВФ вместе со своими сформированными на курсах экипажами убыли в расположенный в Крыму город Саки, откуда вскоре перегнали бомбардировщики, на которых предстояло проходить боевую подготовку. Участвовавшему в перелете Саки — Кировабад пилоту Грузинского управления ГВФ Василию Вагину, его штурману — младшему лейтенанту Евко и стрелку-радисту Авдонину «за успешное выполнение» задания была объявлена благодарность (там же, л. 126, 176).

3-го марта еще одна группа пилотов перегнала в Кировабад самолеты — на этот раз из Орла (там же, л. 184).

Прохождение курсов заняло около двух месяцев, и, судя по тому, что к тренировочным полетам на высоту 7 000 метров приступили лишь во второй половине марта, подготовку не старались форсировать и проводили поэтапно.

Вопреки первоначальным планам, не все имевшиеся в самолетном парке Кировабадских курсов бомбардировщики были снабжены двойным управлением, хотя летчики сперва совершали вывозные полеты с инструкторами.

Методическая последовательность подготовки себя оправдала, так как серьезных происшествий практически не было, если не считать того, что 19 марта командир звена лейтенант Мишин, совершавший тренировочный полет на высоту семи километров вместе с пилотом Дальневосточного управления ГВФ Нижниковским, потерял сознание из-за того, что по ошибке почти до отказа закрыл вентиль кислородного баллона. Он очнулся лишь когда перешедший в беспорядочное падение СБ оказался на высоте четырех километров; при этом скорость потерявшего управление бомбардировщика достигла 540 км/ч и была близка к критической. Из-за того, что в кабине, где находился Нижниковский, не было управления, он не мог вывести самолет из падения, когда инструктор был без сознания, и если бы Мишин не пришел в себя, дело непременно закончилось бы катастрофой (там же, л. 233).

По результатам летной практической подготовки начальник Кировабадских курсов составлял на каждого пилота аттестацию, в которой давалось общее заключение по различным элементам техники пилотирования; при этом отдельно оценивались взлет, набор высоты, развороты, виражи, спираль, скольжение, прямая на одном моторе, развороты на одном моторе, расчет, посадка и боевое применение (РГВА, ф. 29 , оп. 47, д. 928, л. 23). На основании этих оценок делался заключительный вывод о возможности дальнейшего использования пилота в боевой авиации (там же, 23-об.).

По свидетельству летчика Михаила Симонова, прибывшего в Кировабад из Дальневосточного управления ГВФ, гражданские пилоты полагали, что их готовят к боевым действиям против Финляндии (из интервью, данного М. В. Симоновым автору 7.VII.2002 г.). В действительности же в Финляндии с конца 1939-го была задействована большая группа аэрофлотовских экипажей, обслуживавших действующую армию, и даже если бы по окончании Кировабадских курсов пилотов, водящих бомбардировщик СБ, бросили против финов, это не означает, что ГУВВС, замышляя эти курсы, предполагало ограничить использование гражданских пилотов лишь в ходе одной военной кампании.

Небольшая группа гражданских пилотов была задержана на Курсах уже после того, как основной поток слушателей, пройдя всю программу переподготовки, был 19-го марта распущен по прежним местам службы (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 100). Оста-

вавшиеся в Кировабаде пилоты были командированы обратно в Аэрофлот лишь в конце первой декады апреля (РГВА, ф. 35495, оп. 1, д. 10, л. 270).

Была ли эта задержка связана с прохождением какой-то дополнительной усложненной программы или же им было поручено выполнение дополнительных перелетов, завершившихся перегонкой матчасти в Орел (там же, л. 266), по найденным документам пока что сказать не удается.

Вопреки имевшейся у командования ГУ ВВС КА еще в январе уверенности в том, что «100 пилотов ГВФ», прошедших Кировабадские курсы, «будут зачислены в кадры ВВС Красной Армии», — а об этом еще 28.I.1940 уверенно сообщал начальникам продовольственного и мобилизационного управлений РККА помощник Смушкевича по кадрам комдив Котов (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 21), — добиться их перевода из Аэрофлота в Военно-Воздушные Силы на том этапе не получилось. Не помогло даже то, что, словно бы пытаясь придать гражданским пилотам псевдовоенный статус находившихся на курсах, слушателей из ГВФ привели 23 февраля к присяге, что проводило грань между ними и другими пилотами Аэрофлота, за исключением тех, кто присягал, например, во время Финской кампании, когда специально сформированные подразделения Аэрофлота обслуживали фронт (РГВА, ф. 35 495, оп. 1, д. 10, л. 154).

Молокову удалось отстоять свои кадры, и из 107 летчиков ГВФ, прошедших в феврале-марте боевую подготовку в Кировабаде, Смушкевич получил лишь 17 человек, которые подали рапорта с просьбой зачислить их в кадры Красной Армии (там же, л. 69, 70).

29 апреля вышел приказ НКО по личному составу № 01 878 «о призыве пилотов ГВФ в кадры КА», однако, по крайней мере, один из 17-ти смог избежать перевода в ВВС: им оказался пилот НИИ ГВФ старший лейтенант запаса Борис Кондратьев, попросту «отказавшийся ехать к месту новой службы» (РГВА, ф. 29, оп. 47, д. 928, л. 95).

Возможно, причиной отказа стало то, что Кондратьев, в отличие от других состоявших в запасе Красной Армии пилотов ГВФ и инструкторов аэроклубов ОСОАВИАХИМа, призванных в РККА приказом № 01878, уже получил возможность составить собственное представление о том, в каких условиях и с кем ему предстоит служить, если он покинет Научно-исследовательский институт, пилотом которого является: его назначали инструктором-летчиком той самой Кировабадской военной авиационной школы, курсы при которой он прошел в начале 1940-го (там же, л. 116).

Письма Сталину

Если верить маршалу авиации (а в 1940-м — шеф-пилоту ГВФ) Александру Голованову, то обратиться к Сталину с письмом о создании дальнебомбардировочного соединия, способного, используя современные средства радионавигации, выполнять дальние рейсы в особо сложных метеоусловиях, его попросил в канун нового, 1941-го, года назначенный к тому моменту главным инспектором ВВС Яков Смушкевич (Голованов А., «Дальняя бомбардировочная…», М. 2004, с. 25).

Ссылаясь на опыт, приобретенный во время войны против Финляндии, Голованов упоминал в датированном январем 1941-го письме, что предлагал Жданову, входившему тогда в военный совет Северо-Западного фронта, доверить гражданским пилотам вести формации бомбардировщиков, поскольку кадры ГВФ были лучше подготовлены для слепого полета вне видимости земли, нежели их коллеги из ВВС.

В пример Голованов приводил Королевские ВВС Великобритании, которые летают на «Берлин, Бремен и другие города Германии… пользуясь такими же средствами радионавигации» («ВВС России. Неизвестные документы», М. 2003, с. 132).

Выражая сомнение в способности советских военных летчиков столь же точно выходить на цели, Голованов в этом же письме завуалированно противопоставлял кадры ВВС РККА британским авиаторам: «Надо прямо сказать, что радионавигация имеет весьма слабое развитие у нас в ВВС, а без нее и без ночных и слепых полетов нельзя рассчитывать на обеспеченый успех» (там же).

Словно бы зная, что предстоит большая война, шеф-пилот Аэрофлота объяснял свое обращение к Сталину тем, что «С каждым днем диктуется все большая необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать почти в любых условиях погоды и времени суток и точно прилетать и бомбить те цели, которые ей указаны. <…> В предстоящей войне от полетов дальних бомбардировщиков в глубокие тылы противника и их успешной деятельности по дезорганизации этих тылов путем разрушения объектов

промышленности, транспорта, стратегических дорог, боепитания и т. д. и т. п. будут в большой степени зависеть успехи операций на передней линии фронта и разгром противника. <…> Имея достаточный опыт и навыки в этих вопросах, я могу предложить свои знания и взяться за организацию специального соединения в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым к авиации, и которое летало бы лучше англичан и немцев вместе взятых» и «явилось бы источником кадров для дальнейшего увеличения количества подобных соединений» («ВВС России. Неизвестные документы», М. 2003, сс. 131–133).

Будь Голованов рядовым пилотом, сформулированная в письме неожиданная претензия на то, чтобы ему поручили сформировать авиационное соединение, показалась бы нелепой, но, поскольку в прошлом он возглавлял Восточно-Сибирское управление ГВФ, выражаемая им готовность как будто не противоречила его опыту. Отчасти это и предопределило благоприятный для Голованова исход его обращения к Сталину.

После участия в Финской кампании Голованов осознавал, насколько дальнебомбардировочной авиации недостает квалифицированных кадров, поэтому, хотя он и не написал напрямую, что летчиков следует брать из ГВФ, это читалось между строк. К тому же он наверняка был осведомлен и о наблюдавшихся в 1940-м году попытках того же Смушкевича добиться перевода опытных кадров из Аэрофлота в ВВС.

Не исключено, что Смушкевич проинструктировал Голованова не писать напрямую о необходимости пополнять кадры за счет Аэрофлота, поскольку по наличию этого предложения действительный автор идеи был бы моментально просчитан, что, возможно, снизило бы шанс на благоприятное для него решение этого вопроса. Поэтому можно предположить, что Смушкевич, вероятно, отчаявшись договориться с Молоковым, решил найти в Аэрофлоте влиятельных авиаторов, суфлируя которым свою идею перевода наиболее опытных пилотов ГВФ в Военно-Воздушные Силы, можно организовать их обращение непосредственно к Сталину.

В пользу этого свидетельствует то, что в марте 1941-го со схожим, — пускай не в деталях, но по замыслу, — письмом к Сталину обратился Герой Советского Союза Михаил Водопьянов.

Если верить его воспоминаниям, он познакомился с Яковом Смушкевичем еще в ноябре-декабре 1939-го (*с описания их первой встречи начинается глава «На оранжевой машине» книги «Небо начинается с земли»*), однако о том, как и в каком режиме складывались их взаимоотношения во второй половине 1940-го — первой половине 1941-го, он ни слова не пишет даже в посвященной Смушкевичу книге (Водопьянов М., Григорьев Г., «Летать рожденный», М. 1969).

Уже имея опыт дальних перелетов в Арктику на четырехмоторном АНТ-6, являвшемся гражданским вариантом бомбардировщика ТБ-4, Водопьянов попросил Сталина поручить ему совершить беспосадочный 15–16-часовой «полет по маршруту Москва — Хабаровск… а на обратном пути Хабаровск — Москва» на тяжелом бомбардировщике ТБ-7. Полагая, что, «посетив по всей трассе Дальнего Востока военные аэродромы» и «ознакомив личный состав с автономностью данной машины, которая является, по своей самостоятельности, образцом для всех боевых самолетов», он легче добьется согласия Сталина на реализацию содержащейся в письме идеи, Водопьянов включил этот перелет в список мероприятий, сопряженных с созданием сверхмощного соединения дальних бомбардировщиков, по численности равного по меньшей мере двум полкам ДБА.

Ссылаясь, подобно Голованову, на опыт Финской войны, Водопьянов пояснял, что «его заинтересовала 4-моторная маина ТБ-7, которая до сего времени, несмотря на то, что имеет большую высотность, большую скорость и грузоподъемность, все же не получила еще достаточного распространения в ВВС КА» (ЦАМО, ф. 20 004, оп. 1, д. 19, л. 4).

Особо отмечая грузоподъемность ТБ-7, Водопьянов пускался в эффектные подсчеты: «Если взять 100 боевых самолетов, то они могут одновременно поднять в воздух 500 000 кгр. бомб, начиная от 100 кгр., кончая 2-тонной бомбой или одновременно выбросить 7 000 человек десанта. Кроме того, самолет можно использовать для переброски танков, автомашин, пушек и т. д. Для ночных операций машина ТБ-7 незаменима» (там же, л. 4, 5).

Свои симпатии к ТБ-7 летчик подкреплял также тем, что «для перевозки той же бомбовой нагрузки в 500 000 кгр. потребуется двухмоторных самолетов 500 штук, т. е. одних моторов на 600 штук больше, чем у тяжелых самолетов, а эти 600 моторов сожгут за 1 час полета горючего 120 000 кгр».

Помимо экономии горючего и моторесурсов, Водопьянов подсчитывал, что использование ТБ-7 позволит обходиться меньшим количеством летно-подъемного состава: «Кроме того, имеем эко-

номию…: летчиков — 300 человек, штурманов — 400 человек».Все эти расчеты предваряли главный вывод: «Если создать боевую единицу из 100 самолетов ТБ-7, 50 штук двухмоторных самолетов и 50 штук истребителей, то эта единица явится мощным воздушным кулаком, [бьющим] по врагам нашей Родины» (там же, л. 5, 6).

23-м марта подписаны и составленные Водопьяновым маршалу Тимошенко «Соображения по вопросу широкого разворачивания тяжелого самолетостроения в СССР», в которых пилот перечислил возможные театры военных действий и географию целей, оказывающихся в радиусе действия тяжелых бомбардировщиков ТБ-7.

Этот самолет-гигант Водопьянов назвал «незаменимым» по его тактико-техническим характеристикам: он «обеспечен всем необходимым… оборудованием, имеет мощное вооружение (5 [огневых] точек без мертвых конусов. В строю самолеты ТБ-7 взаимно охраняются и являются недоступными для вражеских истребителей» (там же, л. 15).

Из этих рассуждений можно понять, что к весне 1941-го Водопьянов имел достаточно превратное представление о тех условиях, в которых по ночам действовали тяжелые бомбардировщики Великобритании, воевавшие против Германии. На тот момент Люфтваффе еще не организовало сколь бы то ни было эффективную службу перехвата бомбардировщиков истребителями в ночных условиях.

Уместные в дневных условиях полеты сомкнутым строем в ночных условиях попросту не требовались, поэтому создается впечатление, что Водопьянов неуместно смешивал тактику бомбардировочных действий в разное время суток.

Хотя он полагал наиболее разумным проводить налеты именно ночью, очевидно, что условия полета, сопряженные с активным сопротивлением истребителей, представлялись ему по реалиям воздушной войны в Финляндии, разворачивавшейся именно в дневное время, поскольку советские ВВС оказались не готовы к грамотным действиям в темное время суток.

Явно превратными были и представления Водопьянова о том, что ночные бомбометания дают непременно большее разрушение цели, нежели проводимые при дневном свете.

Похоже, что он переоценивал и уровень навигационной подготовки советских штурманов и качество бомбардировочного оборудования, да и «эффективность» отождествлял, видимо, исключительно с площадными разрушениями, при которых масштабы налета могут компенсировать неточность бомбометания.

Недопонимал Водопьянов и то, что обладая более качественными, чем стоявшие на вооружении советских ВВС, навигационными приспособлениями, облегчавшими отыскание цели и ее дальнейшее освещение, те же королевские авиационные силы (RAF) не могли похвастать регулярной точностью выхода на цель.

Хорошо смотрелось на бумаге, не имея практического подтверждения обещание посылать ТБ-7 на бомбардировку аж дважды за ночь. Теоретически же это оказывалось осуществимо лишь по ближним целям, на которые было абсолютно бессмысленно посылать ТБ-7.

«Базируя самолеты ТБ-7 в пограничных пунктах СССР, мы получим следующую, примерно, схему боевого охвата капиталистических стран:

1. База в Риге: позволяет охватить всю Финляндию, Швецию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Данию, Германию, Венгрию, Югославию, Румынию и частично Англию, Францию, Швейцарию, Италию и Болгарию.
2. База в Белостоке: позволяет охватить те же страны с более значительной частью Англии, Франции, Италии, полностью всю Болгарию и большую часть Греции.
3. База в Львове: передвигает окружность дальнего действия более на юг, с еще большим охватом Франции, всей Италии, Греции и значительной части Турции.
4. База в Одессе: передвигая окружность дальнего действия еще далее на юг, позволяет охватить полностью Турцию.
5. База в Спас[с]ке: позволяет охватить всю Японию.

Большинство же военно-стратегических и политических центров Европы, Азии и Японии самолеты ТБ-7 без повторной заправки горючим могут бомбить не менее, как двоекратно за одну ночь. Эти преимущества тяжелых бомбардировщиков («Летающая крепость») уже на опыте современной войны, учтены, как Германией, так и Англией и Америкой, широко развивающих сейчас строительство самолетов такого типа» (там же, л. 15–16).

Сложно отделаться от впечатления, что и города, рядом с которыми Водопьянов предлагал разместить соединения ТБ-седьмых,

выбирались им по географическому принципу, а не по критериям готовности расположенных там аэродромов и авиционных баз к эксплуатации тяжелых бомбардировщиков, которым требовались и большие, чем для других самолетов взлетно-посадочные полосы, и хорошо оборудованные бензохранилища, и авиаремонтные мастерские.

Не может не вызывать удивления и то, что Водопьянов видел места базирования ТБ-7 в приграничных районах, хотя стратегическим бомбардировщикам вовсе не требуется находиться поблизости от потенциального противника, где их могут достать в ходе ответных налетов бомбардировщики противника.

Всех этих причин было достаточно для того, чтобы Сталин, разумеется, не пошел на создание такой сети укомплектованных ТБ-7 частей.

К тому же требовавшегося количества этих бомбардировщиков ни к весне 1941-го, ни к началу войны с Германией (ни даже к ее концу) выпущено не было, что делало выдвигаемые Водопьяновым проекты неосуществимыми.

Вне зависимости от того, осознавал ли знаменитый летчик вместе со своими суфлерами утопичность этой затеи, ее осуществление, как и реализация предложенного Смушкевичем через Голованова плана, было напрямую сопряжено с переводом гражданских пилотов в ВВС, поскольку на формирование замышлявшихся соединений ТБ-7 потребовались бы квалифицированные кадры — и летчиков, и штурманов, и радистов.

Едва ли будет преувеличением сказать, что созданием дивизии, которая могла иметь хотя бы косвенное отношение к планам Водопьянова, знаменитый летчик оказался обязан произошедшему 22 июня вторжению Германии. Очевидно, именно это событие вынудило Государственный комитет обороны выпустить 14-го июля постановление №ГКО-143сс, в соответствии с которым создавалась авиадивизия дальнего действия, состоящая из двух полков, оснащенных бомбардировщиками ТБ-7 (ЦАМО, ф. 20004, оп. 2, д. 1, л. 2).

Хотя каждый полк предписывалось укомплектовать пятью эскадрилиями по три ТБ-7 в каждой, у промышленности не было достаточного количества самолетов, необходимых для полного оснащения новых частей. В результате один полк должен был быть сформирован к 20 июля, а формирование второго полка намечалось «закончить по мере поступления самолетов от промышленности».

Водопьянову, которого назначили командиром дивизии, теперь предстояло формировать экипажи из личного состава разных частей и Научно-исследовательского института ВВС, а также ГлавСевМорПути, становившихся, в соответствии с постановлением ГКО, основным поставщиком кадров для новой дивизии (там же). [NB! Об этом же документе идет речь в статье А. Медведя «Новые центурионы. У истоков АДД» («Крылья Родины», № 3/4, 2005 г., с. 15) и в книге М. Маслова «"Летающие крепости" Сталина. Бомбардировщик ПЕ-8» (М., 2009, с. 49, 50).]

Закономерно, что из 14-ти авиаторов, переведенных в 81-ю ДБАД из ГлавСевМорПути и перечисленных в приложении к постановлению ГКО, были не только четыре летчика, но и два штурмана, два радиста и шесть специалистов инженерно-технического состава (там же, л. 3).

Предположить, что Водопьянову, как и Голованову, обратиться к Сталину предложил все тот же Смушкевич, позволяет ряд очевидных сходств между письмами обоих пилотов.

Прежде всего, обращает на себя внимание демонстрируемое обоими превратное представление о штате крупных дальнебомбардировочных соединений. Обоим оптимальным для соединения ДБА видится самолетный парк в 100–150 машин.

Оба в первом квартале (Голованов — в январе, а Водопьянов — в марте) предаются размышлениям о возможной войне.

Оба считают, что война будет протекать по такому сценарию, при котором с самого начала СССР сможет с помощью стратегической авиации эффективно влиять на ее ход.

Оба, — и это особенно яркое выражение нашло в письме Водопьянова, предлагавшего разместить базы ТБ-седьмых настолько близко к границе, чтобы они могли достигать даже Великобритании, — не способны предположить такого развития боевых действий, при котором линия фронта сдвинется глубоко на восток, сделав крайне затруднительным бомбардирование стратегических объектов, расположенных в той же Германии, из-за чего ДБА придется переориентировать с Берлина и Кёнигсберга на Смоленск и Бобруйск.

Оба, понимая, что кадры такого соединения ДБА придется пополнять за счет гражданских пилотов, старательно избегают прямого упоминания ГВФ или Севморпути.

И наконец, оба считают, что именно Сталин должен рассматривать их инициативу, но никак не командующий ВВС или нарком обороны.

Это сходство двух писем не выглядит случайным.

Однако предложения Голованова были услышаны и начали реализовываться достаточно оперативно, поскольку были, в отличие от затеи Водопьянова, выполнимы, пускай и не совсем в тех масштабах, о которых говорилось в письме.

Не вызывает сомнений, что письмо Голованова легло в основу необходимых для изложенного в нем плана мероприятий именно потому, что создание оснащенного двухмоторными ДБ-3ф полка было, в отличие от фантастического прожекта Водопьянова о создании целой сети вооруженных тяжелыми ТБ-7 полков, осуществимо.

Все это означает, что ход предстоящей войны им видится иным, и именно поэтому Водопьянов и Голованов не боятся предлагать Сталину мероприятия, направленные не столько на усиление обороны, сколько на разрушение глубоких тылов противника.

О вариантах письма Голованова

Письмо Голованова сперва было факсимильно воспроизведено в сборнике «ВВС России. Неизвестные документы» (М. 2003, лл. 131–133), однако издатели не сопроводили его справочным аппаратом, из-за чего место хранения архивного документа оставалось не известно, а сама публикация не может рассматриваться как научная. Теперь же, когда автору удалось не только выяснить, что этот документ по-прежнему остается на хранении в АПРФ, но и уточнить его архивные реквизиты, мы имеем возможность, не сомневаясь в его аутентичности, опубликовать письмо Голованова Сталину в полноценном научном контексте с комментариями, необходимыми в связи с тем, что его текст разительно отличается от содержащегося в маршальских мемуарах.

Вопреки тому, что Голованов утверждает, будто воспроизводит письмо по памяти, сопоставление опубликованного текста и факсимиле показывает, что столь щедрые дословные совпадения возможны лишь при переписывании с оригинала, так как удерживать в памяти на протяжении нескольких десятилетий крупные непоэтические фрагменты могут лишь люди со специальной подготовкой, к каковым Голованов не принадлежал. Из этого следует, что для своей книги мемуарист отредактировал сохранявшееся у него в черновом или правленом варианте письмо, сократив его в сравнении с оригиналом более, чем на треть.

Сравнивая различия между факсимильным и мемуарным вариантами писем, можно точнее понять смысл беседы, которую с Головановым вел Смушкевич. Характер правки, которую маршал внес после войны в это письмо, и не включенные им в публикацию фрагменты наглядно раскрывают замысел, в соответствии с которым в начале 1941-го был сформирован 212-й ОДБАП.

Эти неожиданные различия существенны еще и потому, что предоставляют возможность критически осмыслить источник, особенно сейчас, когда появилось множество псевдоисториков, считающих возможным безапелляционно ссылаться на мемуары, не считая нужным сопоставлять их содержание с доступными архивными документами. Между тем данные разночтения вдвойне интересны еще и потому, что Голованов приобрел репутацию куда более достойного военачальника, нежели многие его ровесники. Тем принципиальнее оценивать его свидетельства, опираясь не столько на доверии, сколько на знании первоисточников.

Первое, что бросается в глаза, это отсутствие значка «<…>» в опубликованном в мемуарах тексте, хотя ряд абзацев Голованов попросту не воспроизвел. Между тем, сокращения были не случайными. В мемуары не попала, например, декларация превосходства советской авиации по психологическим качествам летного состава и тактико-техническим характеристикам самолетов, сгодившаяся бы для населения, жившего вдали от фронта, но выглядевшая уже неуместным бахвальством в стране, на территории которой в течение трех лет велась война, сопряженная с колоссальными потерями.

Хорошо понимая не только разницу между предвоенной и послевоенной психологиями, относившихся к тем, кому в начале 1941-го предстоящая война виделась развивающейся по совсем иному сценарию, Голованов счел нужным в мемуарной редакции своего письма Сталину избавиться от очевидной интонации уверенности. Так фраза «Имея достаточный опыт и навыки в этих вопросах, я могу предложить свои знания и взяться за организацию специального соединения» трансформировалась в «Имея некоторый опыт и навыки в этих вопросах, я мог бы взяться за организацию и организовать соединение».

После войны маршалу захотелось, чтобы его декларации зимы 1940–1941-го выглядели поскромнее, поэтому фраза «летало бы лучше англичан и немцев вместе взятых» видоизменилась до «летало бы не хуже англичан или немцев». Счел Голованов нужным и ретроспективно охарактеризовать кадры британской авиации, как «хорошо подготовленные и натренированные», умолчав об уже признанных союзниками масштабах навигационных ошибок и неуместно комплиментарно приписав им, что они «безошибочно летают на Берлин, Кельн и другие места, точно приходя к намеченным целям, независимо от состояния погоды и времени суток» («Дальняя бомбардировочная», Голованов А., М. 2004, с. 31).

Сокращенные в мемуарной публикации Головановым абзацы более откровенно показывают, к какой войне в январе 1941-го призывал готовиться Голованов, которому Смушкевич показал взаимосвязь между подготовкой кадров и планируемым их использованием. Сложно чем-либо иным объяснить то, что Голованов, выражая недовольство подготовкой бомбардировочных полков, участвовавших в войне с Финляндией, отстаивает необходимость готовить кадры для бомбардировок стратегических объектов противника: «Но в то же время ни в первом, ни во втором случае нам не приходилось заниматься дальними бомбардировочными полетами в глубь территории противника».

Поэтому и абзац, начинающийся со слов «В предстоящей войне от полетов дальних бомбардировщиков в глубокие тылы противника», не оставляет никаких сомнений в том, что Голованов, не говоря об этом открытым текстом, вел речь о том виде авиации, которое, по его мнению, не обладает подготовкой, необходимой в приближающейся — и явно уже запланированной — войне.

В адаптированном для мемуаров варианте Голованов не только заменяет слова, говоря уже не о «предстоящей войне», а о «предстоящих военных операциях» (что заведомо менее конкретно, так как речь может идти о каких-то, как сейчас выражаются, локальных конфликтах, но не о масштабной и неизбежной войне), но и смягчает эффект от этих слов, начиная абзац косноязычной вводной фразой: «Именно этот вопрос, по существу, и будет решать успех предстоящих военных операций в смысле дезорганизации глубоких тылов противника».

Можно предположить, что Голованов недосказывает обстоятельств своих разногласий с командующим ВВС КА генералом Рычаговым, который выразил свое отношение к формированию

212-го ОДБАП якобы только одной фразой: «Много вас тут ходит со всякими предложениями. <…> Откажитесь, пока не поздно, от Вашей дурацкой затеи. Все равно у Вас ничего не выйдет» («Дальняя бомбардировочная…», М. 2004, с. 41). Это свидетельство кажется неполным, поскольку на копии письма Голованова Сталину, факсимильный вариант нам известен, стоит пометка, указывающая на то, что этот документ был переадресован Рычагову, и тот высказал о содержащихся в нем предложениях собственное суждение: «См. з[апис]ку т. Рычагова от 24.I.1941 г. №240 887сс» («ВВС России. Неизвестные документы», М. 2003, с. 133). Сложно поверить в то, что Голованову не была известна хотя бы в общих чертах позиция его откровенного оппонента. Если верить журналам, в которых фиксировались лица, принятые Сталиным в 1941 году, Голованов побывал в Кремле сперва 25-го, а затем 31-го января и вплоть до 3 июля в Кремле не появлялся («Исторический Архив», 1998, №4, с. 54). К 31 января записка Рычагова уже три дня как была подписана, поэтому сложно поверить в то, что о позиции командующего ВВС КА Голованову при встрече ничего не стало известно; тем более, он и сам дает в мемуарах понять, что Рычагов сформировал свое суждение о проявленной шеф-пилотом ГВФ инициативе не по устным пересказам: «Я понял, что Рычагов хорошо знаком с моей запиской» (там же).

Дабы читатели могли составить самостоятельное представление о различиях, ниже приводятся оба известных варианта письма Голованова Сталину, сопоставленные для удобства в сравнительной таблице.

АРХИВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, фонд №3, опись №50, дело №629, лл. 7–9.	Под каким № абзац перемещен в измененной для мемуарной публикации версии	ВОСПОМИНАНИЯ «Дальняя бомбардировочная…» М., 2004, с. 31.
Товарищ Сталин!		Товарищ Сталин!
С каждым днем диктуется все большая необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать почти в любых условиях погоды и времени суток и точно прилетать и бомбить те цели, которые ей указаны.	6. (первая половина)	На сегодня с каждым днем диктуется необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать почти в любых условиях и точно прилетать на цели, которые ей указаны, независимо от метеорологических условий.

Настоящая европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация и натренированность и подготовленность личного состава, умеющего пользоваться всеми новейшими средствами навигации.	1.	Европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация при умелом, конечно, ее использовании.
Радионавигация, слепой полет, ночной полет и слепая посадка обязаны стать основами военной авиации. Наш военно-воздушный флот располагает огромным количеством самолетов и личного состава. Операции как в Монголии, так и против белофиннов показали явное боевое преимущество нашего летного состава как по личным качествам, так и по количеству материальной части и быстроте ее приспособления.		
Но в то же время ни в первом, ни во втором случае нам не приходилось заниматься дальними бомбардировочными полетами в глубь территории противника.		
В предстоящей войне от полетов дальних бомбардировщиков в глубокие тылы противника и их успешной деятельности по дезорганизации этих тылов путем разрушения объектов промышленности, транспорта, стратегических дорог, боепитания и т. д. и т. п. будут в большой степени зависеть успехи операций на передней линии фронта и разгром противника.	6 . (вторая половина)	Именно этот вопрос, по существу, и будет решать успех предстоящих военных операций в смысле дезорганизации глубоких тылов противника, его промышленности, транспорта, боепитания и т. д. и т. п., не говоря уже о возможности десантных операций.
Совершенно естественно, что рассчитывать на хорошую погоду во время таких полетов нельзя, а ставить успех этих (лист 2) полетов от метеорологических условий невозможно. И здесь во всю ширь встанет вопрос о подготовленности личного состава летать вслепую, ночью и уменье пользоваться радионавигацией. От этого по существу и будет зависеть успех полетов.		

Надо прямо сказать, что радионавигация имеет весьма слабое развитие у нас в ВВС, а без нее и без ночных и слепых полетов нельзя рассчитывать на обеспеченный успех.		
Еще в начале войны с белофиннами, когда стояла большой промежуток времени плохая погода, мной была выдвинута идея полетов в тылы белофиннов для разбрасывания листовок и лидирования бомбардировщиков к целям, намеченным для бомбардировок, используя радионавигацию. Этот план докладывался Вам, и после Вашего одобрения мы приступили к его выполнению. Так как наш самолет не имел никакого вооружения, летали мы только в плохую погоду, пользуясь исключительно радионавигацией и вслепую.	3.	В начале войны с белофиннами мной была выдвинута идея полетов в глубокие тылы белофиннов, используя радионавигацию, для разбрасывания листовок и лидирования бомбардировщиков к целям, намеченным для бомбометания. Этот план докладывали Вам, после Вашего одобения мы приступили к его выполнению. Ввиду того, что мы летали на самолете «дуглас» без всякого сопровождения и вооружения, летали мы только при плохих метеоусловиях, пользуясь исключительно радионавигацией.
Много полетов было проведено нами по тылам белофиннов вплоть до Ботнического залива как днем, так и ночью. Много тонн листовок, а также и десанты выбрасывались нами в точно намеченных местах, несмотря на то, что полеты к целям проводились вне видимости земли. Радионавигация блестяще себя оправдала.	4.	Много полетов было проведено нами по тылам белофиннов, вплоть до Ботнического залива как днем, так и ночью. Много тонн листовок, а также и десанты выбрасывались нами в точно намеченных местах, и это лишний раз подтверждало всю важность и эффективность радионавигации.
Будучи на приеме у тов. Жданова, я просил, чтобы нам были приданы бомбардировщики для вождения их на цели. Тов. Жданов дал задание проработать этот вопрос, но он так и остался нерешенным, и вторая часть задачи осталась невыполненной, а серьезная возможность неиспользованной.	5.	Будучи на приеме у т. Жданова, я выдвигал вопрос, чтобы нам были приданы бомбардировщики для вождения их на цели. Тов. Жданов дал задание проработать этот вопрос, но он так и остался нерешенным, и, таким образом, вторая часть задачи осталась невыполненной.
Я здесь хочу подчеркнуть, что полеты англичан в Берлин, Бремен и другие города Германии не являются каким-то особым (лист 3) новшеством, так как подобные же полеты мы проделывали в Финляндии несколько раньше их, пользуясь такими же средствами радионавигации.		

	В факсимиле отсутствует; придуман специально для мемуаров!	Англичане безошибочно летают на Берлин, Кельн и другие места, точно приходя к намеченным целям, независимо от состояния погоды и времени суток. Совершенно ясно, что кадры этой авиации хорошо подготовлены и натренированы.
Мне совершенно ясно, что кадры дальних бомбардировщиков должны быть хорошо подготовлены и от[т]ренированы, а своевременность этого мероприятия будет решать и успех работы этого вида авиации.		
Имея достаточный опыт и навыки в этих вопросах, я могу предложить свои знания и взяться за организацию специального соединения в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым к авиации, и которое летало бы лучше англичан и немцев вместе взятых. Кроме того, это соединение явилось бы источником кадров для дальнейшего увеличения количества подобных соединений. Дело это серьезное и ответственное, но, продумав все как следует, я пришел к твердому убеждению в том, что если мне помогут и дадут полную возможность в организации такого соединения, то создать его можно.	7. Содержит малочисленные, но ощутимые разночтения. В мемуарах разделен на два абзаца	Имея некоторый опыт и навыки в этих вопросах, я мог бы взяться за организацию и организовать соединение в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым авиации, и которое летало бы не хуже англичан или немцев и являлось бы базой для ВВС в смысле кадров и дальнейшего увеличения количества соединений. Дело это серьезное и ответственное, но продумав все как следует, я пришел к твердому убеждению в том, что если мне дадут полную возможность в организации такого соединения и помогут мне в этом, то такое соединение вполне возможно создать.
Считая этот вопрос весьма важным для обороны нашего Союза, я решил, товарищ Сталин, обратиться лично к Вам.		По этому вопросу я и решил, товарищ Сталин, обратиться к Вам.
Летчик Голованов Место работы Аэрофлот Адрес: <…> 15.1.41 г.	В мемуарах дата опущена	Летчик Голованов. Место работы — Аэрофлот (эскадрилья особого назначения)

Массовый перевод

Приказ НКО №006 о переводе большой группы летчиков Аэрофлота в кадры ВВС Красной Армии был выпущен 1 февраля 1941 года (ЦАМО, ф. 114, оп. 13212, д. 27, л. 8). Несмотря на заголовок «О подготовке частей дальнебомбардировочной авиации к полетам в сложных метеорологических условиях с применением радионавигационных средств и ночью», речь в приказе шла не столько об обучении экипажей, сколько о переводе в состав ДБА из ГВФ подготовленных и уже владеющих этими методами современного самолетовождения.

Из преамбулы следовало, что инициатива кадрового перемещения опытных авиаторов из Аэрофлота в ВВС исходила от Совета Народных Комиссаров СССР и была сформулирована в указании, ни дату, ни номер которого авторы приказа №006 не уточнили. Формальным предлогом была названа «ускоренная подготовка частей ДБА» к этой безусловно сложной, а потому требующей высокого профессионального мастерства категории полетов, поэтому нарком обороны маршал Тимошенко приказал «призвать из» ГВФ «116 летчиков, хорошо владеющих полетами ночью в сложных метеорологических условиях с применением радионавигационных средств, и 16 радиоспециалистов».

«56 летчиков и 6 радиоспециалистов» направлялись «на укомплектование формируемого 212 ДБП». Еще 30 летчиков распределялись по 10-ти дальнебомбардировочным авиаполкам, где они должны были получить должности заместителей командиров полков и инструкторов-летчиков по слепым и ночным полетам; вместе с ними по одному на полк были выделены «в качестве пом[ощника] штурмана полка по радионавигации» 10 радиоспециалистов.

Интенсивную подготовку планировали вести не только в строевых частях, но и в двух Высших школах штурманов ВВС КА (в первой и второй соответственно), — для этого в каждую из них направлялось по 15 бывших летчиков Аэрофлота, которым в качестве инструкторов предстояло обучать курсантов (?) «дальним, ночным и слепым полетам».

Судя по тому, что приказ предписывал «начальнику ГУ ВВС КА всем призванным составом гражданских летчиков и привлечением подготовленных летчиков ВВС КА обеспечить ускоренную подготовку 13» дальнебомбардировочных полков, каждая из

Высших школ штурманов должна была подготовить кадры для одного отдельно взятого полка, — это следует из того, что 212-й, стоявший на особом положении, и 10 неназванных ДБА-полков уже были включены в список.

Одновременно несколько содержащихся в приказе положений свидетельствовали о том, что ВВС готовит полноценные боевые полки и соединения к участию в масштабной войне:

- во-первых, перевод опытных пилотов ГВФ в дальнебомбардировочную авиацию планировался на длительный срок. На это указывает отсутствие какого-либо намека на их возможное дальнейшее возвращение в Аэрофлот. Годом ранее, когда в Кировабаде проходило боевую подготовку одновременно более 100 пилотов ГВФ, их краткосрочная служба в смешаных из кадров Аэрофлота и ВВС экипажей оформлялась как командировка и не сопровождалась присвоением званий. Напротив, во исполнение приказа №006, к 8 февраля, то есть уже через неделю после его подписания начальник ГУ ВВС КА должен был «доложить» наркому обороны «предложения о присвоении воинских званий и назначении на должности... от командира эскадрилии и выше» пилотам ГВФ; на тех, кому предстояло стать командирами экипажей и звеньев, Тимошенко приказал подготовить проект о присвоении званий к 20 февраля (там же, л. 8);
- приказом был предусмотрен целый комплекс мероприятий, связанных не только с 212-м ОДБАП, но и с обучением других дальнебомбардировочных полков. В частности, подготовку кадров должны были вести не только в строевых частях, но и в двух Высших школах штурманов;
- хронологически укорачивался, но становился более интенсивным сам курс боевой подготовки. Тимошенко специально предписал начальнику ГУ ВВС КА «пересмотреть» К. Б. П. «дальнебомбардировочной авиации на 1941 год, увеличив количество и объем учебных и тренировочных упражнений по обучению полетам ночью и в сложных метеорологических условиях, с применением радионавигационных средств со сроком годности к 1.8.1941 года» (там же, л. 8, 9);
- в соответствии с этим «годовой налет на один экипаж ДБ авиации» был запланирован в 150 часов (там же, л. 8);

- зная, что перебои в снабжении топливом могут привести к срывам полетов и незапланированному растягиванию обучения, авторы приказа №006 поручали начальнику Управления снабжения горючим Красной Армии «обеспечить горюче-смазочными материалами установленное количество часов налета частей ДБА по заявкам ГУ ВВС КА» (там же, л. 9);
- и наконец, по завершении запланированного обучения, ВВС получали 13 полков, полностью укомплектованных и готовых к выполнению боевых заданий в стратегическом тылу противника экипажами;
- более того, обе Высшие школы штурманов ВВС, в состав которых выделялось по 15 пилотов-инструкторов из Аэрофлота, могли по завершении первого цикла обучения продолжить работу со следующими потоками экипажей, обеспечивая частичное восполнение кадровых потерь, сопряженных с возможными боевыми действиями;
- концентрация одновременно 56-ти летчиков ГВФ в одном только 212-м особом ДБАП была связана с тем, что этот полк превращался по сути в негласные курсы подготовки командиров звеньев и эскадрилий ДБА. Это следовало из 8-го пункта приказа №006, гласившего, что начальник ГУ ВВС КА должен «составить для этого полка особую программу, исходя из задач подготовки руководящих кадров для ДБА, на должности командиров звеньев, командиров эскадрилий и их заместителей» (там же, л. 9).

Поскольку сроком «окончания обучения» 212-го ОДБАП было названо 1 августа 1941 года, это означало, что на основе одного этого полка можно будет уже в августе развернуть еще два полка.

Для получения этой цифры нужно исходить из того, что вооруженный двухмоторными ДБ-3ф полк ДБА — 212-й полк, в частности, — состоял из 60-ти экипажей, распределенных между 5-ю эскадрильями, по 4 звена по 3 самолета в каждом. За исключением комэска и командиров звеньев, один из коих был одновременно и заместителем комэска, в каждой эскадрилье оставалось 8 экипажей, являвшихся ведомыми командиров звеньев. Каждый из командиров этих восьми экипажей мог, пройдя, как предполагала подготовка 212-го ОДБАП, обучение, рассчитанное на командира звена, получить эту должность.

Из пяти экскадрилий, входивших в состав полка, можно было таким образом получить по завершении обучения 40 новых командиров звеньев. Учитывая, что в самом 212-м ОДБАП таковых по штату было 20 (то есть по четыре в каждой из пяти эскадрилий), получается, что уже 1 августа 40 новых подготовленных 212-м ОДБАП командиров звеньев могли получить эту должность в двух других полках.

Приплюсовав эти два пока еще неизвестных полка, командиров звеньев для которых должен был подготовить 212-й ОДБАП, к самому 212-му полку, командование получало хорошо укомплектованную дивизию, которую на следующем этапе, то есть уже после 1 августа, оставалось бы пополнить ведомыми экипажами.

Из этого следует, что 212-й ОДБАП в августе мог быть развернут в дивизию, все командные пилотские должности в которой (от командиров звеньев до командиров эскадрилий, а возможно, и полков) получили бы выходцы из головановского ОДБАП.

Дабы минимизировать, если не исключить полностью возможность того, что вышестоящее командование дивизии либо корпуса станет вносить коррективы в боевую подготовку полка, приказ №006 провозглашал 212-й ОДБАП «отдельным с подчинением непосредственно начальнику ГУ ВВС КА» (там же, л. 9).

Глазами Аэрофлота

Авторы приказа, подписанного наркомом Тимошенко, должны были осознавать, что «116 летчиков, хорошо владеющих полетами ночью в сложных метеорологических условиях с применением радионавигационных средств», являются элитой Гражданского воздушного флота, и их одновременный перевод в ВВС неизбежно создаст кадровые проблемы в самом Аэрофлоте в связи с тем, что пилоты, отвечавшие необходимому для перевода в ДБА требованию, занимали преимущественно командные должности (командиров отрядов, заместителей по летной части, старших пилотов, пилотов-инструкторов) либо выполняли наиболее сложную работу, сопряженную с высотными скоростными полетами на самолетах новых типов. Составляя годичные производственные планы, руководство территориальных управлений оценивало перспективу их выполнения, держа в уме уровень подготовленности летно-подъемного состава. Одновременное изъятие из Аэрофлота 116-ти опытных пилотов для многих подразделений ГВФ означало, что возложенная на них работа может оказаться невыполненной.

Пилотов, летавших бы и ночью, и в сложных метеоусловиях; знавших бы в совершенстве радионавигацию, было не так уж много. Даже применительно к крупным транспортным отрядам нельзя сказать, что каждый из работавших в них пилотов владел техникой слепого пилотирования.

Уход опытного пилота означал, что ему необходимо найти достойную замену. Если ушедший пилот летал, например, на ПС-84 или ПС-40, штурвал мог быть передан только пилоту соответствующего класса, обучавшемуся вождению соответствующего самолета в летном центре или на КВЛП. Если же равнозначной замены в отряде не было, командованию нужно было договариваться с Москвой о направлении пилотов на курсы, либо выпрашивать соответствующую кадровую замену. Переписка требовала немалого времени, да и курсы, как и летный центр, работали по своему графику, не предусматривавшему, что посреди учебного процесса туда может из любого отряда прибыть пилот. Следовательно, отрядам и территориальным управлениям, согласовав этот вопрос с Москвой, требовалось ждать, пока их пилотов включат в график учебы на КВЛП или в летном центре.

Закономерно, что, например, в Грузинском управлении ГВФ командирование двух пилотов Тбилисского авиаотряда (Вашакидзе и Никитина) на «45-дневный учебный сбор в летный центр ГУГВФ по освоению ПС-84» было включено в тот же приказ от 12.II.1941-го, которым, со ссылкой на полученное от начальника Главного управления предписание, объявлялось об откомандировании «в распоряжение отдела кадров Аэрофлота» трех пилотов, переводившихся одновременно из ГВФ в ВВС (Богданова, Бородина и Вагина) (ЦАНИРГ, ф. 1724, оп. 2, д. 81, л. 20-об.). Из них Богданов и Вагин были пилотами, уже прошедшими обучение на ПС-84: Богданов — с 31.VII. по 4.X.1940-го (ЦАНИРГ, ф. 1724, оп. 2, д. 48, л. 201), а Вагин — на год раньше летом 1939-го (ЦАНИРГ, ф. 1724, оп. 2, д. 11, л. 72). Все они в период, предшествовавший их переводу в дальнебомбардировочную авиацию, летали на двухмоторных машинах: Вагин — на ПС-84, Богданов и Бородин — на ПС-40.

Ожидания, а затем длительное обучение, последующие вывозные полеты уже на своей трассе — все это требовало немалого

времени, в течении которого самолеты, оставшиеся без пилотов, простаивали либо работали с меньшей, чем предусматривалось, планом, интенсивностью.

Помимо прохождения практический подготовки на новых типах самолетов, эти пилоты имели большой персональный опыт работы на местных линиях; знали метеоусловия, особенности рельефа, посадочные площадки, да и летные характеристики тех самолетов, на которых им приходилось в своих отрядах летать.

Прибывшим им на смену из других управлений пилотам либо сменщикам более низкой квалификации ко многому предстояло привыкать. Неудивительно, что в одночасье заменить одновременно 116 опытных пилотов Аэрофлот не имел никакой возможности.

В пользу того, что руководство Аэрофлота составляло производственный план на 1941 год, учитывая, что не позже февраля лишится большой группы опытных пилотов, свидетельствует оброненная на прошедшем 31.XII.1940 заседании коллегии Главного управления ГВФ фраза: «Отличительной особенностью 1941 г[ода] является [предстоящее] снижение налета часов по ряду новых самолетов» (РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 1566, л. 3). Поскольку подразумевались в первую очередь такие машины, как двухмоторные ПС-43 и ПС-84, на которых могли работать лишь пилоты высокой квалификации, эти слова могли означать, что снижение налета было запланировано с учетом предстоящей нехватки пилотов 1-го и 2-го классов.

Заслуживает внимания и то, что «решающими участками выполнения плана» были названы территориально отдаленные от запада СССР, который должен был либо находиться в непосредственной близи от потенциального фронта боевых действий, либо, при неблагоприятном течении боевых действий, оказаться им охваченным. Уточнялось, что план 1941 года будет выполнять как на отстававших по показателям 1940-го магистралях Москва — Иркутск, Москва — Алма-Ата и Москва — Ташкент, так и на участках Енисейской группы, Обского отряда, Дальне-восточного и Северного управлений. В то же время Московское управление получило «облегченный план», хотя на 1941-й и планировалось «некоторое пополнение самолетного парка новыми типами машин» (там же).

На этом же заседании коллегии Аэрофлота открытым текстом было сказано о том, что вскоре предстоит кадровое сокращение

ГВФ: «Избыток летного состава в 1940 году имеется, но в 1941 году этого избытка не будет» (там же, л. 37).

Упомянули и «решение правительства», выполняя которое, «Аэрофлот должен был укомплектовать своими кадрами ведомственную авиацию. Например, Севморпуть, НаркомРыбПром, Гидрометеослужбу и др[угие]». Зная, что под «другими» подразумевались именно Военно-Воздушные Силы, можно представить общий масштаб кадровых изменений летного состава Аэрофлота в 1941 году (там же).

Судя по объявленным планам подготовки пилотов для работы на ПС-84, Аэрофлот не позже весны 1940-го был проинформирован Совнаркомом о том, что в следующем году потребуется массовое привлечение пилотов ГВФ к службе в ВВС.

18 июля 1940 года Главное управление ГВФ выпустило приказ № 195, предусматривавший целый комплекс мер «для обеспечения своевременной и высококачественной подготовки летно-подъемного и инженерно-технического состава по эксплуатации самолетов типа ПС-84».

Немаловажно и то, что «начать подготовку летного состава экипажей» было поручено начальнику отдела боевой подготовки и переподготовки ГУ ГВФ, чем подчеркивалось двойное назначение этой программы: Аэрофлот готовил экипажи, не только годные для работы в гражданской авиации, но и рассматриваемые в качестве кадрового резерва ВВС.

Вся программа была рассчитана на срок в 6–7 месяцев — подготовку начинали с 1 августа 1940-го и должны были завершить «не позднее 1 марта 1941» года. Этот крайний срок, как показало время, был максимально приближен к дате появления приказа Наркомата обороны № 006 от 1 февраля 1941 года, которым 116 пилотов были переведены из ГВФ в ВВС. Это дает основания предполагать, что уже в июле 1940-го руководство Аэрофлота озаботилось не только подготовкой собственного кадрового резерва, который позволит весной 1941-го компенсировать массовый перевод опытных пилотов в Военно-Воздушные Силы, но и создаст дополнительный кадровый резерв, из которого можно будет выбирать кандидатов для РККА.

Наличие прямой взаимосвязи между подготовкой пилотов I и II классов, получающих право, в соответствии со своей квалификацией, пилотировать тяжелые машины новых образцов, и возможным их переводом в ВВС, открытым текстом подтвердил,

выступая 17.IV.1940 года на совещании начальников эксплуатационных управлений и подразделений Аэрофлота — начальник ЭУ ГВФ Захаров: «Нужно иметь основной костяк 1 и 2 классов. Здесь мне скажут, что это очень трудная задача. Но мы очень много денег тратим на подготовку кадров, и Наркомфин нас в этом отношении никогда не обижает, здесь он более щедр потому, что здесь ярко выражен вопрос обороноспособности нашей страны» (РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 1569, л. 166).

В своем выступлении Захаров озвучил фантастический на тот момент план: «Нужно сделать так, чтобы именно пилотов 1 кл[асса] у нас было 1000 ч[еловек]. <…> На таких машинах, как ПС-84, ПС-35, ПС-89, Г-2, мы, безусловно, должны выращивать пилотов 1 кл[асса], способных летать в любых условиях. Пилот 1 класса имеет право в пилотском свидетельстве иметь отметку о том, что он может летать днем и ночью в любых условиях» (там же).

Практически за 9 месяцев до выхода приказа НКО №006 начальник ЭУ ГВФ Захаров анонсировал тот уровень квалификации, при котором 116 пилотов будут переведены в ВВС. В действительности же далеко не все они были пилотами 1-го класса, но подавляющее большинство отвечало предъявленному Наркоматом обороны требованию.

В своем выступлении 17.IV.1940 года Захаров практически признал, что Аэрофлот сориентирован правительством на подготовку квалифицированных кадров для ВВС. Поскольку истребители не были подготовлены к полетам в сложных метеоусловиях и ночью, такая задача подходила лишь аэроразведке и дальнебомбардировочной авиации для действий в стратегическом тылу противника.

Ссылка на щедрую помощь Народного комиссариата финансов указывала на то, что подготовка гражданских пилотов-ночников и высотников ведется с ведома правительства и имеет свою статью финансирования. Взаимодействие ГВФ с НКО и Наркомфином не могло бы возникнуть, не будь оно продумано и утверждено на самом высоком уровне. И этот уровень стал известен из приказа НКО №006, в котором прямым текстом Совнарком был назван инстанцией, от которой исходило указание о призыве 116-ти летчиков из ГВФ в ВВС КА.

Тогда же, весной 1940 года, вскоре после окончания Финской кампании, в ходе которой в обслуживании фронта было задействовано несколько десятков самолетов Аэрофлота, на

упомянутом совещании велся разговор и о последствиях привлечения опытного летно-подъемного состава ГВФ к военным операциям.

17.IV.1940 начальник Эксплуатационного управления ГВФ «раскрыл», по его собственному выражению, «некоторые секреты»: «Когда началась работа Северной авиагруппы, мы отбирали на местах… лучших летчиков, которые могли бы в сложных метеоусловиях хорошо работать и летать. Это задание мы выполнили. После этого было [получено] второе задание — отобрать людей, летающих на двухмоторных машинах. Здесь у нас начался скрип. Правда, мы могли выполнить эту работу», — оговаривался далее Захаров, — «но летнюю навигацию начинать не с кем. Людей, которые могут работать на 2-хмоторных самолетах, у нас нет». Причина этого, по словам Захарова, заключалась в том, что «имея большой резерв, большое количество летчиков в системе», необходимого количества экипажей, подготовленных к полетам на новых двухмоторных самолетах, в ГВФ не было, и руководство «начало предпринимать экстренные меры» — в частности, «развернули работу У[чебно-]Т[ренировочных]О[трядов]», а начальнику Московского управления «предложили обучить людей в летном центре».

В этом же выступлении Захаров озвучил количество пилотов, обученных управлению современной матчастью: «Я возьму примерную цифру летчиков, летающих на двухмоторных самолетах, — 450 чел[овек]». В действительности, как следовало из объяснений Захарова, списочная численность не соответствовала действительному количеству пилотов, овладевших двухмоторными машинами: «Но вся беда в том, что фамилия одного и того же летчика может повторяться несколько раз — как летающего на Г-2, на ПС-40, на ПС-9, на “Дугласе” и т. д. Мы считаем, что на “Дугласе” летают у нас столько-то пилотов; на ПС-40 — столько-то. Но это все одни и те же люди» (там же, л. 170).

Захаров, давая понять, что цифра должна быть скорректирована, не уточнил подлинного числа пилотов-«двухмоторников». Было ясно лишь то, что их окажется существенно меньше, чем 450.

Выступление Захарова прозвучало в апреле 1940-го, то есть за девять с лишним месяцев до выхода приказа Наркомата обороны о переводе 116 опытных пилотов из ГВФ в ВВС. Даже если предположить, что за этот промежуток времени Аэрофлоту удалось довести действительное число пилотов, летающих на двухмоторных

самолетах, до 450 (что заведомо нереалистично, с учетом низкой пропускной способности КВЛП и летного центра), 116 из них составят более четверти, то есть 25 процентов.

При том, что «опытный пилот» вовсе не обязательно должен был летать на двухмоторной машине, наличие в приказе № 006 условия, заключающегося во владении слепым пилотированием и радионавигацией в сложных метеоусловиях и ночью, автоматически означало, что отвечающие ему пилоты обучались до перевода в ВВС вождению двухмоторных самолетов, оборудованных необходимой навигационной аппаратурой. Практически у каждого из переведенных в ВВС аэрофлотовских пилотов за плечами были либо КВЛП, готовившие пилотов для ПС-40, либо летный центр, обучавший вождению ПС-84.

Эта несложная арифметика показывает, что перевод из Аэрофлота 25% (и это при самом оптимистичном подсчете!) списочного состава из числа наиболее подготовленных пилотов создаст Гражданской авиации серьезные и сложно преодолимые проблемы в регулярной работе и выполнении годовых планов.

С учетом того, что количество двух и четырехмоторных самолетов в Аэрофлоте было существенно меньше названной Захаровым цифры, опыт практической регулярной работы на этих машинах был далеко не у всех пилотов, подготовленных на КВЛП или летном центре.

Отдельного внимания заслуживал и вопрос о том, сможет ли Аэрофлот в небольшие сроки компенсировать этот массовый перевод пилотов и подготовить им необходимую замену. Ответ на него заключался в малой пропускной способности и длительности обучения как КВЛП, так и летного центра.

Например, в апреле 1940-го в летном центре изучали самолетовождение ПС-84 одновременно 12 экипажей, которые «с началом навигации» должны были «поступить в распоряжение линии Москва — Иркутск», Грузинского и Московского управлений (там же, л. 128).

Обучение одной группы длилось более месяца — например, приказом ГУ ГВФ № 195 от 18.VII.1940 года срок обучения эксплуатации двухмоторных ПС-84 в летном центре устанавливался в 45 дней (РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 1574, л. 150).

Даже если бы климатические организационные условия позволяли инструкторам летного центра работать круглогодично, за 12 месяцев можно было, исключив возможные сбои, провести 8 курсов по 45 дней каждый. Даже при таком расчете за год удалось бы подготовить лишь 96 экипажей, что также было неосуществимо, так как работать круглый год летный центр не имел возможности, о чем представлявший его на совещании начальников эксплуатационных управлений и подразделений ГВФ Гуревич, рассказывал в апреле 1940-го: «Базируемся мы на аэродроме НИИ ГВФ. <…> этот аэродром 4 месяца в году не пригоден для работы. Это бывает в период весны и осени». Чтобы выполнить план, летный центр был вынужден проводить тренировку в Тбилиси, куда был специально направлен «Дуглас», благо начальник Грузинского управления Шалва Чанкотадзе «пошел навстречу» (РГАЭ, ф. 9527, оп. 1, д. 1569, л. 128–129). Однако переносить тренировку в Тбилиси можно было «раз-два, а все время — это [делать] трудно», как рассказывал Гуревич. Пока же летный центр ждал для своих нужд аэродром, который командование Аэрофлота обещало ему отвести во Внукове, оговариваясь, что «когда это будет, сказать трудно» (там же, л. 129). Не имея, по существу, собственного аэродрома, он тем не менее должен был, по плану, каким-то образом «подготовить 80 пилотов на самолет ПС-84, 40 пилотов на самолет ПС-43 и проверить» еще «290 пилотов» (там же).

Полагаться на то, что летный центр сможет подготовить за год 120 пилотов, веских оснований не было, поскольку для этого приходилось надеяться на очень благоприятное, а потому заведомо маловероятное стечение обстоятельств. Оснований для такого оптимистичного прогнозирования у руководства Аэрофлота не должно было быть.

Совнарком, планируя перевод опытных кадров ГВФ в ДБА, наверняка взвешивал последствия этого решения для работы воздушного транспорта во всесоюзном масштабе.

Велика вероятность того, что Аэрофлот формулировал свои возражения, поскольку был в курсе готовящегося мероприятия (не случайно приказ, включавший списки пилотов, был продублирован и Главным управлением ГВФ, и НКО). И если, несмотря на явные аргументы против перевода из ГВФ опытнейших пилотов, Совнарком все же принял это решение, аргументы должны были быть намного серьезнее, нежели улучшение общей подготовки ДБА ВВС КА.

Чем обернулось для ГВФ кадровое донорство

Последствия перевода даже нескольких опытных пилотов из территориальных управлений ГВФ наглядно демонстрирует сложившаяся в начале 1941-го ситуация, например, в 31-м (Ленинградском) транспортном авиаотряде Северного управления ГВФ.

Уже к концу января стало ясно, что 31-му отряду не удается выполнить поставленный перед ним план перевозок, и даже если к концу квартала ситуацию удастся исправить, для этого придется не только увеличить нагрузку на пилотов, но и пересматривать принятое соответствие грузов самолетам. Оказалось, что отряд становился заложником службы перевозок, которая не нашла ничего лучше, чем взять на себя «социалистическое обязательство» выполнить январский план на 125% («Крылья Советов», №4(480), 31.I.1941, с. 3, «Срывают нам работу»). Под это должен был подстраиваться и авиационный отряд, но, к разочарованию сотрудников коммерческой службы Ленинградского аэропорта, пилоты 31-го АО, вместо 152 запланированных рейсов, совершили за первые 20 дней января только 31. Особо страдало Петрозаводское направление, в котором за три недели было совершено только 4 рейса вместо плановых 20. На общем фоне исключением являлась только линия Ленинград — Лодейное Поле, где план перевозок выполнялся ежедневно.

Проблема была связана с тем, что отряд не мог в январе подготовить к рейсам требующееся количество самолетов, и это дало службе коммерческих перевозок повод обвинить на газетных страницах руководство 31-го АО в том, что, «не справляясь с данным ему планом», оно лишает «возможности и службу перевозок выполнить взятые на себя обязательства» (там же).

Эта же проблема сохранялась на протяжении всего первого квартала 1941 года. Регулярность движения, которую смог обеспечить отряд, равнялась суммарно за январь и февраль лишь 49,1% от предусмотренной планом.

Командованию пришлось менять расписание рейсов пассажирских самолетов. Если поначалу вылет происходил в 8:00 утра («Крылья Советов», №11(487), 22.III.1941, с. 1, «Выполнять план ежедневно»), то к концу января это время сместили на 10 часов («Крылья Советов», №5(481), 8.II.1941, с. 4, «Слово пассажира/ Возмутительно!»). Однако по разным, преимущественно техническим причинам приходилось задерживать и эти рейсы. Например, 21 января администрация Ленинградского аэропорта сообщила уже прибывшим пассажирам, что вылет произойдет «ориентировочно в 12» (там же).

Когда Евгений Борисенко, Валентин Иванов и Самуил Клебанов, летавшие в 31-м АО на скоростных машинах, были отозваны из Аэрофлота и переведены в Дальнебомбардировочную авиацию ВВС РККА, командованию отряда пришлось пополнять экипажи, в спешном порядке обучая пилотов, которые, в соответствии с составленным на 1941 год планам, должны были летать на другой матчасти. Приспосабливая движение к изменениям в кадровом составе, командованию пришлось пересматривать и график движения.

Это привело к тому, что пассажирские ПС-84 в марте стали вылетать уже в 13:05. Но вылеты происходили по разным причинам с опозданием даже при таком позднем расписании, что вновь вызвало нарекания службы коммерческих перевозок («Крылья Советов», №11(487), 22.III.1941, с. 1, «Выполнять план ежедневно»).

Проблему усугубило то, что один из всего лишь двух имевшихся в отряде двухмоторных ПС-84 оказался на профилактическом ремонте и был возвращен в 31-й АО с опозданием. Первоначально командование ожидало, что ремонт завершится в первой половине марта, но и к концу месяца оставалось непонятно, когда же в действительности самолет будет вновь годен к использованию. По этой причине штаб был вынужден перераспределять оставшихся «безлошадными» авиаторов по другим экипажам («Крылья Советов», №12(488), 29.III.1941, с. 2, «Берут конкретные обязательства»).

Отсутствие одного ПС-84 делало крайне сложной сопряженную с подготовкой к полетам на этой машине тренировку новых экипажей. Не завершив тренировочного цикла, командование 31-го отряда не могло полностью укомплектовать новые экипажи. Схожая ситуация в марте 1941-го была и с экипажами скоростных СП-41 (там же).

Последствия перевода из 31-го отряда в ВВС уже укомплектованных и работавших на линии Ленинград — Москва летчиков ПС-84 и ПС-40 отразились не только на зимней навигации 1941-го, но и на результатах годовой эксплуатационной деятельности. Помимо того, что в течение 1941-го 29 рейсов на этой линии союзного значения было отменено из-за «отсутствия материальной части на ПС-84», от выполнения еще семи рейсов пришлось отказаться из-за неподготовленности пилотов (ЦГАСПб, ф. 9939, оп. 2, д. 24, л. 28).

Подготовка замены переведенным в ВВС пилотам отражалась и на плане тонно-километража: в 1941-ом при проводившейся в рейсовых условиях тренировке пилотов ПС-84 приходилось отказываться от транспортировки пассажиров, которая для такой категории полетов была просто запрещена, и рейсы выполнялись порожняком (там же). В конечном итоге по годичным результатам план тонно-километража удалось перевыполнить за счет первоначально не предполагавшегося использования самолетов ПС-7, Г-1 и Г2, а также переключения ПС-84 с пассажирских на грузовые перевозки. В получении благоприятных показателей сыграло свою роль и отданное Аэрофлотом распоряжение перенести тонно-километровые с местных линий на союзные, благодаря чему налет «засчитывался тому отряду, за которым закреплен» самолетный парк.

По итогам 1941-го по целой совокупности причин загодя составленный план годичного налета часов был недовыполнен на 20,8%. И, безусловно, эффект, произведенный уходом опытных пилотов из СУ ГВФ в ВВС, лишь увеличился за счет других неблагоприятных обстоятельств, сказавшихся на работе управления, ставшего в 1941-ом заложником и других неблагоприятных обстоятельств, к которым относилась и произведенная в апреле передача нескольких аэропортов Военно-Воздушным Силам, и плохие погодные условия, вынудившие начать летнюю навигацию позже обычных сроков (из-за поздно наступившей весны 238-ой отряд начал работать лишь в мае, а 236-ой — в июне), и, наконец, трагическое начало войны, вынудившее переключиться на выполнение спецзаданий (там же, л. 29).

Полк из гражданских пилотов

К тому моменту, как состоялся перевод летчиков из ГВФ в ВВС, 212-й полк возглавлял комиссар Алексей Подольский. В его распоряжении находился малочисленный технический и летнабовский состав. Приняв у него командирские полномочия, получивший приказом НКО от 11.II.1941 звание подполковника Голованов приступил к переформированию полка, пополнившегося летчиками ГВФ.

О том, как в территориальных управления ГВФ восприняли полученное в феврале 1941-го от начальника Аэрофлота предписание, произведя окончательный расчет с выплатой выходного пособия, откомандировать по несколько опытных пилотов в отдел кадров ГУГВФ к 17.II.1941, можно составить представление по свидетельству переведенного в 212-й ОДБАП из Дальневосточного управления летчика Владимира Пономаренко. «Я уже был командиром 12-го транспортного отряда в Хабаровске и в то же время являлся начальником воздушной линии Владивосток — Иркутск. Я считался асом по радиовождению, и за меня начальник Управления давал 10 пилотов, но приказ изменить было нельзя» (из беседы автора с В. В. Пономаренко 2.VI.1998-го).

Из 59 летчиков ГВФ, переведенных, согласно приказу НКО по личному составу №0382 от 11.II.1941, только семь (включая Александра Голованова) принадлежали к 1-му классу. 35 летчиков к тому моменту, как данные о них были переданы из ГВФ в ВВС, имели 2-й класс, а оставшиеся 16 — 3-й. [NB! Данные по включенному в поэкипажный список 212-го ОДБАП командиру звена Обухову в распечатке приказа №0382, подшитого в полковые документы, включены не были, поэтому можно лишь предположить, исходя из занятой им должности, что он был, вероятнее всего, пилотом 2-го класса.]

Зачисление в 212-й ОДБАП пилотов 3-го класса не означает, что приобретенный ими в Аэрофлоте опыт существенно отличался от того, каким обладали их товарищи, переведенные к тому моменту в 1-й класс. Работая на тех же линиях, они могли не соответствовать предъявляемым к 1-му классу требованием не столько по общему хронометражу, сколько по характеру налета, если у них не было необходимого количества «слепых» или ночных часов. В Аэрофлоте нередкими были случаи, когда имевшие внушительный налет подолгу задерживались в прежнем классе, поскольку не уделяли достаточного внимания повышению квалификации, что могло быть связано, как с однообразием порученной им работы, так и с тем, что руководство отряда не следило за тем, чтобы пилоты своевременно направлялись в тренировочные отряды, летный центр или на КВЛП.

Назначая командиров звеньев, предпочтение отдавали тем пилотам, которые годом раньше прошли курсы в Кировабаде. Именно поэтому один из пилотов 1-го класса (им оказался мой двоюродный дед Самуил Клебанов), несмотря на свою квалификацию, не получил в первом составе 212-го ОДБАП этой должно-

сти, как, кстати, и ряд пилотов 2-го класса, которых обошли при назначениях три пилота 3-го класса.

В итоговом варианте приказа №0382 большинству пилотов, зачисленных в 212-й ОДБАП, были на одну категорию понижены, по сравнению с указанными в проекте, звания. По соответствию классификации военным званиям многие могли претендовать на то, чтобы начать службу в ВВС со званий лейтенанта либо старшего лейтенанта, однако были произведены в младшие лейтенанты, словно бы только что окончили Школу пилотов (ЦАМО, ф. 212 ОДБАП, оп. 393796, д. 1, л. 10).

Не исключено, что Голованов подал вышестоящему командованию проектную заготовку для наркомовского приказа, но поскольку у лиц, ответственных за утверждение приказа, полученный проект вызвал возражения, уже на заключительной стадии звания были снижены, причем рукописные исправления вносились в машинописный вариант.

Сопоставляя известные данные об индивидуальной подготовке пилотов 212-го ОДБАП с присвоенными им наркомовским приказом званиями, можно предположить, что составители итогового варианта наркомовского приказа стремились распределить звания так, чтобы в младших лейтенантах оказались ведомые звеньев; лейтенантами — командиры звеньев, а старшими лейтенантами и капитанами — командиры эскадрилий. Это соответствие должностей присваиваемым званием беспокоило их явно более, нежели личная профессиональная подготовка того или иного пилота.

Закономерно, что ряд пилотов 212-го ОДБАП еще в мирное время участвовал в рекордных перелетах. Например, обладавший самым большим предвоенным налетом в полку (6 170 часов) пилот Московского управления ГВФ Сергей Фоканов, совершил со своим экипажем осенью 1938-го перелет по 11-ти союзным республикам, в ходе которого проверялась «готовность аэропортов и самолетных парков к осенне-зимней навигации» (ЦАНИРГ, ф. 862, оп. 1, д. 109, л. 52). Экипаж Фоканова «за 44 часа 40 минут летного времени» пролетел 10 750 километров, «впервые на самолете» ПС-89, не только успешно пройдя «труднейшие участки перелета — Кавказский хребет, Каспийское море, пески Кара-Кума, Средне-Азиатские горные хребты», но и «выдержав график». На ПС-89 «Л-2144» ему пришлось в ряде случаев производить посадку на «высокогорных и ограниченных [по размерам] аэродромах». «За отличное овладение техникой вождения скоростных пассажирских самолетов», все члены экипажа были награждены в соответствии с приказом ГУГВФ №334 от 25.X.1938-го, знаком «Отличник Аэрофлота» (там же, л. 52, 53).

Подобные рекордные перелеты можно рассматривать, как практическое подтверждение способности гражданских пилотов совершать сопряженные с пребыванием над незнакомой местностью дальние рейсы, и хотя Фоканов, подобно другим экипажам Аэрофлота, участвовавшим в рекордных перелетах, действовал в условиях, отличных от фронтовых (в частности, в интересах того же Фоканова действовала диспетчерская служба ГВФ, а экипаж имел возможность получать радиосводки об изменениях метеоусловий), именно такой опыт был важен для подготовки к полетам на стратегическую глубину во время боевых действий.

В полк зачислили и пилотов-высотников, получивших в практических условиях рейсовой работы богатый опыт использования «наивыгоднейших режимов полета», позволявших при наименьших затратах топлива и моторесурса, следуя заранее составленному навигационному плану и полетному профилю, выполнить полученное задание. К высотникам, имевшим этот опыт, относились прежде всего пилоты, летавшие до войны на почтовых ПС-40 и пассажирских ПС-84. При полетах на дальние цели умение экономить горючее позволяло надеяться на то, что экипаж не совершит вынужденную посадку из-за нехватки топлива вне своего аэродрома (и хорошо, если на случайно подвернувшемся аэродроме, а не в поле).

В ожидании августа

Собственно обучение радиовождению должно было уложиться в полгода, поскольку начальнику Генштаба РККА и начальнику ГУ ВВС КА поручалось не позднее 1 апреля «разработать мероприятия по обеспечению частей ДБА всеми необходимыми радиосредствами» (ЦАМО, ф. 114, оп. 13212, д. 27, л. 9), а уже 1-го августа ускоренное обучение должно было быть завершено.

Авторы приказа, подписанного наркомом обороны Тимошенко, не скрывали, что обучение будет ускоренным. Спешка, в которой должна была одновременно с увеличением курса боевой подготовки, проходить подготовка 13-ти полков к радионавига-

ционному вождению в сложных метеоусловиях и ночью, может объясняться лишь тем, что не позднее 1 августа полки должны были быть подготовлены к выполнению сложных заданий, сопряженных с полетами на дальние цели и в темное время суток, когда сопротивление ПВО будет наименее эффективным.

Изменение метеоусловий из списка возможных причин исключается. Если бы речь шла об одном отдельно взятом авиаполке, можно было бы допустить, что он будет базироваться в такой местности, где географическо-климатические особенности влекут к таким изменениям метеоусловий, которые исключают полеты в августе.

Однако применительно к 13 полкам одновременно такая вероятность исключалась полностью.

В средней полосе России, равно, как и на Дальнем Востоке или на юге СССР, где также базировались отдельные части ДБА, август является пригодным для полетов месяцем. Ни распутица (приходящаяся на февраль-март, а затем сентябрь-октябрь), ни туманы (как это часто случается, например, в апреле) не могут стать причиной, по которой бы весь август, от первого до последнего дня, был исключен из полетов.

Никаких указаний и на то, что на август планировалось массовое увольнение кадрового состава ВВС в бессрочные отпуска, также не существует.

Нет свидетельств и того, что в августе начался бы новый этап боевой подготовки экипажей, сопряженный, например, с получением самолетов нового типа. Указания на то, что советская промышленность была готова перевооружить большинство полков дальнебомбардировочной авиации более современными, нежели ДБ-3ф, бомбардировщиками (например, ЕР-2) также отсутствуют.

Командованию заранее известно, что спешка, тем более, связанная с уменьшением отведенного на обучение срока, может пагубно сказаться на качестве подготовки. Поэтому если бы нарком обороны заботился бы только о том, чтобы в составе ДБА было много хорошо подготовленных к полетам в сложных метеоусловиях экипажей, было бы логичнее, не минимизируя сроков, отведенных на учебу, продолжить ее уже осенью, использовав изменение метеоусловий для практической проверки приобретенных экипажами в предыдущие месяцы знаний. Это вполне соответствовало бы уместному в радионавигации принципу перехода от простого к более сложному.

Вместо этого, уже в январе 1941-го (1 февраля приказ был уже подписан, а проект существовал по крайней мере с января) Тимошенко и авторы приказа № 006 знают, что 13 полков ДБА должны полностью пройти курс боевой подготовки 1941 года к 1 августа. Сложно найти другое объяснение этой спешке, кроме осведомленности авторов приказа о планируемой на август войне.

Возможно, что начало войны планировалось и на вторую половину июля. Поскольку в приказе указывался лишь срок, к которому обучение должно было быть завершено, — а именно к 1 августа, — к концу июля весь КБП мог оказаться уже пройденным.

Вопрос о том, почему ускоренная подготовка всех этих частей [складывавшихся в четыре или пять (если учитывать возможное разворачивание 212-го ОДБАП) дивизий] должна была завершиться именно к 1 августа 1941 года, получает свое объяснение, если допустить, что эти 13 полков загодя обучались полетам в стратегический тыл противника для участия в планировавшейся на август военной кампании.

От Румынии до Швеции, от Германии до Ирака

Полк, предназначенный для стратегических бомбардировок в глубоком тылу противника, был тщательно оснащен документацией по возможным целям (ЦАМО, ф. 212 ОДБАП, оп. 393796, д. 21, л. 19, 19-об., 20, 21, 30, 31).

Несколько десятков «объектных пакетов» содержали в себе основную информацию, необходимую для успешного поражения целей в Германии, Финляндии, Румынии, Польше, Швеции, Чехословакии, Венгрии и Ираке. Подавляющее большинство пакетов, хранившихся в штабе полка, были составлены на города и объекты, расположенные на территории Германии (в их числе Алленштайн (*ныне Ольштын, Польша*), Аугсбург, Берлин, Бреславль (*так в документе назван Бреслау, ныне известный как расположенный в Польше Вроцлав*), Бауцен, Бойтен (*ныне Бойтен, Польша*), Бранденбург, Варнемюнде, Вюнсдорф и Цоссен, Вальхензее, Галле (*известный также как Халле*), Гамбург, Ганновер, Глейвиц (*ныне Гливице, Польша*), Гюстров, вольный город Данциг (*ныне Гданьск, Польша*), Дейч-Эйлау (*ныне Илава, Польша*), Деммин, Дессау (*полное название Дессау-Рослау*), Дрезден, Инден-зее (*названием города является только состав-*

ная «Инден»), Инстербург (*ныне Черняховск, РФ*), Йена, Кассель, Кёнигсберг (*ныне Калининград, РФ*), Кольберг (*ныне Колобжег, Польша*), Котбус, Кройц, Кюстрин (*ныне Костшин-над-Одрой, Польша*), Лаухаммер, Лаута, Лейпциг, Летцен (*предположительно, речь шла о Лютцене*), Магдебург, Мариенбург (*ныне Мальборк, Польша*), Мариенвердер (*ныне Квидзын, Польша*), Мюнхен, Мерзебург, Нойбранденбург, Нюрнберг, Нинхаген, Оппельн (*ныне Ополе, Польша*), Ордруф, Пренцлау, Плауэн, Раупенау (*поселок, примыкающий к городу Котценау, ныне известному как Хоцянув, Польша*), Свинемюнде (*ныне Свиноуйсьце, Польша*), Селин, Торгау, Травемюнде (*прежде самостоятельный город, ставший в дальнейшем районом Любека*), Траттендорф (*район города Шпремберга*), Тутов, Франкфурт (*на Майне или же на Одере, непонятно*), Хагенов, Харбке, Хемнитц (*возможно также написание «Кемнитц»*), Хенигсен, Хиддензее, Целле, Целла-Мелис, Шнейдемюль (*ныне Пила, Польша*), Штаргард (*точнее — Штаргард-ин-Поммерн, ныне же Старгард-Щециньски, Польша*), Штеттин (*ныне Шецин, Польша*), Штольп (*ныне Слупск, Польша*), Эберсвальде, Эйзенах, Эльбинг (*ныне Эльблонг, Польша*), Эрфурт, Ютербог, — 70 населенных пунктов (более точные подсчеты могут быть сопряжены с ошибками вследствие того, что в штабных документах ряд топонимов крайне исковеркан, так что можно — особенно пытаясь идентифицировать населенные пункты с короткими названиями, — принять их за обладающий схожим).

Некоторые населенные пункты были ошибочно объединены в один: например, Деммин и Тутов в документации 212-го ОДБАП назвали «Деммин-тутов»; а небольшой по площади Вюнсдорф, считающийся пригородом Цоссена, обозначили, как Вюнсдорфцоссен, а из города Нинхаген и деревни Хенигсен, расположенных в Нижней Саксонией (не путать с Нинхагеном, локализуемым в земле Мекленбург — Передней Померании), сделали «Нинхаген Хенигсен».

По крайней мере, еще 32 объекта представляли польскую территорию (NB! Под Польшей в данном случае подразумевается ее территория в границах до сентября 1939-го.): Варшава, Бяла-Подляска, Гдыня, Демблин, Загожджон, Замость, Зегж[е] (*если только не перепутали с «Згеж»*), Иновроцлав, Катовице, Легионово, Лидзбарк, Лодзь, Луков (*Лукув*), Люблин, Малкин[я], Мелец, Новы Тарг, Островец (*какой именно из нескольких Островцов,*

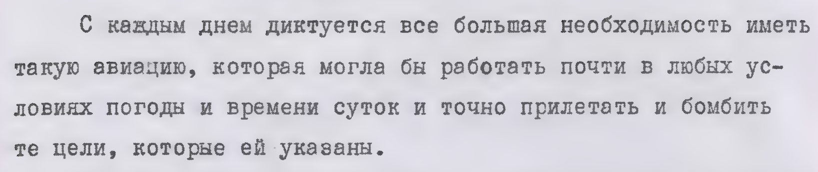
↑ Александр Голованов (крайний справа) у самолета ПС-84 вместе с конструктором Туполевым (второй слева) перед перелетом из Москвы в Ашхабад, 1939 г. (фотография из фонда РГАКФД, № 022974).

↓ Этот коллаж с портретами пилотов-высотников «Авиационная газета» опубликовала 11 января 1941 года. К марту пятеро из шести пилотов (за исключением Галицкого) начали службу в составе 212-го ОДБАП, завершив свою службу в ГВФ. Слева направо: Борис Галицкий, Виктор Купало, Николай Богданов, Дмитрий Чумаченко, Роман Тюленев, Михаил Симонов.

С большим подъемом прошел первый всесоюзный слет стахановцев военной авиации.
НА ФОТО: В президиуме слета — маршал Советского Союза тов. Буденный, начальник Аэрофлота комкор тов. Ткачев и помощник по авиации командующего Киевским военным округом тов. Ингаунис (справа).
Фото Б. ФИШМАНА (Союзфото)

↑ Знаменательное соседство. В начале 1936-го в Москве «прошел первый Всесоюзный слет стахановцев военной авиации». В президиуме начальник Аэрофлота комкор Ткачёв оказался сидящим между маршалом Будённым и помощником командующего Киевским военным округом по авиации Ингаунисом. В те же дни Ингаунис выступил с программным заявлением, предвосхитившим дальнейший перевод опытных кадров ГВФ в Военно-Воздушные Силы. Из его рассуждений следует, что не позднее начала 1936-го командование ВВС рассматривало летчиков Аэрофлота как будущий кадровый костяк дальней авиации: «Летчик гражданской авиации, великолепно владеющий машиной, является наиболее подходящим и подготовленным для полетов на дальние расстояния. <…> Летчики гражданской авиации — это лучшие кадры для комплектования тяжелых соединений авиации. Но мало уметь водить машину. Летчики гражданской авиации должны <…> владеть стрельбой в воздухе, бомбардировкой, должны знать аэрофотосъемку и т. п. Короче говоря, надо изучать весь комплекс боевой подготовки».

Фотография была опубликована в газете «За рулем» (№ 11 (150), 4.03.1936), автор снимка — Б. Фишман (Союзфото).



К о п и я

Товарищ Сталин!

С каждым днем диктуется все большая необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать почти в любых условиях погоды и времени суток и точно прилетать и бомбить те цели, которые ей указаны.

Настоящая европейская война показывает какую огромную роль играет авиация и натренированность и подготовленность личного состава, умеющего пользоваться всеми новейшими средствами навигации.

Радионавигация, слепой полет, ночной полет и слепая посадка обязаны стать основами военной авиации. Наш военно-воздушный флот располагает огромным количеством самолетов и личного состава. Операции как в Монголии, так и против белофиннов показали явное боевое преимущество нашего летного состава как по личным качествам, так и по количеству материальной части и быстроте ее приспособляемости.

Но в то время ни в первом, ни во втором случае нам не приходилось заниматься дальними бомбардировочными полетами в глубь территории противника.

В предстоящей войне от полетов дальних бомбардировщиков в глубокие тылы противника и их успешной деятельности по дезорганизации этих тылов путем разрушения об'ектов промышленности, транспорта, стратегических дорог, боепитания и т.д. и т.п. будут в большой степени зависеть успехи операций на передней линии фронта и разгром противника.

Совершенно естественно, что рассчитывать на хорошую погоду во время таких полетов нельзя, а ставить успех этих

↑ Сохранившееся в архиве письмо Голованова Сталину заметно отличается от той версии, которую командир 212-го ОДБАП воспроизвел в своих мемуарах. Цитатные совпадения подтверждают, что у маршала сохранялась если не копия, то черновик, но, готовя письмо к публикации, Голованов счел необходимым внести существенные изменения в его первоначальный текст, который не мог не навести на определенные вопросы о том, какой в январе 1941-го ему виделась грядущая война (АП РФ, фонд 3, опись 50, дело 629, листы 7–9).

А К Т

I941 г. августа месяца 2I дня. Мы ниже подписавшиеся Нач. Штаба 212 ДБАП майор БОГДАНОВ В.К., Нач.Опер.Отд.-капитан КОПИЕЦКИЙ П.Я., Нач.Разв.Отд. - ст.лейтенант ТАЛАНИН И.М. и Зав.Делопроизводством кр-ец АНТИПИН В.Е. составили настоящий акт в нижеследующем:

I. Считать уничтоженными посредством сожжения следующую секретную и для служебного пользования литературу, как устаревшую и не пригодную для пользования.

I.	Разведсводка	№ 36	Изд.Штаба ЗАП.ОВО 1941 г.	Секретн.	2 экз.
2.	-"-	№ 12		-"-	I -"-
3.	-"-	№ 10	-"-	-"-	2 -"-
4.	-"-	№ 10	Из.Штаба Пр.ВО-4I	-"-	5 -"-
5.	-"-	№ 4	-"-	-"-	I -"-
6.	-"-	№ 9	-"- -40	-"-	5 экз.
7.	-"-	№ 8	-"-	-"-	6 экз.
8.	-"-	№ I	-"-	-"-	6 экз.
9.	-"-	№ 9	РУ Геншт.КА - 40г.	-"-	6 экз.
I0.	-"-	№ 7	-"-	-"-	I экз.
II.	-"-	№ 5	-"-	-"-	I экз.
I2.	-"-	№ 6	-"-	-"-	I экз.
I3.	-"-	№ 2	-"- - 4Iг.	-"-	4 экз.
I4.	-"-	№ I	-"-	-"-	3 экз.
I5.	-"-	№ II	-"-	-"-	I экз.
I66	-"-	№ 2	Из.Штаба Пр.ВО-4I	-"-	6 экз.
I7.	-"-	№ 3	-"-	-"-	3 экз.

I8.	Пакеты: О б " е к т	№ 2687	-Из.РУ КА-	40 г.БРАНДЕНБУРГ	4 экз.
I9.	-"-	-"-	№ 2721	-"-	37 г.ДОБЕР.	4 экз.
20.	-"-	-"-	№ 27I4	-"-	36 г.ДРЕЗДЕН	I экз.
2I.	-"-	-"-	№ 27I6	-"-	37 г.ДЕССАУ	6 экз.
22.	-"-	-"-	№ 27I5	-"-	39г.ДЕМИН-ТУТОВ	I экз.
23.	-"-	-"-	№ II5	-"-	33г.ДЕМБЛИН	I экз.
24.	-"-	-"-	№ 203	-"-	КАТТОВИЦ	I экз.
25.	-"-	-"-	№ 6II	-"-	37г.КОТКА	I экз.
26.	-"-	-"-	№ 6I3	-"-	33г.КАЦХАВА	2 экз.
27.	-"-	-"-	№ 2759	-"-	36г.КЕНИГСБЕРГ	3 экз.
28.	-"-	-"-	№ I99	-"-	35г.ИНОВРАЦЛАВ	2 экз.
29.	-"-	-"-	№ 2750	-"-	36г.ИНСТЕНБУРГ	2 экз.
30.	-"-	-"-	№ 275I	-"-	38г.ИЕНА	3 экз.
3I.	-"-	-"-	№ 2750	-"-	36г.ИНСТЕНБУРГ	I экз.
32.	-"-	-"-	№ 2742	-"-	37г.ЗАГАН	5 экз.
33.	-"-	-"-	№ I5I	-"-	34г.ЗАГОРДМОН	2 экз.
34.	-"-	-"-	№ I68	-"-	33г.ЗЕГЖ	I экз.
35.	-"-	-"-	№ 29I4	-"-	37г.ЭБЕРСВАЛЬДС	2 экз.
36.	-"-	-"-	№ 2803	-"-	40г.ГАННОВЕР	5 экз.
37.	-"-	-"-	№ 270I	-"-	38г.ГОТА	4 экз.
38.	-"-	-"-	№ 2663	-"-	37г.АУГСБУРГ	6 экз.
39.	-"-	-"-	№ 266I	-"-	36г.АЛЛЕНШТЕЙН	I экз.
40.	-"-	-"-	№ 2776	-"-	39г.ЛЫК	8 экз.
4I.	-"-	-"-	№ 2890	-"-	38г.ЧЕРНОВИЦИ	3 экз.
42.	-"-	-"-	№ 505	-"-	35г.ЧЕНСТОХОВ	2 экз.
43.	-"-	-"-	№ 326	-"-	34г.ОСТРОЛЕНКА	I экз.
44.	-"-	-"-	№ 2809	-"-	39г.ОППЕЛЕН	I экз.

↑↗ Перечень городов, документация по которым оказалась ненужной 212-му ОДБАП уже к августу 1941-го, поскольку полк в первые же дни войны перестали использовать для действий по стратегическим объектам противника. Все эти «пакеты целей» пригодились бы, начнись война по другому сценарию (ЦАМО РФ, ф. 212 ОДБАП, опись 393796, дело № 21, листы 30, 31).

45.	Пакеты: ОБ"ЕКТ	№ 2872	Изд.РУ КА-39 г.	ХЕМНИТЦ	2 экз.
46.	-"-	№ 2875	-"- 38 г.	ХАРБКЕ	2 экз.
47.	-"-	№ 2874	-"- 37 г.	ХИДДЕНЗЕЕ	4 экз.
48.	-"-	№ 2872	-"- 39 г.	ХЕМНИТЦ	2 экз.
49.	-"-	№ 2875	-"- 38 г.	ХАРБКЕ	I экз.
0.	-"-	№ 2900	-"- 37 г.	ШТЕТТИН	5 экз.
I.	-"-	№ 2853	-"- 38 г.	ТОРГАУ	4 экз.
2.	-"-	№ 2850	-"- 36 г.	ТРАВЕНМЮНДЕ	4 экз.
53.	-"-	№ 2852	-"- 37 г.	ТРАТЕНДОРФ	7 экз.
54.	-"-	№ 454	-"- 33 г.	ТОРУНЬ	I экз.
55.	-"-	№ 326	-"- 34 г.	ОСТРОЛЕНКО	2 экз.
56.	-"-	№ 2809	-"- 39 г.	ОППЕЛЕН	2 экз.
7.	-"-	№ I9	-"- 32 г.	ОСТРОВЕЦ	2 экз.
8.	-"-	№ 4I0	-"- 33 г.	СУВАЛКИ	2 экз.
9.	-"-	№ 4I7	-"-	СТРАХОВИЦЕ	2 экз.
0.	-"-	№ II	-"- 32 г.	СКАРЖИСКО	4 экз.
I.	-"-	№ 676	-"- 33 г.	СВЕАБОРГ	I экз.
2.	-"-	№ 2876	-"- 40 г.	САКСОНИЯ	9 экз.
3.	-"-	№ 2873	-"- 37 г.	СЕЛИН	4 экз.
4.	-"-	№ 4I6	-"- 33 г.	СЕДЛЕЦ	I экз.
5.	-"-	№ 3I2	-"- 35 г.	НОВЫЙ-ТОРГ	2 экз.
6.	-"-	№ 2786	-"- 36 г.	МАРИЕНБУРГ	2 экз.
7.	-"-	№ 2700	-"- 40 г.	МЕКЛЕНБУРГ	3 экз.
8.	-"-	№ 2790	-"- 38 г.	МЮНХЕН	4 экз.
.	-"-	№ 2788	-"- 37 г.	МАРИЕНВЕРДЕН	7 экз.
.	-"-	№ 275	-"- 33 г.	МАЛКИН	I экз.
.	-"-	№ 2833	-"- 37 г.	РАУШЕНАУ	6 экз.
.	-"-	№ 388	-"- 33 г.	РАДОМ	I экз.
.	-"-	№ 2776	-"- 38 г.	ЛЫК	2 экз.
.	-"-	№ 24I	-"- 33 г.	ЛУКОВ	3 экз.
.	-"-	№ 8	-"- 32 г.	ЛЮБЛИН	I экз.
.	-"-	№ I32	-"- 37 г.	ЛОВИЗА	I экз.
.	-"-	№ 238	-"- 37 г.	ЛОДЗЬ	I экз.
.	-"-	№ 258	-"- 35 г.	ЛИДСБЕРК	I экз.
.	-"-	№ 35I	-"- 35 г.	ПЛОЦК	3 экз.
.	-"-	№ I447	-"- 40 г.	ПРУТ	I экз.
.	-"-	№ 2822	-"- 37 г.	ПЛАУЕН	4 экз.
.	-"-	№ 35I	-"- 33 г.	ПОЗНАНЬ	I экз.
.	-"-	№ I0	-"- 32 г.	БЯЛА-ПОДЛЯСКА	3 экз.
.	-"-	№ 276I	-"- 40.г.	БРАНДЕНБУРГ	5 экз.
.	-"-	№ 266I	-"- 36 г.	АЛЛЕНШТЕЙН	4 экз.

================

.	Описание моторов М-87а и М-87б.	Изд.обор.промышл.	-Для сл.польз.	I0 экз.
.	Справочник по ВВС Германии.	Изд.5 Упр.КА-40 г.	-Секретно-	5 экз.
.	Приказы и указания ВВС КА по перебазированию войск.част.ВВС КА.	I940 г.	-Секретно-	I0 экз.
.	Инструкция по расчету дальности и продолжительн. полета с-та ДБ-3 2М-87б с винтом постоянных оборотов ВИШ-23 и альфометрами.	I940 г.	-Секретно-	8 экз.

Осенью 1938 года экипаж Московского управления ГВФ совершил в честь 20-летия ВЛКСМ перелет по одиннадцати республикам, проверяя готовность аэропортов и самолетных парков к осенне-зимней навигации. Командир экипажа Сергей Фоканов (на снимке — в центре) вместе со вторым пилотом С. М. Андреевым (слева) и бортмехаником-радистом М. К. Казённым (справа) преодолели расстояние в 10 750 километров за 44 часа 40 минут летного времени, без происшествий пройдя сложные участки маршрута, — Кавказский хребет, Каспийское море, Кара-Кумы и Среднеазиатские горные хребты. Такой перелет на самолете ПС-89, как отмечалось в приказе по ГУГВФ от 25.10.1938, был выполнен впервые, при этом экипажу удалось выдержать график полета. Не исключено, что сделавший этот кадр фотограф Межуев допустил ошибку в аннотации к снимку, так как назвал участником рекордного перелета не бортмеханика М. Казённого, а М. Ковсикова (фотография из фонда РГАКФД, № 0-40389). Сергей Фоканов был переведен в 212-й ОДБАП и погиб 17 октября 1941 г. в воздушном бою, когда его бомбардировщик был сбит истребителями противника.

Борис Бицкий (на снимке — справа) был одним из пионеров и популяризаторов «слепого» самолетовождения в Аэрофлоте. В 1934–1935 гг. он возглавляет авиаотряд, работающий на приспособленной к зимним ночным полетам линии Москва — Харьков; в 1935–1936 гг. командует матричным звеном Ленинградского управления ГВФ, ежедневно летая по радиомаякам и доставляя из Москвы в Ленинград матрицы газет в любых погодных условиях. В 1936 году Бицкий обучает пилотов «слепому» самолетовождению на курсах высшей летной подготовки. В 1940 году он работает инспектором Главного управления ГВФ. Тем же приказом НКО № 0382 от 11.02.1941, которым группа гражданских пилотов была зачислена в 212-й ОДБАП, Бицкий назначен заместителем командира 11-го ДБАП по ночным и слепым полетам. На этой фотографии, сделанной в 1940 году в Хабаровске, Бицкий инструктирует пилота Дальневосточного управления Константина Антонова (на снимке — слева), спустя несколько месяцев переведенного в 212-й ОДБАП и погибшего 30 июня 1941 г. в воздушном бою в районе Бобруйска (фотография из фонда РГАКФД, № 0-45396).

Летчик Дальневосточного управления ГВФ Иван Белокобыльский до войны летал на двухмоторном ПС-40 — модифицированном под нужды гражданской авиации бомбардировщике СБ. При переводе в дальнебомбардировочную авиацию он был назначен командиром звена 212-го ОДБАП и пересел с одного двухмоторного самолета на другой (ДБ-3ф), только теперь уже предназначавшийся для боевого применения. 30 июня 1941 г. Белокобыльский погиб в районе Бобруйска. На этой фотографии, сделанной в 1940 году в Хабаровске, Иван Белокобыльский запечатлен вместе со своим экипажем: слева от него П. П. Виноградов; справа — С. С. Волгушев (фотография из фонда РГАКФД, № 0-45390).

Не только летчиков в начале 1941 года перевели из Аэрофлота в дальнебомбардировочную авиацию. На этом фотоснимке, сделанном в Москве в 1939 году, изображен инженер-радист самолета «Сталь-7» Николай Байкузов; в 212-й ОДБАП, где он стал заместителем командира полка по радионавигации, его перевели с должности старшего инженера по радионавигации Летного центра ГВФ, обучавшего пилотов управлению двухмоторными пассажирскими самолетами ПС-84. В 212-м ОДБАП Байкузов обучал экипажи радиовождению (фотография из фонда РГАКФД, № 0-85363, фотограф Кубеев).

неясно), Остроленка, Познань, Плоцк, Радом, Сандомеж, Седлец (*Седльце*), Скаржиско, Стараховице, Сувалки, Тарнов, Томашов, Торунь, Ченстохова. [NB! Автор выражает признательность Александру Гурьянову (Москва) и Владимиру Фрадкину (Кельн) за помощь, которую они оказали в прочтении Германских и Польских топонимов.]

Обилие документации о Германии и Польше означало, что полк ориентировали на боевые действия на территории этих стран. Значительно скромнее, но все же были представлены Финляндия (с объектами Або (*ныне Турку*), Гельсингфорс (*Хельсинки*), Каухава, Котка, Ловиза и Санд-Гамн и Свеаборг (*ныне район Хельсинки*)), Швеция (Кальмар и Карлскруна), Чехословакия (Брно, Козел, Маравска острава, Пардубице, Пильзен и Прага), Румыния (Бакэу и Плоешти), Венгрия (Будапешт) и Ирак (Киркук, Мосул); названы в качестве Иракских и «Сенне-Диббане» — вероятно, речь идет о Синне (*Иран*) и Дибан (*Иордания*). Малочисленность пакетов, содержавших информацию об этих странах, могла означать, что расположенные на их территории цели были запасными для 212-го ОДБАП и пригодились бы лишь в случае перенацеливания полка.

Наличие такого количества снабженных необходимой информационной детализацией пакетов в полученной 212-м ОДБАП документации означала лишь то, что по первому же сигналу соответствующий пункт на карте станет боевой целью бомбардировщиков.

Список этих населенных пунктов воссоздан по документам, составленным в августе 1941-го и затем в январе 1942-го, но это не должно вызывать сомнений в том, что пакеты целей поступили в штаб полка еще до войны, поскольку по нескольким перечисленным объектам в Польше 212-й ОДБАП действовал лишь в конце июня и в последующем на польскую территорию не летал. В Германии, Румынии, Финляндии и Чехословакии (Прага, на которую был совершен один налет, расположена в пригороде Варшавы) полк вплоть до своего расформирования не действовал, из чего следует, что документация по этим странам должна была появиться в штабе еще до войны, когда ее будущий ход виделся совсем по-другому.

Например, объектом № 2671 был Берлин, и в комплект по нему, рассылавшийся в дальнебомбардировочные полки, были включены план города в масштабе 1:20 000; карта города (1:100 000); описание города; план аэродрома (1:20 000), описание аэродрома,

план завода «Сименс» (1:15 000) и 30 фотоснимков на 2 листах. [NB! Здесь и далее перечни содержавшихся в пакетах документов даны по источнику из РГВА: ф. 25874/БОВО/, оп. 2, д. 697, л. 182–187 и 327–330].

На объект № 2714, — а им был Дрезден, — имелся план города (1:15 000), описание города и четыре фотоснимка.

Скромнее был представлен Алленштайн (объект № 2661): картой города (1:25 000), планом аэродрома (1:20 000), описанием города и фотоснимком аэродрома.

На Добер (объект №[2]721) имелись карта района (1:25 000), схема авиаскладов, планы хранилища боеприпасов и семи фотоснимков на одном листе.

Пакет Инстербурга (объект № 2750) включал план города (1:10 000), карту района (1:25 000), план аэродрома (1:20 000), описание города и один фотоснимок.

Схожим по составу был пакет и на Кёнигбсерг (объект № 2579): план города (1:15 000), карта города (1:25 000), план аэродрома (1:70 000), описание города и шесть фотоснимков на одном листе.

Пакет Травемюнде (объект № 2850), помимо описания аэродрома и чеырех фотоснимков на одном листе, включал план гидроаэродрома (1:3 000).

О Хиддензее (объект № 2874) можно было составить представление по карте гидроаэродрома (1:25 000), описанию гидроэродрома и одному фотоснимку.

Много подробной документации было получено 212-м ОДБАП и на Польшу. В частности, на объект № 351 — город Познань: план города (1:15 000), описание города, карта города (1:100 000), карта аэродрома (1:100 000), схема аэродрома Познань-Левица (1:10 000), схема аэродрома Познань-Винары (1:1 500), два описания аэродрома, план железнодорожной станции (на двух листах), описание железнодорожной станции, четыре плана завода Цегельского и 27 фотоснимков (на одном листе).

Детально была представлена и Варшава (объект № 48): на нее были составлены карта района (1:42 000) на двух листах, план города (1:20 000) на двух листах, план аэродрома на 3-х листах, план железнодорожной станции, описание города на 8-ми листах, алфавитный указатель на 12-ти листах и подборка из 20-ти фотографий на 3-х листах.

Пакет на Радом (объект № 388) включал планы города (1:20 000 и 1:15 000), план оружейного завода (1:5 000), карту оружейного завода (1:42 000), план железнодорожной станции (1:5 000), описание железнодорожной станции и план военного аэродрома (1:5 000).

Пакет на город Бяла-Подляска, которому, как объекту, был присвоен № 16, содержал схему авиазавода и аэродрома (1:10 000), план железнодорожной станции (1:5 000), четыре фотоснимка на одном листе, карту (1:42 000) и описание самолетостроительного завода.

Не был забыт и «вольный город» Данциг — на объект № 117 приходился план города (1:15 000) и 11 фотоснимков (на одном листе).

Большая часть пакетов была выпущена за несколько лет до войны. Документация по Бяла-Подляска датировалась 1932-м годом, Дрездену — 1936-м, Мюнхену — 1938-м, хотя встречались пакеты, подготовленные и в 1940-м: например, по Бранденбургу, Ганноверу, Мекленбургу и Пруту.

Наличие в штабе 212-го полка полноценной документации о стратегических объектах, расположенных на территории возможных противников (преимущественно Германии), указывало на то, что переведенные из ГВФ в ВВС кадры готовят к участию в полномасштабных боевых действиях.

Штаб располагал и более обобщенной документацией. По этим материалам командование и летно-подъемный состав могли изучать «Аэродромную сеть Польши», «Германию — аэрографическое описание», «Военно-географическое описание Белостокского направления», «Перечень военно-промышленных объектов Турции, Ирана и т. д.».

В случае необходимости, всей этой документации предстояло воспользоваться шестидесяти экипажам 212-го полка, летчики которых имели большой опыт работы в любых метеорологических и природных условиях. Практически на любой случай Голованов мог подобрать экипаж, имеющий надлежащую подготовку, поскольку собрал летчиков, представлявших разные территориальные управления ГВФ. Одни в совершенстве овладели премудростями полетов в горных условиях, где из-за большой смены высот создается особое искажение перспективы. Другие имели навыки работы в заснеженной природе Крайнего Севера. Третьи умело ориентировались над местностью Средней Азии. Четвертые умели уверенно вести самолеты над морским побережьем.

Это означает, что при постановке задачи в 212-м ОДБАП всегда нашлись бы летчики, способные проинструктировать однополчан о том, какие особенности сопутствуют полетам в соответствующих природных условиях, и возможность сопровождать подготовку к полетам в незнакомой местности таким предуведомлением, безусловно, повышала вероятность успешного выполнения боевых заданий.

Теоретическим изучением возможного театра будущих боевых действий в 212-м ОДБАП начали заниматься еще в январе 1941-го, когда в группе руководящего состава полка были изучены темы «Действие дальнебомбардировочной авиации по промышленному объекту на большой глубине», «назначение и роль бомбардировочной авиации в войне», «Военно-географический и экономический образ Северного района Германии; ПВО Германии» (ЦАМО, ф.212 ОДБАП, оп. 393796, д. 1, л. 4).

Если в феврале полк отрабатывал тактику «удара ДБАЭ[скадрильи] по железнодорожному узлу», а также «взаимодействия авиации с наземными войсками», начиная с марта, темы теоретической подготовки касались преимущественно будущего противника.

Германия была не единственной страной, ознакомлением с военным и экономическим состоянием которой занимались в полку, но все же именно она была в центре внимания тактической подготовки 212-го ОДБАП.

В феврале руководящему составу полка прочитали лекцию об «Организации ВВС и мощи авиапромышленности Германии» (там же, л. 12).

В 3-й и 4-й эскадрильях прошло занятие, посвященное «ВВС Германии и летно-тактическим данным основных самолетов [Люфтваффе]».

В апреле полк изучал «организацию ВВС и ПВО Германии», а стрелков-радистов ознакомили с тактико-техническими данными самолетов Германии (там же, л. 35).

В мае летно-технический состав изучал «организацию ВВС, ПВО и тактико-технические данные самолетов Италии» и, как ни удивительно, «Англии» (там же, л. 38), что явно неслучайно соотносится с выдвигавшейся Водопьяновым в марте 1941-го идеей расположить одну из баз стратегической авиации таким образом, чтобы с нее можно было достигать и Великобритании.

«Ориентирован об объектах»

Утром 22 июня дежурный по Белорусскому особому военному округу, позвонив полковнику Голованову, проинформировал его о том, что немцы бомбят Лиду. В этой неожиданной для многих командиров ситуации подполковник Голованов повел себя достаточно уверенно, как человек, заранее знающий все стоящие перед ним цели. За полгода до начала войны он был предупрежден Сталиным о том, что ему предстоит готовиться к боевым действиям против Германии: изучение расположенных на ее территории военно-промышленных объектов и крупных баз было поставлено главной задачей перед полком. Неудивительно, что к началу войны полковник Голованов, по собственному выражению, «был совершенно твердо ориентирован об объектах нанесения ударов». (Вскользь уместно заметить, что сделанное им в мемуарах утверждение, согласно которому, «Варшава никогда не значилась» среди «объектов нанесения ударов», намечавшихся для боевой работы 212-го ОДБАП, с подавляющей вероятностью, неточно, поскольку среди пакетов по целям, переданных 13.I.1942 из 212-го ОДБАП в 748-й АПДД было, по меньшей мере, пять экземпляров на объект №01, то есть Варшаву, и еще три таких же экземпляра достались 747-му АПДД (ЦАМО, ф. 212 ОДБАП, оп. 393796, д. 21, л. 19). Между тем, наличие восьми одинаковых пакетов на Варшаву едва ли может указывать на что-либо иное, кроме как на присутствие этого города в числе возможных целей для 212-го ОДБАП.)

Вскоре после прибытия на аэродром, Голованов отдал приказ «подвесить крупнокалиберные фугасные бомбы и вести подготовку и прокладку маршрутов на Данциг». Для начала налета требовалось получить подтверждение от командования, но у командования 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса ни с Минском, ни с Москвой не было связи. По этой причине полк провел в полной боевой готовности до утра 23-го июня.

Голованов не столько предполагал, какие цели полк должен атаковать, сколько знал это достоверно, причем для него явно не было секретом и то, что поставленная в январе-феврале 1941 года задача будет отражена и в пакете с литером «М», который в штабах надлежало вскрыть в случае начала боевых действий. Осведомленность полковника Голованова о содержании пакета была настолько велика, что получив 23-го июня от командира 3-го ДБАК полковника Скрипко полученный из Москвы устный приказ

командующего ВВС Жигарева «бомбить сосредоточение войск в районе Варшавы», Голованов попросту усомнился в точности полученного приказа. Он стал выяснять у полковника Скрипко, был ли тем вскрыт пакет «М» или же получен письменный приказ (Голованов А., «Дальняя бомбардировочная…», М. 2004, сс. 53–54).

Ни телеграфного, ни машинописного подтверждения тому, что 212-й полк должен действовать в районе Варшавы, полковник Скрипко предоставить полковнику Голованову не смог.

Голованов явно надеялся, что ему удастся уберечь полк от подчинения оперативным интересам как округа, так и корпуса, дабы экипажи смогли действовать по изначально намечавшейся программе. Осторожность командира 212-го ОДБАП была оправдана тем, что он реалистично оценивал способность командующих в интересах своих соединений использовать особый полк в решении тактических задач. Более того, по растерянности и неосведомленности командования корпуса и округа Голованов мог понять, что никакой продуманной программы действий для полка ему предложить в воцарившейся суматохе не смогут. Именно поэтому всем неожиданно возникавшим приказам он предпочел бы содержащийся в пакете с литером «М».

А использовать 212-й ОДБАП еще 22 июня пытался генерал Копец, командовавший ВВС Западного фронта; он телеграфировал через узел связи 42-й дивизии, чтобы в ночь на 23-е полк атаковал авиационные заводы в Кёнигсберге (Скрипко Н., «По целям ближним и дальним», М. 1981, с. 53; документ процитирован без ссылки на архивный источник), причем из-за того, что дата указана двусмысленно — «в течение 22–23.6.41 г. ночными налетами…» — остается непонятным, распространялся ли этот приказ на ночь с 23-го на 24-е июня. (Приказ ВВС Западного фронта, на основе которого была разослана телеграмма, воспроизводится М. Солониным /«1941. Другая хронология катастрофы», М. 2011, с. 240/ со ссылкой на ЦАМО: ф. 208, оп. 2589, дело 9, л. 5.) Как бы то ни было, еще до наступления ночи на 23-е он был отменен, так что его содержание в первом боевом приказе 212-му ОДБАП №01 от 23-го июня оказалось не отражено, хотя, несомненно, он более соответствовал стоявшим перед 212-м полком задачам, нежели сформулированные в последующие дни.

В итоге Голованова вынудили действовать по новому для него плану лишь ко второй половине дня 23 июня. На вечер были назначены эшелонированные удары по железнодорожному узлу Прага (расположенному на правом берегу Вислы в пригороде Варшавы), патронно-снарядному заводу на восточной окраине и аэродром Мокатов на южной окраине Варшавы.

А в последних числах июня полк переключили по существу на штурмовые действия в дневное время, и, лишенные истребительного прикрытия, многие экипажи были сбиты. От понесенных потерь полк восстановиться не смог.

В сентябре 1941-го, когда уцелевшие экипажи действовали с Елецкого аэродрома, мой двоюродный дед Самуил Клебанов напомнил однополчанам о ходившей до войны присказке о том, что ГВФ является «боевым резервом» ВВС.

В клубе, где на стене висел портрет Ворошилова, он встал на колени и, сложив на груди руки, обратился к бессловесному и уже бывшему наркому: «Дорогой Климент Ефремович! Ты думаешь, мы — “боевой резерв?” Нет, мы [уже никакой] не “боевой резерв”!»

Переведенные из Аэрофлота в ВВС летчики, ставшие со своими экипажами свидетелями этой сцены, «умирали со смеху» (*из письма ветерана 212-го ОДБАП М. Коломийца Г. Рамазашвили*).

Список сокращений

АПРФ — Архив Президента Российской Федерации.
РГАЭ — Российский Государственный Архив Экономики.
РГВА — Российский Государственный Военный Архив.
ЦАМО — Центральный Архив Министерства Обороны РФ.
ЦАНИРГ — Центральный Архив Новейшей Истории республики Грузия.
ЦГАСПб — Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга.

На случай, если этот сборник попадет в руки родственникам кого-либо из пилотов 212-го ОДБАП, автор, работающий над исследованием, связанным с историей этого полка, просит выйти с ним на связь по электронной почте **Georgiy212DBAP@gmail.com** *— любая дополнительная информация и замечания будут с благодарностью приняты и включены в последующие публикации.*

ЮРИЙ ЦУРГАНОВ*

К вопросу о морально-политическом состоянии советского общества в начале войны с Германией

Новому поколению российских граждан внушается мысль: «Поразительные успехи немецких войск и пугающие неудачи Красной Армии[1] в первые недели войны сблизили всех советских людей, понимавших, что именно сейчас решается судьба Отечества: с победой Германии рухнет не просто советская власть или сталинский режим, будет уничтожена Россия. Общее настроение сблизило советских людей, сделало их похожими на единую семью»[2].

Какие социологические опросы, какие исследования общественного мнения позволили делать заявления о том, что чувствовали и что понимали «все» советские люди? Таких опросов и таких исследований не было и быть не могло. Но есть доказанные факты, которые свидетельствуют об отсутствии единомыслия в советском обществе. Любимое слово постсоветских историков — «неоднозначное» — действительно уместно, когда речь идет об отношении граждан СССР к германскому вторжению.

Допустим, «общее настроение сблизило советских людей, сделало их похожими на единую семью». Что же дальше? «Это почувствовал и Сталин. 3 июля 1941 года он обратился к народу со словами "Братья и сестры", возложив на себя тем самым, в глазах большинства людей, нелегкую долю главы огромной семьи — Отечества, попавшего в смертельную опасность»[3]. Даже если «общее настроение» действительно сблизило советских людей в ходе войны, то это, во всяком случае, не могло проявиться в течение первых двух недель — к 3 июля. Даже в советской литературе писали об атмосфере всеобщей растерянности. Что мог «почувствовать» Сталин? Его знаменитая речь, начинающаяся словами «Братья и сестры» — это не стремление следовать сложившимся в обществе настроениям, а попытка создать выгодные Сталину настроения.

Первым к населению СССР в связи с начавшейся войной обратился не Сталин, а Молотов. Это было 22 июня. Он охарактеризовал войну как «отечественную». Так называли и называют войну России против вторгшегося в 1812 году Наполеона, в которой, помимо регулярной армии, активное участие принимало гражданское население. Такой характер войны проявился не сразу, и только когда участие в ней гражданских лиц стало очевидным фактом, это дало основание властям и историкам говорить о ее «отечественном» характере. В отношении же 1941 года «телега поставлена впереди лошади».

Зарубежные историки много писали о том, что у части военнослужащих Красной Армии и у части гражданского населения проявилась тенденция связывать с германским вторжением возможность освободиться от сталинских порядков. Много писали о добровольной сдаче в плен, о переходе на сторону германских войск[4].

Советские критики утверждали, что все эти истории придумали себе в оправдание «гитлеровские недобитки» и их пособники.

Цифры и факты, приводимые зарубежными учеными, также полагали сомнительными, так как они взяты не из документов, хранящихся в архивах СССР. Расчет был прост — правда только в наших архивах, а вы до них все равно никогда не доберетесь.

Но после краха КПСС и СССР в 1991 г. архивы стали открываться, документы публиковаться[5]. И выяснилось, что они в принципе подтверждают данные зарубежных исследований.

Стимулирование героизма

По определению советских энциклопедических изданий, любой героизм имеет классовое содержание. Его высшей формой считается социалистический (советский) героизм. Можно, однако,

* Цурганов Юрий Станиславович, кандидат исторических наук, главный редактор общественно-политического журнала «Посев», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

добавить, что это явление в годы войны имело целую систему стимулов.

21 октября 1941 года Военный совет Западного фронта внес на рассмотрение Сталина предложение: «Первое — Боец или командир за уничтоженный танк противника награждается 1000 рублями. За уничтожение 3-х танков противника, кроме того, представляется к награждению орденом Красной Звезды»[6].

И так далее, вплоть до представления к званию героя Советского Союза за уничтожение десяти и более танков. Этот документ был подписан командующим Западным фронтом генералом армии Георгием Жуковым. Аналогичную систему поощрений Военный совет установил для санитаров-носильщиков.

Разумеется, использовались не только поощрения. Среди первых законодательных актов периода войны — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По этому указу предусматривалось тюремное заключение от двух до пяти лет для гражданских лиц. Применительно к Вооруженным Силам Указ имел более жесткий характер. Наравне с паническими слухами под его действие подпадали антисоветские высказывания, пораженческие и антикомандирские настроения. Политические, особые (контрразведывательные) и карательные органы относили их к разряду «контрреволюционных деяний»[7].

16 июля 1941 года появился приказ Ставки Верховного Главнокомандования №0019, который признавал наличие многочисленных элементов, добровольно сдающихся противнику, в то время как число стойких командиров оценивалось как не слишком большое.

Приказ Ставки №270 от 16 августа 1941 года еще раз подтверждал наличие в Красной Армии «неустойчивых элементов», в том числе и среди начальствующего состава. Сообщалось о сдаче в плен командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина и командира XIII стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова[8].

Трофейный бюллетень германской армии от 14 января 1942 года в разделе «Опыт войны на Востоке» давал такую характеристику морально-политическому состоянию солдат РККА: «Как правило они борются не за какой-нибудь идеал, не за свою Родину, а из страха перед начальством, в особенности перед комиссаром. Наступающая пехота компактными группами покидает свои пехотные позиции и с большого расстояния устремляется в атаку с криком "Ура". Офицеры и комиссары следуют сзади и стреляют по отступающим»[9]. Следует отметить, что это не передовица из нацистского официоза «Фелькишер беобахтер», а специальное издание, предназначенное для внутреннего пользования.

«Неблагонадежная прослойка»

Случаи дезертирства, добровольной сдачи в плен наиболее часто встречались среди лиц, призванных с территорий, насильственно присоединенных к СССР в 1939–1940 годах.

26 июня 1941 года Управление политической пропаганды Юго-Западного фронта сообщало начальнику Главного управления политической пропаганды (ГУПП) РККА армейскому комиссару I ранга Льву Мехлису: «Не прекращаются факты паники среди отдельных командиров и красноармейцев. Из частей поступают сведения о том, что отдельные красноармейцы приписного состава, особенно из западных областей УССР[10], панически настроены, пытаются уклониться от службы в Красной Армии, дезертируют»[11].

3 июля 1941 года последовало очередное сообщение: «За период с 29 июня по 1 июля с. г. 3-м отделом ЮЗФ (Особым отделом НКВД[12] при Управлении Юго-Западного фронта. — *Ю. Ц.*) задержано дезертиров — 697 человек, в том числе 6 человек начсостава. В частях 6-го стрелкового корпуса во время военных действий задержано дезертиров до 5000 человек. В 99-й стрелковой дивизии из числа приписников Западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять. Командир роты 895-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии во время боя самовольно снял роту с фронта и пытался отходить»[13].

Красноармейцам, которые были уроженцами «западных областей БССР и УССР», было посвящено специальное донесение. Его составил начальник Политуправления Западного фронта для Военного совета фронта. Он сообщал, что среди этой части военнослужащих «с первых дней боев вскрыты довольно значительно распространенные пораженческие и антисоветские настроения»: «нарисовали на одежде свастику...»; «открыто заявил, что стрелять в немецких фашистов не будет»; «восхваляли Гитлера»[14].

Автор донесения делает попытку социального анализа этих явлений: «В 220-й мотострелковой дивизии (Орловский округ) перед началом боевых действий было 3 400 человек, из них — 300 поляков и немцев, 800 человек имели родственников за границей и 600 человек имели репрессированных НКВД родственников. Из этих красноармейцев 1 600 человек отчислены в запасные части. В 232-й стрелковой дивизии изъято 130 таких красноармейцев. В 187-й стрелковой дивизии под особым наблюдением находятся 230 человек»[15].

В конце донесения сделан обобщающий вывод: «Все эти факты требуют, чтобы по отношению к этой неблагонадежной прослойке красноармейцев принимались организационные меры заранее, не выводя таких красноармейцев на Западный фронт. Правильным решением этого вопроса будет: отправка их на службу в глубокий тыл, а по отношению к наиболее активной части — решительные репрессивные меры»[16].

Не только «неблагонадежные»

Впрочем, подобные явления наблюдались не только среди лиц, призванных в армию с недавно присоединенных к СССР территорий. Командование 15-й железнодорожной бригады предоставило данные о том, что бригада во время эвакуации складов из города Ровно (Западная Украина, до осени 1939 г. — Польша) потеряла от бомбардировки 40% личного состава. Проверкой было установлено, что бригада потеряла всего десять человек, а остальные разбежались. «Сейчас все внимание нач. состава и политработников направлено на ликвидацию паники, повышение бдительности, наведение строгого порядка и организованности на дорогах, воспитание в войсках мужества, героизма и наступательного порыва»[17].

Если все перечисленные случаи, несмотря на внушительность цифр, и можно представить как «отдельные минусы», то последняя фраза не оставляет сомнения в истинных масштабах явления. Она дает понять, куда было направлено «все внимание» командиров и комиссаров. Автор документа приводит четыре положения, каждое из которых относится к наведению порядка в собственных рядах. Организация сопротивления наступающему противнику здесь даже не упоминается.

В очередном сообщении Мехлису от 6 июля 1941 года говорилось, что с 22 июня по 1 июля (за восемь дней) из частей 26-й армии разбежалось до четырех тысяч человек[18]. А 17 июля сообщалось, что в расположении только одного (VI стрелкового) корпуса за первые десять дней войны задержано пять тысяч дезертиров[19].

«Коммунисты, вперед?»

15 июля 1941 года появилась директива № 080 ГУПП «О повышении авангардной роли коммунистов и членов ВЛКСМ в бою». В документе говорилось, что «во многих случаях коммунисты и комсомольцы[20] не только не дают отпора подлым трусам и паникерам, но и сами являются инициаторами позорного оставления поля боя»[21]. Приводились конкретные примеры. «Многие политорганы, — сказано далее, — во время боевых операций потеряли связь с коммунистами и комсомольцами, перестали быть организующей силой и потому оказались неспособными дать сокрушительный отпор трусам и паникерам»[22].

Эта же директива предписывала всему политическому аппарату, партийным и комсомольским организациям «повести решительную борьбу с паникерами, трусами, шкурниками и пораженцами, невзирая на лица». Таковых предстояло «немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду Военного трибунала»[23]. С содержанием этой директивы предписывалось ознакомить всех коммунистов и комсомольцев. Автор документа — Мехлис — требовал доносить ему о ходе работы и достигнутых результатах каждые три дня.

«Паникерство», «трусость» и «шкурничество» — свойства натуры, имеющие мало общего с политикой. «Пораженчество» — понятие совершенно иного плана, это сознательно занятая политическая позиция. Словосочетание «невзирая на лица» свидетельствует о том, что жертвы кампании могут быть выше по рангу, чем преследователи. И если охоту предстояло вести всему политическому аппарату, партийным и комсомольским организациям, то это явно указывает на высокий уровень людей, дерзнувших искать нестандартные политические решения в ходе начавшейся войны.

15 июля 1941 года вышла еще одна директива ГУПП (№ 081). В ней анализировались итоги партийно-политической работы

за три недели войны: «Многие работники политорганов и заместители командиров по политчасти предпочитают отсиживаться в штабах, мало бывают в частях, плохо борются с явлениями неорганизованности, растерянности, паники, недисциплинированности и преступной потери бдительности. Коммунисты и комсомольцы нередко не являются примером стойкости и упорства в бою, плохо поднимают ярость всех бойцов и командиров против паникеров, трусов и дезертиров»[24]. О наступающем противнике речь не ведется. Все внимание опять же направлено на то, чтобы навести порядок в собственных рядах.

Обращает на себя внимание еще один тезис: «Армейская печать увлекается односторонним освещением фактов героизма и мужества, забывая о политическом и воинском воспитании личного состава»[25]. Не будем уподобляться советским агитаторам, которые просто отрицали факт существования тех явлений, которые противоречили их концепции. Признаем, что армейской печати РККА явно было что освещать в плане героизма и мужества рядовых и командиров. В конце концов, именно большие потери немцев, вызванные ожесточенным сопротивлением частей Красной Армии, заставили командование Вермахта пойти на создание Восточных войск, то есть пополнять свои ряды добровольцами из числа советских граждан. Важно другое. Советским пропагандистам было недостаточно одного только мужества и героизма, если за этим не стояла политика партии. Мало того, что боец Красной Армии, руководствуясь своими представлениями о долге и целесообразности, защищает страну. Он должен защищать еще и режим, хочет он того или нет. И об этом должны были позаботиться политические органы в войсках.

Директива ГУПП №081 содержала похожие предписания: «Глубоко разъяснить всему личному составу вероломный разбойничий характер войны со стороны Германии, показать, что нападение фашистов — это иноземное нашествие, против которого, как и в 1918 году, на Отечественную войну поднялся весь советский народ»[26].

Как это понимать? Один только факт германского вторжения еще не достаточное основание для сопротивления? Необходим разговор о характере этого вторжения, то есть о том, что перемен к лучшему он не несет?

Невольно сказанная правда

Ссылка на 1918 год заслуживает отдельного рассмотрения. В СССР праздновался день рождения Рабоче-Крестьянской Красной Армии — 23 февраля (1918 г.). В этот день, согласно мифологии большевиков, сложившейся позже, были одержаны первые «победы» под Псковом и Нарвой над кайзеровскими войсками. Однако 25 февраля 1918 года в большевистском официозе «Правда» появилась статья Владимира Ленина[27] «Тяжелый, но необходимый урок». Основная тема публикации — «гигантское разложение быстро демобилизующейся армии, уходящей с фронта»[28]. Ленин пишет о получаемых им «мучительно-позорных сообщениях об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве»[29].

3 марта 1918 года большевики подписали с немцами «похабный», по выражению самого же Ленина, сепаратный мир в Брест-Литовске. Без боя было сдано 750 тысяч квадратных километров (территория, вдвое превышающая размеры Германской Империи), где проживало 26% населения России, производилось 37% сельскохозяйственной продукции, было сосредоточено 28% промышленных предприятий. Договор был дезавуирован большевиками только в ноябре 1918 года после окончательного разгрома Антантой германских Вооруженных Сил. Таковы обстоятельства «борьбы против иноземного нашествия» в 1918 году. Большевистские агитаторы периода II мировой, сами того не желая, сказали правду о 1941-м годе, сравнив его с 1918-м. Повторялось очень многое, включая намерение советской стороны добиться прекращения военных действий путем территориальных уступок.

И, опять же, «Отечественная война». Мехлис обязывает своих подчиненных довести до сведения народа, что он (народ) в едином порыве поднялся на борьбу.

Как это имело место в период гражданской...

Еще больше поражает откровенностью Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных

комиссаров в РККА»[30]. Новые военные условия, — говорилось в документе, — требуют того, чтобы была повышена роль и ответственность политработников — «подобно тому, как это имело место в период гражданской войны против иностранной интервенции». (Поражает и то, что этот документ был популяризирован за годы до демократических перемен. Очевидно, публикаторы не до конца понимали дополнительный смысл этого текста.)

Институт комиссаров действительно сыграл огромную цементирующую роль в Красной Армии в период гражданской войны. Комиссары были приставлены к военачальникам и следили: во-первых, чтобы «военспецы» (бывшие царские офицеры, привлеченные на службу в РККА, зачастую против их воли, взяв семью в заложники) не начали подыгрывать белым[31]; во-вторых, чтобы командиры «из народа» не заболели «бонапартизмом», не превратились в самостийников, которым уже нет дела до ленинского Совнаркома и ЦК партии. Иными словами, комиссары следили за тем, чтобы Красная Армия не развалилась.

И очень примечательно, что в 1941 году снова вспомнили про комиссаров. Историческая параллель, приводимая в указе от 16 июля, вполне уместна. II мировая война действительно включала для Советского Союза элемент войны гражданской.

Переходящие на немецкую сторону группы красноармейцев и представители комсостава объясняли свой выбор в том числе и политическими мотивами — неприятием советской власти.

Тем, кто был взят или сдался в плен, тоже не были чужды антисоветские настроения. В лагерях военнопленных составлялись петиции на имя первых лиц Рейха. В них выражалось стремление включиться в борьбу против сталинского режима. Такие послания скреплялись тысячами подписей, в том числе и генеральскими. Составлялись проекты создания русского национального правительства и его вооруженных сил. Подобные проекты возникали независимо друг от друга в разных местах на всем протяжении советско-германского фронта, практически повсеместно в оккупированных немецкими войсками районах СССР[32].

Советская пропаганда отстаивала тезис: «В годы Великой Отечественной войны проявилось небывалое единство народов Советского Союза, его преданность социалистической Родине, партии, правительству и лично товарищу Сталину». Но это для торжественных митингов и газетных передовиц. Сами партийные пропагандисты понимали, что произошел рецидив гражданской войны. Потому они и призывали к использованию в боевых условиях методов, «подобно тому, как это было в период гражданской».

ВКП(б) не доверяла армейским командирам

Директива №206 от 19 августа 1941 года в тревожном тоне сообщала, что за последнее время участились случаи отдачи письменных приказов и распоряжений за единоличными подписями командиров. Членам Военных советов, военным комиссарам и представителям политорганов впредь предписывалось следить за тем, чтобы «строжайшим образом» соблюдалось положение о военных комиссарах.

Оно обязывало все приказы по полку, дивизии, управлению и учреждению подписывать не только командиру, но и военному комиссару[33].

Директива Сталина и Мехлиса №090 от 20 июля 1941 года о задачах военных комиссаров и политработников в Красной Армии предписывала: «Быть на деле глазами и ушами большевистской партии и Советского правительства, самыми бдительными и осведомленными людьми в частях. Помогать командиру разрабатывать боевой приказ, строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования. Своевременно сигнализировать Верховному Командованию и правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника… Никакое событие или явление не должно быть для комиссара случайным и неожиданным… Железной рукой насаждать революционный порядок»[34].

Приказ напоминал, что военные комиссары, наряду с командирами, несут всю полноту ответственности за случаи «измены и предательства в части». Комиссарам предписывалось взять «под неослабный контроль» тыловые службы всех уровней: штабы, связь, склады, органы снабжения, обозы; объединить и координировать работу военных трибуналов, военной прокуратуры и особых отделов, «проникать во все закоулки»[35].

Далее: «Очистить все части от сомнительных людей, учтя при этом, что среди призванных с западных областей Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников. Выходящих

из окружения в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики тщательно проверять совместно с особыми отделами»[36].

Этому документу вторила директива ГлавПУ (Главного политического управления) №012 от 17 сентября 1942 года, где сообщалось: «Многие политработники не сумели организовать разъяснительной работы по вопросам дружбы народов СССР и роли великого русского народа как старшего брата народов Советского Союза. Слабостью партийно-политической и воспитательной работы в значительной степени объясняется рост чрезвычайных происшествий, наличие фактов невыполнения боевых приказов, членовредительств, дезертирств и измены Родине со стороны некоторой части красноармейцев нерусской национальности»[37]. В процессе ликвидации данных «упущений» предписывалось обратить особое внимание на бойцов и командиров «закавказских и среднеазиатских национальностей».

Донесение №ВС/0069 Военного совета 30-й армии Военному совету Западного фронта от 6 сентября 1941 года сообщало уже не просто о случаях дезертирства и о наличии пораженческих и антисоветских настроений. Речь шла о переходе к немцам: «В армии имеют место факты переходов к немцам не только отдельных лиц, но за последнее время есть случаи, когда этот переход совершали организованно целые даже группы, так, например: 27 августа в 903-м стрелковом полку из 8-й роты, 31 августа — тоже, с оружием из 3-го взвода разведроты штадива (штаба дивизии. — *Примеч. автора*) 242»[38].

Особый интерес представляет объяснение, которое дали этим фактам авторы документа — командующий 30-й армией генерал-майор Хоменко и член Военного совета бригадный комиссар Абрамов: «Все эти позорные для нашей армии факты объясняются потерей бдительности и политической беспечностью командно-политического состава и работников Особых органов НКВД»[39]. Это довольно откровенное указание авторитетных лиц на то, что именно обеспечивало боеспособность Красной Армии или служило причиной отсутствия боеспособности. Военный совет 30-й армии просил Военный совет фронта обязать соответствующие органы производить дальнейшее комплектование действующих армий людьми, тщательно проверенными в политическом отношении.

23 сентября 1941 года появилась директива Штаба Орловского военного округа №006901, касающаяся отсева определенных

групп личного состава при формировании воинских подразделений. О выполнении этой директивы политотдел 323-й стрелковой дивизии докладывал 12 декабря 1941 года в политотдел 10-й армии Западного фронта.

Указывалось на семь категорий отсеянных при формировании дивизии: «участники банд Антонова (участники антибольшевистского крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1921 году. — *Ю.Ц.*); судимые; раскулаченные; из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики; отказавшиеся от отправки на фронт; проявившие антисоветские настроения; по состоянию здоровья»[40]. Как видно, только последняя категория не имеет социально-политического подтекста.

2 ноября 1941 года начальник Можайского сектора НКВД докладывал члену Военного совета Западного фронта Николаю Булганину, что 9 октября под Вязьмой двадцать немецких автоматчиков взяли в плен до четырехсот красноармейцев[41].

21 ноября тот же источник сообщал, что из пленных красноармейцев, содержащихся в Добрино, 20% в плен попали случайно, а остальные сдались, имея на руках немецкие листовки[42].

Весьма показательным в данной связи представляется приказ начальника Главного политического управления РККА Мехлиса от 10 декабря 1941 года. В документе сказано: «Лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Со всех без исключения военных газет снять в шпигеле лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и заменить его лозунгом "Смерть немецким оккупантам!". Лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" ставить только на литературе, издающейся для войск противника»[43].

Директива №303 от 20 декабря 1941 года предписывала начальникам политуправлений фронтов, округов и армий заменить на знаменах воинских частей фразу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» лозунгом «Смерть немецким оккупантам!»[44].

В условиях войны партия меняла привычные лозунги. «Пролетарские» призывы использовались во время тщетных попыток разжечь мировую революцию. Теперь большевики оказались в ситуации, когда привычные лозунги оказались опасны для них же самих.

Начиная с 1917 года большевики целенаправленно уничтожали историческую память народа. Древнерусские князья рассматривались только как феодалы, знаменитые российские пол-

ководцы как «пособники царизма». В качестве «прогрессивных деятелей» прошлого преподносились организаторы революций и основоположники марксизма.

Определенные перемены начались в середине 1930-х годов. Идеология претерпевала трансформацию. Произошла «реабилитация» Александра Невского, мощи которого в свое время были выброшены из Лавры, некоторые цари стали преподноситься как прогрессивные исторические деятели. К середине 1930-х Сталин уже вполне сложился как диктатор и ему, конечно, было желательно иметь соответствующую политическую родословную. Он хотел восприниматься как продолжатель дела создателей империи, а не социалистов-утопистов.

Отсюда интерес к Ивану Грозному и Петру I (к Петру отношение было более осмотрительным — западник все-таки). В XIX веке «достойных» царей не нашлось, и в ход пошли полководцы и флотоводцы: Суворов, Кутузов, Ушаков, Нахимов. Адмиралу Корнилову «не повезло» с фамилией[45]. Школа историков-марксистов, возглавлявшаяся Михаилом Покровским, была разгромлена. Они недооценивали значение личности в истории и все внимание уделяли социально-экономическим процессам и народным массам. Новый историк № 1 Евгений Тарле демонстрировал иной подход, он прославился благодаря монографиям «Наполеон» и «Талейран». Чем дальше, тем больше вождь входил во вкус. Вводились все новые и новые символы, напоминающие о дореволюционной России.

Готовясь к большой войне, Сталин реабилитировал патриотизм. Одного марксизма-ленинизма было бы явно недостаточно для поднятия боевого духа. Началась частичная реконструкция памяти о прошлом.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее определение патриотизма: «Любовь к отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации. Чувства привязанности к родине и родному народу, проникнутые просвещенным пониманием умственных и нравственных потребностей народа». Проблема российского патриотизма в XX веке обретала особую остроту дважды: в период революции и гражданской войны и в период II мировой войны. Причем в последнем случае в стране господствовал политический режим, который в период своего становления имел ярко выраженную антинациональную окраску. Достаточно сказать, что в документах ВЧК можно встретить фразу: «расстрелян как явный белогвардеец и патриот».

С учетом этого сталинская ставка на использование образов и символов русского дореволюционного прошлого выглядит как идеологическое мародерство.

После 22 июня 1941 г. эта тенденция усилилась. Директива № 0178 от 14 ноября 1941 года содержала тематику лекций для личного состава Вооруженных Сил: «Героическое прошлое русского народа»; «Александр Невский. Ледовое побоище»; «Дмитрий Донской. Куликовская битва»; «Минин и Пожарский»; «Александр Суворов»; «Разгром Наполеона. Михаил Кутузов». Ну и конечно: «Под победоносным знаменем великого Ленина — на полный разгром немецких захватчиков»; «Товарищ Сталин — организатор и вождь борьбы Красной Армии с немецкими захватчиками»[46].

Идейные враги

Специальное сообщение особого отдела НКВД 10-й армии Западного фронта от 5 января 1942 года давало информацию о случаях отказа от принятия присяги. В документе даже приводятся высказывания, которыми отказавшиеся присягать мотивировали свое решение: «У меня нет врагов. Стрелять мне не в кого. Если попадется даже сам Гитлер — я все равно стрелять не буду». «Присягу принимать не буду. Убивать гитлеровцев также не буду, потому что колхоз[47] сделал меня пастухом»[48].

Следует отметить, что это происходило уже после того, как немцы были остановлены под Москвой, и шок от внезапности нападения прошел. Побудительным мотивом к отказу от присяги не может считаться и трусость, которой можно было бы объяснить, например, массовое дезертирство первых недель войны. Люди, о которых сообщается в документе, должны были понимать, что их ждет после такого шага. В данном случае мы имеем дело с идейными врагами советского режима.

Распоряжение начальника политуправления Юго-Западного фронта дивизионного комиссара Галаджева от 9 декабря 1941 года касалось подбора добровольцев для выполнения заданий в тылу противника. В документе сообщалось, что этот предлог используется для перехода на сторону немцев. Галаджев предлагал перед отправкой на задание всесторонне изучать всех добровольцев. Из

их состава было предложено отчислять тех, кто не внушал политического доверия[49].

В 1995 г., 50-ю годовщину окончания Второй мировой войны, в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) вышел сборник обзоров «Великая Отечественная война. (Историография)»[50]. Н. Л. Кирсанов в статье «Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» суммирует выводы «историков доперестроечного периода» и, ссылаясь на исследование, вышедшее в Москве десятью годами раньше[51], сообщает, что по неполным данным, за время войны граждане СССР подали в военные, партийные и советские организации и учреждения более 20 млн заявлений с просьбой о добровольном зачислении в армию. Однако по разным причинам, — добавляет Кирсанов, — (возраст, состояние здоровья, работа на оборонных предприятиях и т. д.) не все просьбы удовлетворялись. В контексте приведенного выше распоряжения дивизионного комиссара Галаджева «и т. д.» обретает особое звучание.

Выполнению той же задачи — всестороннее изучение добровольцев — должна была способствовать директива № 287 от 16 декабря 1941 года. Она посвящалась усилению воспитательной работы в разведывательных подразделениях. Документ сообщал об инцидентах, которые были сгруппированы следующим образом:

1. переходы разведгрупп на сторону немцев. Это, в частности, касалось красноармейцев, семьи которых проживали на оккупированной территории (из 920-го стрелкового полка Калининского фронта);
2. отказ открывать огонь по сослуживцам, которые переходят к немцам (в 529-м полку 163-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта);
3. переходы к немцам, сопровождающиеся убийством политработников (из 312-го полка 26-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта)[52].

В связи с этим последовал приказ: «Комиссарам соединений, частей, начальникам политотделов совместно с работниками штаба в 10-дневный срок проверить весь личный состав разведывательных подразделений. Работу провести без всякой шумихи и всех политически сомнительных и не отвечающих требованиям разведывательной службы лиц из разведывательных подразделений изъять.

Разведывательные подразделения укрепить проявившими себя в боях коммунистами, комсомольцами, “беспредельно преданными нашей Родине”. Создать в разведывательных подразделениях крепкие партийные и комсомольские организации. Во все разведывательные взводы полков назначить политруков (политических руководителей. — *Ю. Ц.*) Добиться, чтобы все разведчики знали хорошо приказ Ставки Верховного Главного Командования № 270 и применяли бы его на деле в отношении изменников Родины. Перед отправлением разведывательных подразделений комиссарам лично беседовать с разведчиками, обеспечивать политическим руководством. В каждую разведывательную группу обязательно выделять одного из лучших политруков или заместителей политруков. Следить за тем, чтобы в разведку не посылались бойцы, семьи которых находятся на занятой противником территории»[53].

Подобные распоряжения исходили не только от главного органа политического управления. Аналогичные документы создавались и местными начальниками: «Всесторонне изучать всех добровольцев. Отчислять из состава добровольцев лиц, не внушающих политического доверия»[54].

Особого комментария заслуживает упомянутый приказ № 270 от 16 августа 1941 года. В документе говорилось:

Во-первых, семьи командиров и политработников, сдающихся в плен, дезертирующих в тыл, срывающих знаки различия, подлежат аресту. Это означало коллективную ответственность членов семьи. Отныне каждый командир и политработник знал, что его ближайшие родственники — заложники в руках советской власти. Их судьба будет зависеть от того, как он будет себя вести. Проявит нелояльность — погубит семью. В СССР писали, и в современной России пишут о том, что боевой порыв Красной Армии обеспечивался советским патриотизмом. Но только лишь?

Во-вторых, сдающиеся части Красной Армии подлежат уничтожению всеми средствами, как наземными, так и воздушными. (То есть бить по своим, лишь бы они не оказались в немецком плену.)

В-третьих, семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишаются государственного пособия и помощи. (Это, конечно, еще не арест, как в случаях с семьями командиров и политработников.

Но уровень жизни в СССР был крайне низким. Семья, из которой взрослые мужчины ушли на фронт, не могла обеспечить себе даже биологическое существование, не говоря уже о большем. Существование обеспечивалось за счет государственного пособия за ушедших на фронт членов семьи. При этом в СССР государственным было все, никаких иных источников заработка. И если семью лишить пособия, то это означало обречь ее на медленную голодную смерть. Каждый красноармеец это понимал и должен был делать выводы.)

Приказ №270 зачитывали в войсках, но он не предназначался для печати. Он был настолько одиозен, что и после войны его не решилось опубликовать ни одно из поколений советских историков. Это произошло лишь в 1990-е годы, в условиях освобождения от идеологического давления на ученых. Приказ №270 не был единственным в своем роде. Были и другие «драконовские» постановления схожего содержания, например, приказ №0019 от 16 июля 1941 года.

Количество людей, которые подлежали репрессиям в связи с новыми постановлениями, было, по всей видимости, очень велико. Преследуя военнослужащих, можно было нанести ощутимый урон всей армии. Очевидно, именно это соображение заставило Иосифа Сталина и Бориса Шапошникова, постоянного советника при Ставке Главного Командования, начальника штаба западного направления, начальника Генштаба и члена Ставки Верховного Командования, подписать 4 октября 1941 года приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». Какое-либо другое объяснение появлению такого документа дать сложно. Обычно вождь на репрессии не скупился и действовал по принципу: лучше по ошибке уничтожить невиновного, чем пропустить виновного.

Указание Главного политуправления по отбору танковых экипажей, последовавшее 12 августа 1941 года, начинается без всяких предисловий: «В экипаж отбирать военнослужащих, беспредельно преданных нашей Родине, большевистской партии и Советскому правительству, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не сдадут танк врагу»[55].

Экипаж предписывалось составлять из коммунистов, комсомольцев и «непартийных большевиков». В состав экипажей запрещалось включать лиц, относящихся к следующим категориям:

а) призванных из «западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины» (насильственно присоединенных к СССР в 1939–1940 гг.);

б) вернувшихся с территории, занятой немцами, а также военнослужащих, вышедших из окружения одиночками или группой, «но внушающих сомнения» (то есть тех, кто временно выбывал из-под неусыпного контроля советской власти и теоретически мог выходить на контакт с немцами);

в) отбывавших наказания по суду и лиц, имеющих репрессированных родственников.

Отбору членов экипажей должна была предшествовать «массовая политическая работа, имеющая целью создать патриотический подъем». Работу по отбору предписывалось проводить путем беседы с каждым бойцом[56].

В состав комиссий по отбору танковых экипажей предстояло включить представителей ГлавПУ, особого отдела НКВД и комиссара части. Весь состав комиссии наравне с командованием части нес ответственность перед наркомом обороны за людей, отобранных в состав экипажа. О проделанной работе комиссия должна была составлять отчет по каждому экипажу в отдельности, с краткой характеристикой на каждого человека.

Очевидно, политически благонадежных и одновременно профессионально подготовленных водителей не хватало. Директива №208 от 19 августа 1941 года предписывала начальникам политуправлений округов выявлять руководящих комсомольских работников, служивших ранее танкистами и шоферами. Таковых предполагалось сводить в отдельные подразделения и «не отправлять ни одного человека без указаний ГлавПУ РККА»[57]. Каждый такой человек был на вес золота, такие кадры нельзя было разбазаривать. Однако и здесь: доверяй, но проверяй. Директива №0112 от 19 августа 1941 года о порядке мобилизации в РККА «коммунистов-шоферов» предписывала проводить ее через обкомы ВКП(б) «с участием прокуроров»[58](!).

Какие же свидетельства дают советские документы о поведении бойцов и командиров РККА на немецкой стороне? В Войцевичах (Западная Белоруссия) немцы обучали пленных красноармейцев строевой подготовке, перебежкам и самоокапыванию. Часть пленных использовалась в качестве подносчиков патронов,

связных и саперов. 1 января 1942 года разведка 330-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта донесла: «В районе деревень Мокрая, Шиловка, Хумы, Высокая располагается немецкий полк (пехотный), состав которого на 75% украинцы, прошедшие подготовку и принявшие присягу врага. Полк одет в обмундирование Красной Армии, за исключением шинелей и винтовок»[59].

Численность компартии — управляемый рост

Для поднятия боевого духа и демонстрации роста советского патриотизма Центральный Комитет ВКП(б) изменил 19 августа 1941 года условия приема в партию красноармейцев и командиров действующей армии. Раньше по уставу ВКП(б) для того, чтобы стать кандидатом в члены ВКП(б), требовались рекомендации трех коммунистов с трехлетним стажем, причем они должны были знать товарища по совместной работе не менее года. Теперь разрешалось при вступлении в партию представлять рекомендации трех коммунистов с годичным стажем, и они могли знать рекомендуемого менее одного года. В воинские парторганизации начался приток коммунистов. ВКП(б) с гордостью называла миллионные цифры. Увеличение ее рядов пропаганда связывала с высоким чувством долга и сознательностью людей.

Процесс роста численности компартии за счет военнослужащих РККА был управляемым. Например, 16 ноября 1941 года начальник политуправления Юго-Западного фронта специальным распоряжением потребовал от начальников политотделов 3, 6, 13, 21, 38 и 40-й армий донести, как выполняется директива Главного политуправления РККА №142 о росте партии. Дивизионный комиссар требовал от своих подчиненных показать рост притока заявлений после ознакомления личного состава с докладом Сталина по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции[60].

Параллельно шел процесс исключения из ВКП(б). 10 марта 1942 года начальнику Политуправления Юго-Западного фронта была подана докладная записка о работе партийной комиссии при политуправлении фронта. За период с 22 июня 1941 года по 10 марта 1942-го комиссия приняла в члены и кандидаты в члены ВКП(б) 127 человек, исключила 215 человек. К докладной записке прилагалась сводка — сколько человек и за какие проступки были лишены звания коммунистов:

«1) Трусость в бою и невыполнение приказа — 36 человек;
2) Осуждено военным трибуналом — 50;
3) Уничтожение партийных документов и личного оружия — 75;
4) Сдача в плен с оружием — 23;
5) Нарушение воинской дисциплины и самовольные отлучки — 4;
6) Скрытие судимости, бегство из-под стражи — 1;
7) Контрреволюционные высказывания — 1;
8) Дезертирство с поля боя — 4;
9) Халатное отношение к служебным обязанностям — 2;
10) Неискренность — 9;
11) Пьянство и бытовое разложение — 8;
12) Притупление бдительности, беспечность — 2»[61].

Даже если из перечисленных двенадцати статей считать политическими только четыре — 2, 3, 4 и 7-ю, то получается, что «за политику» было исключено 149 человек. Это составляет 69,3% от общего числа исключенных. Таким образом, за означенный период было принято в члены и кандидаты в члены ВКП(б) 127 человек, исключено за бытовые преступления и нарушение воинской дисциплины 66 человек, исключено по политическим причинам 149 человек.

В этом же документе приводится статистика дел о проступках коммунистов, по которым объявлены партвзыскания без исключения из ВКП(б):

«1) Утеря, уничтожение и порча документов и личного оружия — 1 214 человек;
2) Захвачены в плен с оружием, будучи ранеными — 10;
3) Нарушение воинской дисциплины и самовольные отлучки — 9;
4) Пьянство и бытовое разложение — 6;
5) Халатное отношение к служебным обязанностям — 9;
6) Рукоприкладство — 1»[62].

Из этих статей только первая имеет явный политический подтекст, и по ней взысканий наложено в 35 раз больше, чем по всем остальным статьям вместе взятым.

Сталин, считавший сдачу в плен военнослужащих своей армии проявлением нелояльности, был в данном случае не так уж не прав. В течение войны в плен немцам сдалось 5,2 миллиона военнослужащих РККА. Из них 3,8 миллиона — в первые несколько месяцев войны, когда надежды на то, что Гитлер несет освобождение от тирании, были особенно сильны. Надежды таяли, но стремление использовать ситуацию для борьбы против Сталина сохранялось у значительного количества людей вплоть до весны 1945-го. Кроме того, было распространено суждение, опять-таки, наибольшим образом в первые месяцы, что выжить можно только в плену. Оно было основано на опыте старшего поколения мужчин, побывавших на немецком фронте в 1914–1918 гг.

Сталин вел борьбу со сдачей в плен, равно как и с самими военнопленными. Число погибших в плену оценивается в 2 миллиона человек. Через Международный Красный Крест (МКК) воюющие страны помогали своим военнослужащим, оказавшимся в плену: присылали медикаменты, продовольствие, одежду, поддерживали морально. Это не распространялось только на советских военнослужащих. СССР предусмотрительно не подписал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными и, конечно, не присоединился к ней в 1941-м. В отличие от правительств других стран, в том числе и Германии, советское правительство объявило попавших в плен солдат и командиров своей армии не военнопленными, а предателями, преступниками, вследствие чего МКК не получал от советского правительства средств на их содержание.

Судьбу тех, кто вырвался из плена или из окружения, определял приказ Государственного Комитета Обороны СССР №0521 от 29 декабря 1941 года. Все они направлялись в «проверочно-фильтрационные» лагеря НКВД[63]. Эти лагеря, — как сообщает крупнейший исследователь советской пенитенциарной системы, Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», — ничем не отличались от «исправительно-трудовых». Единственное отличие состояло в том, что люди, помещенные в «проверочно-фильтрационные» лагеря, еще не имели приговора и должны были получить его уже в лагере.

Судьбу людей, побывавших в немецком плену, определяли особые отделы НКВД. До июля 1941 года они находились в системе Наркоматов обороны и Военно-Морского Флота. В апреле 1943-го особые отделы были возвращены в систему Наркоматов, но уже под новым названием «СМЕРШ» («Смерть шпионам»).

Судьба человека, побывавшего в плену, блестяще описана в художественном произведении Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: «Считается по делу, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание».

Этот рассказ принес писателю всемирную известность, а затем и Нобелевскую премию (по совокупности произведений).

Большинство бывших военнопленных (и окруженцев) подвергалось репрессиям с высылкой в лагеря ГУЛага. Из тех, кто «выдержал проверку», формировали штурмовые батальоны, процент гибели в которых был чрезвычайно высок.

Общая численность заключенных, осужденных к различным срокам за «государственные, военные и гражданские преступления», составляла на 1 января 1942 года 1777043 человека. Количество расстрелянных за те же «деяния» точно не установлено[64].

Сталину удалось сократить количество людей (его явных или потенциальных противников), находившихся в немецком плену. Но выжившие становились, соответственно, еще большими его противниками. Они стали мощным резервом для развития антисталинского (и шире — антибольшевистского, или антисоветского) движения. Возможность выступить против большевизма нацисты предоставили очень немногим. Однако Сталин не мог не испытывать опасений, что в высших кругах Вермахта здравый смысл возьмет верх над партийными догмами, и ситуация изменится. Он делал все, чтобы удержать бойцов и командиров от сдачи в плен. Директива ГУПП №277 от 10 декабря 1941 года предписывала: «Передовую статью “Красной звезды” от 10 декабря “Расстрелы немцами пленных красноармейцев” опубликуйте во фронтовой и армейских газетах, издайте отдельной листовкой, сделайте достоянием всего личного состава, проведите по передовой беседы с красноармейцами. Доложите»[65].

Гражданское население

Зарубежные историки писали, что надежда на освобождение от сталинских порядков в связи с германским вторжением возникла не только среди военнослужащих Красной Армии, но и у части гражданского населения СССР. Сообщалось, что уже в первые дни войны в приграничных городах и деревнях представители местного населения организовывали торжественную встречу наступающей немецкой армии с цветами, хлебом и солью[66].

И опять же, советские авторы называли это клеветой на советских людей и советский строй. Открытие архивов и в этом случае позволило определить, кто прав в этом споре.

Отступающая в 1941 году Красная Армия проводила тотальное уничтожение всего, что только можно было уничтожить. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 года за № 0428 предписывал: «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. При вынужденном отходе наших частей обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»[67].

Мирные жители после уничтожения их домов подлежали выселению. Приказ был подписан Сталиным и начальником Генштаба Шапошниковым.

Приказом Военного совета Западного фронта от 12 августа 1941 года за № 017 была установлена пятикилометровая полоса боевых действий, из которой население удалялось в обязательном порядке. Позже эта полоса была расширена до 25 километров. В дополнительном распоряжении Военного совета Западного фронта от 9 ноября 1941 года за № 0507 говорилось, что многие командиры и комиссары частей и соединений, допуская «оставление населения» в полосе боевых действий, по существу, способствуют «проникновению в среду местного населения шпионов и диверсантов, вербовке шпионов из части местного населения, враждебно настроенного к советской власти»[68].

Таким образом, Военный совет признавал наличие врагов системы, а главное, их активизацию, вызванную войной. В документе приведены конкретные примеры: «...В ближайших к расположению 316 стрелковой дивизии деревнях во время налета вражеской авиации часть населения вышла с белыми флагами и

полотнищами... В районе 4-й танковой бригады найдены контрреволюционные листовки, написанные от руки и разбрасываемые среди частей Красной Армии»[69].

Совершенно ясно, что если бы это были немецкие листовки, то они были бы отпечатаны типографским способом. От руки их могли писать только в СССР и только граждане СССР.

В завершение Военный совет предписывал арестовывать и передавать органам НКВД всех граждан, оказывающих сопротивление выселению. Очевидно, что такое сопротивление было массовым, о единичных случаях такой орган, как Военный совет фронта, писать бы не стал. Логика людей, сопротивляющихся выселению, понятна. С какой стати и ради каких идеалов нужно бросить свой дом и отправиться куда-то вглубь страны?

Логика Сталина тоже понятна — в тех районах, куда, увы, немцы неизбежно придут, они должны найти выжженную пустыню. Поэтому: заводы взорвать, продовольственные запасы отравить, жилые дома сжечь и так далее. Короче говоря: уничтожить всю инфраструктуру, если только ее нельзя эвакуировать.

Человек же, который не собирается эвакуироваться, будет защищать не только свой дом, но и инфраструктуру — большевики уходят, а ему здесь оставаться. Так он оказывается в состоянии конфликта с режимом.

«Распоясавшаяся антисоветчина»

В докладной записке начальника Штаба партизанского движения на Брянском фронте сообщается о том, что в первые месяцы войны в Брасовский, а также в другие соседние районы Брянской области вернулись несколько десятков раскулаченных и высланных в период проведения коллективизации. В расчете на близкий конец советской власти они «уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдется ремонт жилого дома, каким образом использовать "свою" землю, выгодно ли восстановить мельницу и т. д.», — нисколько не скрывая своих настроений от окружающих[70]. (Обратим внимание на слова «ремонт» и «восстановить». Они недвусмысленно указывают на последствия превращения частной собственности во «всенародную».)

Далее сообщалось, что накануне прихода немцев «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под

свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предлогами эвакуации»[71].

Тот же источник сообщал, что в покидаемых Красной Армией районах крестьяне начинали делить колхозную землю. Они вооружались брошенным войсками оружием и создавали отряды самообороны с тем, чтобы защитить свои деревни от грабежей со стороны голодных солдат-окруженцев и уже начавших разворачивать свою деятельность партизанских отрядов. Эти отряды не могли существовать, не обкладывая данью местное население, итак испытывавшее нужду буквально во всем.

Антисоветские настроения были вызваны в том числе и разочарованием в способности советского руководства организовать отпор немцам. То, что происходило с Красной Армией в первые недели войны, совершенно не вязалось с популярной песней «Если завтра война, если завтра в поход, если грозная сила нагрянет».

В состоянии апатии бойцы и командиры Красной Армии тысячами скитались по лесам после окружения. Вместо того, чтобы переходить к партизанской борьбе, как того требовали приказы свыше, многие уходили в окрестные деревни и нанимались на работу. Другие переходили на сторону противника и шли на службу во вспомогательные части германской армии или в отряды местной самообороны. Именно окруженцы составляли наибольшую прослойку в организованной немецкими властями полиции[72].

Согласно справке Украинского штаба партизанского движения, «в первые дни оккупации в селах Орловской области всплыл на поверхность весь антисоветски настроенный элемент — кулаки, подкулачники[73], люди в той или иной степени чувствовавшие себя обиженными. Среди них была и часть сельской интеллигенции — учителя, врачи. Этот народ по-своему воспринял пришествие немцев, подбивал и остальной неустойчивый элемент села принять новый порядок как истинно народный, свободный от притеснений коммунистов»[74].

В сельских местностях немцы обычно назначали бургомистров. Иногда кандидатуру предлагало само население. В донесении начальника политотдела 9-й армии бригадного комиссара Спиридонова оргинструкторскому отделу Главного политуправления РККА от 19 марта 1942 года говорилось: «Фашистские захватчики, в поисках опоры себе в оккупированных районах, начали заигрывать с отдельными активистами, а иногда и коммунистами, оставшимися на захваченной ими территории. Политотделом армии выявлен ряд фактов, когда в освобожденных селах "коммунисты" и "комсомольцы" по тем или другим причинам не эвакуировались из захваченной немцами территории и, примирившись с положением, остались жить дома»[75].

Далее документ сообщал, что в первой половине декабря 1941 года в селе Приволье староста и начальник полиции созвали собрание коммунистов и комсомольцев и призвали их принять участие в организации хозяйства, сберегать бывшее колхозное имущество, инвентарь, лошадей и готовиться к весеннему севу.

Как видно, в данном случае стремление сохранить систему жизнеобеспечения взяло верх над сталинской формулой «выжженной земли».

Происходившее в селе Приволье не было единственным опытом такого рода. В оккупированных районах страны, где это позволяли немецкие власти, начало развиваться местное самоуправление. При органах самоуправления создавались отряды самообороны для защиты от партизан. Наиболее яркий пример — Локотской район Орловской (ныне Брянской) области, где роль организаторов новой власти взяли на себя ссыльнопоселенцы Константин Воскобойник и Бронислав Каминский. Со временем Локотской район был преобразован в уезд, а затем в округ, в состав которого вошло восемь районов с общей численностью населения 581 тысяча человек. Состав Бригады Каминского, боровшейся с партизанами, достиг двадцати тысяч человек[76].

Подобные явления стали возникать буквально сразу же после начала войны с Германией. Партийное и советское руководство сбежало («эвакуировалось»). Образовался вакуум власти. И его надо было заполнять. Немцы далеко не сразу приступали к созданию своих административных структур на местах. А многие местные жители сознательно хотели их опередить. Поставить немцев перед свершившимся фактом — у нас уже есть собственные структуры.

26 июля 1941 года вышла директива №161 ГУПП, которая предписывала членам Военного совета Юго-Западного фронта создать газету «За Советскую Украину» для населения оккупированных областей этой республики. Газета была обязана: «1. Систематически разъяснять населению оккупированных областей кровавые замыслы Гитлера против украинского и русского народов.

2. Разъяснять отечественный характер войны советского народа против гитлеровского фашизма»[77].

Появление такого документа (и такой газеты) может свидетельствовать только об одном — часть населения Украины, и, судя по всему, значительная, хотела видеть в немцах освободителей от большевизма.

Лев Толстой в «Войне и мире» размышлял о том, что не было в 1812 году для русского человека вопроса: худо или хорошо будет жить под французами, под ними просто не должно было жить. Возможно, что в 1812 году такой образ мыслей действительно господствовал. Но я категорически не соглашаюсь с теми современными авторами, которые этот образ мыслей переносят на год 1941-й.

За 129 лет изменилось многое. 1917 год показал, что, оказывается, допустимо жить без царя (в данном случае не важно, кто его заменяет — Керенский, Ленин или Колчак). Потом оказалось, что допустимо вынести из здания приходского храма иконостас, соорудить из него уборную, а само здание использовать как склад. На этом фоне вопрос о том, можно ли жить при немцах, отпадал сам собой. Конечно можно, можно по крайней мере попробовать.

Это относится к тем, кто советскую власть принял и кто проводил в жизнь ее мероприятия. Были и те, кто ее не принял, но был вынужден с ней сосуществовать. Такие люди ждали избавления. Мне возразят: нельзя же было надежду на избавление связывать с гитлеровским вторжением. Но так говорят те, кто основывается на современных представлениях о Гитлере и его режиме. В 1941 году таких представлений о Гитлере у «советского человека» не было. Скорее так: у советского человека были наиболее неадекватные представления о Гитлере, чем у кого-либо в мире.

Неадекватные представления о Гитлере

До заключения договора о ненападении с Германией большевистская пропаганда не скупилась на описания бесчинств нацистов (после подписания договора советская пропаганда начнет усиленно создавать позитивный образ Германии, что также повлияло на отношение советских граждан к войне с этим государством). Но она не жалела черной краски и для любых других политических сил на земном шаре, кроме откровенно просталинских. Средства массовой информации СССР никогда не проводили принципиального различия между политикой Гитлера и, например, Черчилля или Леона Блюма. Их правительства преподносились как единый враждебный социализму лагерь. И если однажды некий гражданин Советского Союза делал для себя вывод, что красная пропаганда лжет, то ему уже было трудно отделять зерна от плевел. Газета «Правда» сообщает, что в Германии сжигают книги из университетских библиотек. Экая чушь, совсем заврались, — подумает гражданин СССР. Но ведь это происходило на самом деле. (Большевистская пропаганда сослужила Сталину плохую службу.)

Тема сжигания книг могла привлечь внимание советской интеллигенции. Рабочий класс эта тема, скорее всего, интересовала меньше, но почти ровно за год до начала советско-германской войны — 26 июня 1940 года — правительство одарило его постановлением о запрете самовольного перехода с одного предприятия на другое. Отныне аббревиатуру ВКП(б) могли расшифровывать как «второе крепостное право (большевиков)» не только не имевшие паспортов и, как следствие того, не имевшие возможности покинуть колхоз крестьяне, но и рабочие. И это было постановление правительства, всегда клявшегося и продолжающего клясться, что служит интересам пролетариата. Кто будет впредь такому правительству верить?

У коллективизированных крестьян свои соображения. Старшее поколение (в западных районах страны) помнило немецкую оккупацию образца 1918 года. Не самый лучший период, но в сравнении с коллективизацией, относительно приемлемый.

И кто мог предположить, что фюрер будет так разительно отличаться от кайзера?

[1] *Красная Армия*. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) — вооруженные силы СССР в 1918–1946 гг.

[2] Волобуев О. В., Журавлев В. В., Ненароков А. П., Степанищев А. Т. История России. XX век. Учеб. для 9 кл. — М., 2001. — С. 216–217.

[3] Там же.

[4] Хоффманн Й. История Власовской армии. — Париж, 1990; Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. — Лондон, 1990; Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. — London & N.Y., 1957; Thorwald J. The Illusion. Soviet Soldiers in Hitler's Armies. — N.Y. & London, 1975; Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. — Freiburg, 1986; Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. — Freiburg, 1986; Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das Deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. — Freiburg, 1990.

[5] Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост.: Н. И. Бородин, Н. В. Усенко. — М., 1996; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. статья и коммент. П. Н. Кнышевского, О. Ю. Васильевой, В. В. Высоцкого, С. А. Соломатина. — М., 1992; Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 1–2, 4 / Под общ. ред. А. В. Окорокова. — М., 1997–1999.

[6] Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 249.

[7] Там же. — С. 272.

[8] Там же. — С. 254–258.

[9] Там же. — С. 226–227

[10] *Западные области УССР* (Украинской Советской Социалистической Республики) и Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) — бывшая восточная часть Польши, аннексированная СССР осенью 1939 г

[11] Там же. — С. 263–264.

[12] *НКВД*. Народный Комиссариат Внутренних Дел — советские органы государственной безопасности. Первоначальное название — ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Сотрудник Чрезвычайной Комиссии — *чекист*. Данное словообразование используется для обозначения сотрудника спецслужб и в современной России.

[13] Там же. — С. 264–265.

[14] Там же. — С. 266.

[15] Там же.

[16] Там же. — С. 267.

[17] Там же. — С. 264–265.

[18] Там же. — С. 265.

[19] Там же. — С. 304.

[20] *Коммунисты и комсомольцы. (Партийные и комсомольские организации.)* ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков), позже — Коммунистическая Партия Советского Союза (КПСС) — единственная и не терпевшая конкуренции политическая партия в СССР, фактически — государствообразующая структура. Комсомол — Всесоюзный Ленинский Союз Молодежи (ВЛКСМ) — молодежная коммунистическая организация в СССР, для людей в возрасте 16–26 лет. См., например: *Абдурахман Авторханов* «Происхождение партократии».

[21] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 40–41.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же. — С. 42–44.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Владимир Ленин — коммунистический (большевистский) диктатор России (1917–1924 гг.). Председатель Совета Народных Комиссаров (СНК), Совнаркома — советского правительства.

[28] Ленин В. И. Тяжелый, но необходимый урок // Полное собр. соч. Изд. V — М., 1962. — С. 394.

[29] Там же.

[30] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917–1981. — М., 1981. — С. 304.

[31] *Белые, белогвардейцы*. Основные противники большевиков в Гражданской войне в России.

[32] См. сноску 3.

[33] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 70.

[34] Там же. — С. 48–51.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Там же. — С. 173–174.

[38] Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 267–268.

[39] Там же. — С. 268.

[40] Там же. — С. 269.

[41] Там же. — С. 322.

[42] Там же. — С. 324.

[43] Родина. — 1991. — № 6–7, — С. 75.

[44] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 96.

[45] Помимо адмирала Владимира Корнилова (1806–1854) существовал лидер российского антибольшевизма — генерал Лавр Корнилов (1870–1918).

[46] Там же. — С. 83–84.

[47] *Колхоз*. Коллективное хозяйство — результат принудительного слияния частных крестьянских хозяйств в СССР. Политика ВКП(б), направленная на объединение крестьянских хозяйств в колхозы (преимущественно в 1929–1933 гг.) — *коллективизация* — вызвала массовое вооруженное крестьянское сопротивление, жестоко подавленное властями. Жители колхозов фактически не обладали имуществом и жестко эксплуатировались государством. *Колхозники* были лишены возможности покинуть колхоз и переселиться в город, поскольку не имели паспорта, обязательного для проживания в городах СССР. Относительно достойную оплату труда, пенсионное обеспечение и паспорт колхозники получили только в годы правления Никиты Хрущёва (1953–1964 гг.) См., например: *Роберт Конквест* «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом».

[48] Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 270.

[49] Там же. — С. 272.

[50] Великая Отечественная война. (Историография). Сборник обзоров / Ред. Н. Месяцев, В. Шевырин. — М.: ИНИОН, 1995. — (Серия: Отечественная история).

[51] Синицын А. М. Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 1985. — С. 26.

[52] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 92–93.

[53] Там же.

[54] Распоряжение начальника политуправления Юго-Западного фронта дивизионного комиссара Галаджева от 9 декабря 1941 г. // Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 272.

[55] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 61.

[56] Там же.

[57] Там же. — С. 71.

[58] Там же. — С. 68.

[59] Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 271.

[60] Там же. — С. 276–277.

[61] Там же. — С. 281–282.

[62] Там же. — С. 283.
[63] Там же. — С. 314–315.
[64] Там же.
[65] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 91.
[66] См. сноску 3.
[67] Скрытая правда войны: 1941 год. — С. 211.
[68] Там же. — С. 210.
[69] Там же.
[70] Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 2. — М.: Архив РОА. — 1998, — С. 169.
[71] Там же.
[72] Там же.
[73] *Кулаки.* Зажиточные крестьяне, становившиеся главной жертвой коллективизации. *Подкулачники.* Крестьяне, уровень благосостояния которых не позволял отнести их к кулакам, но выступавшие в их поддержку.
[74] Там же. — С. 170.
[75] Родина. — 1991. — №6–7. — С. 48.
[76] Дробязко С. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения… Вып. 2. — С. 179.
[77] Великая Отечественная: Главные политические органы… — С. 54.

АЛЕКСАНДР ГОГУН*

Оперативное применение оружия массового поражения в СССР в 1942 году

Входят Мысли О Грядущем, в гимнастерках цвета хаки.
Вносят атомную бомбу с баллистическим снарядом.
Они пляшут и танцуют: «Мы вояки-забияки!
Русский с немцем лягут рядом; например, под Сталинградом».
И, как вдовые Матрены, глухо воют циклотроны.
В Министерстве Обороны громко каркают вороны.
Входишь в спальню — вот те на: на подушке — ордена.

Иосиф Бродский. Представление. 1986 г.

Одним из элементов планирования Советским Союзом будущей войны являлась подготовка разведывательно-диверсионной, а также террористической деятельности в тылу вероятного противника. По свидетельству мастера «малой войны» Ильи Старинова, армейские структуры оперировали в мирное время и за границами СССР: «По линии Народного комиссариата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке»[1].

Широко известно о создании на территории Советского Союза сети осведомителей и активных агентов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Но подобные кадры взращивались и армейской разведкой. Ведь до начала 1930-х годов Генштаб РККА не исключал ведения войны на территории СССР.

* Гогун Александр Сергеевич, петербургский историк, автор книги «Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы». М., 2012.
Статья написана благодаря финансовой поддержке Гарвардского института украинистики (HURI).

Для «последнего и решительного боя» производилось и оружие массового поражения. Хрестоматийным стало упоминание оперативного применения удушающих газов Красной Армией в 1921 году против повстанцев в Тамбовской губернии, а также совместные с рейхсвером разработка и испытания боевых отравляющих веществ в рамках германско-советского военного сотрудничества в 1920–1930-х годах, в частности в школе «Томка».

17 июня 1925 года ведущие мировые державы подписали Женевскую конвенцию о правилах ведения войны, к которой прилагался протокол о запрете применения на войне химического и бактериологического оружия.

В 1928 году соглашение ратифицировал СССР, сделав при этом две оговорки: «а) протокол обязывает правительство СССР только по отношению к государствам, которые его подписали и ратифицировали или к нему окончательно присоединились; б) протокол перестанет быть обязательным для правительства СССР в отношении всякого неприятельского государства, вооруженные силы которого, а также его формальные или фактические союзники не будут считаться с воспрещением, составляющим предмет этого протокола».

Вероятно поэтому одной из ключевых задач, постоянно ставившихся перед разведчиками НКВД, ГРУ и ЦШПД в тылу вермахта в годы советско-германской войны, являлся сбор сведений о применении немцами химического оружия. Подобные данные неоднократно поступали в Москву, но после перепроверки оказывались ошибочными.

Более того, по некоторым данным, «уже в 1938 году в СССР были получены первые образцы бактериологического оружия»[2], а в годы войны полным ходом шла подготовка к его оперативному применению. Журналист Марк Дейч пишет о том, что ему удалось ознакомиться с постановлением ГКО от 4 июля 1942 года (очевидно, № 1960), которое обязывало «...наркомат химической промышленности изготовить в июле следующие средства бактериологического вооружения: ампулометов — 4 тысячи, стеклянных ампул АС-1 с пробками — 230 тысяч, патронов к ампулометам — 600 тысяч. Ампулы должны были снаряжаться бактериологическими веществами»[3]. По словам автора, Сталин в годы войны готовился применять биологическое оружие в наступательных операциях РККА, а документы об этом рассекречены и доступны в РЦХИДНИ. К сожалению, ссылки на фонд, опись, дело и лист в газетной публикации не предусмотрены, однако процитированной статьей задано направление архивного поиска.

Указав контекст событий, перейдем к описанию обнаруженного факта. Но сначала — несколько слов о главном герое этой истории.

Федор Михайлов родился 30 июня 1889 года в расположенном на берегу реки Мста[4] селе Перелучи (сейчас — Боровичский район Новгородской области РФ) в семье крестьянина. В 1915 году Михайлов учился в Кронштадте в школе юнг. Служил на Балтфлоте, активно принимая участие в революционных событиях, в том числе состоял членом Кронштадтского совета матросских и солдатских депутатов, а также участвовал в боях с белогвардейцами. После тяжелого ранения в колено демобилизовался, но еще несколько месяцев оставался на должности начальника связи при штабе обороны Петроградского района. В 1919 году Михайлова направили на партийную работу в глубинку, откуда он самовольно уехал в Петроград поступать в Ленинградский медицинский институт, за что был исключен из рядов РКП(б). Получив образование, Михайлов работал врачом в больницах разных областей РСФСР. В 1940 году он был переведен в Каменец-Подольскую (сейчас — Хмельницкую) область, где получил место заведующего Славутского роддома. Выполняя административные функции, он одновременно практиковал как гинеколог.

В преддверии «священных боев» Михайлова в 1941 году призвали на переподготовку в РККА, где его и застала война, причем семья медика успела эвакуироваться в глубокий тыл. По официальной советской версии, Михайлов, уже будучи военврачем, попал в составе одной из частей в «киевский котел» (бориспольское окружение), но выбрался оттуда.

В октябре 1941 года, вернувшись в Славуту, он получил у немцев разрешение работать по специальности. Как опытного руководителя, Михайлова вскоре назначили заведующим, т. е. главврачом местной больницы. С этого момента он стал развертывать подпольную деятельность, тем более что условия позволяли надеяться на успех — рядом находился Славутский лагерь военнопленных.

Воспользовавшись тем, что в больнице не хватало врачебного персонала, бывший краснофлотец добился разрешения отобрать среди пленных «лояльных» врачей. Михайлов отличался несвойственной советским штатским людям военно-политической ини-

циативностью и наталкивающим на размышления профессионализмом. Уже к концу 1941 года он подчинил себе ряд подпольных групп, в том числе небольшую сеть боевиков, организованную бывшим командиром НКВД Антоном Одухой. Михайлов также успел создать ячейки в своей больнице, Славуте, Славутском лагере военнопленных, а также в ряде других населенных пунктов, в том числе в Шепетовке, Изяславле и Остроге. В подполье вовлекались и дети[5].

По словам Одухи, Михайлов умел завоевывать доверие: «…Человек твердого нрава, энергичный… старый партизан Гражданской войны… Товарищ Михайлов среднего роста, рыжеват, с назад зачесанными волосами, со строгими чертами лица. Фигура его коренастая, прихрамывал… По возрасту выглядел свыше 50-ти лет, чисто выбритый, одет элегантно — был в сером костюме и желтых ботинках… и всегда с папиросой в мундштуке… Он произвел впечатление на меня человека твердого характера, настойчивого, требовательного и решительного»[6].

В описании подпольщицы Иустины Бонацкой Михайлов предстает собранным и немногословным: «…Невысокого роста, рыжий, некрасивый на вид, одетый в какое-то странное широкое, клешное пальто, в кожаной шапке…»[7]

Одуха, вскоре ставший «правой рукой» Михайлова, свидетельствовал, что в конце декабря у предприимчивого медика было проведено конспиративное совещание: «Прибыв к нему на квартиру, у него застал врачей: Захарова, Козийчука и врача из Шепетовки, фамилии которого я до сих пор не знаю… Врачи были в халатах, обстановка была создана — консилиума врачей…»[8].

Как сообщал тот же Одуха в итоговом отчете о деятельности своего соединения, на совете был намечен ряд задач, отличающихся размахом и дерзостью: «

1. Создание крепких конспиративных подпольных организаций на местах.
2. Проведение широкой советской пропаганды среди местного населения…
3. Подготовка населения к вооруженному всенародному восстанию.
4. Подбор и подготовка кадров руководителей восстания.
5. Усиленная добыча оружия и боеприпасов.
6. Развертывание диверсионных и террористических действий в тылу противника»[9].

И план начал осуществляться, не в последнюю очередь благодаря тому, что ветерану Гражданской войны хватало изощренной хитрости и железной выдержки, то есть умения спокойно реагировать на угрозы. По неосторожности во время прослушивания радио часть его подчиненных провалилась, о чем сообщалось в сводке СД от 15 мая 1942 года: «10.4.42 в Славуте… арестовано 8 участников партизанской группы, находившейся в стадии создания. Они договорились напасть и прикончить наряды охраны лагеря военнопленных, расположенного в Славуте, и освободить содержащихся военнопленных. Совместно с ними впоследствии должны были быть созданы партизанские группы»[10].

Подполье было настолько умело законспирированным, что и после этого провала продолжало успешно функционировать. По словам Одухи, «доктор Михайлов… заводил связь с немецкими руководителями, с немецкими врачами, выдавая себя за ярого противника советской власти, и создавал видимость преданного служителя немцев — и это удавалось ему неплохо. Вся жизнь доктора Михайлова проходила в очень напряженном состоянии, ему вынужденно приходилось устраивать у себя на квартире обеды, на которые приглашал видных немецких врачей и этим он отводил от себя подозрения немцев»[11].

Более того Михайлов, чтобы предупредить возможные сомнения оккупантов по поводу лояльности, инсценировал «налет бандитов» на свою собственную квартиру, в результате чего был ранен в шею.

По всей видимости, руководитель агентурной сети в итоге перестарался.

В итоговом оперативном отчете Каменец-Подольского партизанского соединения ответственность за гибель врача возлагалась на него самого: «В своей подпольной деятельности тов. Михайлов был чрезвычайно смел и последователен. Он обладал исключительной способностью с первого взгляда распознавать людей. И в этом у него почти не было ошибок. Но в то же время он был неосторожен. Имея солидный опыт одурачивания тупоголовых немецких администраторов, он зачастую шел на опасную игру с ними, направлял на ложные следы. Но всему бывает конец»[12].

Один из участников сети — Козийчук — через четыре месяца рассказал немцам о существовании агентурной сети. Сводка

СД № 19 от 4 сентября 1942 года подвела черту под биографией руководителя подпольной группы: «В Славуте… удалось ликвидировать банду заговорщиков-интеллектуалов, возглавлявшуюся главврачом тамошней больницы Михайловым. В общей сложности арестовано 15 человек. Военнопленным, которых Михайлов пользовал, он помогал бежать, и создал из них вооруженную банду. Неподкупных командиров полицейских он собирался убрать с дороги с помощью убийств. В одном случае он сам попытался ядом устранить командира полицаев»[13].

Арестованных, в том числе главврача, повесили. На смекалку и хладнокровие Михайлова указывает то обстоятельство, что большая часть сети осталась нераскрытой и активно действовала до конца правления немцев. Более того, судя по германским документам, сам руководитель подполья умудрился скрыть от следователей то, какими методами его подчиненные боролись с оккупантами.

В характеристике, данной Михайлову еще в 1939 г. заведующим тагайского районного отдела здравоохранения Куйбышевской области, значится, что врач-хирург Языковской больницы особенную заботу «проявляет в недопущении эпидемических заболеваний на территории своего медучастка»[14]. То есть бактерии всегда привлекали пристальное внимание врача. По всей видимости, интерес был вызван не только основной профессией.

В итоговом отчете Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова скупо описывается разворотливость славутских врачей: «В январе 1942 года подпольный комитет поставил задачу вывода в полном составе Славутского лагеря военнопленных… В лагере было организовано радиослушание, коллективная читка советского агитационного материала, свежих (sic! — *А. Г.*) газет, истребление немецкой охраны с помощью культивирования среди немцев сыпного тифа. Ампулы с тифозными вшами, предназначенные для немцев, регулярно поступали из Славуты в [славутский] лагерь»[15].

Иустина Бонацкая, работавшая в годы войны сестрой-хозяйкой венерологического отделения Славутской больницы, провернула «медицинскую» операцию в январе 1942 года. Рядом с городской больницей располагались ремесленные мастерские, где работали и жили немецкие солдаты. «…Федор Михайлович берет… коробочку с вшами и дает ее мне, говоря: “В этой коробочке тифозные вши, собранные с белья тифозных больных. На тебе ее,

и пойди разбросай вши по немецким постелям. Немцев отсюда нужно выжить, чтобы они нам не мешали”»[16].

С просьбой сделать скалку и отремонтировать туфли Бонацкая появилась на объекте: «Постучала, захожу. Они встретили меня весело с возгласами: “Фрау, фрау пришла…” В комнате у них стояло четыре кровати, посредине — верстак… Я присела на кровать и стала им рассказывать мимикой, зачем я к ним пришла, что мне, мол, нужна качалка тесто качать. Я вынула коробочку из ваты [в кармане] и держу ее в руках. Продолжаю с ними смеяться, говорю с ними, и одновременно приоткрыла немножко коробочку и выпустила, не знаю, сколько вшей, на рядом лежавшую со мной на кровати шубу. А сама боюсь, чтобы они не заметили. Закрыла коробочку и снова спрятала в карман»[17].

На следующий день Бонацкая вновь пришла к доверчивым столярам и сапожникам и под предлогом осмотра их семейных фотографий проникла в спальню: «…Обернулась — не видно ли им, что я делаю, и, быстро раскрыв коробочку с вшами, я раструсила все их по одежде, которая висела на вешалке. Потом выхожу, а они говорят: “Гут, гут, фрау”. Говорили также, чтобы я взяла крем [для лица] себе. Потом я поблагодарила, и, взяв туфли, ушла».

Через несколько дней Федор Михайлов поблагодарил агента: «Молодец! Немцы от нас вчера вечером уехали, доктор Козийчук обнаружил у них случай заболевания тифом»[18].

После войны Одуха свидетельствовал, что аналогичную задачу он получил через две недели после описанных Бонацкой событий, то есть в конце февраля 1942 года: «…Заражение тифозными вшами и отравление немецких летчиков-офицеров и изменников родины… Тифозных вшей собирали в пробирки в лагерях военнопленных (вероятно, не в Славутском, а в Шепетовском лагере. — *А. Г.*) и через медицинский персонал и других передавали по назначению. Я тоже получил 4 пробирки вшей, цианистого калия, сулемы в пилюлях, морфия и другие отравляющие вещества»[19].

В автобиографии Одуха с гордостью сообщал о выполнении поручения: «Группа под моим личным руководством до апреля месяца 1942 г. занималась диверсией по немецким гарнизонам, т. е. индивидуальный террор (в данном случае биотерроризм. — *А. Г.*) на немецких офицеров и солдат немцев, заражали тифом немцев путем пуска тифозных вшей»[20].

Кроме того, дочь Иустины Бонацкой Лидия Щербакова (1924 г. р.), свидетельствовала о том, что весной 1942 года завхоз

славутской больницы также снабдил ее тайным оружием: «...Дядя мой — Бонацкий Роман, поручал мне "кое-что" делать. Один раз дядя принес какой-то стеклянный тюбик...: "Это вши тифозные. Вот ты собираешься на танцы, возьми и повтыкай их немцам на танцах".

Я шла на танцы с Галей Лыс. Мы разложили вши в бумажечки по одной — по две в каждую, помногу в бумажечки жалели класть, чтобы побольше хватило для фрицев, и во время танцев и в перерыв там, где было больше немцев, старались вложить бумажечку со вшами в карман или на ворот и так их и пораскидали. Это было весной 1942 г.»[21]

Игнат Кузовков, сидевший в 1941–1942 гг. в славутском лагере, вспоминал об исполнении приказаний: «...Я подобрал группу надежных товарищей и через них проводил работу по подготовке к выводу всего состава лагеря, а также по заражению тифом немецкого гарнизона. Первую задачу выполнить не удалось. А вторая была выполнена неплохо с помощью тифозных вшей, доставлявшихся в ампулах из Славутской больницы. Таким образом был уничтожен один фельдфебель, два унтер-офицера и 9 солдат»[22].

Помимо этого, по словам Одухи, «славутской группой было отравлено несколько предателей Родины — служак немцев. Заражены тифом 16 немецких летчиков...»[23].

Прецедент использования сыпняка против оккупантов подтвердила в интервью и бывшая подпольщица, находившаяся под началом Ф. Михайлова и лично знавшая его еще до войны, врач-уролог Галина Войцешук[24].

В справке ЦК КП(б)У о руководителе славутского межрайонного подпольного комитета приводится результат его «спецопераций»: «Организовал физическое истребление немцев и изменников Родины путем культивирования "сыпного тифа и специальными методами лечения". Таким образом уничтожено свыше сотни врагов»[25].

Более того, существуют косвенные указания на то, что группа Михайлова, чтобы вызвать эпидемию, проводила заражение советских военнопленных в славутском лагере. Похоже, что тем самым достигались сразу несколько целей. С одной стороны, в глазах немецкого начальства повышалась значимость врачей группы Михайлова как возможных борцов с напастью, угрожавшей окрестному населению и даже самим оккупантам. С другой стороны, у подпольщиков появлялась возможность среди заболевших выявить «полезных» и лояльных им людей, прежде всего все тех же врачей, и либо перевести их на бесконвойный режим, либо под видом «умерших» переправить в лес.

В опубликованном в Москве в 1969 году М. Кузьминым сборнике «Медики — герои Советского Союза» эта версия подкрепляется недвусмысленной фразой: «Ф. М. Михайлов поддерживал связь с "гросслазаретом" (славутским лагерем. — *А. Г.*), в результате чего среди военнопленных стали часто возникать заразные заболевания. Инфекционных больных из лагеря направляли в стационар к Ф. М. Михайлову, где большинство из них "умирало", т. е. уходило в партизанский отряд»[26].

После войны подпольщики по понятным причинам не хвастались такими «проказами», однако их показания в общем косвенно подтверждают правоту М. Кузьмина.

Во всех приведенных выше свидетельствах указывается, что вши доставлялись из Славуты в славутский лагерь военнопленных, где использовались для того, чтобы заражать охрану. То есть сыпного тифа изначально в лагере не было, иначе было бы проще и, главное, безопаснее собрать насекомых на месте.

Также Одуха сообщал, что «при славутской поликлинике инфекционное отделение было разделено на два отделения — одно отделение, где были инфекционные больные, и другое отделение, где скрывались наши работники под видом инфекционных больных, скрывались наши подпольщики. <...> Доктор Михайлов... большую работу провел по организации и пополнению партизанских групп, находящихся в лесу, за счет людей, выведенных из больницы и из лагерей»[27].

Одним из таких людей стал военврач Ибрагим Друян, оставивший после войны мемуары с патетическим названием «Клятву сдержали», имея в виду клятву Гиппократа. По свидетельству Друяна, эпидемия сыпного тифа началась не ранее середины февраля 1942 г. Это совпадает по времени с проведением второго расширенного заседания межрайонного подпольного комитета Михайлова[28], где, помимо него самого, присутствовало еще три врача, двоих из которых ему ранее удалось вытащить из Славутского лагеря военнопленных. На этом совещании Одуха впервые узнал о начале бактериологической войны и получил свое первое, описанное выше, «медицинское» задание.

Как вспоминал Друян, против стихийного (?) бедствия ослабленные голодом бывшие красноармейцы ничего не могли поде-

лать: «Санитарные нормы в бараках не поддерживались. Помещения не отапливались, белье никогда не менялось, от верхней одежды остались одни лохмотья. Скученность в блоках была огромная, дезинфекция там никогда не проводилась. Мы были буквально обсыпаны вшами.

С началом эпидемии сыпного тифа положение врачей еще более усложнилось. Единственное, что мы могли в этих условиях сделать, это наладить круглосуточное дежурство у каждой группы больных. Мы меняли им компрессы, поили водой.

Сыпняк перекинулся и на врачей. Первый заболел я. Както вечером я почувствовал, что меня начинает знобить, стала кружиться голова. Сразу понял, что болезнь добралась и до меня, и обратился к Симону с просьбой осмотреть. Он поставил диагноз — тиф.

Ночью мне стало еще хуже. Жар усилился, и я потерял сознание.

Болезнь длилась долго. Я пластом отлежал более трех недель. И все это время у моих нар находился Симон. Он делал все возможное, чтобы спасти мне жизнь. С помощью [завербованного Михайловым переводчика коменданта лагеря Александра] Софиева[29] он достал немного сердечных лекарств»[30]. Более того, Друян, вместе с группой других больных пленных, заботливо отобранных врачами-подпольщиками, был переведен из лагеря в больницу в г. Острог. Там всех их поставили на ноги, а потом вернули в лагерь с заданием бороться с эпидемией. В мае 1942 года с помощью Михайлова Друян бежал в лес к Одухе.

Славутский лагерь, первые полгода своего существования бывший обычным лагерем военнопленных №357, после разгула заразы был превращен немцами в «Гросслазарет 301», куда больных свозили умирать. Подполье, тайно распределявшее медикаменты среди «своих», просуществовало за колючей проволокой до самого конца оккупации.

Вероятно, немцы все же заподозрили присутствие «чуждой силы». Один из обвинительных актов советской стороны в Нюрнберге содержал, среди прочего, следующие сведения: «...В “Гросс-лазарете” периодически отмечались вспышки заболеваний неизвестного характера, называвшиеся немецкими врачами “парахолерой”. Заболевание “парахолерой” было плодом варварских экспериментов немецких (? — *А. Г.*) врачей. Как возникали, так и заканчивались эти эпидемии внезапно. Исход “парахолеры” в 60–80 процентов случаев был смертельный. Трупы некоторых умерших от этих заболеваний вскрывались немецкими врачами, причем русские врачи-военнопленные к вскрытию не допускались»[31].

Согласно данным Чрезвычайной государственной комиссии, в «Гросслазарете» от эпидемий и голода умерло около 150 тысяч человек. Если гипотеза о заражении пленных агентурой верна, то ответственность за их гибель михайловцы делят с немцами. То есть речь может идти об очередной советской фальсификации на Нюрнбергском процессе, по масштабности вполне сравнимой с Катынским делом, а то и превышающей его.

В конечном итоге операции Михайлова были должным образом оценены Системой. В 1965 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, именем руководителя подполья в Славуте назвали улицу, парк, швейную фабрику и Центральную районную больницу, рядом с которой бывшему главврачу установили памятник.

И очень похоже на то, что Михайлов действовал не по собственному почину, а по заданию спецслужб, причем не НКВД, а разведорганов Красной Армии (с 16 февраля 1942 г. — ГРУ), точнее — разведывательного управления штаба Юго-Западного фронта.

Выглядит так, что завербован он был еще в годы Гражданской войны. С осени 1918 по начало 1919 г. Михайлов прошел подготовку командного состава флота в Петрограде, по окончании которой в апреле-мае 1919 г. «участвовал в боях против Юденича в составе отдельного морского корпуса в качестве разведчика»[32]. Далее — по октябрь 1919 г. — он служил радиотелеграфистом учебного отряда Кронштадтской базы РККФ, потом — до января 1920 г. — начальником команды связи при штабе обороны Ленинградского района. Далее, вопреки изгнанию из партии, бывший краснофлотец закончил институт и сделал успешную карьеру. Причем за 14 лет сменил семь мест работы в разных регионах, к тому же в основном на руководящих должностях — главврачом, т. е. заведующим больницами[33]. За это же время он семь раз проходил военные сборы продолжительностью от 20 до 90 дней[34]. Вероятно, что Михайлова держали в качестве «внутреннего» агента армейских служб, не исключая возможность его оставления на местности при отступлении РККА. Упомянем и о хорошем знании Михайловым немецкого языка[35]. На то, что бывшего краснофлотца на военных сборах учили не строевой подготовке, указывает факт его увечья. Калека автоматически вызывает меньше подозрений у оперативников контрразведки.

Вышедший в 1971 году в Москве советский панегирик «Подвиг доктора Михайлова» написали не чекистские, а штатные военные борзописцы: Альберт Доманк и Максим Сбойчаков. Согласно этому очерку, из оккупированного Житомира в Славуту в 1941 г. Михайлова с поручением создать подпольную сеть направил некий таинственный «товарищ Константин»[36]. Именно в армейских спецслужбах времен войны в качестве оперативных псевдонимов обычно использовались имена: «дядя Петя», «Ким», «Дора», «Рамзай» и т. д.

В выпущенной теми же авторами книге «Шепетовские подпольщики», рассказывается о сети, связанной с группой Михайлова. Причем возглавлялась эта группа человеком, носившим оперативный псевдоним «дядя Ваня». Ему подчинялся некий «дядя Жора». Именно врачам-агентам шепетовской организации первым пришла в голову мысль вывозить узников шепетовского лагеря военнопленных под видом умерших[37].

На запрос в архив Службы безопасности Украины был получен ответ: никаких данных о Михайлове там нет. То есть оперировал он не по заданию НКВД УССР.

В конце 1941 — начале 1942 года представители группы Михайлова регулярно встречались с житомирскими «подпольщиками», у которых была связь с «подпольщиками» Киева. Последние, в свою очередь, поддерживали контакты «с Москвой». Антон Одуха, по его словам, весной 1942 года поддерживал связь с киевскими «подпольщиками», о которых ему не было известно ничего[38].

Информация о деятельности спецслужб Красной Армии по советской традиции обладает куда большей степенью секретности, нежели сведения о «рыцарях щита и меча». Поэтому в очерке о славутском враче члена партийной комиссии по изучению войны И. Слинько сквозило недоумение: «Никому неизвестными путями доктор Михайлов доставал советские газеты и листовки, и с помощью Сокола и других участников подполья разносил правдивое слово Советской Родины среди населения в тылу врага»[39].

В более позднем сообщении о поступках Михайлова заведующий Хмельницкого партийного архива указал на пути приобретения агитматериалов: «Была создана большая сеть подпольной агентуры, доходившей до линии фронта, откуда комитет получал литературу: свежие газеты и листовки»[40].

Игнат Кузовков в июне 1944 г. в справке о деятельности Михайлова также намекал на органы руководства славутской группой: «Нити подпольной организации тянулись в Житомир, Бердичев, Киев и к фронту»[41].

И в воспоминаниях Одухи о Михайлове есть указание на то, что действовал врач не по собственной инициативе: «Он отрекомендовался мне как представитель реввоенсовета»[42]. Вероятно, Одуха оговорился, назвав реввоенсоветом, не существовавшим в 1941 г., военный совет Юго-Западного фронта.

То есть на роль спецслужб в этой истории указывает не только стилистика «проделок» описанной группы.

К сожалению, дальнейший поиск уперся в глухие стены архива ГРУ.

Так или иначе, если заражение михайловцами сыпным тифом собственно советских военнопленных пока что является предположением, то инфицирование ими немцев — факт.

Казалось бы, событие не ахти какое, произошедшее в захолустье и коснувшееся сравнительно небольшого количества людей. Однако, казус Михайлова обладает едва ли не всемирно-историческим значением.

Во-первых, это единственный известный случай не экспериментального, как в японском отряде № 731, а оперативного применения оружия массового поражения во Второй мировой войне. По крайней мере, единственный случай на европейском ТВД. Не должен смущать скромный масштаб — тиф в любом случае является бактериологическим оружием, то есть одним из видов ОМП. Тем более, если учитывать его способность и даже склонность к самораспространению.

Во-вторых, это один из немногих задокументированных случаев оперативного применения биологического оружия вообще в истории человечества. Неслучайно во все времена в ходе даже наиболее жестоких конфликтов их участники крайне редко боролись с врагом именно таким способом, так как опасались бить «палкой о двух концах». Советский же врач, натасканный профессионалами, без колебаний орудовал в рамках сталинской тотальной войны на уничтожение.

[1] *Старинов И. Г.* Записки диверсанта. М., 1997. Глава 7. http://militera.lib.ru/memo/russian/starinov_ig/07.html

[2] *Дейч М.* Тайное оружие Сталина // Московский комсомолец. № 31.03. 2005. http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/03/31/198070-taynoe-oruzhie-ctalina.html

[3] Там же.

[4] По одной из версий, название водоема происходит от слова «Месть».
[5] *Доманк А., Сбойчаков М.* Подвиг доктора Михайлова. — М., 1971. Passim.
[6] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 1, 2, 3).
[7] «Стенограмма беседы с Бонацкой И. А., членом подпольной славутской организации, и ее дочерью Щербаковой Л.» Беседу вела научный работник ЦК КП(б)У Попова Е. в присутствии Одухи, 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 23).
[8] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 2).
[9] «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 34).
[10] «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 3», шеф полиции безопасности и СД, 15 мая 1942 г. (BAB. R 58 / 697. Bl. 41)
[11] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 7–8).
[12] «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 43).
[13] «Сообщения из оккупированных восточных областей, № 19», шеф полиции безопасности и СД, 4 сентября 1942 г. (BAB. R 58 / 222. Bl. 14).
[14] «Характеристика врача-хирурга Языковской больницы т. Михайлова Ф. М.», заведующий райздравом Чернышев, 15 сентября 1939 г. (ЦАМО. Фонд личных дел. Дело Михайлова Ф. М. № 1846826. Л. 8).
[15] «Отчет о боевой деятельности соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской обл.», Одуха и др., после июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 36).
[16] «Стенограмма беседы с Бонацкой И. А…», 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 25).
[17] Там же. Арк. 26.
[18] Там же. Арк. 27–28.
[19] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 6).
[20] Автобиография Одухи, после 30 апреля 1943 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 5. Спр. 77. Арк. 302).
[21] «Стенограмма беседы с Бонацкой И. А., членом подпольной Славутской организации, и ее дочерью Щербаковой Л.», 24 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 33).
[22] Автобиография Кузовкова, после 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 96. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 500).
[23] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 7).
[24] Интервью с Г. Войцешук (1914 г.р.), жительницей г. Славута Хмельницкой обл., ветераном подполья, 11.09.2010 // Личный архив Александра Гогуна.
[25] Справка о деятельности Ф. Михайлова, б.п., б.д. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 69).
[26] *Кузьмин М. К.* Медики — Герои Советского Союза. — М., 1969, с. 55.
[27] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 6, 8).
[28] Там же. Арк. 5.

[29] Настоящее имя — Абрам Лихтенштейн, до войны служил в НКВД в Одессе, после побега из славутского лагеря — в партизанах.
[30] *Друян И. Л.* Клятву сдержали. — Минск, 1975. Глава «Плен». http://militera.lib.ru/memo/russian/druyan/02.html
[31] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Под ред. К. П. Грошенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Том 1. Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1954. С. 464.
[32] Анкета, заполненная Ф. Михайловым, заверена ВРИД Славутского райвоенкома, предп. 8 февраля 1941 г. (ЦАМО. Фонд личных дел. Дело Михайлова Ф. М. № 1846826. Л. 2). Автобиография Ф. Михайлова, 8 февраля 1941 г. (Там же. Л. 7).
[33] Там же. Л. 2 об.
[34] Там же. Л. 4 об.
[35] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 7).
[36] *Доманк А., Сбойчаков М.* Подвиг доктора Михайлова. — М., 1971. С. 9.
[37] *Доманк А. С., Сбойчаков М. И.* Шепетовские подпольщики. — М., 1972. Passim.
[38] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 5).
[39] «Очерк члена комиссии [по изучению советско-германской войны] Слинько И. И. о главном враче Славутской больницы, партизане Михайлове», 19 октября 1945 г. (ЦДАВО. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 74. Арк. 6).
[40] Сведения о партизанской и подпольной борьбе в Каменец-Подольской области в 1941–1944 гг., заведующий архивом Хмельницкого обкома КПУ Н. Тараненко для заместителя директора института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Д. Кукина, после 10 марта 1966 г. (ЦДАГО. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 285. Арк. 23).
[41] «Справка об организаторе межрайонной подпольной советской организации Каменец-Подольской области Ф. М. Михайлове», И. Кузовков, 3 июня 1944 г. (ЦДАГО. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 519. Арк. 10).
[42] Стенограмма беседы Одухи с научным сотрудником ЦК КП(б)У Е. Поповым о Ф. Михайлове, 22 июля 1945 г. (ЦДАГО. Ф. 166. Оп. 2. Спр. 121 а. Арк. 3).

МАРК МЕЕРОВИЧ*

Массовое жилище соцгородов-новостроек первой пятилетки[1]

С детства я, как и все те, кто учился в советской школе или вузе, зазубрил один, казавшийся неоспоримым, факт. Он был тысячекратно повторен в различной литературе — исторической, научной, популярной и, конечно же, в учебной. Он и сегодня многим представляется как непреложная истина. Она заключалась в том, что советская власть, осуществляя неустанную заботу о советском народе, все усилия и чаяния устремляла на то, чтобы создать в стране победившего социализма самые лучшие в мире условия жизни, отдыха и труда. Мы заученно повторяли на экзаменах по отечественной истории, что в конце 1920-х гг. партия и правительство приняли трудное, но мудрое и, как показали последующие события, единственно правильное решение — ускоренными темпами осуществить индустриализацию. Сметая неисчислимые преграды, преодолевая все препятствия, борясь с хитрыми внутренними врагами и агентами мирового империализма, проникшими в руководство народным хозяйством и экономикой, напрягая все силы и волю, политическое руководство страны возводило «производство средств производства». Для того, чтобы скорее начать изготавливать станки и машины, строить дома, хорошо одевать народ и вкусно его кормить, облегчать повседневный быт и улучшать среду городов. Советские школьники и студенты, аспиранты и профессора, рабочие и служащие в большинстве своем были уверены, что индустриализация для того и была затеяна, чтобы улучшить жизнь советских граждан, повысить их благосостояние, сделать их счастливее.

Прежде всего создавалась тяжелая промышленность. А как же иначе?! Сначала нужно добыть руду, выплавить металл, изготовить станки, а уже потом на этих станках производить мебель и одежду, велосипеды и швейные машинки, посуду и рукомойники, туфли и радиоприемники. Пропаганда многие годы твердила о том, что подле промпредприятий — «первенцев первых пятилеток» — должны были вырасти новые, красивые, современные города. Народ терпел невероятные лишения, прилагая все усилия к приближению светлого часа. И лишь совершенно неожиданно начавшаяся война с вероломным немецким фашизмом не позволила достигнуть этого долгожданного счастливого будущего, сорвала планы партии и правительства по улучшению жизни людей.

Нас убеждали в том, что скорейшее разрешение жилищной нужды тех, кто возводил в СССР заводы-гиганты, электростанции, железные дороги, рыл каналы и шахты, участвовал в появлении многих других промышленных и транспортных новостроек, было главной целью, на достижение которой партии и правительство неустанно направляли свои усилия. К сожалению, органы государственного управления, которые, по их заявлениям, планировали самым незамедлительным образом разрешить жилищную проблему, не смогли реализовать эти планы практически. Как разъяснялось, из-за непредвиденных материальных трудностей: «*...для запланированного в первой пятилетке строительства десятков индустриальных гигантов и благоустроенных соцгородов при них*» не нашлось денег, «*средств в государственном бюджете хватило только на промышленные объекты. В результате, вместо образцовых социалистических городов с полным набором объектов коммунально-бытового обслуживания пришлось в массовом порядке строить при индустриальных гигантах бараки, общежития*»[2].

В советской литературе за все годы существования СССР так и не появилось вразумительного ответа на вопрос, почему планирование осуществлялось так, что денег на жилье хронически «не хватало», почему советский народ жил хуже, чем в странах «загнивающего капитализма»? Причем не только в тяжелые годы

* Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры, профессор Иркутского государственного технического университета.

первых пятилеток, но и в послевоенные годы, и потом — в 1960-е, 1970-е, 1980-е… Почему жилищная нужда была одной из наиболее непреодолимых проблем? Почему в стране год за годом, пятилетка за пятилеткой не выделялось в достаточном объеме средств не только на строительство жилья, но и на производство «товаров народного потребления», на наполнение прилавков магазинов «широким ассортиментом продуктов питания»?

В советской прессе широко освещались факты закладки новых архитектурных ансамблей или производственных объектов, прокладки транспортных магистралей или разработки новых месторождений. Но на фоне бравурных отчетов об объемах осуществленного строительства, о кубах вынутой рудоносной породы и срубленного леса, о километрах возведенных судоходных каналов и проложенных железных дорог, о введенных в строй все новых и новых мощностях заводов-гигантов, ответ на вопрос «зачем», всегда был чисто пропагандистским — «ради светлого будущего!». Никогда не спрашивалось о том «куда все это девается», почему люди десятилетиями, а подчас и всю жизнь живут в неблагоустроенных домах, в нищете и в условиях хронического вещевого, продуктового и жилищного дефицита. Не анализировалось, почему, из каких соображений, принимаются те или иные планировочные, градостроительные, расселенческие решения. Все эти «почему» неизменно оставались как бы «за кадром», плотно затушевываясь идеологической завесой расхожих лозунгов, цитат, фразеологических штампов, политических формулировок, умело творимых мифов.

Никогда в рамках этой мифологической действительности не раскрывались истинные цели закладки новых городов, прокладки каналов и строительства железных дорог, возведения заводов-новостроек. Все это происходило как бы само собой. При этом любой человек, выросший в СССР или много читавший об устройстве советской власти, прекрасно понимал, что, «само собой» в Советском Союзе вообще и в его градостроительстве в частности ничего не происходило. Кроме, пожалуй, самостроя в деревнях и возведения «нахаловок» на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка, а уж тем более строительство нового города, было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и всецело управляемым. Тем более в условиях тотального государственного распределения финансовых, материальных ресурсов, строительных материалов, рабочей силы, транспортных мощностей и квот на разработку природных ископаемых.

С годами некоторые незыблемые устои заученной нами версии истории СССР оказались сильно пошатнувшимися. В частности, исчезла уверенность в том, что в трудностях первых пятилеток виноваты окопавшиеся в СССР враги социализма, желавшие его крушения и сыпавшие для этого молотое стекло в бензобаки тракторов или коварно срывавшие календарные планы запуска доменных печей. Что причиной постоянных задержек с разработкой проектной документации являются саботирующие инженеры. Что именно архитекторы виноваты в том, что в городах строятся «суррогатные жилища», т. е. возводимые из досок с засыпкой строительным мусором или с обмазкой глиной. Правда, сами «враги народа» прояснить этих моментов уже не могли, так как к этому времени были либо расстреляны, либо, в большинстве своем, умерли в лагерях, либо (те, кто выжили) были запуганы настолько, что не желали ничего рассказывать даже ближайшим родственникам.

Померкло ясное понимание того, что «*иностранные фирмы, привлекаемые к проектированию и строительству предприятий тяжелой индустрии… верные интересам империализма, использовали любую возможность, чтобы затормозить социалистическое строительство в СССР*»[3]. Особенно сомнительным это представлялось после углубленного изучения роли иностранных специалистов в возведении гигантских плотин, мощнейших доменных печей, крупнейших промышленных комплексов, в разработке чертежей заводов-гигантов и генеральных планов поселений при них[4].

Растаяла вера в слова о том, что в Советском Союзе в период 1930-х — 1940-х гг. хронически не хватало строительных материалов для возведения жилья. Неопровержимые данные о невероятных объемах изготовленного за годы первых пятилеток вооружения, извлеченные в послеперестроечные годы из советских архивов[5], а также сведения о количестве вывезенного за границу зерна (в самый разгар охватившего страну смертельного голода) с целью закупки на вырученные деньги военно-производственных технологий, заставляли задуматься об истинных целях власти, о подлинном предназначении индустриализации и о том куда девались металл, древесина, резина, стекло, кирпич, цемент и проч.

Новые города нового общественного строя, которые так официально и назывались — «социалистические города» (соцгорода), на словах были призваны явить новый, ранее не виданный образ жизни. Комфортный, свободный, т. е. творческий, спортивный, высоко-культурный; общественный, т. е. совместного труда, быта, отдыха и созидательного досуга; здоровый; саморазвивающий и т. п. В конце 1920-х гг. в СССР в традиционных для России зонах индустриального освоения: в Ленинградской области, Горьковском крае, на Средней Волге, Урале, а также в таких слабоосвоенных на тот момент регионах, как Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, Северный край, Южный Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток, Северный Кавказ, — начинается интенсивное возведение комплексов военно-промышленных предприятий, традиционно именуемое советской историографией как «индустриализация». Объекты ВПК размещаются, во-первых, в местах, выгодных с точки зрения минимизации затрат на промышленное строительство (ровные строительные площадки, наличие проточной воды и т. п.); во-вторых, в местах, наиболее приемлемых в отношении выработки и снабжения электроэнергией, жизненно необходимой для энергоемкой тяжелой промышленности; в-третьих, как можно ближе к местам залегания полезных ископаемых; в-четвертых, в зонах, оптимальных с точки зрения формирования макрорегиональных транспортных систем; в-пятых, в местах, недосягаемых для бомбовых ударов авиацией вероятного противника.

При каждом новом или реконструируемом старом промышленном предприятии возводится «селитьба», обеспечивающая размещение точно подсчитанного количества трудоспособного населения, обеспечивающего потребность производства в рабочих определенных профессий и квалификационного состава. Концептуальное требование территориальной привязки к промышленному предприятию расселяемых подле него и специально перемещенных сюда трудовых ресурсов приводит к тому, что уже на плане, еще даже не начав формироваться практически, «социалистические города» вырождаются в «промышленно-селитебный» комплекс. Причем из этих двух слов ключевым является «промышленный», потому что развитие города и качество жизни в нем оказывается на последнем месте, далеко отступая перед важностью промышленно-производственных задач.

Советская власть оказалась равнодушна к авангардным градостроительным теоретическим доктринам, ей не нужны были грамотные проектные решения — разнообразные теории и умные слова представлялись ей одинаково бессмысленными. Ей нужно было другое — обеспечивать возведение, а затем бесперебойную эксплуатацию «военно-гражданских» предприятий[6], комплектовать кадры строителей, а затем промышленных рабочих, привязывать людей к месту работы, несмотря на отсутствие элементарных условий быта и отдыха, принуждать людей к каждодневному интенсивному труду, контролировать их повседневность за счет «прозрачности» переуплотненного коммунального быта, безгранично манипулировать населением. Жилище являлось одним из главных средств обеспечения всех этих задач.

Типология массового жилища, слагавшего селитьбу подле возводимых предприятий советской индустрии, отражала реальную социальную структуру населения соцгородов-новостроек. Она точнее свидетельствует о приоритетах и реальных установках власти, чем постоянно повторявшиеся в газетах и с высоких трибун заверения, обещания, призывы.

Несмотря на идеологически провозглашаемое властью социальное единство советского народа, реальная социальная структура населения соцгородов-новостроек была очень неоднородна и весьма своеобразно дифференцирована. Причина заключена в той «добровольно-принудительной» миграционной политике, которую с началом первой пятилетки с удвоенной энергией и в плановом порядке начинает осуществлять советская власть для «комплектования населения соцпоселков и соцгородов» в целях обеспечения строительства заводов потребным количеством рабочих рук.

Перемещение и закрепление на новых местах обитания трудовых контингентов возводимых промышленных предприятий осуществлялось в период первых пятилеток несколькими способами:

1) За счет командирования (мобилизации) на новостройки высшего руководства (именуемых в этот период, «ответственными» работниками). Планомерное формирование номенклатуры началось с 16 ноября 1925 г., когда Оргбюро ЦК РКП (б) приняло развернутое положение «О порядке подбора и назначения работников» и утвердило списки номенклатуры должностей. Эти и по-

добные им документы в открытой печати не публиковались, но согласно им строилась вся реальная кадровая политика партийно-государственного аппарата. Так, номенклатура № 1 находилась в ведении ЦК (т. е. Политбюро, Оргбюро и секретарей ЦК); номенклатура № 2 находилась в ведении Учраспреда ЦК РКП (б), т. е. аппарата; а ведомственная номенклатура № 3 находилась в ведении Учраспреда ВСНХ.

Для понимания количества номенклатурных должностей, приблизительных величин кадрового состава номенклатуры и числа назначений — несколько цифр: через Учраспред ЦК РКП(б) между апрелем 1922-го — апрелем 1923 г. было назначено на должности в госаппарате — 10 351 человек; между апрелем 1923-го — маем 1924 годов — 6088; между маем 1924-го — декабрем 1925-го — 12 227 человек. Всего по номенклатурам № 1 и № 2 значилось 5 723 должности. Все эти люди составляли несколько высших слоев госаппарата[7].

К началу индустриализации номенклатура приобрела все внешние признаки своего особого положения, выражавшегося в иерархии распределительного обеспечения: солидных единовременных пособиях и крупных премиальных к зарплате; спецпайках; квартирных привилегиях[8] и т. п.

Номенклатура направляется на новостройки первой пятилетки для решения текущих вопросов и выполнения поставленных партией планов. Так, например, не заседании Секретариата Политбюро ЦК ВКП (б) от 1 июня 1930 г., принимается решение относительно командирования в Магнитогорск и Кузнецк пятидесяти человек ответственных работников[9].

2) За счет командирования (мобилизации) рядовых коммунистов — специалистов, имеющих опыт в определенной области профессиональной деятельности. Вот один из многочисленных примеров подобной практики в отношении ударных строек первой пятилетки: на том же заседании Секретариата Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1930 г., где было принято решение относительно командирования в Магнитогорск и Кузнецк пятидесяти человек ответственных работников, также было решено мобилизовать на строительство Магнитогорского и Кузнецкого заводов еще 150 человек рядовых коммунистов, имеющих опыт заводской деятельности: «... б) мобилизацию и отправку на места остальных 150 коммунистов провести из заводов следующих организаций: Московской — 50 чел., Ленинградской — 50 чел., Нижегородской — 10 чел. не позднее 10 июня и Украинской — 40 чел. не позднее 15 июня с. г...»[10]

3) За счет добровольного приезда («самотеком»), в широком диапазоне мотиваций, начиная от агитации, вербовки, добровольного получения направлений на ударные стройки по комсомольским путевкам и заканчивая приманиванием молодых людей возможностью получить на новостройках хоть какое-то жилье. Агитаторы, сеть которых действовала по всему Советскому Союзу, призывая ехать на новостройки, на словах обещали достойную заработную плату, жилье, продуктовое и вещевое снабжение, заключали с рабочими индивидуальные и коллективные договоры, которые на деле, как правило, не исполнялись.

4) В результате вольного найма с последующим «добровольно-принудительным» удержанием. Так, например, в строительстве Сталинградского тракторного завода осенью 1929 г. участвовали артели (общей численностью свыше 4 тыс. чел.), срок договоров с которыми истекал в ноябре месяце. «Строительство тогда было делом сезонным. На зиму обычно работы сворачивались, строители — а они, как правило, были сезонники — расходились по домам. На Тракторострое решили поломать эту традицию. Партком принял решение строить завод неослабными темпами и зимой 1929/30 г. Но для этого надо было удержать строителей-сезонников... отдельные артели уже стали отбывать. Партийная организация поставила задачу — закрепить сезонников на стройке, сделать их кадровыми рабочими, преобразовать артели в постоянные производственные бригады. Борьба разгорелась острая. Во главе артели стояли подрядчики — это они подписывали договора и фактически были хозяевами артели, держали ее в своих руках... открыто подбивали сезонников на уход со стройки, пугали их провокационными слухами»[11]. Подрядчиков объявили «кулаками» и припугнули репрессиями, бригадам задержали выплату денег и тем самым сорвали отъезд, посулили большие будущие заработки, и, в конечном счете, «основная масса сезонников осталась на зиму»[12]. На крупных предприятиях также широко применялась практика т. н. «самозакрепления» на период до конца строительства завода. Применялась она и к рабочим, и к инженерно-техническому составу. При этом работник брал на себя производственные обязательства, предприятие же в свою очередь предоставляло определенные льготы. Так, для закрепления работников на ММК на вторую пятилетку завод обязался: снизить

квартплату за жилплощадь в домах комбината в 1934 — на 10%, в 1935 — на 25%, в 1936–1937 гг. — на 50%; предоставлять в первую очередь жилплощадь в домах комбината; дать преимущественное право работнику и его детям на обучение в образовательной системе комбината; предоставить школьникам горячие завтраки за счет комбината; дать ссуду для покупки семенного картофеля и ссуду для покупки коров; обеспечить преимущественное право на курортное лечение[13]. Весьма заманчивые предложения в условиях сложнейшей экономической ситуации середины 1930-х гг.

5) В результате «добровольно-вынужденных» миграций из старых городов в города-новостройки в ходе очистки «старых» городов от нетрудоустроенного населения. Различные категории населения: неработающие, деклассированные элементы, лишенцы и др. самостоятельно покидают существующие города и переезжают на новостройки из-за страха быть арестованными и насильственно депортированными. Принудительное выдавливание из существующих городов на стройки пятилетки «неработающих» и «деклассированных элементов» законодательно обеспечивается принятием Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений»[14].

6) За счет подневольного перемещения раскулачиваемых крестьян (спецпереселенцы[15], ссыльные). В 1929–1930 году «на переселенческих земельных фондах общесоюзного значения» совершенно официально планируется поселить и хозяйственно устроить 100 тыс. переселенцев — бывших кулаков и подкулачников. В 1930–1932 году планируется переселить 198 тыс. чел.[16] Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян законодательно обеспечивается принятием 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывает осуществлять массовые высылки репрессируемых «в отдаленные местности Союза ССР», а также «в пределах данного края и в отдаленные районы края»[17], и серии связанных с ним постановлений ЦИК и СНК СССР[18], СНК РСФСР[19], Наркомзема[20]. Подобные перемещения — это не побочный результат коллективизации, а основная ее цель — выдавливание крестьян из деревни в осваиваемые районы, пролетаризация большей их части, соорганизация их в трудо-бытовые коллективы, перемещение в места строительства градообразующих предприятий и тем самым

наполнение формируемых промышленных районов населением. Власть не скрывает этих целей: «…В основу переселения кладется создание новых экономических районов». Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян осуществляется для освоения сырьевых ресурсов Урала, Севера, Сибири, Юга и Дальнего Востока: «главная задача переселения — это не разгрузка аграрно перенаселенных районов, а открытие новых сельскохозяйственных и промышленных районов»[21]. Форма переселения: крупные группы, соорганизованные в единое целое не только административно, но и территориально (спецпоселения, трудпоселения): «переселение отдельных хозяйств прекращается — переселяться будут только коллективы»[22].

В соцгородах-новостройках спецпереселенцы составляли весьма значительную часть населения. Так, например, в 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось 205 тыс. жителей, из них заключенных и спецпереселенцев было 50 тыс. чел., т. е. 24, 3% — почти четверть всего населения[23]. В 1934 г. насчитывалось 6866 семей трудпоселенцев, общим числом людей 24063 чел. Всего по Челябинской области в 34 трудпоселках содержались 14532 семьи трудпоселенцев в количестве 52256 чел.[24]

7) В результате «добровольно-вынужденных» миграций из деревни. Из деревни бегут не только кулаки, которым грозит раскулачивание, но и середняки и даже бедняки. К лету 1930 г. таких «самораскулаченных» насчитывается не менее 250 тыс. чел.[25] В 1930–1931 гг. уже не менее 1 миллиона крестьян, не дожидаясь репрессий, бегут в существующие города и на новостройки. В этот же период к ним присоединяются еще около 2 млн крестьян, которым грозит выселение по так называемой третьей категории (т. е. в пределах своей области). Они также, не дожидаясь депортаций и бросив имущество, уходят из деревни в города и на новостройки пятилетки[26]. В 1930–1932 гг. страшный голод, унесший миллионы жизней, дополнительно выталкивает в города массы крестьянского населения. Например, на Челябинском ферросплавном заводе (первом предприятии одного из промышленных гигантов — электрометаллургического комбината) из 871 человека, пришедшего на завод в 1932 г., крестьяне составили 555 человек, на конец 1932 г. на предприятии лиц, которые являлись рабочими по социальному положению, насчитывалось 420 чел., в то время как крестьян — 717 чел.[27] В отношении крестьян широко использовалась и так называемая практика «отходниче-

ства» по договорам с колхозами. Так, например, к концу 1931 г. половину рабочих на строительстве Челябинского тракторного завода составляли крестьяне-отходники, в 1932 г. их насчитывалось более 7 тыс. О масштабах распространения такого рода вербовки рабочей силы для местной промышленности свидетельствует циркуляр Уральского областного отдела труда, распространенный в апреле 1930 г., где указывается, что потребность в рабочих (27 тыс. чел.) должна быть почти полностью удовлетворена колхозниками-отходниками[28].

8) В результате принуждения к приезду на ударные стройки за счет приказов-направлений на работу квалифицированных специалистов (инженеров, техников, мастеров, служащих, высококвалифицированных рабочих и др.) по так называемому «оргнабору»[29]). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие»[30] власть окончательно закрепляет принудительный характер подобных перемещений специалистов.

9) В результате инициации к приезду на ударные стройки молодежи (в т. ч. неквалифицированных специалистов) также по комсомольскому оргнабору, мобилизации или по комсомольским путевкам. Так, 24 декабря 1929 г. ЦК ВЛКСМ принимает постановление о проведении «вербовки 7 тысяч молодых рабочих и батраков, проверенных на общественной работе... для направления на Тракторострой»[31]. В середине 1930 г. Уральский обком партии и обком комсомола рассылают окружным и районным комитетам ВКП(б) и ВЛКСМ циркулярное письмо о мобилизации на строительство Магнитогорского металлургического комбината 500 рабочих — комсомольцев и коммунистов[32]. В тех случаях, когда молодежь не желала ехать по «зову сердца», к тем, кто отказывался, применялись различные приемы морального воздействия.

10) В результате направления на работу после окончания учебы молодых выпускников средних учебных заведений (т. н. «распределение»). 2 октября 1940 г. одновременным выходом двух постановлений[33] правительство законодательно утвердит практику принудительного перемещения к местам отправления трудовой повинности молодых специалистов среднего специального и ремесленного образования. Одно из постановлений однозначно

предпишет: «Предоставить право Совету Народных Комиссаров СССР ежегодно призывать (“мобилизовывать”) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения. ...Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР...»[34]

11) В ходе «нарядов» на приезд на стройки демобилизованных красноармейцев[35], а также в результате осуществляемого в приказном порядке т. н. «замещающего» перемещения. К последнего типа перемещениям относятся, например, массовые переселения в 1930-е гг. демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) для создания т. н. «красноармейских колхозов». Подобные переселения выполняли роль компенсирующих (замещающих) заселений на те территории, где после «чисток», коллективизации, депортаций, голодомора и иных причин образовался дефицит трудоспособного населения. Согласно официальной статистике Всесоюзного переселенческого комитета, с 1933 по 1937 г. в СССР, в ходе подобного типа государственных плановых переселений, было перемещено 77 304 семьи (включая демобилизованных красноармейцев — одиночек и с семьями) или 347 866 чел.»[36]

12) В результате принудительного перемещения в осваиваемые районы лиц, выселяемых в ходе очистки приграничной зоны и т. п. Подобный характер имело «организованное государством переселение 1935–1937 гг. сельскохозяйственного населения из европейской части страны (Воронежская и Горьковская области, Чувашия, Татария) в Восточную Сибирь. Оно затронуло около 10 тыс. семей, или примерно 45 тыс. чел...»[37]

13) В результате перемещения заключенных (репрессированных) — отдельных технических специалистов высокой квалификации и крупных контингентов концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей. В мае — июне 1929 г. под грифом «Совершенно секретно» выходят сразу три постановления Политбюро ЦК ВКП(б) с одинаковым названием: «Об использовании труда уголовных арестантов». В первом предписывается: «Перей-

ти на систему массового использования... труда уголовных арестантов»[38]. Во втором: «...ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в р-не Ухты...»[39]. В третьем: «Именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями»[40]. В приложении №3 к третьему постановлению разъясняется более детально и подробно, для чего надо организовывать новые концлагеря, называемые теперь исправительно-трудовыми: «Организовать новые концентрационные лагеря... в целях колонизации этих (отдаленных. — *М. М.*) районов и эксплуатации их природных богатств»[41].

Согласно этим постановлениям, контингенты заключенных начинают направляться в зоны ресурсного освоения — в места лесозаготовок, добычи полезных ископаемых, на трассы строящихся автомобильных и железных дорог, водных каналов, а также к местам возведения заводов-гигантов и соцгородов-новостроек. То есть в места, которые планом первой пятилетки намечены в качестве ареалов индустриального развития — Урал, Северный край, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Южный Казахстан, Средняя Азия, Украина, Горьковский край, Ленинградская область, Средняя Волга, Башкирия и т. д.[42] В 1933 г. к списку добавляется Белбалткомбинат НКВД[43] (Беломоро-Балтийский канал). Среди заключенных высокообразованные люди, окончившие лучшие учебные заведения царской России или учившиеся за границей. Они отфильтровываются и направляются для отбывания наказания на стройки пятилетки в качестве технических специалистов. Так, в начале 1930-х гг. на строительстве Магнитогорска работает группа таких специалистов в количестве 20–30 человек, проходивших по процессу Промпартии 1930 г. В Магнитогорске они живут в несколько лучших жилищных условиях, чем прочие, и работают под постоянным контролем ГПУ, но на руководящих должностях[44].

14) За счет удерживания досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении». В 1930-е гг. подобное происходило по меньшей мере дважды: в 1933 г. после акции по «разгрузке мест заключения», когда в спецпоселки и трудпоселения Западной Сибири и Казахстана было направлено свыше 100 тыс. заключенных, досрочно освобожденных из тюрем, лагерей и колоний. И в 1933–1934 гг., когда колонизационные поселения, создаваемые для осуществления программы освоения зоны БАМ, стали формироваться за счет заключенных, отбывавших сроки в БАМЛАГ

и переводимых на режим поселения[45]. Подобное происходило и в последующие годы, например, в виде локальных депортаций — перемещений спецпереселенцев из северо-восточных и южных (кузбасских и новосибирских) комендатур в северные (нарымские) спецкомендатуры[46]. Осуществлялись подобные перемещения и в послевоенный период.

15) В результате насильственного «придания оседлости» (принуждение к смене образа жизни и характера трудовой деятельности) — депортации с целью закрепления кочевых народов на земле. «В 1932 г. сотни казахов работали на кемеровских предприятиях. Большинство — семейные, прибыли из районов Семипалатинска в количестве более полутора тысяч человек. Работали они в основном на Энергострое (359 чел.), Цинкострое (52 чел.), Кузбасстрое (40 чел.), Коксохимкомбинате (118 чел.), Сибстройпути (120 чел.) и т. д. Большинство проживало в землянках, остальные — в бараках. Некоторые совсем не имели жилья — ночевали по месяцу и более на железнодорожной станции. Поначалу же депортированным вообще негде было жить — их бросили посередь тайги, и они там и обитали, в летнюю пору — под деревьями, потому что в городе селиться было совсем некуда»[47].

16) За счет размещения беженцев и репатриантов. Герман Грайф в своей книге «Принудительный труд в СССР» пишет: «Репатриант Эрнст С., который был арестован и сослан ГПУ, рассказал кроме всего прочего следующее: «Через немного дней я прибыл в большой лагерь Магнитогорск, к востоку от Урала, в нем было 12 000 человек, и он делился на 7 подлагерей. Поблизости находилась еще одна штрафная колонна на 14 000 человек и еще один лагерь. В моем лагере заключенные занимались строительством плотины. ...Зимой 1932/33 в этом лагере г. Магнитогорск замерзли в общей сложности 11 000 человек, о чем мне рассказали заключенные, которые работали с книгами в конторе. ...В октябре 1933 г. мне удалось освободиться и убежать в Германию»[48].

17) В результате добровольного приезда по договорам иностранных специалистов. Приглашение зарубежных архитекторов для работы в СССР было официальной линией советского правительства, очерченной постановлением СНК СССР от 2 августа 1925 года «О мерах пополнения советской промышленности высококвалифицированными специалистами» и его же постановлением от 15 февраля 1927 года «О привлечении специалистов из заграницы»[49]. К февралю 1928 года в СССР действовали 61 ино-

странная концессия общесоюзного значения и 53 — республиканского[50], и в каждой работали иностранные специалисты. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1928 года в 1929–1930 годы планировалось привлечь на стройки первой пятилетки еще от 1 до 3 тыс. иностранных специалистов[51].

Итак, население соцгородов в общей сложности насчитывало по меньшей мере семнадцать социальных групп населения. Эти группы сильно отличались друг от друга и в социально-культурном отношении, и мотивационно, и по характеру исполняемой работы, и по условиям существования. Обитали они, как мы рассмотрим далее, изолированно друг от друга[52]. Типология и реальные объемы возводимого жилого фонда городов-новостроек, предельно точно отражают социальную неоднородность населения соцгородов. И демонстрируют различие жилищной политики советской власти по отношению к каждой из этих групп.

Отрывочность статистических данных не позволяет создавать точную социально-демографическую картину населения соцгородов. Можно предположить, что от города к городу различалась она незначительно. Так, например, в Магнитогорске, в период первой пятилетки, насчитывалось девять основных групп населения:

1. партийно-советское руководство
   и иностранные технические специалисты — 2–3%;
2. коммунисты и комсомольцы — 10%;
3. вольнонаемные — 30–35%;
4. спецпоселенцы (кулаки) — 25%;
5. спецпоселенцы («эмигранты») — 1,25%;
6. заключенные — 12%;
7. пораженные в правах (лишенцы) — 0,02%;
8. прочие категории — 13,73%[53].

Эти группы постоянно изменялись по персональному составу, но по «содержанию» и в процентном соотношении оставались, практически неизменными. Так, например, к концу 1932 года, приблизительно 35 тысяч магнитогорских «кулаков» (что составляло 25% от общего числа жителей города) обитали в палаточном городке. В зиму 1932–33 года, когда температура воздуха часто опускалась ниже сорока градусов, 10% населения палаточного городка умерло, не вынеся тяжелых условий жизни и недоедания, в том числе практически все дети младше десятилетнего возраста. Но уже в

следующем году численность «кулаков» была пополнена и далее, вплоть до 1938 г. эта категория неизменно насчитывала около 30 тысяч человек, т. е. приблизительно те же 20–25% от общей численности населения[54].

Мы видим, что определенная часть населения соцгородов-новостроек формировалась в результате добровольных перемещений и командирования, остальная — принудительно. Если дифференцировать население соцгородов по этому признаку, то процентное соотношение этих категорий населения получается следующим:

1. партийно-советское руководство
   и иностранные технические специалисты — 2–3%;
2. вольные —58,7%;
3. подневольные — 38,3%.

О проявления градостроительной и жилищной политики в соцгородах-новостройках относительно подневольной части их обитателей сложно сказать что-либо определенное: она находилась в юрисдикции силовых ведомств, и описание условий повседневного обитания этой категории населения соцгородов, типологии жилищ, в которых она обитала, обретение после отбытия наказания новых жилищных условий, характер этого нового жилища и т. п. — еще ждут своих исследователей.

Что же касается вольной части населения соцгородов, то о типах жилищ, в которых они существовали, мы можем судить достаточно точно, потому что она зафиксирована в проектах, специально разрабатывавшихся для строительства в рабочих поселках и соцгородах первой пятилетки. Так, в 1929 г. выходит в свет альбом типовых проектов жилых и общественных зданий, рекомендуемых для городского и поселкового строительства. Он подготовлен годом раньше, по инициативе и под руководством Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) при участии представителей основных ведомств-застройщиков и организаций-проектировщиков (ВСНХ СССР, НКТП, НКТ, Центрожилсоюза, ВЦСПС, Моссовета. Института сооружений). В разделе «Рабочий поселок» приведен рекомендуемый к массовому применению пример планировки поселка ***(Ил. 1)***, рассчитанного на население в 3 200 чел., со следующей типологией домов: а) секционные дома, б) общежития, в) коттеджи[55] (***см. Таблицу 1***).

Таблица 1

Типология жилища и характер заселения жилого фонда в рекомендуемом Цекомбанком типе поселка с интенсивной застройкой зданиями городского типа (1929 г.).

№	Численность проживающих (примерная) и тип жилища	Количество квартир для каждой категории	Расчет количества комнат и характера заселения (чел./комн.) по категориям проживающих
1	60–65 чел. (семейных) — в двухквартирных коттеджах (9 шт.)	18 квартир	2% ИТОГО — 18 квартир на 18 семей (60–65 чел.) для посемейного заселения, т. е. в одну квартиру одна семья
2	250 чел. (одиноких, холостых) — в общежитиях (2 шт.)	—	8% ИТОГО — 28 комнат с заселением 2–3 человека в каждую комнату
3	2 890–2 885 чел. (семейных) — в 1–2-3 комнатных (квартирных) домах (23 шт.)	576 квартир	1-комнатных квартир (156) 90% 2-х комнатных квартир (222); = 1 096 комнат 3-х комнатных квартир (198) ВСЕГО — 576 квартир = 1 096 комнат с заселением 2–3 человека в каждую комнату
	ВСЕГО — 3 200 чел.		ИТОГО — 18 квартир индивидуального заселения; 1 096 комнат с заселением по 2–3 человека в каждую комнату; 28 комнат в общежитиях с заселением по 2–3 чел. в каждую комнату

Итак, структурное соотношение типов жилья для вольной части населения соцгородов и соцпоселков:

- для 2–5% населения (партийно-административное руководство) — жилище повышенной комфортности;
- для 15–20% населения (одинокие и холостые) — предельно упрощенное жилище — общежития, казармы, бараки, дома-коммуны и проч.;
- для 70–80% (семейные) — коммунальное жилище покомнатно-посемейного заселения.

Данное структурное соотношение типов жилья сохраняется в программах на проектирование соцгородов и рабочих поселков фактически на протяжении всего довоенного периода.

Варьируются лишь конкретные виды домостроений. Так, общежития могут существовать в виде специально построенных деревянных или каменных домов коридорного типа ***(Ил. 2, 3, 4, 5, 6)***, а могут в виде казарм, бараков, землянок ***(Ил. 7, 8, 9)*** или даже приспособленных под жилье старых железнодорожных вагонов, больших палаток ***(Ил. 10)*** и проч. Элитное жилище может возводиться в виде отдельностоящих коттеджей или попарно блокированных домов ***(Ил. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17)***.

Жилье для технических специалистов и руководителей среднего звена — в виде деревянных 2-х этажных жилых зданий или каменных 3–4-х этажных секционных жилых домов ***(Ил. 18, 19)***, как правило, превращаемых в коммуналки в результате покомнатно-посемейного заселения, а также в виде специально спроектированных домов-коммун.

И в рекомендуемых проектах рабочих поселков, и в реальной застройке соцгородов, отдельностоящие коттеджи или попарно блокированные дома для партийно-советского руководства, и многоквартирные дома для иностранных специалистов, как правило, группируются в отдельные компактные зоны ***(Ил. 20)***.

Но в официальных программах-заданиях на проектирование соцгородов подобные обособленные поселения для начальства или крупных иностранных технических специалистов не значатся. Там присутствует лишь многоквартирный жилой фонд, который проектируется и возводится повсеместно — не только в соцгородах-новостройках, но также и в рабочих поселках, возводимых при промышленных предприятиях. Так на заседании Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г. при рассмотрении проектируемых типов жилой застройки рабочего поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19, выполненного Гипрогором, предписывается осуществлять единственный тип — многоэтажное многоквартирное строительство[56].

В официальных программах-заданиях не значатся также и другие типы жилья, реально возводимого в соцгородах: бараки, палатки, землянки, шатры, балаганы, юрты, списанные железнодорожные вагоны и т. п. Они составляют как бы «негласную» сторону проектирования и строительства. Официальную структуру жилого фонда соцгородов слагают лишь два типа домов: а) мно-

гоквартирные дома (кирпичные, шлакобетонные, деревянные — щитовые, рубленные, брусовые) — секционные, парные и отдельностоящие; б) общежития (и/или дома-коммуны).

Например, исходная официальная типология жилого фонда в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке, зафиксированная во второй части программы «О типе жилых домов», принятой СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г., включает именно эти две группы домостроений: а) общежития для расселения одиноких (12% жилого фонда для заселения 20% взрослого населения) и дома-коммуны (13% жилого фонда для расселения примерно 13% населения), б) индивидуальные квартиры в многоквартирных домах — 75% жилого фонда для заселения 67% населения (их предлагается проектировать прежде всего многокомнатными). Проектируемые многокомнатные квартиры предлагается принять общей площадью 70–80 кв. м, исходя из перспективной нормы в 9 кв. м/чел., т. е. из соображений «дальнейшего улучшения жилищного положения»[57].

Заметим, что подобное вполне здравое требование учета возможного перспективного улучшения жилищных условий на практике приводит к превращению индивидуального жилища в коммунальное. Так как очередники в квартиру, спроектированную на основе норматива в 9 кв. м на человека, заселяются из расчета 4–6 кв. м на чел, то есть, фактически: в 2-х комнатные (30 кв. м) по 5–6 чел. в каждую квартиру; в 3-х комнатные (40–45 кв. м) по 7–9 чел.; в 4-х комнатные (50–55 кв. м) — по 9–11 чел.; в 5-ти комнатные (60–70 кв. м) — по 12–14 чел.; в многокомнатные (более 70 кв. м) заселяется более 14–15 чел. в каждую квартиру.

Итак, предписанная в программе-задании типология жилых домов в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке представляет собой следующее:

- общежития — 12%,
- дома-коммуны — 13%,
- секционные дома с индивидуальными квартирами (предусматривающими также покомнатно-посемейное заселение) — 75%[58].

Однако руководством комбината (отвечающим за расселение людей) предписываемая в программе-задании первоначальная типология жилища незамедлительно «сдвигается» в сторону коммунального быта: индивидуальных квартир предписывается

строить всего лишь 15%. Из них: 10% — 2-х комнатные квартиры (30 кв. м. на 5 жителей) и 3-х комнатные (40–45 кв. м на 7 жителей) и 5% — 4-х комнатные (50–55 кв. м на 9 человек). Оставшийся процент многокомнатных квартир предлагается отнести к группе общежитий. Эту инициативу необходимо согласовать с Москвой: «поручить тов. Шмидту согласовать этот пункт в Госплане» [14, л. 2-об]. Таким образом, количество домов с индивидуальными квартирами уже на стадии проектирования уменьшается в пять раз — с 75% до 15%.

В итоге реальное соотношения типов проектируемого жилища серьезно трансформируется, причем с точностью до наоборот — основную «массу» теперь составляют общежития:

- общежития — 72%,
- дома-коммуны — 13%,
- дома с индивидуальными квартирами — 15%.

Причем, из намеченных к проектированию 15% индивидуальных квартир большую часть — 12,5% — изначально предполагается превратить в коммуналки: «...12,5% квартир будут построены как коллективные квартиры»[59]. В реальной практике возведения и эксплуатации жилого фонда дома с индивидуальными квартирами в качестве «жилья для всех» остаются лишь на бумаге или в форме идеологических воззваний. А те дома с индивидуальными квартирами, которые все-таки строятся практически в каждом соцгороде, являются «суперэлитным» жилищем. О них речь ниже.

В конечном счете, фактическая типология проектируемого в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке жилища в конце 1930 г. представляет собой следующее:

- коммунальное жилье — 97,5% (общежития, а также коммунальные квартиры покомнатно-посемейного заселения — 84,5%, дома-коммуны — 13%);
- дома с индивидуальными квартирами — 2,5%.

В коммунальное жилье превращались и квартиры, изначально спроектированные как индивидуальные. Это осуществлялось за счет заселения по семье в каждую из комнат больших полноценных квартир. Так, например, в первом квартале соцгорода Магнитогорска центральная зона (вдоль ул. Пионерской) занята четырехэтажными, секционными кирпичными домами с 3–5-комнатными квартирами, площадью от 75,8 до 93,7 кв. м

(1930, тип Госпроекта). Эти квартиры изначально проектировались для покомнатно-посемейного заселения на основе группировки помещений вокруг общей прихожей, из которой двери вели в «односемейные комнаты». Коммунально эти квартиры потом и эксплуатировались.

По тому же принципу заселялись двух-четырехкомнатные квартиры (от 46,5 до 85 кв. м) в 4-этажных кирпичных секционных домах (1931–1932, тип Мосстроя) в квартале соцгорода ЧТЗ.

Кстати, немецкий архитектор Э. Май, много и плодотворно трудившийся над проектами «соцжилищ», наблюдая практику коммунального заселения в Магнитогорске и других соцгородах, целенаправленно пытается своими проектными решениями воспрепятствовать подобному покомнатно-посемейному обитанию. Он проектирует жилые помещения в 2–3-х комнатных квартирах, таких габаритов, чтобы в них можно было вселить не больше двух человек. Стремясь «избежать нежелательного проживания двух семей в одной квартире»[60], он закладывает планировки спален точно такие же, как в своем проекте «минимальных квартир» для поселка Цели в Германии — узкие и длинные: шириной в 1,57 м и глубиной — 4,53 (т. е. площадью 7,1 кв. м)[61]. Такие габариты «комнаты-вагончика» не позволяют расставить больше двух кроватей.

Подобное решение, как ему представлялось, должно вынудить власти выделять семье из 5–7 человек одну квартиру целиком. Правда, Э. Май совершенно не предполагал, что в социалистическом государстве местные власти или представители ведомств на местах могут при вселении людей абсолютно не считаться с законодательно утвержденными общегосударственными санитарными нормами и ничего не знал о таком широко известном в СССР «устройстве», как двухъярусные нары. А поскольку в реальности при невероятном дефиците жилья санитарных норм никто не придерживался, и при вселении на одного человека выделялось не больше 1,5–2 кв. м, то и его проекты индивидуальных квартир, как и все прочие, с неизбежностью превращались в коммунальное жилище. Зато проектное «вольнодумство» Э. Мая экспертной комиссией, рассматривающей его проекты, немедленно ставится ему в вину — недопустимо маленькая площадь комнат, в сравнении с нормативами.

В реальности массовым жилищем для рабочих и служащих являются общежития, которые возводятся либо в виде «капитального» жилища: 2-х этажных секционных каменных, деревянных (рубленных из бревен, собранных из бруса и проч.) или суррогатных (камышитовых; с обмазкой глиной по деревянной обрешетке на каркасе; с засыпкой в качестве утеплителя строительным мусором и т. п.) домов; либо в виде так называемого «временного» жилища: бараков, землянок, утепленных палаток и проч.

Капитальных домов (каменных, деревянных) домов возводятся, как правило, единицы. Так, в Магнитогорске, удается построить капитальные домостроения не для 95%, а только лишь для 15–20% населения. Остальные жители вынуждены обитать во временном жилище. Так, по свидетельству американца Джона Скотта[62], в 1938 г. в Магнитогорске капитального жилища было возведено всего около 17% (по словам Дж. Скотта, эти цифры предоставил ему знакомый советский чиновник):

- коттеджный поселок «Березка» (роскошные виллы высокого заводского, партийного и энкавэдэшного начальства) и Центральная гостиница — 2%;
- 3–5-этажные дома (50 шт.) с покомнатно-посемейными коммуналками (по 3–4 человека в комнате с водопроводом, отоплением и электроплитами) — 15%;
- самострой (собственные дома — «нахаловки») — 8%;
- «временное жилье» (бараки и др.) — 50%;
- землянки —25%.

Эти частные свидетельства подтверждаются официальными данными, представленными в докладной записке Магнитогорского горкома ВКП(б) Центральному Комитету ВКП(б) и Челябинскому обкому ВКП(б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске» (1938) [24, с. 229]. Согласно сведениям, приведенным в ней, жилой фонд Магнитогорска (общей площадью — 577,6 тыс. м^2) через 8 лет после начала строительства (на 1 января 1938 г.) имел следующую структуру и объемы площадей: а) капитальные дома — 189,2 тыс. м^2; б) бараки — 271,1 тыс. м^2; в) индивидуальные дома — 16,3 тыс. м^2; г) землянки — 101,0 тыс. м^2.

То есть:

- индивидуальные дома — 2,8%,
- капитальные дома — 32,8%,
- «временное жилище» — 64,4% (бараки — 46,9%, землянки —17,5%).

Основной причиной незначительных объемов строительства капитальных зданий, была политика власти, отдававшей в условиях мобилизационной экономики однозначный приоритет промышленному строительству. Именно эта политика предопределяла минимальный характер инвестиций в жилищное и культурно-бытовое строительство. Показательны цифры Магнитостроя, где гражданские затраты составляли от 1,8% в 1930 г. до максимума — 15% в 1935 г. от общих размеров капиталовложений в строительство Магнитогорского металлургического комбината. При этом скачок к 14–15% в 1934–1936 гг. был достаточно резок. В основном вложения колебались в пределах 5–7%. Так, в 1931 г. инвестиции составили 4,5%, в 1932 г. — 5,3%, в 1933 г. — 8,9%, а после 1936 гг. произошло обвальное падение вложений вплоть до 1,1% в 1940 г.[63]

При этом из ассигнованных на гражданское строительство минимальных средств основная доля направлялась с точки зрения сиюминутной выгоды на временное, упрощенное и потому дешевое строительство. На Магнитострое, например, на временное строительство было направлено в 1929 г. 58,4%; в 1930 г. — 42,3%; в 1931 г. — 30,1%.

Результаты такой «сиюминутной» ориентации в градостроительной политике были весьма долгосрочными. Так, в Магнитогорске даже к 1959 г. временные сборно-щитовые и каркасно-засыпные постройки, в т. ч. бараки, в право- и левобережной частях города составляли 262 тыс. кв. м или 14,7% всего жилого фонда.

Реалии «временного» строительства, представшие «во всей красе» к 1933–1934 гг. заставляли проектировщиков предусматривать в генпланах для «барачных городов» особые участки, не ориентируясь более на абстрактный идеал «социалистического города». В генплане Орска 1934 г. (Горстройпроект, М. Стам, Х. Шмидт и др.), например, отмечалась необходимость считаться с тем, что временные поселки Орсклокомотивстроя, за исключением летних бараков, будут амортизироваться в течение 15–20 лет, и в первое время с неизбежностью станут частью соцгорода. Поэтому проект предусматривает включение их в планировку города. Очередной проект соцгорода Орска, как и генплан левобережного Магнитогорска (Стандартгорпроект, 1933, Э. Май и др.) предусматривали сохранение раскинувшегося прямо под стенами комбинатов, огромного, на много километров, массива «временной» застройки. Прекрасно понимая существующее положение с обеспечением жильем, проектировщики генплана Нового Орска (1934) прагматично предполагали, что «в качестве жилых помещений казарменного типа можно будет использовать выстроенные на 60% жилые корпуса (без перегородок, лестничных клеток, санитарных узлов) в кварталах строительства первой очереди. Таким образом, при норме в 3,5 м может быть создан жилой фонд для 15 500 человек». «Перевоспитание» архитекторов шло весьма успешно, за три года между конкурсными проектами и конкретными планировочными разработками пролегла пропасть жизненных реалий и государственной жилищной политики.

На проектирование и строительство капитального жилья в соцгородах-новостройках серьезное влияние оказывал даже не столько недостаток материалов для строительства, сколько требование свыше об «исключительно экономном расходовании дефицитных строительных материалов». Так, в соцгороде Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) проектировщики предполагали осуществлять строительство жилых домов и объектов соцкультбыта с использованием железобетонной каркасной системы, и в 1930 г. сборные железобетонные конструкции уже начали применяться, но Постановление Президиума ВСНХ СССР в ноябре 1930 г. категорически воспретило «*в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов*» применять профильное железо в жилых, культурно-бытовых и обслуживающих зданиях, а также проектировать и строить здания с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями. В декабре этого же года последовало соответствующее указание ВАТО (Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР) заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом[64].

В отношении соцгорода ЧТЗ эти указания вылились в требование возводить жилье исключительно из местных материалов и если и строить двухэтажные дома, то облегченной конструкции, с печным отоплением и наружным водопроводом (колонками), а также отменить запланированную в 1931 г. постройку некоторых объектов соцкультбыта (универмага, гостиницы, диспансера, общежития)[65]. В том же году Совнарком РСФСР рекомендует жилищное строительство облегченного типа осуществлять и в других соцгородах, например, в Магнитогорске. Правда, в отличие от соцгорода ЧТЗ, щитовые двухэтажные дома здесь рекомендуется возводить с водопроводом и канализацией[66], но это не более, чем рекомендации, реальность от них сильно отличалась.

Требование осуществлять строительство из местных материалов (например, необожженной глины) приводит к постановке перед проектировщиками Магнитогорска задачи застраивать внешние кварталы города глиняными или глиняно-деревянными домами, как следствие применения этого стройматериала, — высотой всего в два этажа[67].

Основные объемы жилищного и культурно-бытового строительства в соцгородах осуществляют наркоматы, потому что именно через них государство осуществляет финансирование и выделение материальных ресурсов. Так, например, согласно статистическим данным по Челябинской области за 1930-е гг., основным застройщиком соцгородов является Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП)[68], что соответствует его роли главного исполнителя планов индустриализации. Как следствие, в любом строящемся советском моногороде основная часть жилищного фонда находится в руках градообразующего предприятия — в Магнитогорске в 1930-е гг. ММК владел 63,5% жилплощади, а еще 18% обладали другие заводы (итого, 81,5%).

Руководство наркоматов, самостоятельно осуществляя строительную политику в соцгородах, само определяет, сколько возводить капитальных, а сколько временных сооружений. И строительство отдельных капитальных каменных зданий ведет, скорее, в угоду официальной идеологии с целью создания «наглядных примеров» «образцово-показательного» социалистического строительства.

Капитальное строительство выполняет также поощрительную функцию — «здесь живут передовики производства, получившие это право в награду за свой самоотверженный труд»: «*...Мы работали на домне. Здесь у нас сразу не заладилось. На комсомольском каупере работали комсомольцы. Они вступили с нами в соревнование, а мы об этом даже и не знали, пока они нам не поднесли сюрприз: проиграл, мол, ты... Началась травля нашей бригады, сделали вызов. Назавтра слет ударников и нас крыли во всю, прямо позором нас заклеймили на митинге. Обещали какую-то телегу сделать и нас на этой телеге тянуть на буксире. Я обратился за помощью к "Рабочей газете". Она нам помогла, и мы на 5 и 6 каупере задание перевыполнили на 370 проц. Нас премировали жильем. Из барака переселили в каменный дом, дали по комнате*»[69].

Капитальное строительство также осуществляется и для обеспечения существования такой важной для строительства промышленного предприятия части населения соцгорода, как технические специалисты среднего звена и руководители не самого высокого ранга. Рубленные деревянные или кирпичные дома для инженерно-технических работников и части иностранных специалистов с отдельными квартирами для индивидуального и покомнатно-посемейного заселения и высоким, с точки зрения остальной застройки, уровнем комфорта — обязательный элемент капитальных кварталов соцгородов 1920-х — 1930-х гг. Предоставляя этой части населения жилище подобного типа, руководство закрепляет за предприятием наиболее важных для него работников и предоставляет крупным административным и партийным функционерам возможность существовать в относительно комфортных условиях.

Подобные домостроения, как правило, формируют отдельную пространственную зону, как, например, так называемые «дома ИНОРСа» в Магнитогорске или квартал домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ. Квартал первых домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ (начало 1930-х гг.), выстроенный по типовым столичным проектам, имел восемь четырехэтажных кирпичных домов с трехкомнатными (около 63–77 кв. м) и четырехкомнатными (около 87 кв. м) квартирами, где были предусмотрены просторные прихожие, большие кухни (7–8,5 кв. м), отдельные санузел и ванна. На Уралмаше к ноябрю 1930 года было возведено несколько 4-х этажных кирпичных домов на улице Ильича. Новоселов особенно радовало редкое по тем временам центральное отопление и уж совсем большая редкость — ванны. В начале 1930-х годов улица Ильича считалась самой привилегированной — здесь жили руководители завода, районные власти, инженеры, иностранные специалисты (в основном из Германии).

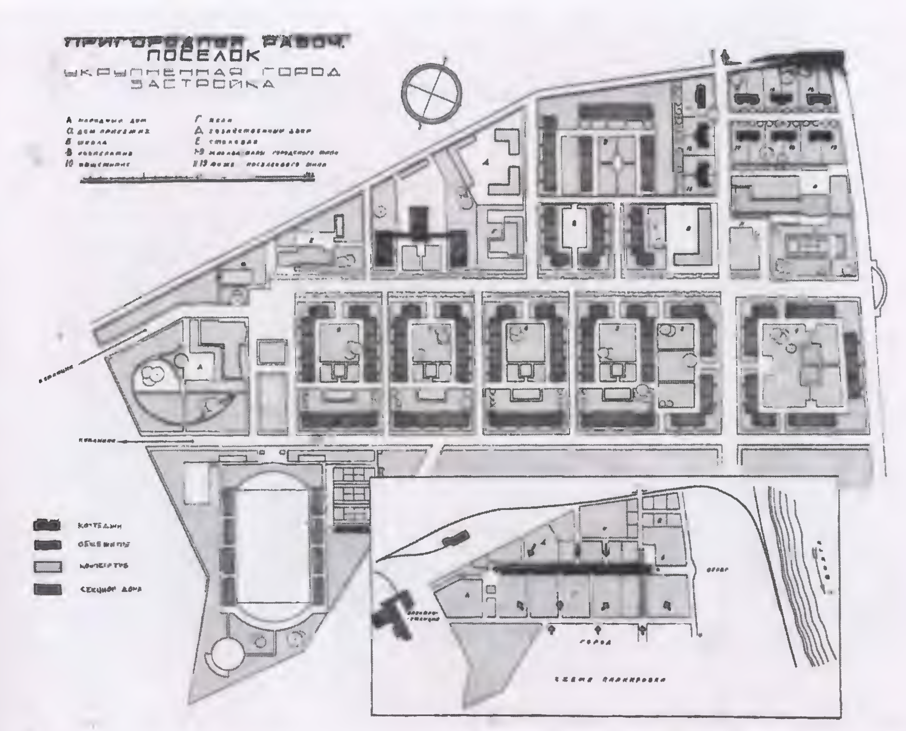
В те времена кирпичную кладку стен умели вести только в летнее время и, как следствие, на строительство дома уходило около двух лет. Но с проблемой справились «по-новаторски» очень быстро — решили строить так называемые «каркасно-засыпные» дома. Каркас таких двух- и трехэтажных домов делался из толстого бруса, а стены — из двойных деревянных щитов, между которыми насыпались опилки и известь (чтобы опилки не гнили). Отопление было печным. В результате применения этой «технологии» очень быстро «каркасно-засыпными» домами застроили целые кварталы — часть улицы Молотова (40-летия Октября), всю улицу Индустрии, Стахановскую. Некоторые из таких домов

имели даже настоящие русские печки. Их владельцам завидовали жильцы соседних домов.

Любой соцгород имел подобные кварталы, а также «статусное» структурирование жилья и территории, потому что государство в лице соответствующего наркомата и управления промышленным строительством, являющегося, фактически, главным застройщиком, собственником и распределителем жилища в соцгороде, осуществляя политику кнута и пряника, сознательно использовало жилище не только как средство прикрепления рабочей силы к месту труда, но и как знак социального статуса его обладателя[70].

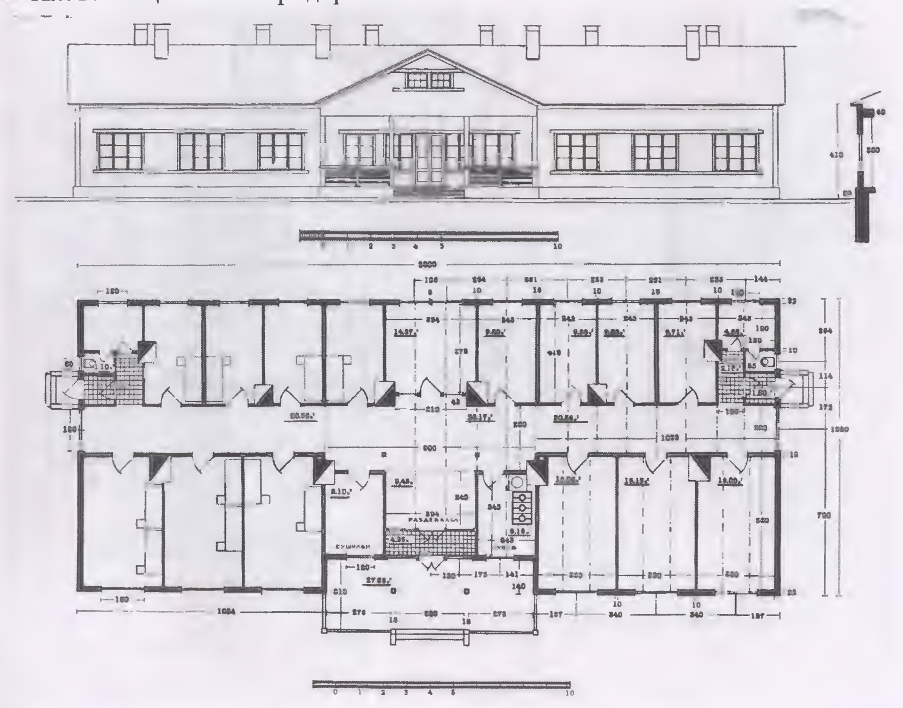
Капитальное строительство в соцгородах было исключением. Оно несло в значительно большей степени поощрительно-пропагандистский смысл, нежели преследовало цели наделения основной массы населения комфортным жилищем. Государство с помощью своих карательных органов зорко следило за тем, чтобы руководство строек максимально сокращало «непроизводственные» затраты — направляло деньги, материальные и человеческие ресурсы на возведение производственных объектов, а не на строительство капитальных комфортных жилищ. А если кто-то из «красных директоров» неверно понимал установки партии, то его решительно «поправляли». Показательно письмо главы НКВД Менжинского Р. Сталину И. от 14 февраля 1931 г., в котором он высказывает свою обеспокоенность чрезмерным жилищным строительством, опережающим строительство стратегического тракторно-танкового завода: «Строительство Челябтракторостроя находится сейчас в следующем состоянии: ведется широкое жилищное строительство совершенно неувязанное со сроками вступления завода в эксплуатацию, в то время как для строительства промышленных цехов произведены только подготовительные работы и ни один цех в течение года готов не будет…» [34, с. 261]. Прямым следствием обнаружения сотрудниками НКВД «враждебных происков» по строительству жилья, становятся аресты и расстрелы: «Кроме произведенных арестов из аппарата Управления строительством вычищено 40 чел. и приняты меры к удалению со строительства остального негодного элемента»[71]. А косвенным следствием — ряд указаний ВСНХ СССР и ВАТО по сокращению «гражданских» затрат в 1931 г.

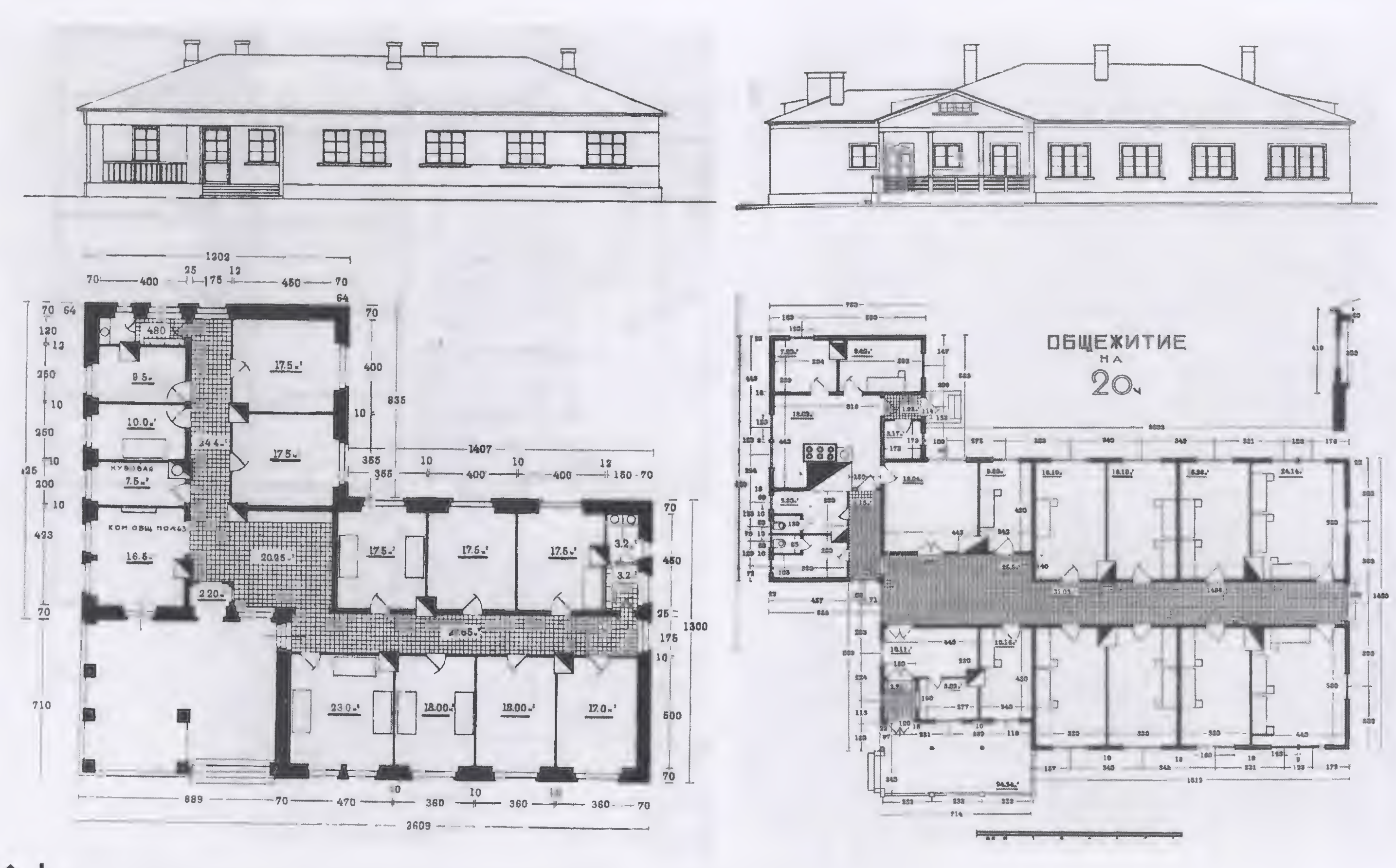
Результат подобной «политики экономии» тут же сказывается на качестве строительства — по свидетельству Дж. Скотта даже в капитальном квартале № 1 соцгорода Магнитогорска «Отсутст-



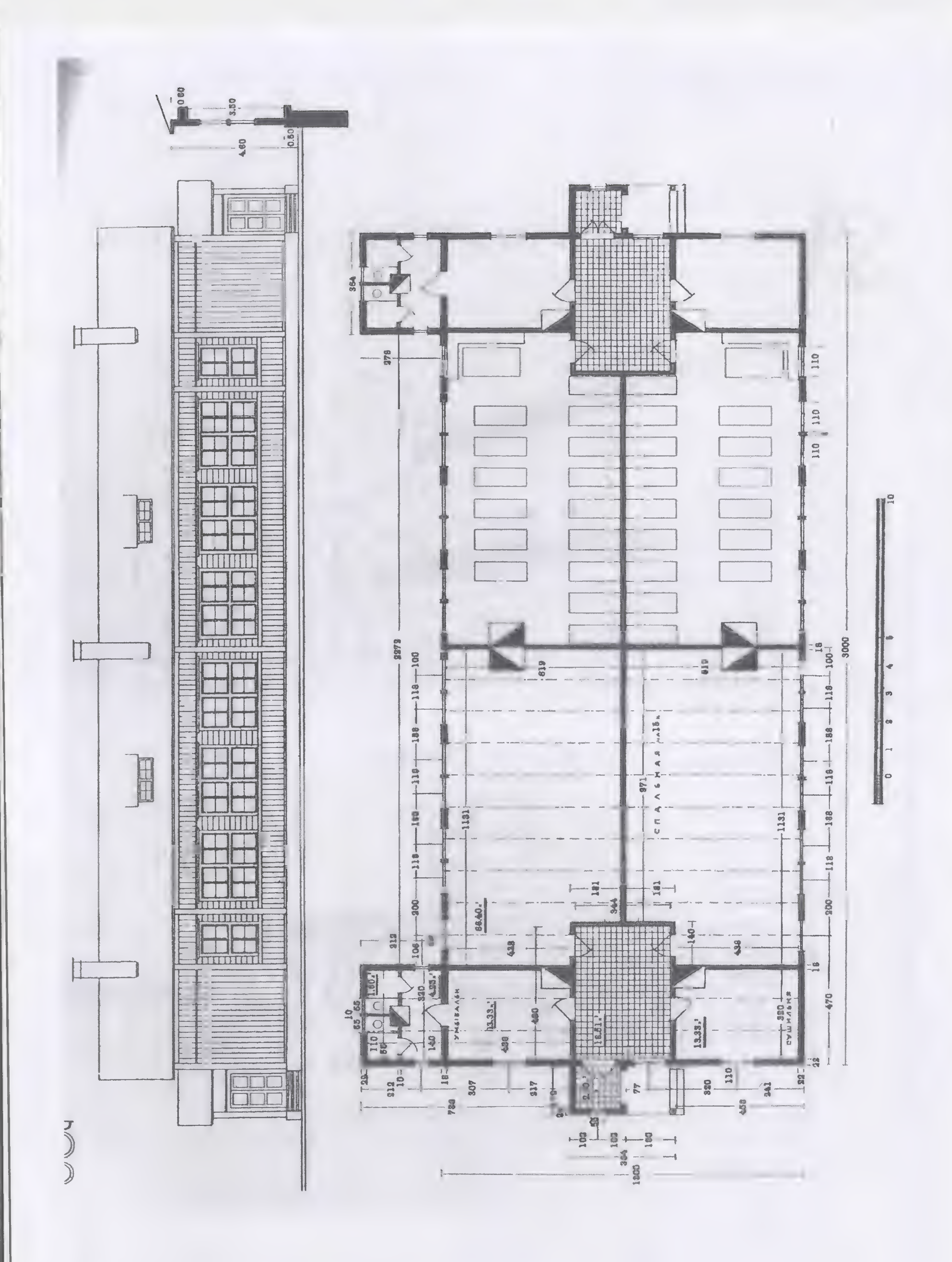
↑ *Ил. 1.* Пример планировки поселка на население в 3 200 чел

↓ *Ил. 2.* Общежитие коридорного типа.





↑↓ *Ил. 3–6.* Общежития в виде каменных и деревянных домов коридорного типа.

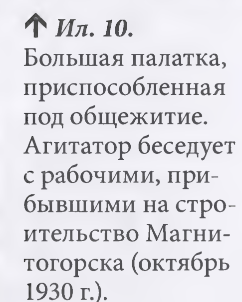


ДЕРЕВЯННЫЙ БАРАК НА 50ч СО СТОЛОВОЙ

ПРОЕКТ 9

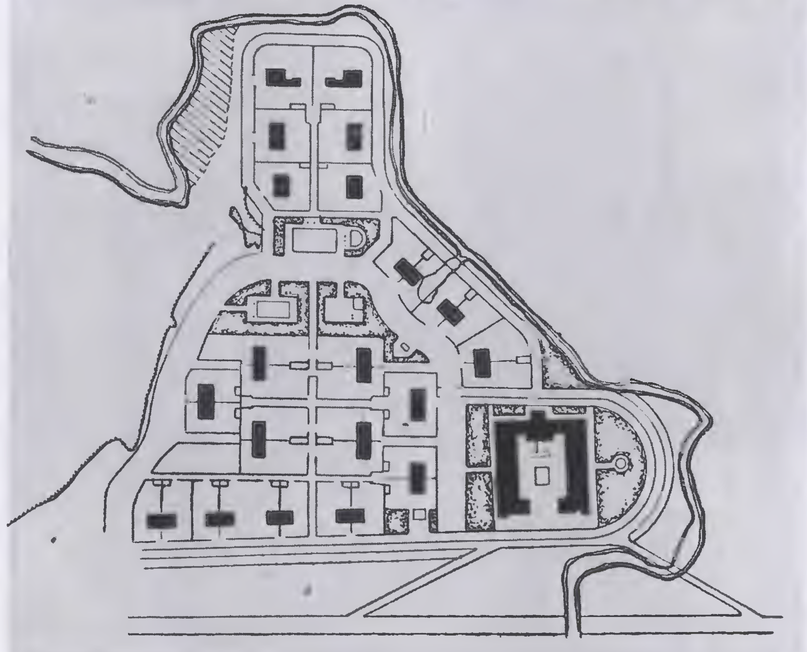
ДЕРЕВ. БАРАК НА 60ч

↑ → *Ил. 7, 8, 9.* Общежития в виде казарм и бараков.

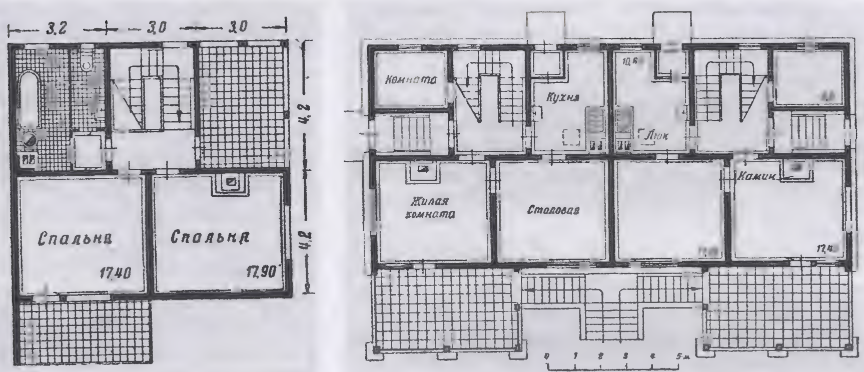


↑ *Ил. 10.*
Большая палатка, приспособленная под общежитие. Агитатор беседует с рабочими, прибывшими на строительство Магнитогорска (октябрь 1930 г.).

← ↑ *Ил. 11, 12, 13.*
Советская жилищная политика законодательно исключала возможность проживать в своем доме на своей земле. В этих условиях совершенно необъяснимо появление в соцгородах-новостройках отдельностоящих коттеджей с земельными участками для одной семьи. Предназначались они для заселения семьями высшего советского начальства и иностранными специалистами. Так, например, в Магнитогорске в коттеджах проживало высшее руководство города и комбината, а также самые высокопоставленные из числа работавших по контракту высококвалифицированных иностранных рабочих и инженеров. Этот поселок именовался сначала «Американка», а потом был переименован в «Березки».



↑ *Ил. 14, 15.* Строительство для высшего руководства элитных обособленных групп отдельностоящих домов (с участками земли) есть в каждом соцгороде, на каждой крупной стройке пятилетки — на Кузнецкстрое (г. Новокузнецк) существует такой обособленный поселок под названием «Верхняя колония».

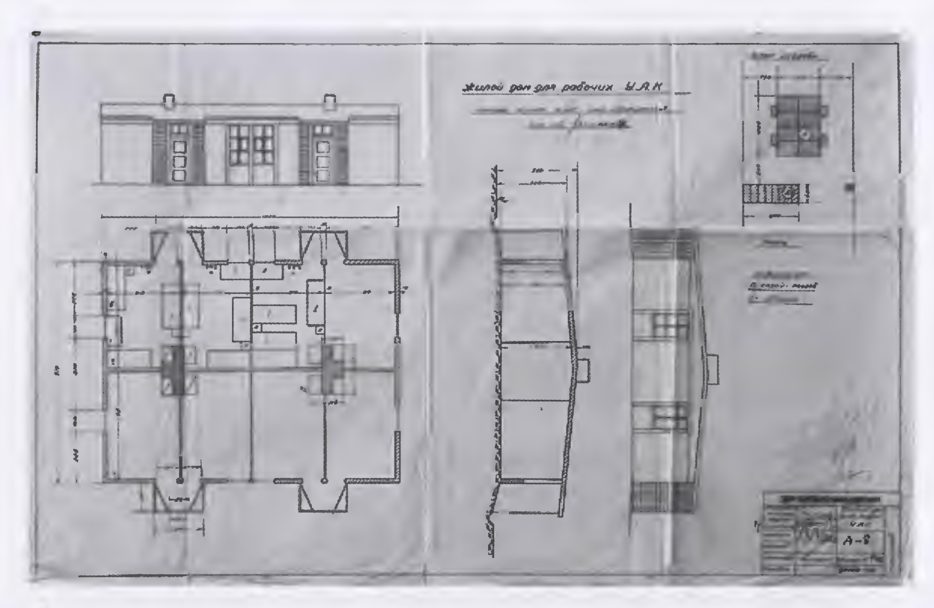


↑ *Ил. 16, 17.* Обособленный поселок для высшего руководства в соцгороде Чирчикстрое.

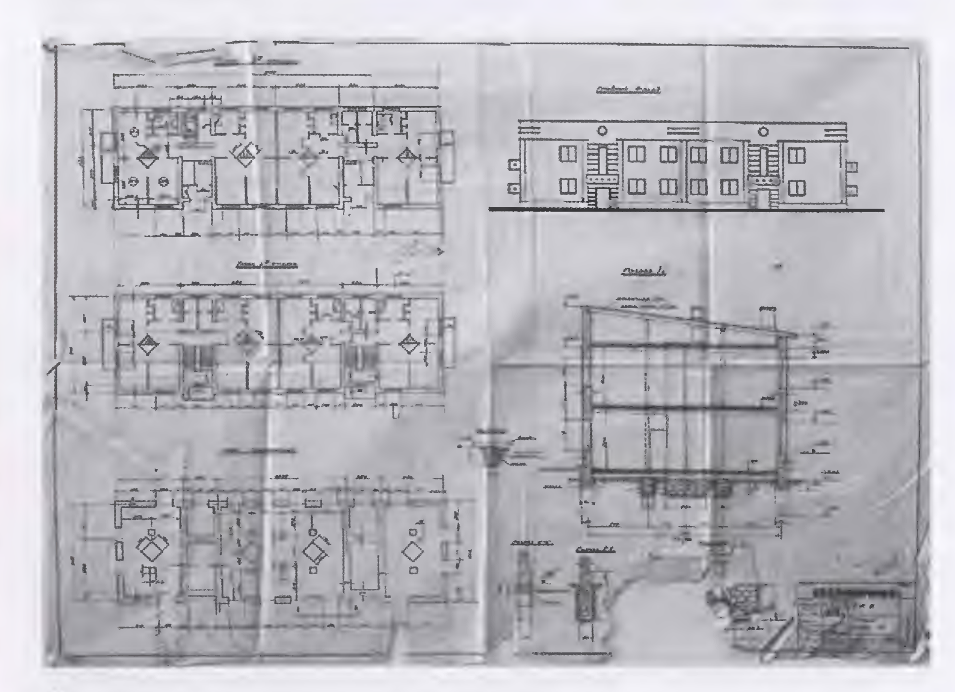
↑ ***Ил. 18, 19.*** Планировка жилья для технических специалистов и руководителей среднего звена в виде деревянных 2-х этажных жилых зданий или каменных 3–4-х этажных секционных жилых домов, как правило, превращаемых в коммуналки в результате покомнатно-посемейного заселения.

↑ ***Ил. 20.*** И в рекомендуемых проектах рабочих поселков, и в реальной застройке соцгородов и отдельностоящие коттеджи или попарно блокированные дома для партийно-советского руководства, и многоквартирные дома для иностранных специалистов, как правило, группируются в отдельные компактные зоны.

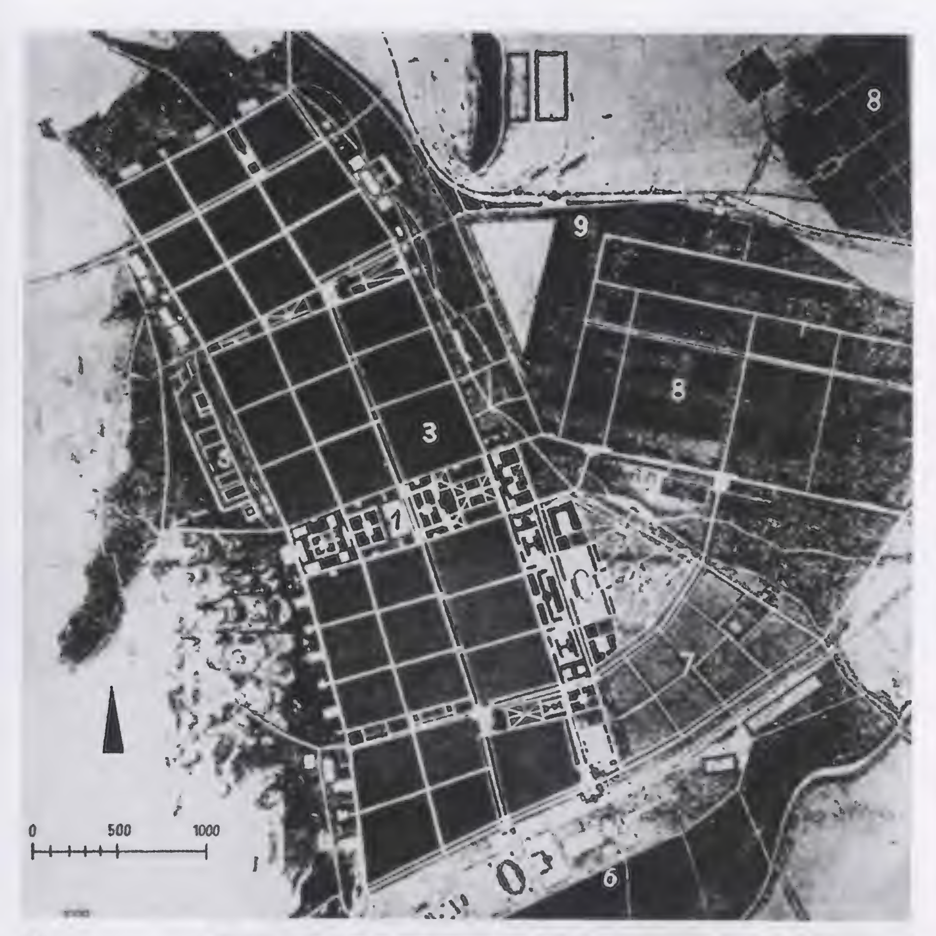
→ ***Ил. 21.*** В 1935 г. в юго-восточной части соцпоселка Каменск при Уральском алюминиевом заводе обособленной группой возводятся несколько коттеджей для руководства завода. Коттеджи деревянные, облицованы досками, карнизы украшены стилизованными деревянными фризами. Коттеджи обладают полным комплектом благоустройства, что на фоне остальной застройки является большой роскошью.



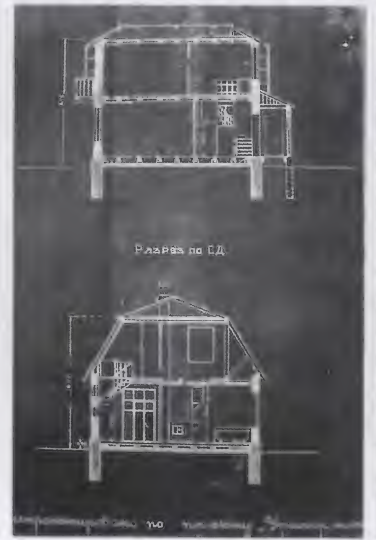
↑ *Ил. 22.* Каркасно-камышитовый дом серии А-8, секционный, с печным отоплением, без кухни и санузла, предназначенный для покомнатно-посемейного заселения.



↑ *Ил. 23.* Брусково-каркасные и каменные восьмиквартирные секционные дома с печным отоплением, без какого бы то ни было инженерного оборудования.



↑ *Ил. 24.* Генплан Орска с изображением группы блокированных индивидуальных коттеджей (*справа*), обозначенной как «район односемейных домов».



↑ Рабочие едут на строительство Магнитогорска (февраль 1930 г.).

↑ Рабочие, прибывшие на строительство Магнитогорска, выходят из поезда (февраль 1930 г.).

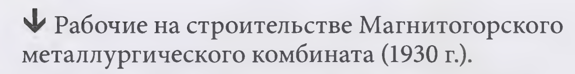
Комсомольцы, приехавшие на строительство Магнито-горского металлургического комбината (август 1929 г.).

↑ Строители Магнитогорска в палатке. В 1929 году большая часть из 6 700 рабочих Магнитогорска мест в бараках не имела, и они вынуждены были жить либо в палатках, либо в самостоятельно возведенных жилищах.

↖ ← Земляные работы на строительстве Магнитогорского металлургического комбината; на снимке слева вверху — подготовка к строительству мартеновской печи № 1 (1929 г.).

↑ Строители Магнитогорского комбината работают на рытье котлована для доменной печи (1930 г.).

↑ Один из первых экскаваторов «Бьюсайрус 41-В» на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (март 1930 г.).



↓ Рабочие на строительстве Магнитогорского металлургического комбината (1930 г.).

↑ Здание заводоуправления Магнитогорского металлургического комбината (1931 г.).

↓ На строительстве Магнитогорского металлургического комбината (1930 г.).

↑ Общий вид строящейся домны Магнитогорского металлургического завода (1933 г.).

↑ ← ***Ил. 25, 26.*** В течение 1929 г. для размещения 6700 строителей Магнитогорска было возведено 52 барака (37 зимнего типа и 15 летнего типа).

↑ ***Ил. 28.*** Барачные городки соцгородов-новостроек состояли из нескольких участков, фактически, «кварталов», имевших свои номера. Они и возводились на месте запроектированных кварталов капитальной (каменной, деревянной) застройки.

↑ ***Ил. 29.*** Барачные поселки Магнитогорска делились на крупные участки, имевшие номера с 1 по 14.

← ***Ил. 27.*** Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание. Вход в барак осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась.

↑ ***Ил. 30, 31.*** Бараки были основным массовым типом жилья в соцгородах.

↓ Бараки на первой улице нового города Комсомольска-на-Амуре (1934 г.).

↑ ***Ил. 32, 33.*** Балаганы и шатры мастерились из подручного материала как временные (летние) прибежища практически на всех стройках.

↑ ***Ил. 34, 35.*** Землянка представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам — толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и росла летом трава. Землянки были неотъемлемым атрибутом всех соцгородов-новостроек.

↑ ***Ил. 36, 37.*** Бараки, как общежития для холостых и семейных, строились без кухонь. Питались рабочие «в специально оборудованных столовых, которые устраивались в таких же бараках. При входе в барак проверялись карточки, и каждому выдавалась деревянная ложка. Рабочие питались за длинными деревянными столами; за спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди.

↑ ***Ил. 38.*** Временные жилища строителей Магнитогорска (март 1930 г.). Палатки обычно упоминаются лишь как кратковременные жилища, но в действительности палаточный лагерь у горы Магнитной существовал не только в 1929 г. и не только в летние месяцы, но и в последующие годы.

← Палатка, в которой жили первые работники совхоза «Гигант» (Ставропольский край, сентябрь 1928 г.).

← ↙ *Ил. 39, 40.* Засыпные бараки. Отличаются тем, что между деревянной дощатой стеной и засыпкой слоем земли толщиной примерно в 40–50 см прокладывался толь, предотвращающий деревянные стены от гниения.

↓ Землянка шахтеров Шевченковского рудника (Донбасс, 1927 г.).

вие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия… качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины»[72].

Государство не собирается формировать комфортную капитальную среду обитания — все средства и все материальные ресурсы оно вкладывает в военно-промышленный комплекс (т. е. тяжелую промышленность). Причем, для него нет особого различия в «типах» трудовых ресурсов — и «свободных» (вольнонаемных), и «репрессированных» (заключенных) одинаково нужно принуждать к труду. И тем, и другим нужно платить хотя бы самый минимум денег и выдавать хотя бы предельный минимум продуктов, чтобы не умерли с голоду. Так, спецпоселенцы, работающие на Магнитострое в 1934 г., получают среднюю зарплату 4,40 руб., в то время как по данным Дж. Скотта, средняя зарплата вольнонаемного строительного рабочего в 1935 г. составляет 5,50 руб. Условия труда и быта и тех, и других отличаются незначительно: «свободные» рабочие содержатся, фактически, в таких же жилищных условиях, что и «вредители»-спецпоселенцы — в землянках, общих бараках, бараках комнатного типа[73]. И «жилплощади» на одного спецпоселенца (а их насчитывается 24 тыс. чел.) приходится примерно столько же, сколько и на «вольняшек», — 1,88 кв. м.[74]

Для государства, собственно, нет разницы между «свободным» и принудительным трудом — «рабсила» должна обеспечивать индустриальный рывок, и в этом ее единственное предназначение. И именно этим определяется катастрофическая ситуация с обеспеченностью жилищем, для исправления которой не прилагается почти никаких усилий. А бедственное положения с жильем прикрывается целенаправленной пропагандистской шумихой и подлинно жертвенным энтузиазмом некоторой части первостроителей, превосходящим порой человеческое воображение. Бригадир каменщиков Кузнецкого Металлургического комбината им. И. В. Сталина В. Я. Щидек, вспоминает: «*Когда мы кончали первую батарею в подарок XVI партийной конференции, то я в течение 4 дней не уходил с печи, домой не являлся. Подушкой для отдыха мне служила рельса, а чтобы было помягче, подкладывал брезентовые рукавицы. Как раз перед этим у меня заболела жена, и я ее отправил в Томск, а дома остались двое ребят, одному 3 года, другому 7 лет. И вот на второй день после моего ухода младший сынишка*

заболел и скоропостижно помер. Я под производственным угаром забыл про ребятишек. На пятый день прихожу домой и вижу — младший мой ребенок помер, а старший где-то ходит по площадке и ищет меня. Соседи также ходили и искали, но не нашли. А трупик начал уже пахнуть. Делать нечего, надо хоронить, а после пришлось хорошенько выпить. Пил за победу и пил за горе»[75].

Возводимые объемы жилого фонда прекрасно отражали приоритетную направленность строительства. Дефицит жилья был ужасающе огромен. С ним практически не боролись, направляя все силы на выполнение производственных планов. В Магнитогорске на декабрь 1931 г. размер жилплощади составлял в среднем 2,3 кв. м на одного человека, в 1932 г. — 2,5 кв. м, а к 1938 г. — 3 кв. м.[76] На «Кузнецкстрое» в 1932 году на одного работника приходилось 3,5 кв. м жилья, в Сад-городе ситуация еще хуже — там было только 1,5–2 кв. м на одного человека[77]. В соцгороде ЧТЗ в 1935 г., т. е. через несколько лет после начала строительства, только 40% работников завода имели жилье в постоянном фонде, а средний размер жилплощади составлял 4,6 кв. м на чел.[78] В типологии жилищ, которыми застраиваются соцгорода-новостройки, здания каркасно-барачного типа и землянки вплоть до 1938 г. занимали ведущее место, составляя не меньше 67,2% от общего числа домостроений. Причем все они в это время имели износ от 70 до 100%[79].

Это не единичные примеры, это общая система, одинаково проявляющая себя во всех соцгородах-новостройках.

По способу обживания внутреннего пространства жилой фонд подразделялся на индивидуальный, коммунальный, смешанный:

- индивидуальное жилище (коттеджи — 2%);
- коммунальное жилище — 90% (бараки, землянки и проч. — 75%; квартиры покомнатно-посемейного заселения — 15%);
- самострой — 8%.

«Самострой» относится к «смешанному» виду обитания, потому что возводился он, как правило, отдельными семьями, проживавшими затем в нем «индивидуально» или объединениями родственников и друзей, которые потом обитали в нем также совместно.

Советская жилищная политика противостоит праву людей иметь в частной собственности благоустроенное, капитальное жилище и прилегающий к нему участок земли. Она законодательно исключает возможность проживать в своем доме на своей земле[80]. В этих условиях совершенно необъяснимо появление в соцгородах-новостройках особой категории домостроений — отдельностоящих коттеджей с земельными участками для одной семьи. Предназначаются они для заселения семьями высшего советского начальства и иностранными специалистами. Так, например, в Магнитогорске в коттеджах проживало высшее руководство города и комбината, а также самые высокопоставленные из числа работавших по контракту высококвалифицированных иностранных рабочих и инженеров (из США, Германии, Англии, Италии и Австрии), которых всего на строительстве Магнитки насчитывалось более 777 человек[81]. Этот поселок именовался сначала «Американка» (т. к. предназначался для инженерно-технического состава американской фирмы Мак-Ки, первочально проектировавшей ММК), а потом, после отказа от услуг американского партнера, был переименован — в «Березки» ***(Ил. 11, 12, 13)***.

Подобное строительство для высшего руководства элитных обособленных групп отдельностоящих домов (с участками земли) есть в каждом соцгороде, на каждой крупной стройке пятилетки — на Кузнецкстрое (г. Новокузнецк) существует такой же обособленный поселок под названием «Верхняя колония» ***(Ил. 14, 15)***. Такие же обособленные поселки для высшего руководства возводятся в соцгородах: Чирчикстрой ***(Ил. 16, 17)***, Бобрики (с 1933 г. Сталиногорск), Орск; в соцпоселке Каменск (с 1940 г. Каменск-Уральский) и в др.

Например, в 1935 г. в юго-восточной части соцпоселка Каменск при Уральском алюминиевом заводе, обособленной группой возводятся несколько коттеджей для руководства завода ***(Ил. 21)***. Коттеджи деревянные, облицованы досками, карнизы украшены стилизованными деревянными фризами. Коттеджи обладают полным комплектом благоустройства, что на фоне остальной застройки является большой роскошью. Потому что прочие домостроения представляют собой неблагоустроенные дощато-камышитовые бараки и одно- и двухэтажные каркасно-камышитовые дома серии: А-8, А-18, А-24 (без кухонь и санузлов), предназначенные для покомнатно-посемейного заселения.

Литера «А» обозначала принадлежность домов к Алюминиевому комбинату, который и выступал застройщиком жилья для своих рабочих, а цифра указывала на количество квартир в доме. Каркасно-камышитовые дома серии А-8 были секционными, с печным отоплением ***(Ил. 22)***. Кроме них в соцпоселке возводи-

лись брусково-каркасные и каменные восьмиквартирные секционные дома с печным отоплением, тоже без какого бы то ни было инженерного оборудования[82] ***(Ил. 23)***.

Подобная обособленная группа «небольших деревянных коттеджей по принципу американских… для командного состава промышленности» строятся в Бобриках[83], на генплане Орска аналогичная группа блокированных индивидуальных домов обозначена как «район односемейных домов» ***(Ил. 24)***. Такая же есть и в Свердловске и др.

Эти зоны решались как «поселки-сады», и своей живописностью противостояли рационально распланированному пространству рабочих поселений. Так, коттеджный поселок из 16 домов для административно-технического персонала Бакальского стального завода в Челябинске (1934, Ленгорстройпроект, арх. Д. П. Гаузнер и др.) был запроектирован отдельно от города в сосновом бору, «по дуге, обращенной к реке, дающей живописное оформление внутри сада». В поселке предусматривались волейбольная и баскетбольная площадки и теннисный корт (!)[84]. Поселок «Березки», разделенный на зоны секционных домов и коттеджей, размещен вокруг обширного общественного парка с тенистыми аллеями и цветниками. На участках коттеджей разбиты отдельные сады.

Условия жизни высших советских руководящих работников, проживавших в «Березках» были элитными в полном смысле этого слова. Дом, в котором жил А. П. Завенягин[85] — директор Магнитогорского металлургического комбината (ММК), — даже на фоне других строений поселка выглядел настоящим дворцом: это был трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом — сад.

Советская архитектурная пропаганда все годы своего существования и во всех публикациях, посвященных архитектуре соцгорода Магнитогорска, выдавала это элитное жилище за «массовое жилье для рабочих». Фотографии одноквартирных отдельностоящих домов для семей высшего городского и заводского начальства и иностранных специалистов в поселке «Березки» публиковались во множестве советских книг по истории архитектуры в качестве образцовых примеров малоэтажного индивидуального советского жилья для простых работяг. И даже фундаментальные научные исследования вещали: «*В поселке “Березки” его обитателям — металлургам Магнитки — предоставлены все бытовые удобства: здесь построены детский сад, детские ясли, школа, столовая, “Березки” удобно связаны трамвайным и автобусным сообщением с заводом. Поселок выглядит очень живописно. Несмотря на невысокое качество выполнения некоторых деталей (тяжелая каменная ограда и др.), архитектура и благоустройство поселка в целом вполне отвечают нашему представлению о пригороде нового, молодого промышленного центра и делают его безусловно положительным примером в практике советского малоэтажного строительства*»[86].

Расписывая прелести элитного жилья, предназначенного якобы для трудящихся, а на самом деле для «красных директоров» — генералов советской военно-промышленной индустриализации, архитектурная наука умалчивала о том, что советская жилая архитектура сталинского периода возникала в специфических условиях отсутствия важнейшей составляющей любого архитектурного произведения — того, что обычно называется «социальным заказом» и означает прямую и постоянную ориентацию производителей жизненных благ на интересы потребителей. В СССР распределение основных жизненных ресурсов осуществлялось централизованно из государственных фондов и по утверждаемым нормам. В том числе и распределение жилища. Советское население снабжалось им точно так же, как и продуктами питания, вещами, медицинским обслуживанием, пособиями по старости или заслугам, т. е. обеспечивалось по фиксированным квотам и в соответствии с местом, занимаемым конкретным человеком в служебной, должностной, партийной иерархии.

Этот процесс исключал свободу выбора и вида жилья, и места его расположения, и его «количества», и его «качества», т. е., фактически, исключал свободу «потребления жилища». Жилье в советский период не было «собственностью» в подлинном смысле этого слова. Жители богатых ведомственных домов или коттеджей точно так же, как и обитатели бараков или землянок, не имели права выбора жилища по собственному вкусу (или сообразно своему образу жизни) и не могли влиять на характер появляющейся архитектуры, определяя ее внутреннюю планировку или ее внешний вид. У высокопоставленных слоев населения в сталинском государстве было, безусловно, больше привилегий, чем у низших, но никак не больше гражданских прав. Их заселение в роскошные многокомнатные квартиры или отдельностоящие

дома с гостиными, комнатами для прислуги, кухнями-столовыми, террасами так же, как и для всех остальных, всецело зависело от места в должностной иерархии или от воли начальства. Как, впрочем, и выселение из этих квартир — утративших связь с местом работы (по причине увольнения или ареста) с неизбежностью изгоняли из жилища.

Советская власть, создавая дома-коммуны и коммунальное жилище покомнатного-посемейного заселения, надеется, помимо других задач, возлагавшихся на эти типы жилья, сформировать производственные коллективы, включенность в которые препятствовала бы текучести рабочих кадров. Предполагается, что коллективы членов нового общества будут не только спаяны трудовой дисциплиной, но еще и связаны узами совместного проживания. Здесь трудовые и бытовые процессы должны составлять единый неразделимый комплекс человеческих отношений (подобный отношениям в традиционной крестьянской артели), где все на виду, где личностное поведение и действие корректируется и регулируется коллективом, где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому что все те, кто вместе работают, живут тоже вместе. В них за счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений должна формироваться такая психологическая обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарищеской среде и, наоборот, передовики производства получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению. Эти коллективы должны являться «базовыми элементами» производительных сил нового общества. А коммунальное жилище во всех своих проявлениях — бараки, общежития, рабочие казармы, гостиницы для совслужащих, землянки, палатки, коммунальные квартиры и т. п. — основным типом размещения контингентов строителей, заводских рабочих и трудящихся обслуживающих предприятий. Такова политика власти и даже архитекторы — авторы проектов построек «сталинского классицизма» — фактически, никак не могут влиять на «содержание» жилой архитектуры. Они имеют право только варьировать элементами декора и внешней композицией фасадов зданий в рамках предписываемых на тот момент стилевых ограничений. Выбор не только типологии жилья и его стилистики, но и фундаментального содержания архитектуры —

планировочной структуры квартир и домов, состава помещений, количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку, градостроительные принципы формирования селитьбы, состав объектов обслуживания, уровень благоустройства и технического оборудования, лежат вне их компетенции. Все эти вопросы решаются центральными инстанциями и внедряются через нормативные предписания, а распространяются благодаря образцам, популяризируемым через архитектурную печать.

Жилище в руках советской власти, на протяжении всего периода ее существования, являлось главным средством регулирования поведения людей. Предоставление жилища, перераспределение жилища, изъятие жилища, силовое вселение в жилище и принудительное выселение из жилища — все это средства властного воздействия на человеческие массы, причем очень эффективного воздействия, так как жилище является одной из основополагающих потребностей человека, особенно в суровых климатических условиях России.

Советская власть постоянно направляла свои усилия на то, чтобы связать воедино человека, место его работы и жилище; исключить тем самым неконтролируемые перемещения и текучесть, обеспечить единство коллективистских отношений в труду и в быту. Опыт первой пятилетки показал, что добровольные и «добровольно-вынужденные» миграции (в отличие от «добровольно-принудительных», «принудительных» и «репрессивных»), не гарантируют удержания людей на тех местах, куда они были перемещены. Задача быстрого формирования трудовых контингентов строителей и эксплуатационщиков новостроек первой пятилетки, требовала специальных мероприятий по удержанию их на местах размещения. Потому что используя те малые крохи свободы, которые у людей еще оставались, они стремились всеми силами выскользнуть из-под тотального контроля над собой со стороны власти и по возможности уехать оттуда, где отсутствовали элементарные условия для нормальной жизни.

В начале 1930-х гг. руководство страной на государственном уровне создает средство, призванное бороться одновременно и с межгородскими перемещениями, и с текучестью кадров внутри города (т. е. с одного места работы на другое), — она вводит прописку. Связав воедино место работы и удостоверение личности (паспорт), и введя приписку к месту проживания, власть формирует мощное средство выдавливания избытка населения сущест-

вующих городов на стройки пятилетки и удержания трудовых ресурсов в городах-новостройках. В результате введения «прописки паспортов», население привязывается к селитьбе при производстве, причем в количестве, исключающем избыток (либо недостаток) рабочей силы и, следовательно, исключающем конкуренцию, безработицу или недоукомплектованность рабочих мест. В постановлении ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» эта цель выражена прямым текстом: «В целях… разгрузки… населенных мест от лиц, не связанных с производством и… не занятых общественно-полезным трудом…»[87] Позднее (с 1939 г.), население еще плотнее прикрепляется к месту работы, причем в форме, обеспечивающей не только учет количества рабочих и служащих, но и характер их отношения к трудовой деятельности — причины увольнения, переводы по службе, должностной рост, поощрения и награждения, связанные с работой на том или ином предприятии и проч. — власть вводит трудовые книжки[88].

Трудовая книжка к началу 1930-х гг. превращается для городского жителя в основной документ, обеспечивающий его социализацию — без нее нельзя работать, нельзя учиться, нельзя перейти с одного места работы на другое, нельзя прописаться.

Основным типом жилья в соцгородах — первенцах первой пятилетки — являются бараки. Этот тип массового жилища для рабочих стыдливо замолчан советской архитектурной наукой, не описан, не изучен, исключен из официальной системы архитектурных и градостроительных знаний и из типологии массового жилища 1920–1930-х гг.

Хотя, вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с этим типом домостроений. Так, в течение 1929 г. для размещения 6700 строителей Магнитогорска[89] было возведено 52 барака (37 зимнего типа и 15 — летнего)[90] ***(Ил. 25, 26)***. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание ***(Ил. 27)***. Вход в барак осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась.

Барачные городки соцгородов-новостроек состояли из нескольких участков, фактически, «кварталов», имевших свои номера (***Ил. 28***). Они и возводились на месте запроектированных кварталов капитальной (каменной, деревянной) застройки. Так, житель Л. Николаев вспоминал, что барачные поселки Магнитогорска делились на крупные участки, имевшие номера с 1 по 14. ***(Ил. 29)***. Первый участок был «элитным». Он располагался югозападнее городского парка Металлургов, стадиона и проспекта Пушкина и простирался до клуба Железнодорожного транспорта. Элитным он считался потому, что в нем размещались городские магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит», открывшийся в августе 1932 года. К югу от 1-го участка находился 13-й, а за ним 11-й участки. Самым крупным участком был пятый, который расположился севернее будущего проспекта Пушкина[91].

Бараки были основным типом жилья в соцгородах. Подлинно массовым типом. Так, например, в Нижний Тагиле на 1 мая 1933 г. из возведенных 51268 кв. м жилплощади 44294 (86%) — это бараки.

«Бараки, как правило, устанавливались параллельно на расстоянии 30–50 метров друг от друга. В пространстве между бараками часто устанавливались вспомогательные деревянные строения, которые назывались "будками". В них жители хранили дрова и уголь, позднее разводили птицу и даже коров… Барак имел чердачное пространство. Учитывая, что на строительство металлургического завода в основном приезжали мужчины, в бараках для них устраивались большие комнаты по 15–20 человек в каждой». Бараки заселялись отдельно, по половому признаку — либо неженатыми мужчинами, либо незамужними женщинами.

Бараки были одним из наилучших видов жилья в соцгородах. Те, кто не попадал в число счастливцев — включенных в число очередников на получение места в бараке-общежитии, вынуждены были решать свои жилищные проблемы самостоятельно»[92] ***(Ил. 30, 31).***

Так, в 1929 г. большая часть из 6700 рабочих Магнитогорска, мест в бараках не имела и они вынуждены были жить либо в палатках, либо в самостоятельно возведенных жилищах. Через год, осенью 1930 г., в Магнитогорске насчитывалось уже 19 тысяч рабочих[93], но ситуация с обеспеченностью жилищем никак не улучшилась, а лишь обострилась. Не слишком изменилась она и в последующие годы — люди, лишенные какого бы то ни было жилья, были вынуждены самостоятельно мастерить балаганы, шатры[94], полуземлянки, землянки.

Балаганы и шатры мастерились из подручного материала как временные (летние) прибежища практически на всех стройках ***(Ил. 32, 33).***

«Полуземлянки» возводились, как правило, в местах, бедных лесом. Полуземлянка имела две части: нижнюю часть (которая снаружи присыпалась грунтом и тем самым, оказываясь под землей, лучше сохраняла тепло) и верхнюю. И верхняя, и нижняя делались из щитов, которые плелись из прибрежного ивняка какой-нибудь близлежащей реки. Эти щиты устанавливались на деревянных каркасах, а пространство между ними забивалось глиной (ее добывали и зимой из-под полутора-, двух-, двух с половиной метрового слоя промерзшего грунта). Если леса было мало, то его очень экономили и шел он лишь на изготовление каркаса и пологих крыш. Поверху на крыши укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн[95].

«Магнитогорец Н. Яловой вспоминает, что в 1935 году его отец построил землянку № 57 в поселке 8-го Марта, который среди жителей назывался Малый Шанхай. Эта землянка, как и все другие, представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам — толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и росла летом трава»[96]. Землянки были неотъемлемой спутницей всех соцгородов-новостроек. Так, по свидетельству Алексеева, в период 1930–1931 гг. очень много их было и на строительстве соцгорода Бобрики. Последние из них, как зафиксировала газета «Сталиногорский пролетарий», были снесены лишь в июне 1934 г.[97] ***(Ил. 34, 35)***.

Поселок Малый Шанхай был расположен между 5-м участком и Ежовкой в небольшой низине, по которой протекал желтый от глины ручей, где купались дети. …С запада от доменного поселка вдоль трамвайной линии и шоссейной дороги расположились бараки исправительно-трудовой колонии и землянки рабочих деревообрабатывающего комбината, которые, возможно, и организовывали участок № 1. …За ним в северном направлении находились землянки Тукового поселка»[98].

Труженики Магнитки и других соцгородов, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде и активность в советско-партийной общественной деятельности, имели шанс получить отдельное изолированное помещение в семейных бараках аналогичной конструкции, что и для холостых рабочих. Эти комнаты были площадью по 12–15 кв. м. В каждом бараке было 30–36 таких комнат. «При наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (палата) для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто жители в комнатах под полом устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого, как и сегодня, на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались незапертыми и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми.

В каждом бараке, в одной из комнат площадью до 30 кв. м, размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стулья, на стенах висели портреты Сталина и пролетарских вождей, а также награды коллектива барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. Многие дети выполняли свои домашние задания в этом помещении. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, хотя барачным коллективом выбирался и "старший" бараком»[99].

Бараки как общежития для холостых и семейных строились без кухонь. Питались рабочие «в специально оборудованных столовых, которые устраивались в таких же бараках ***(Ил. 36, 37)***. При входе в барак проверялись карточки, и каждому выдавалась деревянная ложка. Рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди»[100]. Туалеты в бараках отсутствовали: «туалеты с выгребными ямами размещались в дощатых побеленных строениях вне бараков, рядом с ящиками для мусора и отходов»[101].

Дома-коммуны мало чем отличались от бараков. И те, и другие были коридорной планировочной схемы. Различие заключалось лишь в степени капитальности и этажности — бараки были исключительно одноэтажными; дома-коммуны — 2-х этажными.

Палатки обычно упоминаются лишь как кратковременное жилище. Но в действительности палаточный лагерь у горы Маг-

нитной существовал не только в 1929 г. и не только в летние месяцы ***(Ил. 38, 10)***. Существовал он и в последующие годы.

Так, и в 1930-е гг. брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое в летний период для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих. Однако даже палаток часто не хватало. Так, собкор «Комсомольской правды» С.Д. Нариньяни жил три месяца в стоге сена[102].

Архивные данные свидетельствуют о том, что выписать брезент для изготовления палаток было очень непросто — военные ведомства, по линии снабжения которых он шел, не желали с ним расставаться. Начальник Магнитостроя Я.П. Шмидт неоднократно направлял запросы в Совет труда и обороны СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом *«ввиду того, что рабочим приходится ночевать под открытым небом из-за отсутствия помещений. Необходимо обеспечить 11 тыс. чел.»*. Но Военно-морской наркомат постоянно отвечал, что не имеет возможности отпустить необходимое количество палаток.

Существовали палатки и круглогодично. Такие палатки именовались «чингизками». Свое название «чингизки» получили от имени их «изобретателя» — заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдрыма. Изобретение заключалось в том, что стены брезентовой палатки покрывали досками, а между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Довольно часто такие строения покрывали кошмой. Они худо-бедно, но держали тепло. Именно «чингизками» были заменены к ноябрю 1929 г. брезентовые палатки в Магнитогорске. В Магнитогорске они просуществовали вплоть до 1933 г.

Примерно также сооружались засыпные бараки. Разница состояла в том, что между деревянной дощатой стеной и засыпкой слоем земли, толщиной примерно в 40–50 см прокладывался толь, предотвращающий деревянные стены от гниения ***(Ил. 39, 40)***.

Однако полную ясность в вопрос о количестве палаток и «чингизок» как «временно-постоянного» типа жилища, а также о круглогодичном характере их эсплуатации, сегодня внести довольно сложно, так как свидетельства очевидцев сбивчивы, а архивные данные и сведения периодической печати значительно разнятся. Например, в сентябре 1930 г. газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках. Есть свидетельства о том, что и в следующем 1931 г. приблизительно 1350 рабочих

коксохимического завода продолжали обитать в палатках. Исследователи И.В. Антипова и М.И. Школьник указывают на то, что летом 1931 г. более 10000 человек проживали в палатках. Воспоминания, собранные редакцией серии «Истории фабрик и заводов», свидетельствуют о том, что рабочие ряда цехов металлургического завода проживали в палатках в течение всего 1931 г. Начальник конторы Теплостроя Андрияшкин вспоминал: «*...Бытовые условия были очень скверные. Лучшие кадры печников мы старались сохранить, они жили в бараке, остальные находились в палатках. У нас был только один барак, а на домне работало 1600 человек, можете себе представить наши бытовые условия...*»

Следует упомянуть и о юртах. В Магнитогорске в них обитали киргизы, которые были привезены как неквалифицированная рабочая сила для выполнения земляных, погрузочных и прочих работ. Нидерландский архитектор Й. Нигеман, работавший в Магнитогорске в 1931–1936 гг., потрясенно писал о том, как эти «новые жители» соцгорода разбивали свои войлочные шатры — юрты, которые были им доступнее и гораздо привычнее для жизни непосредственно между многоэтажными каменными домами. Й. Нигеман поражался собственной наивности и неправильности своих представлений о тех, для кого он проектировал жилье[103].

Сознательно закрепляя за новыми крупными индустриальными центрами — соцгородами — роль опорных узлов единого общегосударственного производственно-распределительного каркаса и присваивая им функцию центров территориальной организации населения, советская власть таким образом выстраивала систему партийно-административного управления, рассматривая ее как важнейший атрибут государственности.

В этой системе расселение выступало исключительно как «производная» от стратегии создания эшелонов военно-промышленных предприятий. Градостроительная политика воплощала постановления высших органов власти о формировании современного военно-промышленного комплекса, собственно, и именуемого «индустриализацией», Госплан анализировал и выявлял производственно-экономический и ресурсный потенциал неосвоенных регионов и их транспортно-энергетические возможности для разработки природных ископаемых и перера-

ботки для целей прежде всего тяжелой промышленности; определял потребное количество предприятий военно-промышленного профиля; намечал места их расположения таким образом, чтобы сделать объекты советского ВПК недоступными для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников (удаляя их на такое расстояние, чтобы вражеские бомбардировщики не могли без дозаправки осуществить перелет до цели и вернуться обратно на аэродромы базирования); устанавливал потребность новых промышленных ареалов в трудовых ресурсах (что составило только в первой пятилетке около 5 млн новых рабочих рук); разрабатывал планы формирования потребных трудовых ресурсов за счет массовой коллективизации, депортации лишенцев и безработных, плановых перемещений военнообязанных и спецпоселенцев, массовых репрессий и т. д.

«Урбанизированность» опорных узлов системы расселения СССР обеспечивалась за счет того, что население насильно удерживалось в местах обитания, привязывалось к производству широким спектром средств — пропиской, трудовыми книжками, запретом на самовольный уход с работы, запретом на самовольный переезд, приказным распределением и закреплением на новых местах обитания молодых специалистов и квалифицированных кадров, ограничением зоны проживания после отбытия срока заключения и проч. А также одним из самых мощных средств — дефицитом жилья.

Власть всеми силами стремилась исключить естественные миграции и, напротив, активно инициировала искусственные плановые целевые перемещения трудовых ресурсов на ударные стройки. А населенные пункты превращала в эффективный механизм добровольно-принудительного прикрепления населения к местам трудоустройства. В результате осуществления планов «ускоренной индустриализации», принятых под давлением И. Сталина в 1929 г., городское население за первую пятилетку увеличилось даже не на 4,5–5 млн чел., как это планировалось, а на 13,9 миллионов человек.

Это была насильственная урбанизация, основанная на искусственно ускоренном росте псевдогородского населения за счет принудительного переброса в старые города и соцгорода-новостройки раскрестьяненного деревенского населения, а также принудительного перемещения крупных контингентов трудовых ресурсов из существующих городов на индустриально осваиваемые

территории. Эти бывшие крестьяне, оторванные от привычного образа жизни, и составляли основную массу населения соцгородов-новостроек; а также лишенцы, выселенные с прежнего места обитания; «социально-чуждые» элементы, выдавленные из существующих городов; отбывшие наказание репрессированные, оставшиеся на постоянное жительство рядом с бывшими зонами; кочевые народы, принужденные к оседлому образу жизни; бывшие спецпереселенцы и трудопоселенцы, которым после освобождения некуда было податься; трудомобилизованные демобилизованные красноармейцы; молодежь, приехавшая по комсомольским путевкам и т. п.

Советское градостроительство призвано было материализовать в конкретной структуре обитаемого пространства, постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. И успешно справлялось с этой задачей, так как квартальная структура соцгородов и расчетно-нормативные характеристики системы лимитированного распределительного снабжения (именуемого «общественным обслуживанием»), активно разрабатываемые практически с началом первой пятилетки, а затем обобщенные, систематизированные и закрепленные в методических рекомендациях по проектированию генпланов, позволяли упорядочить весь комплекс градоустроительных работ — землеотвод, планировка, разбивка территории, последовательность освоения, определение мест для возведения временного жилища, не мешавших последующему строительству и проч. С самого первого колышка, еще задолго до возведения кварталов капитальных домов, планировочное членение селитьбы на барачные поселки, скомпонованные в «кварталы» и «районы», уже обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и фабрично-заводскими парткомитетами, облегчало руководство трудовыми и управление бытовыми процессами, позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов, упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности или призыв на военную службу.

Типология ведомственного и муниципального жилища, возводимого в соцгородах-новостройках, была, с одной стороны, закономерной формой воплощения государственной доктрины превращения страны в единый лагерь принудительных работ; с другой, результатом сильно урезанного, «голодного» финансиро-

вания жилищного строительства через производственные предприятия и учреждения; с третьей — следствием формирования персональной ответственности «красных директоров» за вверенный им фрагмент общегосударственной производственной цепочки, в котором наличие крыши над головой выступало средством привязки людей к месту работы и управления их трудовым поведением.

При таком подходе вопросы формирования благоприятной среды жизнедеятельности не просто отходили на второй план, а вообще не ставились, а только лишь идеологически провозглашались.

[1] Расширенный, дополненный и переработанный текст статьи: Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. [электронный ресурс] / М. Г. Меерович // Архитектон: известия вузов — 2010. — #31. 3,0 п.л. — режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_3/012 — на русс. яз., Подготовлено при финансовой поддержке Российской Академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАГ РААСН) в рамках научно-исследовательской работы по плану НИР по теме: «Методология ускоренного проектирования генеральных планов соцгородов-новостроек в период первых пятилеток» № 1.1.3. — 2011, а также гранта Фонда Герды Хенкель для работы в российских архивах по теме: «Немецкие архитекторы в сталинском СССР — борьба за массовое жилище». AZ 19/SR/09. 2010.

[2] Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампир»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010. С. 10–24.

[3] Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1978. С. 26.

[4] Bauhaus на Урале. От Соликамска до Орска. Материалы международной научной конференции 12–16 ноября 2007. Екатеринбург / Под. ред. Л. И. Токмениновой, А. Фольперт. Екатеринбург, 2008; Коккинаки И. В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 1920-х гг. // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 115–132; Конышева Е. В., Меерович М. Г. «Берег левый, берег правый: Э. Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования и строительства Магнитогорска) // Архитектон: Известия вузов. 2010. № 30. URL: http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018; Конышева Е. В. Орск и Магнитогорск: наследие «соцгородов» конца 1920-х — первой половины 1930-х годов на Южном Урале // Архитектурное наследство. 2010. № 52. С. 159–207; Меерович М. Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 26. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_2/ia1; Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию. URL: http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm; Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1; Шпотов Б. М. Американский фактор в индустриальном развитии СССР 1920–1930-е годы. М., 2009; Шпотов Б. М. «Не дано нам историей тише идти» (техническая помощь Запада советской индустриализации). Мир истории. 2002. № 3; Юнгханс К. Немецкие архитекторы и Советский Союз (1917–1933) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 96–114.

[5] Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.

[6] Меерович М. Г. Ассимиляция производства. По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс» / Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй Мировой / Сост. Д. Хмельницкий. — М.: Яуза-пресс, 2007. — 320 с., С.144–154.

[7] Земляной С. Н. Невидимая рука Учраспреда — [электронный ресурс] 2009. 0,6 п.л. — режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_31-pr.html — на русс. яз.

[8] Там же.

[9] РГАСПИ Ф.17, Оп.113., Д. 856. — 152 л. Л. 103.

[10] РГАСПИ Ф.17, Оп.113., Д. 856. — 152 л. 6.

[11] Были индустриальные. (Очерки и воспоминания). М., 1979. С. 49–50.

[12] Там же. С. 50.

[13] Договор по самозакреплению рабочих, служащих и ИТР на вторую пятилетку по Магнитогорскому металлургическому комбинату им. т. Сталина // История Магнитостроя. Хроника в лицах и фактах. Магнитогорск, 1999. С. 88–89.

[14] СУ РСФСР. 1926. № 35. Ст. 282.

[15] «Термин «спецпереселенцы» использовался до 1934 г. Позже в 1934–1944 гг. их именовали трудпоселенцами, а с марта 1944 — вновь спецпереселенцами».

[16] Красильников С. А. Указ. соч. С. 2.

[17] Там же. С. 22.

[18] О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. / Сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пащенко, Р. К. Суханова. Новосибирск, 1992. С. 20; Секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля «ЦИКам и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» (там же. С. 21–25).

[19] О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей. Постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. (там же. С. 28–30); О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области. Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. (там же. С. 33–34).

[20] О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации. Постановление коллегии Наркомзема РСФСР (там же. С. 27–28).

[21] Реорганизация переселенческого дела // Известия ЦИК. 30 декабря 1930 г № 29. С. 2.

[22] Там же. С. 2.

[23] Цит. по: Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Магнитогорск. 2010. — 254 с., С. 57.

[24] Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главного управления лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецссылки за

1934 г. // Челябинская область. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1999. С. 89–90.

[25] Полян П. Не по своей воле. История и география принудительнhх миграций в СССР. — М.: ОГИ — Мемориал, 2001. — 328 с., С. 69.

[26] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая М., 2001. С. 14.

[27] ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 29., Л. 24–27.

[28] ОГАЧО. Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 3234., Л. 91–92

[29] Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945). 2010. URL: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html#cutid1.

[30] О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 777–779.

[31] Были индустриальные… С. 50.

[32] Магнитка. Краткий исторический очерк. Челябинск. Южно-Уральское книжное издательство. 1971–318 с., С. 46.

[33] Об образовании главного управления трудовых резервов при Совнаркоме СССР. Постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 776–777; О государственных трудовых резервах СССР. Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 775) (см. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385).

[34] О государственных трудовых резервах СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 775) (см. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385).

[35] Аксенов С. Н. Иркутский авиационный завод. История становления 1932–1956: хроникально-документальная история ИАЗ / С. Н. Аксенов — Иркутск: Изд-во ООО «Типография «Иркут», 2009–736 с., С. 28, 31.

[36] Красильников С. А. Указ. соч. С. 55, 67.

[37] Красильников С. А. Указ. соч. С. 55, 67.

[38] Там же. С. 62.

[39] Там же. С. 62.

[40] Там же. С. 62.

[41] Там же. С. 63.

[42] Земсков В. Н. Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 122.

[43] Там же. С. 122.

[44] Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. — Свердловск, 1991. С. 282.

[45] Красильников С. А. Указ. соч. С. 64.

[46] Там же. С. 65.

[47] Тогулев В. «Вы поели наших баранов, за это мы съедим ваших детей!» Каннибализм в Кемерове в 1930-е годы. 2003. URL: http://www.kuzbasshistory.narod.ru/Ist_Pub/Text/20_30/Kannib_30.html.

[48] Dr. Hermann Greife. «Zwangsarbeit in der Sowjetunion», Berlin 1936, С. 47.

[49] Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР (Протокольное. Гриф «Секретно») от 15 февраля 1927 года «О привлечении специалистов из заграницы» // Индустриализация Советского союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 2. Институт российской истории РАН. Москва, 1999. С. 222–225.

[50] Список действующих концессий общесоюзного и республиканского значения. (Гриф «Секретно») от 4 февраля 1928 года // Там же. С. 22–233.

[51] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1928 года «О привлечении иностранных специалистов» // Там же. С. 233–234.

[52] Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Магнитогорск — классика Советской Социалистической архитектуры. 1918–1991 гг. — Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова. 1999. — 168 с., С. 42.

[53] Там же. С. 42–44.

[54] Там же. С. 42–44.

[55] Там же. С. 96.

[56] ГАРФ, Ф. А-314, Оп. 1, Д. 8001. 22 л., Л. 1-об.

[57] ГАРФ. Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. 216 л., Л. 109–118.

[58] Там же. Л. 109.

[59] ГАРФ. Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. 216 л., Л. 104–105.

[60] Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9, оп. 1, ед. хр. 16. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска. Л. 54.

[61] Там же. Л. 40.

[62] J. Scot. Behind the Urals. An American Vorker in Russia's City of Steel. — Indiana University Press. 1989.

[63] Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома) Челябинск, Южно-Уральское кн. изд. 1965. — 276 с., С 215.

[64] ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8. Переписка Управления Челябтракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01. — 19.09.1930., Л. 115.

[65] ОГАЧО. Ф. 792, Оп. 5, ед. хр. 480., Л. 20.

[66] Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома) Челябинск, Южно-Уральское кн. Изд. 1965— 276 с., С. 225, 226.

[67] ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8., Л. 105.

[68] ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 749., Л. 4–7.

[69] Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929 — 1945) [электронный ресурс] 2010. 1 п.л. — режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/ 58586.html#cutid1 — на рус. яз.

[70] Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы) — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 303 с. — (История сталинизма).

[71] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Серия: Россия XX век. Документы, М., 2003., С. 261.

[72] Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991. С. 109.

[73] Челябинская область. Сборник документов и материалов. — Челябинск: ЮУКИ, 1999. С. 93.

[74] Там же. С. 93.

[75] Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина … Указ. соч.

[76] Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома) Челябинск, Южно-Уральское кн. Изд. 1965–276 с., С. 249–250.

[77] Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина …Указ. соч.

[78] ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 749.

[79] Из истории Магнитогорского металлургического комбината …Указ. соч. С. 249–250.

[80] Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Иркутск, 2004–659 с.

[81] Рубченко М. Ура, у них депрессия! («Эксперт» № 1 (687) / 28 декабря 2009) [электронный ресурс] 2009. 0,5 п.л. — режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert /2010/01/ura_u_nih_depressiya/— на рус. яз.

[82] Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] / С. И. Гаврилова //Архитектон: известия вузов.- 2009.-№ 3(27). — Режим доступа:http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.

[83] Селиванова А. Н. Бобрики-Сталиногорск-Новомосковск: модель перехода от концепции соцгорода к сталинскому городу-ансамблю // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 384 с., С. 262.

[84] // Проектирование и строительство городов. — 1934. — № 7–8., С. 21.

[85] Завенягин Авраамий Павлович — государственный деятель СССР, генерал-лейтенант. Родился в семье машиниста на станции Узловая. Член ВКП(б) с ноября 1917. В 1919–1920 — комиссар политотдела дивизии РККА. С 1920 на партийной работе на Украине. В 1921–1923 секретарь Юзовского окружного комитета ВКП(б). Окончил Московскую горную академию в 1930, Ректор Московского института стали МИСиС в 1930, в 1930–1931 возглавлял проектный институт в Ленинграде, затем работал в аппарате НКТП, в январе-августе 1933 руководил металлургическим заводом в Днепродзержинске. В 1933–1937 — директор Магнитогорского металлургического комбината После непродолжительной работы в наркомате, в 1938 Завенягин возглавил Норильлаг — начатое в 1935 строительство Норильского горно-металлургического комбината. С марта 1941 по август 1951 Завенягин — первый заместитель наркома внутренних дел, осуществляющий общее руководство строительными подразделениями НКВД — Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий (в его состав входило Специальное металлургическое управление, в последующем 9 управление МВД), Главным управлением лагерей гидростроя (Главгидрострой), Главным управлением лагерей промышленного строительства (Главпромстрой — крупнейшее строительное подразделение СССР), Дальстроем и т. п. В 1945–1953 Завенягин — заместитель Л. П. Берии в советском атомном проекте.

[86] Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Поселковое строительство 1918–1948. М. 1951. С. 24.

[87] СУ РСФСР. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 516.

[88] «О введении трудовых книжек» — Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 662–664. Постановление СНК СССР «О введении трудовых

книжек» было принято от 20 декабря 1938 г., но в действие трудовые книжки вводились данным постановлением лишь с 15 января 1939 г.

[89] Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Указ. соч., С. 25.

[90] Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Указ. соч., С. 41.

[91] Там же. С. 45.

[92] Там же. С. 46.

[93] Там же. С. 28.

[94] Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Указ. соч. С. 28.

[95] ЧМК: история сталинского долгостроя [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/713.html#cutid1

[96] Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Указ. соч. С. 45.

[97] Селиванова А. Н. Указ. соч., С. 249.

[98] Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Указ. соч. С. 47

[99] Там же. С. 49–50.

[100] Там же. С. 49.

[101] Там же. С. 50.

[102] Нариньяни С. Д. Ты помнишь, товарищ…: Очерки о комсомольцах. — М., 1957., С. 6.

[103] Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902–1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979., C. 81.

РЕЦЕНЗИИ

ВИКТОР СУВОРОВ

Сказ о Великой Победе и о товарище Сталине, ставленнике мирового еврейства

По распространенному среди историков мнению, редакции коллективных трудов — это братские могилы для талантов. Это своеобразная колхозно-совхозная система для науки, убивающая всякие стимулы личной заинтересованности и ответственности ученого.

Полковник О. Ф. Сувениров, доктор исторических наук.
Военно-исторический журнал. 1991, № 11, с. 90.

15 мая 2009 года Дмитрий Медведев подписал указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Поставив свою подпись под текстом указа, гражданин Медведев возвел борьбу с фальсификацией истории в ранг государственной политики и лично эту борьбу возглавил.

В состав Комиссии Медведев ввел заместителя секретаря Совета безопасности, начальника Генерального штаба Вооруженных сил, заместителя министра иностранных дел, начальника службы СВР, заместителя министра юстиции, руководителя Росархива, заместителя министра культуры, директоров научных институтов и еще многих других ответственных и даже очень и очень ответственных товарищей. Во главе комиссии гражданин Медведев Д. А. поставил руководителя Администрации Президента гражданина Нарышкина С. Е.

Президентская комиссия тут же ринулась в битву за правду истории. А у меня зубы стучат от мерзкого страха. Тихо так повторяю: лишь бы они девятым веком занялись, лишь бы девятым. Про тот век вон сколько научных теорий, там и фальсификаций в ущерб интересам России хватает. А потом бы им другими веками заняться. В хронологическом порядке. Лишь бы они до двадцато-

го не добрались, лишь бы не добрались. А уж если доберутся, то пусть занимаются сражением в Цусимском проливе, приключениями Гришки Распутина в Зимнем дворце или похождениями товарища Ленина в Париже, Цюрихе и Лондоне. О тех временах тоже ведь нет полной ясности, не все высвечено, не все по полочкам разложено. Так пусть вникают в события начала двадцатого века, лишь бы до Второй мировой войны не добрались.

А то вашему покорному слуге крепко по шее достанется.

Рать-то какую гражданин Медведев выставил. У меня коленки судорогой сводит от одного вида силы той несметной: Служба внешней разведки! Генеральный штаб! Министерство иностранных дел! Архивное ведомство! Министерство юстиции! Совет безопасности! Академия наук! Академия военных наук! Роспечать! Роснаука! Рособразование! Министерство культуры! Общественная палата! И ведущие современные историки косяком. И Администрация Президента всем этим руководит под неусыпным оком САМОГО!

Не прошло и года — и вот результат: в Москве издательством «МГИМО–Университет» во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России издан шеститомник «65 лет Великой Победы». Сию сияющую вершину научной мысли, сие творение человеческого разума тут же увенчали всевозможными эпитетами, нарекли всяческими красивыми именами, объявили уникальным достижением: «Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное и исполненное многочисленным авторским коллективом издание. Оно подготовлено на основе современных представлений ведущих современных историков академических институтов. В шеститомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или мотивированного эгоистическими интересами толкования событий Второй мировой войны и ее итогов. В книгах шеститомного издания таким попыткам, предпринимаемым зачастую из-за рубежа, дается аргументированный отпор». В работе над шеститомником участвовали министр иностранных дел гражданин Лавров С. В., президент Академии военных наук генерал армии Гареев М. А. и многие другие.

В яростной борьбе против фальсификаторов сей аргументированный отпор тут же использовали юные патриоты, кем-то собранные на озере Селигер. Они размахивали свежеотпечатанными томами: вот она, правда о войне! Не позволим переписать историю!

На XXIII Московской книжной ярмарке шеститомник был торжественно удостоен диплома в номинации «Лучшее издание о Великой Отечественной войне».

Однако…

Однако достать означенный труд оказалось вовсе не просто. Казалось бы: дружный коллектив борцов с фальсификациями истории дал отлуп злобным очернителям нашего героического прошлого — вот и отправили бы каждому фальсификатору подарочек: получи, прохвостина, и подавись!

Я искренне надеялся, что в списках злобных клеветников отыщется и для меня скромное местечко, и Государство Российское удостоит меня вниманием: вот тебе, вражина! Ты разоблачен, уличен и опозорен! И крыть тебе после нашего шеститомника нечем!

Отправить мне шесть опровергающих томов — это вроде кувалдой по челюсти вмазать. Так вмажьте же! Вот правая скула, могу после первого удара еще и левую подставить, как Лев Николаевич рекомендовал.

Мне эти шесть томов позарез нужны. Я самый главный критик своих идей. Мой интерес в том, чтобы найти любые ошибки и неточности и вычесать их, словно блох из львиной гривы. Если в чем-то ошибся, если где-то нечаянно отступил от истины, укажите мой промах, и я с благодарностью исправлю. Так дайте же мне шесть томов! Спасибо скажу.

И все, кого редакторы этих томов считают фальсификаторами, с поклоном дар из их рук примут. Если критика справедлива, кто же на нее обидится? Кто возразит?

Но не прислали мне шеститомника. Видимо, борцы с фальсификациями сочли меня фальсификатором недостаточно высокого ранга. Глянул окрест, свистнул-гикнул: братья-фальсификаторы, а вам кому-нибудь прислали? С некоторой даже опаской и ревностью оглядывался: это кого же теперь приказано главным извратителем считать? Если не мне, то кому президентская Комиссия тем шеститомником по мордасам вмажет?

Но зря волновался. Ни один фальсификатор не получил удар по кумполу этим шедевром научной мысли.

И тогда я обратился в редакционный совет издания: если не достоин подарочных экземпляров, то позвольте купить.

Кстати о редакционном совете. Главных редакторов — дуумвират, как сейчас на Руси принято: руководитель Администрации Президента Нарышкин и ректор МГИМО МИД РФ Торкунов. Кроме того, 19 ученых мужей — редакционный совет. Плюс еще семь человек — редакционная коллегия.

Думаю, что для почти трех десятков ученых товарищей моя попытка купить их творение должна бы стать поводом для пира: вот кто-то наш продукт добровольно покупает! Чем не повод веселиться? Не знаю, устроили создатели шедевра прием по случаю первой добровольной попытки купить нетленное творение исторической мысли, или обошлись легкой выпивкой под огурчик…

Но купить продукт через редакционный совет мне тоже не выгорело. Между тем, должен доложить, цена тем томам вроде конвойного пса — так и норовит в мягкие места вцепиться. Но мы за ценой не постоим! Мне-то шесть томов нужны. Потому как не могу свое черное дело творить, не обращая внимания на объективную и справедливую критику, исходящую прямо из-за кремлевской стены. Не могу. Так позвольте же с той критикой ознакомиться!

Через редакционный совет не получилось — обратился к невидимой руке рынка. И тут я с удивлением узнал, что шеститомника в открытой продаже нет.

И тогда решил всеми правдами и неправдами запретный плод раздобыть. Дорогие друзья, все, кто принимал участие в добывании для меня продукта медведевской Комиссии, пользуясь случаем, благодарю за успешно проведенную операцию!

Итак, все шесть томов на моем столе. Мои страхи подтвердились: не девятым веком президентская Комиссия занялась, первый абзац самой первой статьи первой книги первого тома — про подлого изменника Резуна и его мерзкий «Ледокол», который миллионами разошелся по стране и миру.

Ну, думаю, если с этого начали, то достанется мне.

Кстати, если у меня миллионные тиражи, то какой же плетью граждане Нарышкин и Торкунов намерены тот злосчастный «Ледокол» перешибить? На какой же тираж они решились? На титульной странице вполне русским языком написано: издание рассчитано на широкий круг читателей. А на последней странице: тираж — 1 000 экз.

Оценив обстановку, делаю первый, но неизбежный вывод: сие творение недоступно ни критике, ни широким народным массам ни по цене, ни по тиражу. Если разошлют эти несчастные 1 000 экземпляров министрам, сенаторам, губернаторам в качестве украшения библиотек, так ведь на всех и не хватит — вертикаль-то у нас ветвистая. 1 000 экземпляров — это словно белый флаг над башнями Кремля. Это капитуляция Государства Российского на военно-историческом фронте.

Зачем же и ради чего сей шедевр сотворяли, если не ради освоения и распила государственных средств и галочки в графе о проделанной работе?

Вопрос редакционному совету: а почему бы не отпечатать пробный тираж вашего шеститомника в десять миллионов? А убедившись, что товар идет, тут же не организовать по-настоящему массовый выпуск? Отчего же это вы так скромны?

Нет! За этим определенно что-то кроется.

Давайте же разберемся. И начнем не с того, что в шеститомном шедевре содержится, а с того, чего в нем нет.

В нем нет хронологии важнейших событий войны и предшествующего ей периода. Нет именного указателя. Нет географического указателя. Нет предметного указателя. Нет перечня карт. Нет и самих карт.

В шеститомнике, который должен разъяснить, что случилось в 1941 году, перечислены (явно завышенные) силы Германии и ее союзников на 22 июня 1941 года, но вообще ничего не сказано о том, сколько же танков и самолетов было в Красной Армии, сколько было орудий и минометов, сколько аэродромов, сколько дивизий, корпусов, армий и фронтов, где они находились, кто ими командовал. Группировка советских войск не рассматривается вообще. Это все равно как если бы великий шахматист описывал историю своих сражений, но забыл упомянуть, сколько у него на доске было фигур и на каких клеточках они стояли.

В шеститомнике нет списка сокращений, хотя сокращениями набиты все шесть томов. Ученые мужи щеголяют своими титулами: академик МАНЭБ, МО и ВП, ИМИ, ЦИВА и ШОС.

Что это? Мне понятно только одно сокращение: МО — оно для меня всегда обозначало родное Министерство обороны. Но в данном случае сокращение имеет какой-то неизвестный мне смысл. Можно догадаться. Но зачем? И если догадаюсь, что есть МО и ВП, то ЦИВА и ШОС мне никогда не расшифровать. Извините недотепу.

Наши ученые мужи между собой на собственной фене изъясняются, чтобы посторонним было непонятно.

Итак, того нет, этого нет. А что же в тех шести томах ***есть***?

О! Тут есть заявления о том, что главная задача историка — воспитывать в народе патриотизм. Проще говоря, так надо писать историю, чтоб блестела и переливались, чтобы пятнышек на ней никаких, чтобы читал народ свою историю и радовался, прихваливал и гордился. А то, что вспоминать не хочется, вспоминать и незачем.

Содержится в тех томах требование создать мощную государственную систему финансирования, дабы исторические светочи могли общаться с зарубежными коллегами, дабы на симпозиумы могли достойно выезжать, дабы их труды печатались бы за казенный счет без оглядки на то, покупают их или нет, нужны они кому-нибудь или так на складах и валяются.

Из шеститомника мы узнаем, что Россия встает с колен, что скоро у нас будут нанотехнологии, а Сколково превратится в центр мировой научной мысли.

Шеститомник поет славу нашему мудрому руководству. В нем вы найдете все, что согревает и радует душу. В томе 6 на странице 177 — мощная таблица «Динамика последних 7 лет подъема экономики при В. В. Путине». Из таблицы узнаем, что в 2000 году прирост ВВП в России составил 10%, в то время как в Китае — только 8, в США — 3,7, а в Японии — жалких 2,4 процента.

В следующем году у США — 1,2, у нас — 5,1. Мы постоянно побеждаем!

В 2002 у Японии — минус 0,3, а у нас победных 4,7 процента!

Далее в том же духе. Мы впереди планеты всей.

Одного не пойму. Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России должна заниматься противодействием. Все шесть томов, как объявлено, — против фальсификаторов истории Второй мировой войны, а шестой том — с особым упором именно на это. Цифры бурного и стабильного роста российской экономики, расцвета наук и ремесел, конечно, радуют, но какое отношение они имеют к вопросу о начале войны и виновниках ее возникновения?

Вот один только из множества никем никогда не объясненных фактов предвоенного периода.

Много лет назад, еще будучи курсантом военного училища, я был сражен, узнав, что осенью 1939 года тысячи зэков под руководством военных инженеров приступили к восстановлению и модернизации Днепровско-Бугского судоходного канала.

Для чего он был нужен? Торговать с Германией? Но потоки грузов шли Балтийским морем и железными дорогами. Обыкновенные речные баржи разойтись в канале не могли. Это ведь только по названию Днепр и Буг соединили. А на самом деле — речушку Пину (впадающую в Припять, которая, в свою очередь, впадает в Днепр) с речкой Мухавец (та речка впадает в Буг, который впадает в Вислу). Но и соединив эти речки, все равно торговый обмен не наладишь — Западный Буг на участке от Бреста до Варшавы не судоходен. Речные военные суда тут ходят свободно, у них осадка малая, а груженая баржа на мель садится.

Так вот, теоретически в 40-х годах XX века Днепровско-Бугский канал мог быть использован только для того, чтобы пропустить боевые речные корабли из бассейна Днепра в бассейны Вислы и Одера (что, кстати, потом, в конце войны, и было осуществлено) или — из бассейна Вислы и Одера в бассейн Днепра.

О чисто военном назначении канала говорит то, что строительством руководил полковник, а в последующем маршал инженерных войск А. Прошляков. Каналы для гражданский нужд, как известно, рыли не под руководством военных инженеров, а под водительством НКВД.

С осени 1939 года до июля 1940 года советские строители прорыли новую трассу на участке Выгода — Кобрин, возвели восемь новых гидроузлов, расширили и углубили русло общей протяженностью 116 километров. И ради чего? Чтобы немецкие речные корабли запустить в Пину, Припять, а потом — в Днепр, Десну, Березину?

В последние годы официальной пропагандой вброшен новый тезис о заговоре генералов. Мол, глупые генералы с Павловым во главе все делали так, чтобы Красную Армию подставить под разгром. Генералы, если верить этой версии, рассчитывали, что Гитлер их железными крестами наградит. А где гарантии? А чем докажешь потом Гитлеру, что под разгром подставлял преднамеренно, а не по глупости? И кто поручится за то, что Гитлер не перестреляет добровольных помощников просто ради того, чтобы с ними славой разгрома Красной Армии не делиться?

Так вот, тезис про глупых генералов, которые рассчитывали на гитлеровскую благодарность и делали все, чтобы облегчить его победу, в данном случае не работает. Не было у генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича такой власти, чтобы бассейн Днепра соединять каналом с бассейнами Вислы и Одера. И у Нар-

кома обороны таких полномочий не было. Такое решение могло быть принято на высшем государственном уровне и только в кабинете товарища Сталина.

И вот вопрос: зачем товарищу Сталину потребовался такой канал к лету 1941 года?

Этот вопрос я вынес на обсуждение широких народных масс четверть века назад. И никакого ответа пока не получил. И если гражданин Медведев решил меня уличить и опровергнуть, то с ответа на вопрос о назначении Днепровско-Бугского канала следовало начинать.

Но ответ на этот вопрос потянет за собой другие вопросы. Летом 1941 года 1-я германская танковая группа форсировала Днепр в районе Кременчуга и ударила на Лохвицу в тыл войскам Юго-Западного фронта, где замкнула кольцо окружения, встретившись с дивизиями 2-й танковой группы.

Если бы на Днепре действовала советская военная флотилия, да мосты были бы вовремя взорваны, то форсирование было бы сорвано или сильно затруднено. И тогда не было бы самого мощного в истории человечества окружения советских войск в районе Киева, перед которым сталинградское окружение германских войск меркнет. Но если бы не было разгрома войск Юго-Западного фронта, тогда Харьков продолжал бы печатать танки Т-34 и дизельные двигатели для них. И тогда Донбасс продолжал бы снабжать страну углем. И тогда ход войны был бы совсем другим.

Но на Днепре советской речной флотилии не оказалось. Ее расформировали летом 1940 года. И что стало с кораблями? Их разделили на две флотилии. Одну двинули в болота Полесья к тому самому Днепровско-Бугскому каналу для выхода на реки Польши и Германии. Для обороны страны речная флотилия в дебрях Полесья никому не нужна. Никакой агрессор в те болота не полезет.

У Советского Союза летом 1940 года появился выход к Дунаю. В распоряжении советского командования был только один открытый берег одного только рукава в устье могучей реки. Вот туда и вывели большую часть кораблей расформированной Днепровской флотилии. Зачем? Какой же дурак будет нападать на нас через устье Дуная? А вот в наступательной войне боевые корабли в том устье очень кстати: по Дунаю нефть Румынии идет в Германию. И по мостам через Дунай нефтепроводы пролегли. А если флотилия пойдет вверх, то может дойти до Будапешта и Вены. Что

и было совершено на последнем этапе войны. Но готовился этот удар в 1941 году.

Товарищи ученые, сочиняющие историю ради того, чтобы воспитывать гордость за наше светлое прошлое, ответьте мне хотя бы на этот вопрос: зачем чисто оборонительную Днепровскую флотилию превратили в две чисто наступательных: Дунайскую и Пинскую? Предательством генерала Павлова это никак не объяснишь. Итак…

В шести томах грандиозного труда 2 341 страница. Но ничего такого, что могло бы нас приблизить к пониманию причин катастрофы 1941 года, там нет.

А что есть? Да вот хотя бы это. Том 6, страница 186. Тут приведена «Сводная таблица основных рейтинговых критериев университетов», из которой мы узнаем, что «объем эндаумента» Гарвардского университета составляет 34,9 миллиарда долларов. А Принстонского университета — всего только 16. Кто бы мог подумать!

Я в «Ледоколе» вопрос задал: для чего весной 1941 года создавались воздушно-десантные корпуса, если в оборонительной войне они не нужны? А Президентская комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России на это отвечает: да знаешь ли ты, какой эндаумент у Гарвардского университета?

А я и впрямь этого не знаю. И возразить мне нечего.

Я им про выдвижение Второго стратегического эшелона Красной Армии в западные районы страны. Вернуть назад эту почти миллионную группировку в составе семи армий было невозможно. Оставить на зиму в приграничных лесах тоже невозможно. И я показываю, почему именно. Германского нападения товарищ Сталин не ждал. Это в доказательствах не нуждается. Так что же он намеревался делать, если нельзя семь армий ни вернуть назад, ни остановить на своей земле?

У мудрых товарищей из редакционной коллегии ответ готов на каждый вопрос. Том 6, страница 190: «Идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма» (Ю. Лужков).

Вот так. Не было бы поганых теорий, нам из-за кордона подброшенных, — не разворовали бы страну. Юрию Михалычу об этом доподлинно известно. И поди возрази.

Так вот: тома набиты тем, что к истории Второй мировой войны вообще никакого отношения не имеет. А те материалы, кото-

рые имеют какое-то отношение к войне, лучше бы наши светила не публиковали.

Создатели шедевра кичатся тем, что у них есть доступ к совершенно секретным архивам, потому только они и способны написать правду о войне. Действительно, рассекреченных материалов в шеститомнике хватает. Вот пример того, какие именно материалы наши борцы за правду истории рассекречивают.

29 марта 1944 года товарищ Сталин подписал совершенно секретное постановление Государственного комитета обороны о первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда: после прорыва блокады резко увеличить в Ленинграде производство боеприпасов, танков, приборов, корабельной артиллерии, а попутно восстановить трамвайное движение, расчистить улицы, отремонтировать водопровод и канализацию, вернуть из эвакуации Кировский театр и прочее и прочее. Документ — 15 страниц машинописного текста с подробным описанием того, что именно предстоит сделать. Авторы шедевра исторической мысли поместили фотокопию документа полностью, на 15 печатных страницах. Спасибо гражданину Медведеву: не подписал бы он свой знаменитый указ о создании Комиссии, не рассекретили бы ученые товарищи сей документ, мы бы так и думали, что Ленинград лежит в руинах, что не гремят по рельсам трамваи, звоночками позвякивая, что баррикады не расчищены, лампочки не вкручены, двери кинотеатров забиты досками и народ ведрами черпает воду из Невы.

Зачем публиковать такой документ? Затем, что больше нечем шесть томов заполнить.

Вот еще пример. 6 ноября 1943 года товарищ Сталин подписал совершенно секретное постановление Государственного комитета обороны: принять на вооружение Красной Армии тяжелую самоходно-артиллерийскую установку ИСУ-152.

Установка была принята. Успешно воевала. Была любима войсками. Поступила на вооружение польских и чехословацких частей, которые сражались на стороне Советского Союза. Несколько установок в ходе боев попали к противнику и успешно использовались как немцами, так и финнами. Для супостата не было секретом, что такая установка принята на вооружение Красной Армии. После войны ИСУ-152 поступила на вооружение армий Китая и Египта.

А бумага за подписью товарища Сталина так и лежала среди совершенно секретных документов. И вот редакционная коллегия поместила ее фотокопию (том 6, стр. 290). Вопрос: и что от этого изменилось? И свои, и чужие давно знали, что такая установка на вооружении Красной Армии состояла с осени 1943 года.

За время войны на вооружение Красной Армии было принято множество образцов танков, орудий, самолетов. По каждому принималось постановление ГКО. И каждое постановление было совершенно секретным. Так почему создатели шедевра научной мысли поместили фотокопию постановления о принятии на вооружение ИСУ-152, а таких же постановлений о СУ-76, СУ-85, СУ-100, СУ-122, ИСУ-122, СУ-152, КВ-1С, КВ-85, Т-34-85, Т-60, Т-70, Т-80, ИС-1, ИС-2, БС-3, ППС, БМ-31, Ла-5, Ту-2 и так далее — не помещают? Почему постановление о восстановлении Ленинграда опубликовано, а такие же постановления о Киеве, Минске, о шахтах Донбасса и мостах через Днепр — нет?

Да потому, что шесть томов набивали всем, что попадет под руку, не соблюдая ни хронологии, ни логики. В шестом, самом главном томе, например, фотокопии документов помещены в следующем порядке: июнь 1943 г., 2 июля 1943 г., 21 апреля 1944 г., 25 октября 1943 г., 30 июня 1941 г., август 1942 г., 16 февраля 1943 г., 1941 г., 4 января 1944 г., 1 июля 1941 г., 11 июля 1941 г. и так далее. Никакой системы в подборе документов, никакой общей идеи, никакой связи. И никакого смысла.

Подбор фотографий точно такой же: смысл отсутствует. Иногда под фотографией еще и разъяснено, что это фотография. А не сообщили бы — мы, наверное, это изображение за рисунок приняли, за акварель или за картину маслом.

Подписи под фотографиями убивают наповал.

Подпись: «Беженцы из Сталинграда во время привала». На фотографии — немецкая колонна на понтонном мосту.

Еще подпись: «Встреча первого поезда с демобилизованными». На снимке — люди с оружием в лесу, у каждого в руке белый листок, и никакого поезда. Раньше в официальных хрущевских и брежневских вариантах истории тот же снимок печатали с подписью «Партизаны принимают присягу».

Еще подпись: «Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника». Но изображена только одна листовка с таким текстом: «Все, кто в силах держать оружие, вступайте в боевые ряды народного ополчения!»

Вижу картину: гитлеровские солдаты, которые способны держать оружие, прочитав листовку, ринулись толпами записываться в народное ополчение.

Далее та же подпись повторяется под каждой фотокопией. Нам каждый раз разъясняют, что это листовки, хотя каждый раз дается только одна листовка. Каждый раз поясняют, что текст обращен в том числе и к солдатам противника, а текст призывает то вступать в партизанский отряд, то уничтожать живую силу противника, резать провода и сжигать мосты. Часто фотографии идут без всяких подписей.

Я только привожу примеры. Но все шесть томов — на этом же уровне, а то и хуже.

Снимки ужасающего качества — их явно копировали на советском спиртовом ротаторе довоенного выпуска. В подборе и размещении фотографий снова никакой логической связи, никакой последовательности. Как и документы, фотографии идут без всякого порядка: 1944 год, потом 1941-й, снова 1944-й, 1942-й и так далее.

Потом вдруг — раздел о бронетанковой технике. Три крупные фотографии танка Т-34 — анфас, в профиль, в пол-оборота. И подробное техническое описание из 44 пунктов. Все это скопировано из наставления, которое было выпущено Главным автобронетанковым управлением Красной Армии в 1943 году с сохранением старинного шрифта, особенностей стиля и орфографии. И мы узнаем, что боекомплект танка «100 снарядов и 3600 патрон». Сейчас сказали бы «патронов». Кому и зачем потребовалось публиковать аж три фотографии одного танка? И зачем столь подробное описание? Неужели какой-то фальсификатор будет оспаривать емкость системы смазки? Неужели кто-то бросится доказывать, что в масляные радиаторы заливали не МС, МК и МКС, а масло какого-то иного сорта?

Впрочем, всех характеристик танка мы не узнаем. Страницы наставления 1943 года переснимали неряшливо, при копировании срезали окончания и некоторые цифры.

Да и вся эта точность ни к чему. Спор у нас про 22 июня 1941 года. В тот момент Т-34 имел совсем другие характеристики. Боекомплект — 77 снарядов и 2898 «патрон». Танк весил на целые четыре тонны меньше, имел не столь мощную броню, зато удельная мощность была гораздо выше, а удельное давление на грунт — меньше. Следовательно, скорость, запас хода, проходимость были иными. Форма башни была другой, люк на ней был только один.

Мы спорим про 1941 год, а нам приводят данные танка выпуска 1943 года и картинки танка Т-34 с командирской башенкой. Такие танки выпускались только в 1943 году. До того — без командирской башенки, далее пошел Т-34-85, это совсем другая машина. Зачем танк из середины войны затесался в ее начало?

Ответ все тот же: ученые товарищи набивали тома подручным материалом, не вникая в подробности и смысл.

Точно так же описаны КВ-1 и СУ-152: по три снимка с разных сторон, запредельная точность с перечислением десятков пунктов, вплоть до напряжения в сети КВ-1, до боекомплекта из 114 снарядов и 3000 «патрон», до высоты линии огня СУ-152 с точностью до миллиметра.

Кому эта точность нужна? Кто с этими миллиметрами спорит?

Удивляет странный выбор трех этих образцов. Если речь про 1941 год, то должен тут быть еще и мощнейший на тот момент танк мира КВ-2. Где он? Тут обязательно должны быть БТ-2, БТ-5, БТ-7, Т-26, Т-40 — но их нет. А для СУ-152 тут не должно быть места — не было таких самоходок в 1941 году. И почему среди рассекреченных документов, подписанных Сталиным, не нашлось места для СУ-152, но нашлось место только для ИСУ-152? А в технических характеристиках наоборот — есть место для СУ-152, но нет для ИСУ-152.

Далее две фотографии с короткими подписями: средний танк «Матильда», средний танк «Шерман». Без указания того, что это танки не советские. Что «Шерман» с «Матильдой» потеряли на страницах издания, призванного защитить правду о войне? И если уж среди советской бронетанковой техники решено поместить британский и американский танки, то почему тут нет германских?

У создателей шедевра наставлений по «Матильде» и «Шерману» под рукой не оказалось, потому никаких сведений о них не приводится, в текстах шести томов они не упоминаются. Потому мы никогда не узнаем, какова же была у них емкость системы смазки, какие сорта масла применялись, каково было напряжение в сети, сколько в боекомплекте было «патрон».

И если речь зашла о боевой технике, то где фотографии и характеристики самолетов, орудий, минометов, стрелкового оружия, боевых кораблей?

Я в своих книгах делаю упор на танки потому, что до артиллерии, флота, инженерного имущества пока не успел добраться. Моя работа не завершена. Да я и не ставил перед собой цели дать

всеобъемлющую картину. Пока не дошел и до авиации, но в той области работает Марк Солонин. После его работы мне добавить нечего. Но чем объяснить вашу, ученые граждане, однобокую (и неполноценную) любовь к бронетанковой технике при полном игнорировании всего остального оружия? Ваш-то труд завершен, и галочка в соответствующей графе поставлена.

Ответ и на этот вопрос все тот же: сведения собраны без всякой системы. Что под руку попалось, то в книгу и вставили.

Но о чем все же главный спор? Да все о том же. Упоминание «Ледокола» в первом абзаце первой статьи первой книги первого тома говорит о многом, если не обо всем.

Вероятно, шеститомник создан в том числе и для того, чтобы доказать: Советский Союз не готовил нападение на Германию. Не будем спорить. Согласимся. На пару минут. И что же получим?

Если верить авторам и редакторам этого издания, то получим картину весьма мерзкую. В августе 1939 года в Москве был заключен договор, в соответствии с которым Советский Союз и гитлеровская Германия стали союзниками, наша страна стала соучастником преступлений нацизма. Красная Армия вместе с вермахтом принимала участие в разгроме и разделе Польши, в пленении сотен тысяч польских офицеров и солдат, в подавлении партизанского движения на занятых территориях. Войска Красной Армии принимали участие в совместном советско-нацистском параде в Бресте. 28 сентября 1939 года в Кремле был подписан еще один договор: О дружбе и границе между СССР и Германией. В договоре не указан срок его действия. Он подписывался навечно, навсегда.

Получается, что если бы Гитлер не напал на Советский Союз, то товарищ Сталин навсегда остался бы ДРУГОМ Гитлера, а народы Советского Союза, в соответствии с подписанными в Кремле договорами, навсегда были бы ДРУЗЬЯМИ нацизма. И пусть бы мирно дымили над концлагерями Европы трубы крематориев — нас это не касалось. Уж наш народ такого друга не подвел бы никогда, уж наши вожди обеспечили бы Гитлера по потребностям всем необходимым для продолжения войны, для победы над всеми врагами рейха, для удержания покоренных народов под пятой нацизма, для распространения коричневой чумы по всей Европе и миру.

Если бы Гитлер не напал, то сегодня на озере Селигер, надо полагать, наши добрые «нашисты» ворковали бы с посланцами милой организации под названием Гитлерюгенд.

Советский Союз и Германия, разделив в 1939 году сферы влияния, занялись освоением жизненного пространства каждый на своем поле. Советский Союз — в Финляндии, Германия — в Норвегии и Дании. Советский Союз — в Эстонии, Литве, Латвии, Германия — в Бельгии, Голландии, Люксембурге. Советский Союз — в Румынии, Германия — во Франции, Югославии, Греции.

Советский Союз воевал, опираясь в основном на собственные ресурсы. А победы Германии стали возможны только благодаря поставкам стратегического сырья из СССР, благодаря тому, что Гитлер был спокоен за свой тыл, благодаря тому, что не боялся блокады Германии. 13 ноября 1940 года глава советского правительства и народный комиссар иностранных дел товарищ Молотов В. М. не забыл в личной беседе напомнить боевому товарищу Гитлеру, что разгром Франции и других европейских государств стал возможен только благодаря помощи и поддержке Советского Союза.

Гитлер сокрушил Европу на советской нефти, он кормил свою армию нашим хлебом и салом. Без ванадия, вольфрама, марганца, меди, олова, хрома воевать невозможно — и все это Гитлер получал из рук верных советских товарищей. А еще — железную руду, хлопок, платину и многое другое.

Дружба и сотрудничество с Гитлером, соучастие в его преступлениях, поставки стратегического сырья, без которого ведение войны и захват Европы были невозможны, — это наш национальный позор. Я поломал свою судьбу, изломал судьбу родным, друзьям, близким ради того, чтобы доказать стране и миру: союз с Гитлером — это тактика, отвлекающий маневр. А стратегический замысел Сталина — разгром Германии и освобождение Европы от коричневой чумы. Быть друзьями Гитлера — срам и запредельная мерзость. Напасть на Гитлера — дело святое. Заявляя это, я спасаю честь своей страны, народа и армии.

А нам доказывают: Советский Союз не готовил нападение на Германию! Иными словами, наши отцы и деды были надежными корешами Гитлера, таковыми и хотели навсегда оставаться, они свято соблюдали пакт о ДРУЖБЕ с Гитлером, они хотели и дальше маршировать вместе с гитлеровцами по улицам захваченных городов под общие победные марши.

Получается, что пока Гитлер душил Европу, наши отцы и деды с этим полностью смирились и были готовы и дальше радостно помогать злодею, снабжать его нефтью, никелем и молибденом: он нам друг, товарищ и брат, пусть будет спокоен за свой тыл на Востоке.

Такая точка зрения глубоко аморальна. Это клевета на нашу страну и ее народ. Если кто-то этим гордится, это его личное дело — пусть ходит с гордо поднятой головой. Только не надо весь наш народ записывать в гитлеровские друзья. Такие попытки — это фальсификация истории в ущерб интересам России.

Самое интересное в том, что те же ученые люди в тех же томах, часто в той же главе и даже в том же абзаце доказывают: Красная Армия спасла Европу от коричневой чумы.

Вот логика авторов шеститомника: мы, надежные партнеры и союзники Гитлера, спасли Европу от бесноватого злодея!

Зачем это делается? Зачем создаются Президентские комиссии и пишутся подобные труды? Может быть, затем, чтобы разворовать остатки былой мощи и богатства страны? Но воровать у людей умных непросто. Потому их нужно одурачить. И вот результат — десятки миллионов дружно повторяют: Советский Союз освободил Европу от коричневой чумы, но советские люди были союзниками нацистов, никогда на Германию нападать не стали бы, никого освобождать они не хотели.

Еще момент: если Красная Армия спасла Европу, то в этом случае война выходит за рамки Отечественной. Так и называйте же ее Великая Европейская Освободительная. Чего стесняться? Таковой она товарищем Сталиным и замышлялось. Для того грядущий маршал инженерных войск новое русло канала в болотах прокладывал.

А мне говорят: а есть ли подтверждающий документ о замыслах Сталина?

Есть, граждане, документ. Два десятка лет при любой возможности требую опубликовать документ, который хранится в Центральном архиве Министерства обороны России: фонд 16, опись 2951, дело 241, листы 1–16.

Гражданин Медведев, раз уж вы лично вопросами истории занялись, извольте документ народу показать. Зачем 70 лет какую-то бумагу прятать? В вашей Комиссии — и начальник Генерального штаба, и глава всех архивов России. Вам только рыкнуть на них, и мы мигом получим то, что поставит точку на всех спорах, и историческая перспектива прояснится.

А пока позвольте процитировать те документы, которые содержатся в шеститомнике. Напомню лишний раз: это не треп пьяных у кабака; сей научный труд сотворен во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Итак, том 6, страница 256. В разделе фотодокументов — фотокопия документа на всю страницу. Сверху, над документом, девиз: «За честную историю». Под документом его происхождение: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 5. Цитирую документ:

«Кучка пришельцев, жидов, представителей уголовного мира, руководимая темными силами мирового еврейского кагала, воспользовалась великой народной русской революцией и, захватив обманным путем власть в свои руки, обратила все народные достижения, омытые кровью лучших людей, в инструмент позорной и преступной работы против труда народов Европы и всего мира. Ставленник мирового еврейства — Сталин отнял у русских людей их Родину, Отечество…»

Документ объемный. Далее — в том же духе. Никакой подписи к документу, никаких комментариев, никакого контекста. 282-ю статью мне не предъявляйте — я просто цитирую то, что опубликовано в расчете на «широкий круг читателей». Прошу прощения за такие цитаты, но иначе не покажешь всю мерзость шедевра, который сотворен во взаимодействии с президентской Комиссией.

Общее название всех шести томов — «65 лет Великой Победы». Ученые товарищи повторяют, что война была как бы Великой, и в каком-то смысле даже Отечественной. Но документы подобраны прямо противоположного содержания и смысла: получается, что никакая она не Великая и не Отечественная, а развязана мировым кагалом. Нам предлагают праздновать победу кагала?

Но, может быть, это случайно затесавшийся листок? Ах, нет. Вот прямо на следующей странице еще один документ — тоже безо всякой подписи, без объяснений и комментариев, только с точным указанием места хранения: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 178. Л. 6. Цитирую: «Я не хочу, чтобы мое лицо забрызгивала грязь из-под колес роскошных ЗИСов, на которых по русской земле разъезжает разжиревший жид».

Если бы подобные документы в защиту правды истории публиковались в научных трудах, изданных по приказу президентов Эстонии или Литвы, Латвии или Польши, то как отреагировало бы на это российское министерство иностранных дел! Как бросились бы «нашисты» на штурм посольств!

Возразят: не сам же Медведев сочинял сей уникальный труд!

Отвечаю: в работе над шеститомником принимали участие члены Комиссии, созданной по указу Медведева. Неужели он лично за это не несет ответственности?

Чем же объяснить происхождение «лучшего издания о Великой Отечественной войне»? Предположение о том, что в Кремле засели нацисты, отметаем. Тогда, на мой взгляд, остаются два варианта:

- Нарышкин и Торкунов подставляют Медведева или
- это обычное разгильдяйство.

Какому из этих объяснений отдать предпочтение?

Если Медведева подставляет глава его собственной Администрации, то кому нужен такой начальник России? И кому нужна такая «администрация»? Но если это обычное разгильдяйство, тогда еще страшнее. Эти люди управляют Россией. В их руках ключи от ядерного арсенала. Можно ли таким стратегам доверять управление великой страной?

Финал Второй мировой войны — единственная идеологическая опора режима. Имея в руках все архивы, весь пропагандистский аппарат, всю прессу, радио и телевидение, ставя под тотальный контроль сеть Интернет, контролируя все научные учреждения страны, имея неограниченные финансовые средства, эти господа-товарищи способны подпереть свою идеологию только такой подпоркой. Ни на что иное они не способны.

Вот уже четверть века они опровергают «Ледокол», казалось бы, зубодробительным аргументом: один человек не мог такое написать, тут работала группа экспертов из британской разведки.

Прием старый. Приему этому много сотен лет. Когда ребятам из Святейшей Инквизиции — тем самым, у которых холодные сердца и горячие головы, — нечем было крыть, они объявляли: да это не ты написал, твоей рукой водил Диавол! Вот и все. И поди докажи, что это не так. Тем этот ход хорош, что позволяет сразу уйти от обсуждения существа вопроса. Это творение Диавола, о чем еще спорить?

Так вот, использование аргумента про британскую разведку — это проявление трусости и попытка увернуться от обсуждения действительно важных вопросов. Но если кто настаивает — выходите конным или пешим под телекамеры, выставляйте все свое ученое воинство во главе с Нарышкиным, в открытом эфире сшибемся, и вы уличите меня в невежестве и незнании военной истории. Всегда к вашим услугам.

И если зашла речь о группах экспертов, то позвольте напомнить то, что когда-то давно, еще в позапрошлом веке, изрек Густав ле Бон: «Как только несколько индивидов соберутся вместе, то они уже составляют толпу, даже в том случае, если они — выдающиеся ученые… Способность наблюдения и критики, существующая у каждого из этих ученых в отдельности, тотчас же исчезает в толпе» (Психология толпы. Издательство Павленкова. 1896 г.).

Уникальный шеститомник, созданный группой экспертов во взаимодействии с Комиссией, образованной в соответствии с указом Медведева, — самое блистательное и самое позорное подтверждение правоты великого психолога. Группа, сотворяющая научный трактат, — это всегда серость, мерзость, глупость, безалаберность, безответственность, а то и преступление. Неужели, гражданин Медведев, вы не читали «Психологию толпы»?

Меня еще и тем уязвить пытаются, что якобы я повторяю выдумки Геббельса. После выхода «Лучшего издания о Великой Отечественной войне» прошу этот аргумент снять.

При Сталине историю советско-германской войны не писали. Сталин понимал, что если написать без пятнышек, то возникнет слишком много вопросов. А если написать правду, то нечем будет гордиться.

А после Сталина ринулись историю сочинять. За долгие десятилетия попыток предпринято множество. Каждый раз — провал. И каждый раз получается все хуже. Выпуск «Лучшего издания о Великой Отечественной войне» — самое яркое свидетельство полного разложения всей властной вертухали.

P.S. *За несколько дней до того, как эта рецензия ушла в печать, я узнал, что вышли в свет совершенно новые седьмой и восьмой тома отрецензированного выше шедевра, который теперь стал называться «многотомным изданием «Великая Победа». Как гласит аннотация к седьмому тому, «решение о продолжении этого издания было принято по просьбе читателей и с учетом пожеланий научной общественности». Издание по-прежнему «рассчитано на широкий круг читателей и любителей отечественной истории» и выходит тем же тиражом 1000 (одна тысяча) экземпляров.*

АЛЕКСАНДР ПРОНИН*

Монография В. И. Голдина «Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века»**

Прямым следствием хода и итогов Гражданской войны стала пореволюционная эмиграция из России. Военные, потерпевшие поражение в боях с Красной Армией и ушедшие за границу или эвакуированные морем, составили значительную часть эмиграции первой послеоктябрьской волны. Как следствие, тема российского военно-политического зарубежья раскрывается в немалом числе диссертаций, посвященных различным аспектам его истории: эмигрантским воинским организациям[1]; отдельным военачальникам и их деятельности в эмиграции — А. И. Деникину[2], К. Миллеру[3], Н. Н. Юденичу[4]; военному образованию в зарубежной России[5] и его составной части — воспитанию патриотов[6]; военно-учебным заведениям[7], военной периодической печати эмиграции[8]. Особый интерес в контексте изучения темы российского военного зарубежья представляют исследования монархической идеи и программы монархического движения российской эмиграции первой послереволюционной волны, которым посвящены три диссертации периода 1999–2005 гг.: одна — по истории[9], одна — по политологии[10] и одна — по юриспруденции[11].

Вообще история постреволюционной политической эмиграции (деятельность составляющих ее партий, движений и их лидеров, идейные искания и борьба) отечественными учеными плодотворно изучается с 80-х гг. XX в. Была предложена классификация эмигрантских организаций, активно боровшихся с советской властью, показаны причины, по которым эта борьба не принесла успеха[12]. Эти вопросы не остаются без внимания исследователей и сегодня[13]. Примечательно, что диссертации советских ученых содержали в своих заголовках памфлетное негативно-эмоциональное слово «крах».

Большинство существующих документальных изданий также отражают историю российского зарубежья именно 1917–1939 гг.: поражение белых армий, исход российских военных за границу, деятельность антибольшевистских эмигрантских организаций, противоборство спецслужб Советской России с военно-политическими структурами эмиграции, процесс возвращения части эмигрантов на родину[14].

Одновременно с увеличением объема знаний об эмиграции, ростом количества посвященных ей научных исследований развивается и историописание ее изучения. Основная часть историографии эмиграции представлена обзорами литературы, включенными в диссертации и монографии и характеризующими степень изученности той или иной проблемы, в частности, российской военной эмиграции 1920–1945 гг. Так, А. М. Бегидовым, В. Ф. Ершовым, Я. В. Шабановым сделаны обзоры отечественной и эмигрантско-зарубежной литературы по данной теме[15]. Освещение темы периодической печати российского военного зарубежья 1920–1930-х гг. в отечественной и эмигрантской историографии показано И. С. Шинкарук[16].

Несмотря на уже сделанное, деятельность многих организаций военной эмиграции и судьбы многих ее представителей настоятельно нуждаются в дальнейшем изучении и выяснении. Многие источники, опубликованные и архивные, используются пока весьма поверхностно и большей частью лишь иллюстративно, а то и вовсе не используются, многие проблемы материального, политического и нравственного порядка требуют глубокого осмысления и переосмысления.

С этой точки зрения появление монографии Владислава Ивановича Голдина «Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века» представляется очень важным. Книга продолжает его научные изыскания в области истории Гражданской войны и российского зарубежья, начатые в 1990-х гг.[17] Это интереснейшее, документально точное произведение, написанное хорошим языком.

* Пронин Александр Алексеевич, доцент, канд. ист. наук, г. Екатеринбург.
** Архангельск: Солти; СПб.: Полторак, 2010. 576 с. ISBN 5-7536-0369-6.

В рецензируемом издании исследуются проблемы истории и противоборства российской военной эмиграции и советских спецслужб. На обширной источниковой базе (документы бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, перевезенные после окончания Второй мировой войны в СССР; переданные в Государственный архив РФ документы Гуверовского института войны, революции и мира; фонды Российского государственного архива социально-политической истории; материалы Российского государственного военно-исторического архива; материалы Центрального архива Федеральной службы безопасности России и ее региональных управлений; документальные, справочные и энциклопедические издания по истории секретных служб и эмиграции, опубликованные в нашей стране и за рубежом; периодическая печать; мемуаристика) раскрывается процесс формирования российской военной эмиграции в эпоху Гражданской войны в России и после ее окончания, образования и развития эмигрантских военных организаций и их взаимоотношений между собой, место складывающегося российского военного зарубежья в системе оформляющейся зарубежной России. Рассматривается создание и развитие советских спецслужб, особенности их функционирования и взаимоотношений между собой, формы и методы деятельности. Изучены основные этапы и дана характеристика процессов, особенностей и результатов борьбы российской военной эмиграции и советских спецслужб в 20-е гг. XX в. — годы активных попыток советского руководства реализовать идеи «мировой революции» и переосмысления вопроса о перспективах социалистического строительства, годы надежд белоэмигрантов на скорое возвращение в Россию с победой и их утраты.

Книга В.И. Голдина свободна от политических пристрастий и представляет собой «равноудаленный» взгляд на деятельность обеих названных в ее заголовке сторон.

Географические рамки исследования включают страны Европы и Азии (прежде всего Дальнего Востока) — регионы присутствия военноэмигрантов. Особое внимание уделяется автором территориям с наиболее высоким уровнем развития революционного движения и наличием там одновременно крупных и организованных объединений военных эмигрантов, которые своими действиями вносили ощутимый вклад в борьбу против распространения революционных идей и недопущение реализации планов советского руководства и Коминтерна по превращению их в бастионы «мировой революции» (Болгария и в целом Балканы, Германия, Польша, Прибалтика, Монголия и Китай).

В четырех главах работы последовательно рассматриваются вопросы «Гражданская война в России и формирование военной эмиграции. Советские спецслужбы в Гражданской войне и в борьбе с эмиграцией», «Российская военная эмиграция и советские спецслужбы после окончания Гражданской войны в стране», «Операция “Трест” и русская военная эмиграция: взгляд сквозь годы», «Формирование русского военного зарубежья. “Белая линия” в деятельности советских спецслужб во второй половине 20-х гг.».

Автором анонсируется, что дальнейшее развитие противоборства между эмигрантскими военными организациями и сотрудниками советских разведывательных и контрразведывательных служб в 30-е годы, его результаты и исход станут предметом рассмотрения в следующей книге.

Со страниц книги предстают судьбы многих лиц, разных по «историческому масштабу». В.И. Голдиным показаны жизнь и взгляды большого числа «отдельных людей», их индивидуальное сознание. Подходы автора вносят вклад в утверждение роли и значения человеческой личности как главного субъекта общественно-исторического процесса.

Издание снабжено документальными приложениями. Предназначено для специалистов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, всех интересующихся проблемами отечественной истории, российского зарубежья и международных отношений.

[1] Соловьев М.С. Деятельность организации великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х — начале 1930-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2003. 20 с.; Чичерюкин В.Г. Русские эмигрантские воинские организации в 1920–40-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 17 с.; Шабанов Я.В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920–1930-х гг.: По материалам Русского общевоинского союза: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1997. 22 с.

[2] Панов Д.Н. «Очерки русской смуты» А.И. Деникина в общественно-политической борьбе 20-х — начала 30-х гг. XX века [Текст]: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.Н. Панов; Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2003. 25 с.

[3] Войнаровский О.В. Военная и политическая деятельность Е.К. Миллера: (1914–1937 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самар. гос. пед. ун-т. Самара, 2005. 22 с.

[4] Медвецкий А. Ф. Военная и политическая деятельность Н. Н. Юденича: (август 1914 — февраль 1920 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самар. гос. пед. ун-т. Самара, 2002. 22 с.

[5] Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной России, 1920–1945 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 46 с.

[6] Черных Ю. Н. Патриотическое воспитание в военном образовании российского зарубежья: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2005. 20 с.

[7] Бегидов А. М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. акад. сферы быта и услуг. М., 1998. 24 с.

[8] Шинкарук И. С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2000. 25 с.

[9] *Антоненко Н. В.* Идеология и программа монархического движения русской эмиграции: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2005. 32 с.

[10] *Варакса А. Н.* Идея монархии в политической мысли русского зарубежья (1920–1940 гг.): автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2003. 30 с.

[11] *Атмачев С. И.* Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 1999. 26 с.

[12] *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921–1925 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1982. 39 с.; *Шкаренков Л. К.* Белая эмиграция: эволюция и крах, 1917–1945 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории СССР АН СССР. М., 1982. 39 с.

[13] *Чистяков К. А.* «Активизм» в среде российской эмиграции: идеология, организация, практика: (1920–1930-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2000. 24 с.

[14] См., напр.: Политическая история русской эмиграции: 1920–1940: документы и материалы: учеб. пособие для студентов вузов / науч. ред., авт. предисл. А. Ф. Киселев; сост. А. Ф. Киселев, С. В. Константинов, С. М. Сергеев, Э. М. Щагин. М.: ВЛАДОС, 1999. 774 с.; Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов: сб. документов / отв. ред., авт. предисл. Г. А. Трукан; сост. Л. И. Петрушева, Е. Ф. Теплова. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1995. 442 с.; Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX в.: в 10 т. Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза», 1924 г. У истоков «Русского общевоинского союза», 1924 г. М., 2007. 977 с.; Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов XX в.: документы и материалы: в 10 т. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.; сост. И. И. Басик (отв. сост.) и др.; пер. фр. док. В. Карпов. Т. 1, кн. 1. М.: Гея, 1998. 425 с.; Русская военная эмиграция 20-х — 40-х гг. XX в.: документы и материалы: в 10 т. / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.; сост. И. И. Басик (отв. сост.) и др.; пер. фр. док. В. Карпов. Т. 1, кн. 2. М.: Гея, 1998. 751 с.

[15] Бегидов А. М. Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. акад. сферы быта и услуг. М., 1998. С. 4–10; Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: организация, идеология, экстремизм: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т сервиса. М., 2000. С. 5–16; Шабанов Я. В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920–1930-х гг.: По материалам Русского общевоинского союза: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1997. С. 2–11.

[16] Шинкарук И. С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2000. С. 6–10.

[17] Голдин В. И. Советские спецслужбы: эпоха становления // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 49–58; его же. Спецслужбы: тайная история России и международных отношений в XX веке: Поиски концептуального видения // XII Ломоносовские чтения: сб. науч. тр. Архангельск, 2000. С. 45–51; его же. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000. 278 с.; его же. Армия в изгнании: страницы истории Русского обще-воинского союза. Архангельск: Солти, 2002. 300 с.; его же. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск: Солти, 2005. 616 с.; его же. Солдаты на чужбине. Русский обще-воинский союз, Россия и российское зарубежье в XX—XXI веках. Архангельск: Солти, 2006. 794 с.; его же. Русское военное Зарубежье в XX веке: учеб. пособие. Архангельск: Солти, 2007. 270 с.

ИНТЕРВЬЮ

Субъектно-субъектные отношения

Интервью Александра Гогуна с профессором Рольфом-Дитером Мюллером

В СССР и Германии много аналогичного,
так как обе партии и оба государства нового типа.
Вячеслав Молотов — Рудольфу Гессу, ноябрь 1940 г.

О новейших течениях в изучении и освещении Второй мировой войны (1939–1945), и ее пролога — пакта Молотова — Риббентропа — рассказывает профессор Рольф-Дитер Мюллер, научный сотрудник немецкого военно-исторического исследовательского института, ответственный за направление по исследованию Второй мировой войны.

— Нередко в публицистике используется выражение «историография холодной войны». Под этим подразумевается тенденциозность и однобокость в восприятии СССР в качестве врага. Какие изменения в описании ряда событий, в частности пакта, произошли с тех пор в немецкой науке?

— Как ни парадоксально, западногерманская историография в течение 40 лет терпеливо выслушивала все, что вещала советская и восточногерманская пропаганда: о жизненной необходимости пакта для сохранения мира, о том, что этот шаг был вынужденной мерой для Кремля, что в развязывании войны виноваты Великобритания и Франция и т. д. и т. п. Конечно, возражали, когда нам преподносили откровенную ложь о том, что секретных протоколов о разделе Европы не существовало. Но понятно было, что восточноевропейские коллеги в той ситуации вынуждены были лгать. Многие историки в ФРГ в своих исследованиях ограничивались ролью Гитлера как агрессора. Для Сталина находилось не-

которое оправдание, поскольку, с немецкой точки зрения, он был обманут Гитлером, и через два года подвергся нападению.

— В свете последних достижений науки, каковыми выглядят мотивы сторон, заключавших договор?

— Лишь немногие немецкие историки настаивают на том, что коварный и расчетливый Сталин втянул наивного психопата Гитлера в войну с Польшей. Многократно зафиксированы высказывания тогдашнего главы Германии о том, что он стремился к войне. И не к простому маршу, каковым являлись покорение Австрии, Судетской области Чехословакии, вступление в Прагу. Поскольку Польша отказалась выступить на германской стороне в качестве союзника, она стала первым объектом для нападения. Потом немцы должны были напасть на Францию или СССР. Чтобы удержать Лондон от выполнения своих гарантий Варшаве, избежать англо-франко-советского военного альянса, Гитлер позитивно отреагировал на сталинские предложения о начале переговоров. В вермахте и среди дипломатов все еще существовала «фракция Раппало», которая верила в возможность длительного германо-российского сотрудничества на антипольской основе. Но ненависть Гитлера к «иудо-большевизму» и его химеры о германском «жизненном пространстве» на Востоке были так велики, что он не пытался сохранить альянс со Сталиным хотя бы еще на день после утраты для себя стратегической необходимости.

Что касается роли Сталина, то многие историки сейчас отмечают, что красный диктатор с помощью своего коричневого коллеги смог восстановить старые границы империи Романовых. Но оккупированные республики на западной границе никогда не забывали о двух десятилетиях независимости. Временные стратегические плюсы оказались небольшими и были быстро утеряны в течение нескольких недель 1941 года. За это Сталин был готов два года подряд поддерживать войну, которую вел Гитлер в Европе, и даже распустить Коминтерн.

Лично я думаю, что Сталин фактически был готов конструктивно сотрудничать с нацистами более продолжительный период. Сложились все условия для раздела планеты на сферы влияния между Третьим рейхом, Советским Союзом и императорской Японией. Общим врагом были другие капиталистические сверхдержавы. Разумеется, не исключено, что в более далекой перспективе Сталин мечтал и о мировой революции, а Гитлер был для него удобен как партнер, сокрушающий западные демократии.

— Какое место пакт Молотова — Риббентропа занимает в национальной памяти немцев?

— В целом незначительное, как на официальном уровне, так и среди населения. При опросе большинство граждан Германии, в том числе и молодых, сказало бы: «Пакт был, Гитлер со Сталиным друг друга поняли, а больше мы ничего не знаем».

— Не противоречит ли ваше высказывание последним событиям? Германия — ведущая страна ЕС, а Совет Европы летом принял постановление о том, что 23 августа теперь считается днем памяти жертв национал-социализма и сталинизма.

— Это важный прогрессивный шаг в развитии исторической памяти также и для немцев. Как минимум, историки с 1990 года уяснили и приняли к сведению, что в Центральной и Восточной Европе советское время интерпретируется как период оккупации. Мы теперь лучше осознаем, что означал сталинизм для этих стран. И политические предубеждения против тоталитарной теории, которая сравнивает национал-социализм и коммунизм, рассеялись. Но в политике, материалах СМИ и общественной оценке событий Второй мировой войны все же наблюдается определенная сдержанность.

Во-первых, еще сильны опасения релятивизации нацизма, — этому бы способствовало подчеркивание значимости советских преступлений. Немецкая вина за развязывание Второй мировой войны и нападение на Советский Союз — столпы немецкой политики в области истории.

Во-вторых, необходимо конструировать общую европейскую память не только вместе с нашими коллегами из Центральной и Восточной Европы, но и с Россией, где весьма болезненно реагируют, когда ответственность за начало Второй мировой войны возлагается также и на Сталина. В последнее время Россия выдвигает тезис о том, что западные демократии повинны в начале войны из-за Мюнхенских соглашений, а Польша, возможно, вела себя слишком провоцирующе, отказавшись от создания совместного оборонительного союза под эгидой СССР.

— Либеральные российские ученые теперь уже и не полемизируют с официозным неосоветским шовинистическим мракобесием — грех над убожеством смеяться. Почему германские историки обращают внимание на эту чепуху?

— Конечно, преобладает общее понимание оценок с официальными историческими кругами в Москве. Но ряд ученых выражают опасение по поводу возвращения к догматизму и преувеличенным оценкам, поскольку на Западе не уверены, в каком политическом направлении пойдет Россия и останется ли свобода научных дискуссий гарантированной. Поэтому мы должны приложить усилия к тому, чтобы, как выражаются в Германии, «держать открытым канал».

Во-первых, мы надеемся, что — в том числе благодаря международному сотрудничеству с Россией — когда-то все же наступит смена поколений в ведомствах, занимающихся изучением истории и написанием учебников.

Во-вторых, многие документы по самым животрепещущим темам середины ушедшего века до сих пор засекречены. Благодаря совместным проектам многие секретные материалы увидели свет. Если эта тенденция не найдет продолжения, то в обозримом будущем документы могут просто превратиться в архивную пыль.

— Какие новые тенденции в изучении Второй мировой войны, в том числе операций в Восточной Европе, сейчас наблюдаются в германской историографии?

— Судьба балтийских государств, бывших польских восточных земель и Украины во Второй мировой все больше интересует германских историков, исследующих Восточную Европу. Это приводит к определенному изменению немецкой картины прошлого, даже если все еще сложно рассматривать пострадавшие народы не только через призму германских оккупационных учреждений. Определение «коллаборационизм» употребляется в негативном значении, но поведение людей в условиях господства чужого режима сложно осуждать, особенно если эти режимы многократно менялись.

Особенно серьезной переоценке подвергается советская партизанская война, многие десятилетия героизировавшаяся коммунистической пропагандой. При критическом рассмотрении выходит, что она сыграла немалую роль в том, что советско-германская война стала для гражданского населения такой кровавой.

Советские партизаны терроризировали собственное население и убивали больше своих сограждан, чем немецких солдат.

Хочется отметить монографии Клауса-Йохена Арнольда и Дитера Поля, вышедшие после выставки «Преступления вермахта». Эта выставка создает у посетителей представление о германской армии как о машине тотального уничтожения и массовых зверств. Обе книги посвящены оккупационной политике вермахта в Восточной Европе. Арнольд указывает на то, что не только нацистская доктрина, но и обстоятельства, условия проведения войны оказывали влияние на поведение германских солдат на фронте и в тылу, их постепенную брутализацию. Имеются в виду расстрелы НКВД, совершенные летом 1941 года в западных областях СССР, убийства немецких пленных, партизанский террор. Поль еще раз продемонстрировал разницу между политикой вермахта, с одной стороны, и полиции, СС — с другой. Именно последние совершили львиную долю военных преступлений. Кроме того, в работе также выявлен ряд сходных черт мероприятий немцев и оккупационной политики Советов и Японии в годы Второй мировой войны. Поль принадлежит к рабочей группе Мюнхенского института современной истории, исследующей в последние годы войну вермахта на Востоке. Ныне они публикуют научные работы, которые представляют дифференцированную картину о поведении немецких солдат в годы войны.

К сожалению, в этих трудах почти не использованы местные, восточноевропейские источники, не представлен «взгляд снизу». И пока что уникальной комплексной работой о германском господстве в СССР является труд американца Александра Даллина, опубликованный полвека назад.

В целом же, если раньше население Центральной и Восточной Европы рассматривалось в основном как объект диктаторов и их оккупационных органов, то сейчас, особенно благодаря молодым германским специалистам, работающим в архивах стран бывшего Восточного блока, история понемногу приобретает человеческое лицо. Научный интерес поворачивается к индивидам, субъектам, которые в старой коллективистской исторической картине представляли собой серую массу объектов.

«Комиссаров мы ни о чем не спрашивали — они знали не больше нашего»

Интервью Александра Гогуна с Эдуардом Гюнниненом, бывшим бойцом Финской народной армии

В марте 1939 года отгремели последние залпы Зимней войны, унесшей тысячи жизней. Тогда с высоких трибун на весь мир было объявлено: СССР свою задачу выполнил, отодвинул границы от Ленинграда. Впрочем, свидетели тех событий говорят, что все было не совсем так: своих первоначальных целей Сталин не достиг. Очевидец тех событий Эдуард Гюннинен, бывший боец так называемой Финской народной армии (ФНА) рассказывает о своем участии в очередном «освободительном походе» СССР.

— Кем вы были до 1939 года?

— По национальности я российский финн — ингерманландец. Мои предки в XVII веке пришли из Финляндии и расселились на территории нынешней Ленобласти, где до войны с Германией проживали примерно 150 тысяч ингерманландцев, жителей более тысячи деревень. До начала советско-финляндской войны я был студентом 1-го курса Ленинградского университета, факультета физики, а осенью 1939 года вышел указ о том, что все окончившие среднюю школу призываются в армию.

— Когда вы были призваны?

— 17 ноября 1939 года. Все шло как обычный призыв в Красную Армию, только была одна странность. Вместе со мной на призывной пункт Павловска пришел мой приятель латыш, его паспорт тут же вернули, а самого отправили домой. Мой же паспорт, про-

читав в нем графу «национальность», военрук разорвал. В этот день в Павловском военкомате нас призвали 25 человек — все финны. Нас одели в форму бойцов РККА и отправили в Петрозаводск, где формировалась 106-я стрелковая дивизия. Я попал в батальон связи. В Петрозаводске мы узнали о начале войны и создании «правительства» Куусинена. В середине декабря нас совершенно неожиданно перевезли в Ленинград и одели в неизвестную форму (теперь известно — это была польская форма со складов, захваченных РККА в сентябре 1939 года в восточной Польше). Всех построили, и командир батальона вместе с комиссаром армии объявили: «Отныне вы являетесь бойцами Финской народной армии и мы идем освобождать Финляндию от буржуев!» Больше они не сказали ничего, так как знали не больше нашего.

— Были ли у ФНА какие-нибудь особенности, запомнившиеся особенно ярко?

— Конечно. В составе ФНА было много русских рядовых, которых стали призывать туда потом, когда финнов стало не хватать для комплектования новых подразделений. Все офицеры были кадровыми офицерами РККА, русскими по национальности, делопроизводство велось на русском. Служба в ФНА шла по уставу РККА, командиры имели советские знаки различия, все были вооружены советским оружием. Другой особенностью ФНА было то, что она не являлась боевым подразделением — все призванные поголовно были новобранцами, я впервые увидел винтовку. В моем взводе телефонистов (мы обслуживали штаб корпуса) большинство впервые увидели телефон. Мы не воевали, нас толком к войне и не готовили, это была явно демонстрационная акция. К марионеточному правительству Куусинена была наскоро слеплена марионеточная армия. Как говорят в Финляндии, нас готовили для победного парада в Хельсинки.

— Вы встречались с «освобожденным» населением?

— Дальше Териоки (Зеленогорска) я не ходил, но первый населенный пункт, который мы заняли, — это была небольшая деревушка — оказался пустым. Далее в округе наблюдалось то же самое. Потом около селения Ривьера — это чуть южнее Териоки — находился штаб нашего корпуса, и в соседнее селение собрали жителей со всей округи, которые по каким-либо причинам не ушли с Армией Финляндии. Иногда мы ходили в эту деревню, меняя

хлеб на молоко. Один раз я пришел, и, попытавшись заговорить с каким-то дедом, услышал враждебный возглас: «И ты с этими коммунистами». Отношение жителей к нам было отрицательным, ни о каком «освобождении» речи быть не могло.

— Были ли какие-нибудь контакты с противоположной стороной?

— Нет, на фронте мы не были. Хотя был случай, когда мы испытали на себе пропаганду финнов. Надо сказать, что советская пропаганда была какой-то топорной и ненавистнической. Нам с утра до вечера рассказывали, какие «змеи» и «бандиты» сидят в финском правительстве. То же самое было в газетах. Мы уже не обращали на агитпроп никакого внимания и относились ко всему с юмором. Но один раз мы случайно поймали финское радио, это была прямая трансляция из лютеранской церкви, говорил пастор. Он ни разу не отозвался плохо ни о Сталине, ни о советских вождях, ни о СССР вообще. Он говорил о том, что страна в страшной опасности и ее надо защищать. Мы слышали эту речь всего 15 минут, но она произвела на нас большее впечатление, чем часы советского радиовещания.

— Как в ФНА восприняли окончание войны?

— С недоумением. Сам корпус продвинулся на 80 километров на северо-запад, а мы со штабом остались около Териоки. Мы ждали, что нас вот-вот переместят ближе к фронту. Когда же объявили, что войне конец, у большинства это вызвало недоумение, а «провокационных» вопросов мы комиссарам не задавали, так как тогда это было не принято, да и комиссары знали не больше нашего о судьбе правительства Куусинена. Нам было ясно, что «освобождение» Финляндии сорвалось.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ

ВОЛЬФГАНГ ЛЕОНГАРД*

Рукопожатия в Москве: тайны и сюрпризы на высшем уровне

Книга Вольфганга Леонгарда «Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США» вышла в Западной Германии на немецком языке в 1986 г.[1] Русское издание в переводе Игоря Бурихина появилось в Лондоне в 1989 г.[2] и для российских читателей осталось малоизвестным. С разрешения автора мы публикуем предисловие и первую главу этой интереснейшей книги.

Предисловие

23 августа 1939 года в Москве был подписан пакт между Гитлером и Сталиным. Этот день застал меня, совсем молодого человека, в Советском Союзе, в городе Ейске на Азовском море, где я проводил каникулы вместе с группой детей немецких и австрийских политических эмигрантов.

И сегодня я помню, какой шок мы пережили из-за внезапного прекращения нашего отдыха, поспешного возвращения в Москву и роспуска нашего детского дома. Его закрыли, по-

* Вольфганг Леонгард (род. в 1921 г.), сын известной немецкой коммунистки Сюзанны Леонгард, бежал вместе с матерью от нацистов в СССР в 1935 году. Здесь он прожил десять лет — вплоть до разгрома Третьего рейха. В 1945 году Леонгард вернулся в Германию в качестве коммунистического функционера; в 1949 году рвет со сталинизмом и бежит из ГДР в Югославию. С 1950 года живет в ФРГ. Один из ведущих экспертов по Советскому Союзу и сталинизму, профессор истории Йельского университета.

скольку с этого момента в СССР не могло быть больше никаких эмигрантов-антифашистов!

С тех пор, как я живу на Западе, меня не оставляет в покое вопрос: что означал тогда этот пакт для других людей? Какова была их реакция?

По поводу немецко-советского пакта о ненападении опубликовано много академических трудов, ему уделяется много места в исследованиях по истории Второй мировой войны и дипломатии того времени. При этом пакт рассматривался почти исключительно с внешнеполитических точек зрения, а в центре внимания находились обычно официальные заявления и возможные побудительные мотивы Гитлера и Сталина.

Цель этой книги заключается в другом: на примере пакта между Гитлером и Сталиным я хочу показать, как воспринималось это историческое событие отдельными людьми, как оно влияло на жизнь и образ мыслей современников, какие политические и психологические перемены из этого проистекали.

В общей сложности здесь высказываются 70 очевидцев — прежде всего те, кто надеялся тогда на Советский Союз как на страну социализма и оплот антифашистской борьбы.

Свидетельства показывают, что пакт между Гитлером и Сталиным стал поворотным пунктом в политической биографии целого поколения людей, приверженных коммунистической идеологии. В каком-то смысле, за одну ночь они были вынуждены подвергнуть сомнению свою верность по отношению к Советскому Союзу и руководству Коминтерна, считавшуюся неизменной.

Мне хорошо известны опасения относительно субъективности свидетельств современников, свойственные многим историкам, но я считаю, что человек находится в центре внимания исторического анализа, и высказывания 70 очевидцев уже не являются больше «субъективным фактором».

Последующее изложение событий ограничивается описанием непосредственной реакции на пакт коммунистов и тех, кто им сочувствовал, прежде всего в первые десять дней между заключением пакта 23 августа 1939 года и нападением Гитлера на Польшу 1 сентября, положившим начало Второй мировой войне.

Сам пакт о ненападении был, однако, лишь началом дальнейшего ряда событий. За ним последовали: вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года, раздел Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом, второй приезд Риббентропа в Москву в конце сентября 1939 года, подписание второго, еще более далеко идущего «Договора о дружбе и границе между СССР и Германией», тесное сотрудничество между обеими диктатурами в области экономики и военного дела (включая посещения Третьего Рейха делегациями советских военных), война Советского Союза с Финляндией (декабрь 1939 — март 1940 года), выдача в руки гестапо немецких эмигрантов-коммунистов (январь-март 1940), расстрел польских офицеров в Катыни (апрель 1940), занятие советскими войсками прибалтийских стран Эстонии, Латвии и Литвы в июне 1940 года (предусмотренное протоколом секретного соглашения) и аннексия Советским Союзом Бессарабии в августе 1940 года (также согласованная заранее).

Свидетели того времени еще не знали о секретных дополнительных протоколах пакта, равно как и о последующих событиях, упомянутых выше. В книге показывается первая реакция на самый пакт. Понятие «шок» не выдумано в данном случае автором. Это понятие наиболее часто встречается в сообщениях современников.

Вольфганг Леонгард
Мандершейд / Эйфель, декабрь 1985 г.

Риббентроп у Сталина и Молотова

Поездка Риббентропа в Москву 23 августа 1939 года сохранялась в такой тайне, что лишь очень немногие были тому свидетелями, и только один из них описал прибытие Риббентропа и его пребывание в Москве на основании собственных впечатлений.

По сообщению «Правды», германская делегация состояла из министра иностранных дел фон Риббентропа, Гауса, барона фон Дернберга, Пауля Шмидта, профессора Г. Хофмана, К. Шнурре «и других». Для встречи германского министра иностранных дел на московский аэродром прибыли следующие советские государственные деятели: заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин, заместитель народного комиссара внешней торговли М. С. Степанов, заместитель народного комиссара внутренних дел В. Н. Меркулов, председатель Московского городского совета «и другие».

Согласно «Правде», присутствовали также сотрудники посольства Германии «во главе с послом фон дер Шуленбургом», а также посол Италии со своим военным атташе.

Никто из упомянутых советских деятелей не оставил воспоминаний, в которых содержалось бы описание визита Риббентропа и переговоров в Москве. Имеется, однако, немецкий свидетель этого решающего события, работавший тогда в немецком посольстве в Москве, который, будучи критиком и позднее противником нацистской системы, описал происходившее достоверно и объективно. Это — Ханс фон Герварт.

Ханс фон Герварт, тогда 35-ти лет, родился в Берлине, детство провел в Познанском воеводстве, в 1918 году вернулся вместе с родителями в Берлин, закончил там школу и затем работал на локомотивостроительных заводах. Позднее он писал о том, как важно для него было испытать на собственном опыте, что это значит — работать по восемь часов в день. Так он узнал рабочих в их собственной среде, познакомился с деятельностью профсоюзов и наблюдал, какие резкие споры возникали подчас между правыми социал-демократами, левыми «независимыми социал-демократами» и коммунистами. Позднее он учился в университетах Бреслау и Мюнхена и с 1927 года, после сдачи государственного экзамена по юриспруденции, работал в министерстве иностранных дел.

С конца мая 1931 года Ханс фон Герварт был сотрудником посольства Германии в Москве. Он был свидетелем и внимательным наблюдателем выполнения первого пятилетнего плана и коллективизации. Он познакомился с жизнью простых советских людей и некоторых влиятельных советских деятелей (почти все они погибли во время «большой чистки» 1936–1938 годов). Он неоднократно встречался также с разуверившимися в сталинской политике зарубежными коммунистами, среди них и с Максом Гельцем.

С графом фон дер Шуленбургом, возглавлявшим с октября 1934 года посольство Германии в Москве, у Ханса фон Герварта скоро установились дружеские отношения. Он был поэтому не только свидетелем, но отчасти также активным участником того процесса улучшения германо-советских отношений, которое наблюдалось с весны 1939 года и привело наконец к поездке Риббентропа в Москву 23 августа 1939 года.

Ханс фон Герварт стоял вместе с сотрудником посольства Гебхардтом фон Вальтером на Московском аэродроме. Особенно ему запомнилась встреча гестаповцев с их коллегами из НКВД:

«По прибытии в Москву Риббентроп был встречен группой советских чиновников и графом Шуленбургом. Я стоял рядом с Гебхардтом фон Вальтером, и мы оба с напряженным вниманием наблюдали эту первую германо-советскую встречу, протекавшую без привлечения общественности.

Вдруг Вальтер схватил меня за руку и показал на группу гестаповцев, которые как раз сердечно приветствовали своих собратьев из НКВД. «Посмотри, как они улыбаются друг другу. Это они радуются, что наконец могут работать сообща. Ужасно даже подумать об этом. Только представь себе, что они начнут обмениваться своими досье…»[3]

23 августа в 15 часов начались германо-советские переговоры, в которых с советской стороны принимали участие Сталин и Молотов, с германской стороны — Риббентроп, фон Шуленбург и Хильгер. Риббентроп привез с собой новое послание Гитлера, в котором как о должном говорилось, что «отныне все проблемы Восточной Европы являются делом Германии и России». Когда начались переговоры, Сталин сразу обратился к важной для него проблеме: Россия должна была получить латвийские порты на Балтийском море Лиепаю и Вентспилс (до 1917 — Либава и Виндава). Риббентроп звонил Гитлеру, чтобы узнать, согласен ли тот на эти условия, и получить разрешение на подписание секретного протокола, разграничивающего сферы влияния обеих сторон. Гитлер потребовал срочно принести ему атлас, бросил взгляд на карту и около восьми часов вечера ответил: «Да, согласен».

Вечером переговоры продолжились. Они затянулись за полночь. Таким образом, это было уже собственно утро 24 августа, хотя пакт о ненападении и секретный протокол датированы и подписаны 23-им числом. Фотокамера запечатлела довольные улыбки на лицах. Хлопнули пробки от шампанского. Сталин произнес тост в честь Гитлера: «Я знаю, как сильно любит немецкий народ своего фюрера; поэтому я хочу выпить за его здоровье!»[4]

Ханс фон Герварт провел эту решающую ночь в резиденции посла Германии, обеспечивая срочное телефонное сообщение между Москвой и Берлином. Он вспоминает:

«Было установлено прямое телефонное сообщение между Москвой и Берлином. Несколько раз я должен был запрашивать согласие Гитлера на изменения в тексте договора, в первую очередь — на небольшие перемещения границ. Удивляла стреми-

тельность, с какой Гитлер давал свое согласие, чтобы как можно скорее заручиться договором».

Ханс фон Герварт узнал и другие подробности об этой знаменательной ночи. Так, например, о том, что переговоры вел лично Сталин. Что он поведал Риббентропу, будто он, Сталин, с давних пор был за советско-германское сближение. Что после подписания договора Сталин поднял бокал в честь Гитлера и назвал его «молодцом».

Пакт о ненападении, датированный 23 августа 1939 года, был подписан 24 августа в два часа ночи. Вскоре после этого впустили фотографов, чтобы они запечатлели историческое событие. Ханс фон Герварт пишет: «Среди них был немецкий фотограф Хельмут Лаукс, рассказавший мне позже, как он фотографировал Риббентропа и Сталина. У обоих было в руке по бокалу с шампанским и они пили за успех договора. Сталин заметил, что было бы нехорошо публиковать этот снимок, поскольку это произвело бы ложное впечатление на немецких и советских людей. Лаукс хотел было сразу открыть камеру и отдать Сталину фотопленку, но тот остановил его жестом и сказал, что слова немца ему достаточно»[5].

24 августа в 13 часов 25 минут Риббентроп отбыл из Москвы. Прибыв в Берлин, он во второй половине дня доложил положение дел Гитлеру, который специально для этого поспешил приехать из Берхтесгадена. Гитлер очень радовался и осыпал своего министра похвалами. Ничто теперь не могло помешать началу войны. Подготовка нападения Гитлера на Польшу шла полным ходом[6].

«Правда» опубликовала пакт о ненападении

24 августа «Правда» сообщала о заключении пакта. Это был один из самых поразительных выпусков «Правды» в истории Советского Союза. Огромные фотографии на первой странице показывали Сталина и Молотова, Риббентропа, помощника статс-секретаря германского министерства иностранных дел Гауса и переводчика. Под фотографией встречи в Кремле стояло сообщение: «23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и

продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР
и Правительство Германии

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов

За правительство Германии
И. Риббентроп[7]

В передовой статье газеты «Правда» особенно подчеркивалось значение статьи IV, по которой обе договаривающиеся стороны обязывались не участвовать ни в какой группировке держав, прямо или косвенно направленной против другой подписавшейся стороны. В «Правде» превозносилась также статья V нового договора, предусматривавшая мирное и дружеское урегулирование всех спорных вопросов путем создания в случае серьезных конфликтов совместных комиссий.

На следующий день, то есть 25 августа, «Правда» только кратко сообщила об отъезде Риббентропа из Москвы 24 августа в 13 часов 25 минут. Говорилось, что на аэродроме его провожали те же советские деятели, которые присутствовали при его встрече.

Хрущёв: Члены Политбюро были на охоте

Существенным остается вопрос: кто из советских руководителей знал о пакте и участвовал в его заключении.

Об этом у нас есть свидетельство тогдашнего члена Политбюро ЦК Никиты Хрущёва. Родившийся в 1894 году в крестьянской семье, Хрущёв с 1918 года состоял в партии большевиков. Поначалу он был секретарем районной парторганизации на Украине и в 1927 выдвинулся в партаппарат УССР. В 1929 году он переехал в Москву, где стал сначала секретарем парторганизации «Промышленной академии», затем с 1932 года — первым секретарем Московского горкома и вторым секретарем Московского обкома, а с марта 1935 года — первым секретарем Московского обкома и горкома партии. С 1934 года он входил в состав ЦК ВКПб, а с марта 1939 — в состав Политбюро ЦК.

Итак, бывший к тому времени членом Политбюро, Хрущёв описал заключение пакта между Гитлером и Сталиным в своих позднейших воспоминаниях:

«Суббота была. Я пришел к Сталину, на дачу приехал к нему. Он мне сказал… что — вот, завтра прилетит к нам Риббентроп. И смотрит на меня, улыбается… Какое это произведет врачатление на меня. Я на него смотрю, то считаю, что он шутит, чтобы к нам Риббентроп прилетел, что это бежал он, что ли, бежать собирается… но вот, он говорит, Гитлер прислал телеграмму… пишет, прошу, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который, так сказать, вот везет конкретные предложения. Да, говорит, вот завтра мы его встретим, а завтра — это 23 августа; это число, по-моему, я безошибочно запомнил и называю его. Я собирался поехать на охоту. В Давидовское охотничье хозяйство… созданное Ворошиловым… Мы сговорились с Булганиным и Маленковым. <…> Я Сталину об этом сказал. <…> Он говорит, хорошо, поезжайте, значит, завтра никого не будет, значит, я его приму… кажется с Молотовым, что ли, и послушаю. А потом вы приедете с охоты, приезжайте, тогда, значит, вот, я расскажу… какие-то детали и как… какой результат».

И вот Хрущёв с Булганиным и Маленковым поехали в Давидовское охотничье хозяйство. Когда они туда приехали, там уже был Ворошилов. Это означает, что он также не принимал участия во встрече с Риббентропом, хотя, будучи тогда народным комиссаром обороны, он выступал и в качестве руководителя советских делегаций при переговорах с западными державами. Однако на этот раз его оставили в стороне.

С трудом верится, но это — факт: во время заключения пакта между СССР и Германией члены Политбюро ЦК ВКП(б) были на охоте. Хрущёв вспоминает, что день стоял теплый и охота была очень удачной. Хрущёв особенно радовался, потому что он убил на одну утку больше, чем Ворошилов, которого советская печать постоянно превозносила как лучшего советского стрелка. После

охоты члены Политбюро поехали на дачу Сталина. Хрущёв взял с собой всех своих уток, чтобы поделиться с другими членами Политбюро. Он рассказал Сталину об охоте и немного похвастался своим успехом. Сталин был в очень хорошем настроении.

Хрущёв вспоминает: «…Покамест готовились наши охотничьи трофеи к столу… Сталин рассказал, что вот прилетел Риббентроп. Он уже, говорит, улетел. И он, значит, приехал с проектом договора о дружбе и ненападении… И мы этот договор подписали, значит. И Сталин очень в хорошем был настроении… вот, мол, завтра эти англичане и французы, представители, узнают и завтра, так сказать, они уедут, они были в это время в Москве…»

Согласно Хрущёву, Сталин сказал, что этот договор на какое-то время убережет Советский Союз от войны; он сможет еще оставаться нейтральным и собирать силы; впрочем, нужно было еще подождать, как сложатся дальнейшие события. Хрущёв полагает в своих воспоминаниях, что пакт между Гитлером и Сталиным в конце концов был выгоден Советскому Союзу, потому что благодаря ему была получена некоторая передышка.

Однако о форме заключения договора, о том, что это был договор все-таки с фашистской Германией, Хрущёв высказывается критически: «Мы об этом… не могли говорить и не говорили публично, даже, по-моему, на собраниях не говорили об этом». В другом месте он говорит: «Очень тяжело было… нам, коммунистам, антифашистам… которые совершенно на противоположных позициях философии и политических стояли, и вдруг, нам… вроде мы объединяем свои усилия в этой войне»[8].

Клемент Готвальд знал об этом заранее

Из воспоминаний Хрущёва ясно видно, что даже члены Политбюро — за исключением Сталина и Молотова — не были информированы о подготовке этого пакта.

Кто же еще в Москве хоть что-нибудь знал о пакте прежде, чем он был обнародован? Очевидно, хотя бы по отдельным намекам, о нем знали некоторые руководящие деятели Коммунистического Интернационала. Например, как это следует из воспоминаний Эрнста Фишера, — Клемент Готвальд.

Эрнст Фишер (1899–1972), с 1920 года член Социалистической партии Австрии, в 1927–1934 годах редактор социалистической

газеты «Арбайтерцайтунг», в феврале 1934 года принимал участие в восстании шуцбундовцев в Вене, затем перешел в Коммунистическую партию Австрии (КПА), эмигрировал в Прагу, а оттуда попал в Советский Союз, где работал в Коминтерне, жил в коминтерновской гостинице «Люкс» и писал (под псевдонимом Петер Виден) комментарии для радио и статьи.

Эрнст Фишер, которому ко времени заключения пакта между Гитлером и Сталиным было 40 лет, вспоминает: «21 августа в «Правде» появилась передовая статья о подписании торгового и кредитного соглашения с Германией. В статье говорилось, что соглашение может стать «поворотным пунктом в экономических отношениях между обеими сторонами» и «важным шагом вперед на пути к дальнейшему улучшению не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией». Я хотел поговорить с Мануильским и шел к нему. В одном из коридоров Коминтерна меня поманил за собой Готвальд, завел в свой кабинет и сказал «садись», улыбаясь хитрой, знающей и несколько неопределенной улыбкой».

Клемент Готвальд (тогда ему было 43 года) с октября 1925 года был членом ЦК Коммунистической партии Чехословакии, в 1926–1929 годах он ведал отделом агитпропа и в это время поднялся в своей карьере до Политбюро. С февраля 1929 года Клемент Готвальд был генеральным секретарем чехословацкой компартии и делегатом компартии в чехословацком парламенте, с июня 1929 — членом Президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), а начиная с 7-го конгресса Коминтерна летом 1935 года — к тому же еще членом Президиума ИККИ и Секретариата ИККИ. Таким образом он входил в оба высших органа Коминтерна. С февраля 1936 по ноябрь 1938 года Готвальд снова был в Чехословакии, но после Мюнхенского соглашения в ноябре 1938 он вернулся в Москву. В Коминтерне он был к этому времени секретарем по делам Центральной Европы, то есть ведал непосредственно регионом, о котором идет речь.

Эрнст Фишер так описывает разговор с Клементом Готвальдом 21 августа, то есть за два дня до заключения пакта между Гитлером и Сталиным:

«Лидер чехословацких коммунистов, столярный подмастерье из Вены, обладавший здравым взглядом на вещи, политическим инстинктом и большим опытом в области тактических приемов и уловок, любил поговорить со мной… Доверительные разговоры

со мной ни в каком случае не могли ему повредить, а порой могли быть и полезными, так как случалось, что я приводил неожиданные для него доводы, которые иногда могли пригодиться ему в дискуссиях…

«Что бы ты сказал… — Готвальд сощурил глаза и скривил губы, — но не рассказывай об этом никому, я хотел бы только между нами услышать твое мнение, в частном порядке, понимаешь, итак, что бы ты сказал, если бы бандит, которому заплатили, чтобы он тебя убил, если бы он вдруг предложил тебе соглашение?»

Готвальд потянул еще некоторое время, но затем перешел к делу. Итак, что бы он, Эрнст Фишер, сказал, «если бы гитлеровская Германия предложила Советскому Союзу заключить пакт?» Готвальд пристально смотрел мне в лицо, — вспоминает Фишер, — и улыбался нехорошей полусмущенной, несколько деланной улыбкой, как игрок, который бросил карту на стол, но не уверен, что поступил правильно.

Готвальд: «Сногсшибательно, а? Не веришь мне? Считаешь, что это невозможно? Непристойно? Что это — коварство? А? Ну, а Мюнхен? Забыл ты Мюнхен? Когда вместе заседали все четверо: Гитлер, Муссолини, Чемберлен, Даладье».

Готвальд постепенно впадал в гнев: «Еще и года не прошло, понимаешь? А потом, после Мюнхена, после того, как была разорвана на куски Чехословакия, господин Риббентроп в Париже, в декабре 1938-го, и месье Бонне его заверяет, что Франция совершенно не заинтересована в Восточной Европе и предоставляет Германии свободу действий. Теперь новый проект — Великая Украина. Пожалуйста, господин Гитлер, угощайтесь… Но вот разбойник, поскольку риск для него слишком велик, доверительно сообщает тому другому, которого он собирается прикончить, что вот, мол, двадцать лет назад у тебя оттяпали большой кусок, прямо с кровью, большой кусок Украины и Белоруссии, в 1920-ом, Польша, ты ведь помнишь, и если ты теперь заберешь его обратно, и если я при этом не нападу на тебя…» Что же все это должно было означать?

Эрнст Фишер: «Раздел Польши..?!»

Готвальд: «Это кажется тебе ужасным? Да? Не укладывается в голове? Ничего хорошего, конечно, в этом нет, но ведь знаешь, как говорится, своя рубашка ближе к телу, особенно в политике… Ну и что ж ты думаешь о пакте с Германией?» — «Чудовищно!» — ответил Эрнст Фишер.

Готвальд: «Речь идет о жизни или смерти Советского Союза, разве ты не понимаешь? Разве можно тут привередничать? Подумай сам! Но не говори никому об этом!»

Эрнст Фишер так и сделал: «Я задумался над этим», — пишет он в своих воспоминаниях[9].

Что узнал Хесус Эрнандес у Дмитрия Мануильского

Эрнст Фишер и Клемент Готвальд были, очевидно, единственными, кто беседовал о возможности пакта до его заключения. Все другие воспоминания деятелей Коминтерна касаются времени, когда пакт был уже опубликован.

Особенно интересным из них представляется воспоминание деятеля испанской компартии Хесуса Эрнандеса о разговоре с Дмитрием Мануильским, происходившем в Кунцево сразу после обнародования пакта.

Хесусу Эрнандесу было тогда 32 года, он вырос в Бильбао в бедной семье, насчитывавшей пять детей. В 15 лет, в 1922 году, он вступил в Коммунистическую партию Испании. Более пяти лет он провел в тюрьме. В 1931 году, после провозглашения Испанской республики, он был приглашен в Москву, где учился в коминтерновской школе им. Ленина. После возвращения в Испанию он работал в отделе агитпропа и в центральном органе печати испанской компартии «Мундо Обреро». На выборах в феврале 1936 года, которые привели к победе Народного фронта, он был депутатом от Кордовы. Во время Гражданской войны 1936–1939 годов Эрнандес был министром народного образования в правительстве испанского Народного фронта («Первый министр Сталина за рубежом», — писал он о себе в появившихся позже воспоминаниях). В то же время Эрнандес был политкомиссаром войск Центрального фронта. За день до того, как Франко вошел в Мадрид, он вместе с некоторыми другими лидерами испанской компартии бежал, очутился сначала в Алжире, оттуда попал в Гавр, а затем пароходом прибыл в Советский Союз — за несколько месяцев до подписания пакта.

Его собеседником был Дмитрий Мануильский (1883–1959), большевик с 1903 года, работавший в подполье под кличкой «Фома»; его неоднократно арестовывали и ссылали, затем он бежал в Париж. После победы большевиков в октябре 1917 года

Мануильский сначала был политкомиссаром, а с 1919 года работал в основном в аппарате Коминтерна, занимаясь зарубежными делами. В частности, он был на съезде немецких коммунистов во Франкфурте-на-Майне в 1924 году (под псевдонимом Иванов) и выполнял ряд заданий во Франции и Италии. С 1924 года Мануильский входил в Исполнительный комитет Коминтерна (ИККМ) и в его Президиум. С 1928 года он был секретарем ИККИ и ответственным представителем советской компартии в Коминтерне.

Хесус Эрнандес получил известие о заключении пакта между Гитлером и Сталиным, когда он был в Кунцево, на подмосковной даче, находившейся в распоряжении наиболее видных деятелей Коминтерна.

В своих мемуарах Хесус Эрнандес так вспоминает об этом дне: «Для нас, испанцев, известие о визите Риббентропа в Москву было подобно разорвавшейся бомбе. Публикация фотографий, на которых большевики улыбались нацистам, и сообщение о подписании германо-советского пакта повергли нас в состояние великого смятения. Нам буквально нужно было протереть глаза, чтобы убедиться, что все это — на самом деле правда.

Согласно Эрнандесу, ошеломляли прежде всего две вещи: первое — то, что в договоре высказывалось желание только о сохранении мира между Германией и Советским Союзом, в то время как совсем не шла речь о сохранении мира во всем мире, и второе — то, что оба договаривающихся правительства собирались поддерживать постоянные контакты и информировать друг друга по всем вопросам, касающимся их взаимных интересов.

Эрнандес: «Еще в тот же вечер, когда пришло это ошеломляющее известие, я встретил Мануильского, жившего на одной даче со мной. Я знал его достаточно давно, чтобы обратиться к нему за советом в такой ситуации.

— Я пытаюсь понять, в чем суть этого сногсшибательного поворота.

— Нужно выиграть время, Эрнандес.

— Но ведь пакт предоставляет Гитлеру полную свободу действий. Это может иметь ужасные последствия для СССР.

— Да нет! Ведь наша непосредственная цель — это ликвидировать Польшу, которая уже слишком давно служит трамплином для наших возможных агрессоров.

— Ликвидировать Польшу?

— Это будет первым шагом данного соглашения. Будет положен конец существованию Польши как государства. У нас будут общие границы с Германией, — сказал Мануильский, усмехаясь по поводу озадаченности на моем лице.

— Но ведь у Франции и Англии договор с Польшей. Значит, начнется война!

— Только кандидаты в самоубийцы осмелились бы ввязаться тогда в войну против Германии и СССР, защищая Польшу. Господа Чемберлен и К^0 слишком пугливы, чтобы решиться на подобное предприятие. Так же как в Мюнхене, они будут громко кричать, будут топать ногами, но я не думаю, что они решатся на объявление войны.

— А если это все же произойдет?

— Все спланировано и рассчитано. Мы не проиграем. Видя, что меня это не убедило, он дополнил свое разъяснение:

— Если капиталисты захотят устроить бойню между собой, тем лучше. В определенный момент, когда у них появятся первые признаки изнеможения, они с обеих сторон наверняка начнут заигрывать с нами. Наше решение основано на том, что наиболее выгодно для нас. Будь спокоен, наши войска не будут таскать каштаны из огня ни для какой капиталистической державы»[10].

Энрике Кастро Дельгадо: Переполох в Коминтерне

То памятное утро после заключения пакта описывает также Энрике Кастро Дельгадо, бывший в то время представителем испанской компартии в Коминтерне. Дельгадо было тогда 32 года, в 1925 году он вступил в Коммунистическую партию Испании и через несколько лет уже работал в региональном комитете партий в Мадриде, а также в центральном органе партийной печати «Мундо Обреро». Во время Гражданской войны 1936–1939 годов он был одним из организаторов коммунистической «Пятой колонны», с 1937 года входил в Центральный комитет КПИ и занимался преимущественно делами аграрной реформы, а также был комиссаром войск Центрального фронта и руководил обучением политкомиссаров.

После поражения Испанской республики весной 1939 года Энрике Кастро Дельгадо через Францию попал в СССР, ко времени пакта между Гитлером и Сталиным он работал в Коминтерне под

псевдонимом «Луис Гарсия» и жил вместе со своей женой Эсперансой в гостинице «Люкс».

Дельгадо, у которого не было будильника, имел обыкновение не выключать на ночь радио, потому что знал, что ровно в 6 часов утра начинались передачи Московского радиовещания. Так было и 24 августа 1939 года, в первое утро после заключения пакта: «Нас разбудил спортивный марш, затем мы прослушали гимнастические упражнения, мы слушали их, как слушаешь дождь: привыкаешь и не замечаешь». Дельгадо ждал сообщений об Испании, но о ней ничего не сказали. Вместо этого низкий монотонный голос начал что-то зачитывать. Дельгадо и его жена, как обычно, не обратили на это никакого внимания. Под конец они услышали имена Молотова и Риббентропа. Из соседней комнаты до них донеслись поспешные шаги. В 8 часов утра они единственные в гостинице позавтракали в полной беззаботности.

Далее Дельгадо вспоминает: «Я взял портфель и поспешил вниз к автобусу, который отходил десять минут девятого. Когда я подошел к остановке, я увидел картину, отличную от того, что здесь происходило обычно. Люди не бросались в автобус, чтобы захватить место. Они оставались стоять на тротуаре, собравшись в группы, и возбужденно разговаривали между собой, некоторые почти кричали.

Я смотрел на них, то на одного, то на другого. Никто не обращал на меня внимания. Я поздоровался, никто мне не ответил.

Они продолжали говорить и жестикулировать, размахивая руками. Я был единственный, кто не говорил и не жестикулировал».

Энрике Кастро Дельгадо, известный тогда под псевдонимом Луис Гарсия, очевидно, и в самом деле был единственным из обитателей гостиницы «Люкс», ожидавших автобуса, доставлявшего их к зданию Коминтерна, который ничего не знал о пакте между Гитлером и Сталиным.

Но вскоре и он узнал об этом — от Октавио Брандао, бывшего тогда представителем Коммунистической партии Бразилии в Исполкоме Коминтерна. Октавио Брандао был одним из основателей компартии Бразилии в 1921 году, работал преимущественно в отделе агитпропа (он был профессиональным журналистом и поэтом), с 1926 он был корреспондентом коминтерновского издания «Инпрекор» («Интернациональная пресса»). С 1932 года Октавио Брандао жил в Москве.

В это утро Октавио Брандао, как это чаще всего и бывало, появился одним из последних, устало подбегая к остановке. Но

и нечто необычное отметил в нем Энрике Кастро Дельгадо: «Как блестели его глаза, какая улыбка сияла на его лице!»

Брандао переходил от одной группки к другой; садясь в автобус, он заметил Дельгадо, подошел и обнял ого. Увлекая Дельгадо за собой в автобус, Брандао кричал, зловеще ухмылялся и хохотал. Он хотел что-то рассказать, но это было трудно сделать, потому что человек пятьдесят коминтерновских деятелей, находившихся в автобусе, громко общались между собой на различных языках. Наконец, Брандао приблизился совсем вплотную: «Здорово, товарищ Луис, просто здорово… Советский Союз заключил пакт о ненападении и торговле с Германией… Молотов и Риббентроп подписали от имени своих правительств… Здорово!.. Здорово!.. Две группировки с их противоречиями… Советский Союз на пути совершенно мирного развития… Здорово!.. Фантастика!.. А те пусть уничтожают друг друга… Наша задача только облегчится. Фантастика! Здорово!»

Тем временем автобус прибыл в Ростокино, к зданию Коминтерна. На этот раз все пассажиры были настолько возбуждены, что никто не заметил, как проехали мост, скульптуру перед ВСХВ и наконец последний поворот перед въездом на территорию Коминтерна. Пассажиры автобуса разошлись быстрее, чем обычно[11].

Дельгадо направился в свой кабинет, вскрыл несколько конвертов с направленной ему документацией, просмотрел еще несколько папок с выдержками из зарубежной печати, а также корреспонденцию из Испании.

«В 11 утра, как обычно, приносят официальный информационный бюллетень на испанском языке и "Правду". На первой странице "Правды" — текст пакта и большая фотография Сталина, который как бы заявлял коммунистам всего мира: "Это я сделал, слышите, я!" Я читаю текст пакта… читаю раз, второй, третий… Я снова и снова смотрю на "Правду"… и начинаю размышлять. Пока я размышляю обо всем этом, мне кажется, будто я слышу мягкий, но настойчивый голос, который неустанно повторяет: "Сталин прав"… "Сталин не ошибается"… я уверен, что в 299 комнатах 299 функционеров Коминтерна читают информационный бюллетень и рассматривают "Правду" и что они, как и я, слышат мягкий, но настойчивый голос, неустанно повторяющий: "Сталин прав"… "Сталин не ошибается"».

Энрике Кастро Дельгадо был ошеломлен, он пытался найти объяснение происходящему. В отличие от многих других тогдаш-

них коммунистических функционеров, для него на первом плане были не внешняя политика СССР или решение Сталина. Для него главным было другое: Испания.

«Я — испанец, а Германия помогла Франко прийти к власти и уничтожить нашу республику. Немецкий самолет — «мессершмит» — своим пулеметным огнем погасил жизнь моего брата Маноло в маленькой каталонской деревушке… Гитлер стремится овладеть Европой. Я пугаюсь собственных мыслей… Но я вспоминаю об Испании… Если бы я только мог забыть: если бы я только мог забыть своего брата, лежавшего в тесном помещении небольшой больницы, бледного, собранного… Тогда бы и я пустился в громкие споры, как те люди в автобусе, чьи голоса отдаются у меня в ушах… Но от Альмерии до Герники, от Бадахоса до Барселоны поднимается это НО… мертвые… мертвые… мертвые… Я смотрю в информационный бюллетень… Я смотрю в “Правду”».

В течение дня Энрике Кастро Дельгадо, как и все другие функционеры Коминтерна, получил важное извещение: в 6 часов вечера представитель ЦК ВКП(б) в Коминтерне будет говорить о международном положении[12].

Эрнст Фишер у высокопоставленных деятелей немецкой компартии

Эрнст Фишер тоже вспоминает, как 24 августа 1939 года, в этот решающий для Коминтерна день, «Правда» поместила на первой странице фотографию: Сталин, Молотов и Риббентроп в Кремле с улыбающимися лицами. В этот день Эрнст Фишер встретился с Вильгельмом Пиком и его семьей.

Вильгельм Пик, которому тогда было уже 63 года, возглавлял руководство немецкой компартии, находившееся в Москве. Кроме того, с 1928 года он входил в Исполком Коминтерна (ИККИ), с 1931 года был членом Президиума ИККИ и Секретариата ИККИ и принадлежал таким образом к руководящей верхушке Коммунистического Интернационала. Тогда Вильгельм Пик был в Москве со всей своей семьей: с сыном Артуром Пиком и его женой Гретой Лоде, а также — с дочерью Элли Винтер, которая была и секретаршей своего отца.

В этот день Эрнст Фишер встретился сначала с членами семьи Вильгельма Пика:

«Грета Лоде первая спросила меня в Коминтерне: «Ну что ты на это скажешь?» В прошлом простая немецкая работница, теперь невестка председателя КПГ, умная, добросовестная, прилежная, она работала в редакции журнала «Коммунистический Интернационал». Она мне нравилась, я старался тактично помогать ей в овладении знаниями, аргументацией, средствами выразительности. Это была очень симпатичная женщина с больными легкими. Она смотрела на меня беспомощными глазами.

Я успел уже подумать о случившемся. Будучи подготовлен благодаря разговору с Готвальдом, я все-таки чувствовал себя отвратительно. Однако заключение пакта я считал верным шагом. «Это же… Это же…», — начала Грета.

— Предательство? Нет. Отвратительно? Да.

— Мы, немецкие коммунисты, никогда этого не поймем. И мой отец этого не понимает, — сказала Элли, дочь Вильгельма Пика.

— Артур тоже этого не понимает! — сказала Грета о своем муже. — Никто этого не понимает.

Я попытался сформулировать результаты своих размышлений и обосновать неизбежность пакта».

Часом позже Эрнсту Фишеру позвонил Вильгельм Пик, чтобы узнать — готов ли он, Фишер, вечером на даче Пика в Кунцево участвовать в дискуссии с ведущими немецкими коммунистами.

Кроме Вильгельма Пика и его семьи, на даче присутствовали еще два ведущих в то время деятеля КПГ, находившихся в Москве: Вильгельм Флорин и Филип Денгель, а также несколько других видных немецких коммунистов, эмигрировавших в Москву, о которых Эрнст Фишер ничего больше не вспоминает.

Эрнст Фишер пытался оправдать пакт на несколько возвышенный лад: Конечно, было бы позором с радостью приветствовать этот пакт. Ведь гитлеровская Германия осталась той же, что и была: государством концлагерей, массовых убийств, истребления евреев, террористической диктатуры. То, что Гитлер временно договорился с Москвой, ничего не меняло ни в нем, ни в его системе. Но Фишеру казалось, что пакт давал Советскому Союзу возможность выиграть время, что тем самым первый удар германской военной машины должен был обрушиться не на СССР, а на Англию и Францию. А Советскому Союзу, мол, нужно было время на реорганизацию армии с тем, чтобы она смогла противостоять германскому вермахту.

Однако, защищая пакт, Фишер чувствовал себя при этом все же неловко: «Приводя такого рода аргументы, я в то же время чув-

ствовал, что во мне растет необъяснимое недовольство, усиливающееся по мере того, как я старался убедить своих собеседников. Тщеславный разум самодовольно отмечал, что может найти выход и из такой затруднительной ситуации, но что-то возражало во мне, — что же это такое было? Подавленный двойник, моральные размышления, голос совести? Политик я или нет? Коммунист, для которого средства оправдываются целью, то есть победой Советского Союза и — тем самым — социализма, или же я буржуазный интеллигент, который боится замарать руки? Я останавливался на том, что с моральной точки зрения этот пакт — неприемлем, но с политической, со всемирно-исторической точки зрения — необходим, и, стало быть, моим долгом было убедить в этом других и себя, — но откуда же тогда, черт побери, это недовольство, эти возражения совести и рассудка?»

По всей видимости, Эрнсту Фишеру удалось убедить своих собеседников в необходимости пакта, но оставались еще некоторые вопросы.

«Остается ли и далее борьба с Гитлером решающей задачей для немецких коммунистов?»

Эрнст Фишер: «При любых обстоятельствах».

«А как же пакт?»

Эрнст Фишер: «Он нам не помешает. Конечно, мы не можем теперь из Москвы слать призывы к революционной борьбе. Но мы должны объяснять, что не рабочий класс заключил пакт с Гитлером».

Так описывает Эрнст Фишер свою тогдашнюю дискуссию с лидерами немецких коммунистов. В своих воспоминаниях, появившихся 30 лет спустя, Эрнст Фишер честно признается, что он «не понял тогда» сути вопроса. Это понимание пришло позже, как видно из его мемуаров, опубликованных в 1969 году»[13].

Рут фон Майенбург: «Нам показалось, что кремлевские часы остановились»

Рут фон Майенбург родилась в Теплиц-Шенау (Судетская область Чехословакии) в зажиточной семье. Все больше сближаясь с кругами левой интеллигенции, на рубеже 1930–1931 годов она познакомилась с Эрнстом Фишером, который играл тогда важную роль в рядах левых, будучи редактором социал-демократической

газеты «Арбайтерцайтунг». Разочаровавшись в политике социал-демократов, Рут фон Майенбург стала усиленно интересоваться Советским Союзом. Она настойчиво пыталась понять и всегда защищала то, что тогда называли «большевистским экспериментом». К этому добавилась растущая угроза со стороны нацизма в Германии, которую она хорошо ощутила в марте 1931 года в Берлине, куда ездила вместе с Эрнстом Фишером. Летом 1932 года она вышла замуж за Эрнста Фишера. Осенью 1933 года она испытала глубокое впечатление от выступления Димитрова на процессе о поджоге Рейхстага и — после окончившегося провалом восстания шуцбундовцев — в феврале 1934 года вступила в Коммунистическую партию Австрии. Вскоре после этого она эмигрировала в СССР и принимала восторженное участие в демонстрации 1 мая 1934 года на Красной площади. В Москве ею вскоре заинтересовался 4-й отдел Генерального штаба Красной Армии (РККА), предложив ей работать на советский военный аппарат, и после этого она не раз нелегально, под чужим именем ездила в гитлеровскую Германию. Побеседовав с Димитровым, весной 1937 года она оставила свою подпольную деятельность и работала с тех пор в Коминтерне.

Как и 600 других деятелей Коминтерна, представлявших почти все языки и страны мира, Рут фон Майенбург жила в отеле «Люкс». Ее номер помещался как раз напротив номера, в котором жили руководитель компартии Испании Хесус Эрнандес и его жена Пилар. И вот наступил день, когда был опубликован пакт; Рут фон Мийснбург вспоминает:

«В августе 1939 года Советский Союз заключил с гитлеровской Германией пакт о ненападении. Нам показалось, что кремлевские часы остановились. Но вскоре и в наших умах точка зрения реалистической политики взяла верх над тем смятением, в которое этот “гениальный” шахматный ход Сталина поверг антифашистов всего мира как в СССР, так и за его пределами. Страна социализма должна была любой ценой уберечь себя от войны»[14].

Позже, в одном интервью, Рут фон Майенбург точнее описала свое тогдашнее состояние:

«Шок был настолько велик, что в первые часы мы почти не могли говорить об этом. А потом стали спрашивать друг друга: Что это такое? Как это возможно? Мы говорили и о пакте между Гитлером и Сталиным, и о том, что сюда пожаловал господин Риббентроп... Какое единство... О секретном соглашении мы тогда ничего не знали, это ведь выявилось гораздо позже. Но уже

тогда шептались о том, что есть и другое соглашение, кроме этого официального пакта о ненападении, напечатанного в "Правде"... Мы ведь были настроены как ленинисты, то есть против империализма. А такие государства, как Англия, Америка, Франция и другие, продолжали оставаться для нас прежде всего империалистическими. Так мы пытались успокоить свою совесть в отношении того, что на самом деле означал пакт между Гитлером и Сталиным. Трудящиеся в Германии, боровшиеся против гитлеровского режима, погибавшие в концлагерях, под пытками: что же ожидало их теперь, после заключения пакта между Гитлером и Сталиным? Все они становились теперь жертвами большой политики, которая вершилась без учета их судеб, без учета того, что происходит в Германии с противниками гитлеровского режима. Вообще-то говоря, совершалось нечто постыдное. И через это постыдное нам долго не удавалось перешагнуть. Нужно было мобилизовать все свое марксистское мышление, вспомнить все, что касалось империализма, интернациональных битв, чтобы ускользнуть от этих глубоких угрызений совести»[15].

В гостинице «Люкс» жил и Герберт Венер, известный тогда под псевдонимом Курт Функ. Герберт Венер, родившийся в 1906 году в Дрездене, с 1927 года входил в ряды компартии Германии и с 1930 года был депутатом КПГ в саксонском ландтаге. После прихода Гитлера к власти Герберт Венер сначала принимал участие в движении антифашистского сопротивления и вел активную партийную работу в Германии и за границей. В 1935 году он эмигрировал в Прагу, а оттуда попал в Москву.

В своих воспоминаниях, написанных в 1946, но опубликованных только в 1982 году, Герберт Венер ограничивается лишь кратким упоминанием о пакте:

«Германо-советский пакт был внешним выражением того процесса, который наблюдался уже давно. Он лег тяжким бременем на немецких коммунистов, находившихся в Москве»[16].

Лидер новозеландской компартии едет в Москву

Лидер новозеландской компартии Сидней Уилфред Скотт узнал о заключении пакта между Гитлером и Сталиным в весьма необычайной для него обстановке — в мягком вагоне поезда, следовавшего из Ленинграда в Москву.

Сидней Уилфред Скотт, тогда 39-ти лет, принадлежал к основателям новозеландской компартии, созданной в апреле 1921 года. Многие годы Скотт был главным редактором новозеландской коммунистической газеты «Уоркерс Уикли», а с начала 30-х годов — официальным представителем партийной пропаганды. Весной 1939 года Скотт впервые отправился в продолжительное путешествие. Он прибыл сначала в Австралию, а оттуда — пароходом через Коломбо, Аден, Суэц и Мальту — в Великобританию, в Саутгемптон. В Лондоне он вел продолжительные переговоры с председателем британской компартии Гарри Подлитом, который тактично дал ему понять, что в СССР он встретится с некоторыми сложными проблемами. Но Скотт не прислушался к его советам и отправился на советском судне «Кооператский» в Ленинград. Там его встречал работник Коминтерна Спрингхолл. «В общем-то, он мне вполне понравился, — писал Скотт. — Однако позже выяснилось, что положение функционера обусловило его подверженность коррупции».

С помощью Спрингхолла Скотт был помещен в одну из ленинградских гостиниц, а на следующий день они сели в поезд, отправлявшийся в Москву. В купе Спрингхолл и Скотт разговорились. Скотт пишет: «На одной из станций Спрингхоллу удалось купить газету, и, когда он ее развернул, то пришел в сильное возбуждение. "Послушай, Скотт", — сказал он и, переводя с русского языка, прочитал мне сообщение, согласно которому Россия и Германия заключили пакт о ненападении. Сказать, что я был потрясен, было бы слишком мало. Легко было видеть последствия, связанные с этим пактом, по крайней мере, некоторые из них. Я не мог не выразить своего возмущения и подверг критике действия советского правительства. Тогда Спрингхолл прервал меня и со всей серьезностью заявил, что ни в коем случае нельзя критиковать советское правительство. Советское правительство — отечество трудящихся, оно, мол, не заблуждается»[17].

Однако позже Сидней Уилфред Скотт оправдал заключение пакта при помощи обычных доводов о том, что все попытки договориться с западными державами провалились и что у советского руководства практически не оставалось иного выхода. И только много лет спустя Скотт пришел к выводу, что соглашение, заключенное с Гитлером, было направлено на то, чтобы дать СССР возможность захватить восточную часть Польши.

Член советского ЦК выступает перед Коминтерном

24 августа в 18 часов в Коминтерне состоялось большое собрание. Как и Дельгадо, все деятели Коминтерна были извещены о том, что в 18 часов один из членов ЦК ВКП(б) выступит с докладом «О международном положении». В назначенное время все были в сборе, чтобы услышать докладчика.

Об этом достопримечательном событии в Коминтерне рассказано только у Энрике Кастро Дельгадо. Его описание, пожалуй, носит характер некоторого иронического преувеличения, но всякий, кто наблюдал подобные мероприятия в Москве, знает, что оно совсем недалеко отстоит от истины.

Вот рассказ Энрике Кастро Дельгадо:

«На трибуне — Димитров, Мануильский, Марти, Тольятти, Пик, Флорин, Готвальд и еще несколько высокопоставленных функционеров аппарата. Ниже — председатель собрания.

Вильков, секретарь парторганизации Коминтерна, поднимается с листом бумаги в руке…

— Товарищи, предлагается следующий состав почетного президиума.

Пауза.

Вильков: Товарищ Сталин…

Мы встаем и аплодируем как сумасшедшие. Садимся.

Вильков: Товарищ Молотов…

Мы встаем и аплодируем несколько умереннее. Садимся.

Вильков: Товарищ Ворошилов…

Встаем, аплодируем так же, как в предыдущем случае. Садимся.

Вильков: Товарищ Калинин…

Встаем и аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Андреев…

Встаем, аплодируем точно так же, как перед этим. Садимся.

Вильков: Товарищ Каганович…

Мы встаем и аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Микоян…

Мы встаем, аплодируем немного меньше. Садимся.

Вильков: Товарищ Хрущёв…

Встаем, аплодируем, как только что перед этим, и садимся.

Вильков: Товарищ Берия…

Мы встаем, аплодируем, как с цепи сорвавшись. Садимся.

Вильков: Товарищ Шверник…

Мы встаем, немного аплодируем и садимся. Итак, у нас есть почетный президиум. Я перевожу дух, вытираю пот со лба и готовлюсь слушать докладчика. Но Вильков достает еще одну бумагу…

— Товарищи, теперь — состав президиума нашего собрания…

Я судорожно сжимаюсь; думаю, другие тоже. И тот же голос, только что произнесший одиннадцать фамилий, неустанно и неумолимо продолжает, будто недостаточно было назвать тех, кто составляет славнейшую когорту руководителей славнейшей из партий…

— Товарищ Димитров…

Мы встаем. Аплодируем. Садимся.

— Товарищ Мануильский…

Встаем. Аплодируем. Садимся.

— Товарищи Благоева, Белов, Степанов…

Мы не встаем. И не аплодируем. Мы несколько выдохлись, да и руки уже побаливают. Но дело, конечно же, того стоило. У нас два президиума: почетный президиум и президиум собрания.

Ответственный докладчик проделывает то, что и все докладчики на свете: он поднимается на трибуну, приводит в порядок бумаги, смотрит, поставили ли ему стакан воды (в данном случае — чаю), проводит рукой по лбу, как будто он должен подумать над тем, что он сейчас скажет, смотрит на слушателей, откашливается и… “Товарищи”…

Проходит десять минут.

“…Товарищ Сталин, который предвидел, что нам угрожает…”

Аплодисменты прерывают оратора, не дают ему докончить фразу, если у этой фразы вообще была какая-то другая концовка… Докладчик улыбается… улыбается…

Проходит двадцать минут.

Докладчик устремляет взгляд в публику; мне кажется, что он смотрит на меня, я отвожу глаза в сторону… Он делает небольшую паузу и…

“Империалисты хотели повернуть немецкие войска на восток… Но предвидение нашего гениального кормчего, товарища Сталина…”

Снова оглушительные аплодисменты. Проходит тридцать минут. Сорок минут. На нашем счету уже четыре изрыва аплодисментов. Пятьдесят минут. Час. Шесть нарывов аплодисментов. В стакане уже нет чая, а по новую руку докладчика остается всего несколько листков.

Мне кажется, многие из слушателей уже совсем не воспринимают докладчика. В моем ряду некоторые держат на коленях газеты, так, чтобы не видно было с трибуны, и читают. Другие, как мне кажется, спят с открытыми глазами… Димитров уже давно что-то рисует на листках бумаги; зарисовав листок, он комкает его и аккуратно укладывает перед собой, перед ним уже довольно длинный ряд этих комочков. Мануильский усиленно занят своей старой трубкой; мне кажется, проходит много времени, пока ему удается прочистить ее. Остальные члены нашего президиума сидят, как завороженные слушанием доклада…

Последний из пугающей кипы листов оказывается наконец в руках докладчика. "…А преступный маневр, затеянный империалистическими псами, провалился, и именно — благодаря этому пакту, имеющему неисчислимые исторические последствия, этому выражению политического гения нашего товарища Сталина".

Президиум собрания поднимается. Мы тоже поднимаемся. Президиум рукоплещет, мы тоже рукоплещем. Но вот идет на убыль последний взрыв аплодисментов.

Димитров садится. Мануильский садится. Все мы садимся. Докладчик собирает бумаги, смотрит на стакан: не осталось ли чая, достает носовой платок, вытирает лоб и… сходит с трибуны, чтобы сесть рядом с президиумом. Я жду, что будет дальше. Поднимается Вильков. Я содрогаюсь в ужасе. Мне кажется, что даже колонны содрогаются в зале.

"Товарищи! От имени президиума я хочу предложить послать письмо товарищу Сталину…" Он читает. Я слушаю и ничего не понимаю. Все встают, все аплодируют. Я тоже аплодирую. Мы согласны с германо-советским пактом.

Вильков: Собрание считается закрытым.

Мы начинаем расходиться. Выделяется небольшой поток: мимо нас проходит президиум, завершает шествие докладчик, который всем улыбается. Я смотрю на него и тоже улыбаюсь. Все выглядит, как на страницах газеты "Правда"»[18].

От автора: Много секретов и никаких директив

В воспоминаниях тогдашних лидеров Коминтерна можно выделить прежде всего четыре аспекта.

1. Атмосфера секретности. В то, что готовился пакт с Гитлером, Сталин посвятил, очевидно, лишь нескольких лиц, среди них — из советского руководства, вероятно, только Молотова. Даже некоторые члены советского Политбюро не получили никакой информации от Сталина, как это отчетливо видно из воспоминаний Хрущёва: он просто отпустил их на охоту. То же самое относится к руководству Коминтерна. Даже такие видные деятели Коминтерна, как Вильгельм Пик и Хесус Эрнандес, входившие в высшие органы ИККИ, узнали о заключении пакта только из газет или по радио. Остается неясным — был ли информирован о пакте тогдашний генеральный секретарь Коминтерна Димитров; это можно предположить, но до сих пор никто из современников не упоминал о каком-нибудь разговоре с Димитровым относительно пакта. Однако явно заранее был проинформирован о подготовке пакта Дмитрий Мануильский и, как это следует из воспоминаний Эрнста Фишера, очевидно, Клемент Готвальд, секретарь чехословацкой компартии и тогдашний секретарь Коминтерна по делам Центральной Европы.

2. Пакт и запланированный раздел Польши. В немноих известных высказываниях информированных лиц о пакте между Гитлером и Сталиным он всегда связывался с предстоящим разделом Польши; так было в разговоре Готвальда с Эрнстом Фишером 21 августа, так было и в разговоре Мануильского с Хесусом Эрнандесом после заключения пакта. Нерасторжимая связь пакта с запланированным предстоящим разделом Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом — факт достаточно важный, чтобы быть отмеченным.

3. Не созывались никакие высшие органы Коминтерна. В отличие от сложившейся традиции, на этот раз в Коминтерне не было заседания ИККИ (несколько расширенного состава Исполкома); вопрос не обсуждался даже в обоих руководящих органах (более узкого состава), то есть — в Президиуме ИККИ и Секретариате ИККИ. Вместо этого состоялся лишь «доклад» представителя советского ЦК, в чем явно выразилось неуважение сталинского руководства по отношению к Коминтерну.

4. Отсутствие директив. Руководство Коммунистического Интернационала ни непосредственно перед заключением пакта между Гитлером и Сталиным, ни даже в первые дни и недели после

его заключения ни в какой форме не проинформировало о нем руководство коммунистических партий других стран. Не было (по крайней мере, в самые решающие недели) никаких официальных высказываний, не поступало даже никаких внутренних объяснений и директив со стороны Коминтерна руководителям компартий других стран. Никто из очевидцев не упоминает о таких директивах. В официальном труде «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк» также не упоминается о каких-либо директивах Коминтерна руководителям других стран, относящихся к пакту.

Отсутствие в этом случае директив и вправду поражает. Даже по самым мелким вопросам коминтерновское руководство постоянно рассылало массу инструкций и директив, и вот именно в случае такого решающего события, как пакт между Гитлером и Сталиным, — ни слова. Руководство Коминтерна, столь любившее издавать директивы, на этот раз оградило себя молчанием.

Почему же? Напрашиваются два возможных ответа. Первый — это неуважение и даже презрение Сталина по отношению к Коминтерну. Когда-то Сталин уже назвал Коминтерн «лавочкой». Возможно, что и в этом случае Сталин хотел выразить свое презрительное отношение к Коминтерну.

Вторая возможность: Сталин хотел испытать руководство зарубежных компартий; он хотел посмотреть, останутся ли они и при таком невероятном повороте событий верными советскому руководству и будут ли по-прежнему защищать советскую политику. Сталин хотел узнать, как поведут себя руководители компартий других стран в этом случае, и понять, может ли он всегда, при любом повороте событий, рассчитывать на их безраздельную верность.

Что беспокоило германского посла фон дер Шуленбурга

Наряду с реакцией на пакт коминтерновских деятелей, которым в этой книге, естественно, уделено особенное внимание, представляется необходимым упомянуть также о реакции некоторых зарубежных дипломатов, находившихся в СССР, по крайней мере тех, кто многие годы имел дело с советской политикой и непосредственно общался с советским руководством.

Это прежде всего касается тогдашнего посла Германии в СССР фон дер Шуленбурга. Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944) с 1901 года находился на дипломатической службе. С 1923 года он был посланником в Тегеране, с 1931 по 1934 годы — в Бухаресте. Будучи в 1934–1941 годах германским послом в Москве, он, хотя бы и против своей воли, принимал активное участие в подготовке пакта между Гитлером и Сталиным. Граф фон дер Шуленбург крайне отрицательно относился к нацистскому режиму в Германии. В подпольном движении сопротивления предполагалось, что он займет пост министра иностранных дел в правительстве, которое должен был возглавить Гельделер. После событий 20 июля 1944 фон дер Шуленбург был приговорен к смертной казни и 10 ноября 1944 казнен в берлинской тюрьме Плетцензе.

Ханс фон Герварт, находившийся с фон дер Шуленбургом в тесных дружеских отношениях, знал, что его беспокоило. С начала 1939 года было ясно, что представления Шуленбурга об улучшении германо-советских отношений находились в полном противоречии с тем, что думал об этом Гитлер. Герварт сообщает: «Целью Шуленбурга было восстановление прежних добрых отношений Германии с Советским Союзом, тогда как Гитлер посредством договора с СССР хотел только купить согласие Сталина на вторжение Германии в Польшу»[19].

Но вот пакт между Гитлером и Сталиным был заключен. О своей встрече с Шуленбургом утром 24 августа Герварт вспоминает так:

«24 августа в 9 часов утра Шуленбург против своего обыкновения был уже в посольстве». В разговоре с Гервартом Шуленбург открыто высказал свою озабоченность угрозой предстоящей войны, которая теперь — после пакта между Гитлером и Сталиным — становилась неизбежной: «Эта война, как и Первая мировая война, будет продолжаться очень долго», — сказал Шуленбург и добавил: «Я положил все свои силы на установление добрых отношений между Германией и Советским Союзом и, в известном смысле, я достиг своей цели, но Вы же понимаете, что, на самом деле, я не достиг ничего. Этот договор приведет нас ко Второй мировой войне и ввергнет Германию в пропасть».

Ханс фон Герварт считает также, что трагедия фон дер Шуленбурга состояла в том, что он должен был во всем этом принимать участие [20].

Паасикиви и Гафенку о пакте между Гитлером и Сталиным

Наряду с мнением фон дер Шуленбурга следует привести также точки зрения двух дипломатов, которые многие годы своей жизни особенно интенсивно занимались Советским Союзом и высказали интересные и значительные соображения о пакте, исходя из своих знаний и опыта: это — финн Юхо Кусти Паасикиви и румын Григоре Гафенку.

Паасикиви (1870–1956) изучал историю и юриспруденцию в университете в Хельсинки, в 1918 году он входил в первое независимое правительство Финляндии. Паасикиви бегло говорил по-русски и еще в 1920 году в Тарту вел переговоры о заключении мира с представителями советского правительства. Хотя по мировоззрению Паасикиви был консерватором, он принадлежал к направлению «старофиннов», боровшихся с финским национализмом и шовинизмом и выступавших за урегулирование отношений с Россией. В 1936–1939 годах Паасикиви был финским посланником в Стокгольме (там он и встретил известие о пакте между Гитлером и Сталиным), а с сентября 1939 года по 1940 — ведущим финским представителем в Москве, где он неоднократно встречался со Сталиным и Молотовым. После окончания войны Паасикиви был сначала премьер-министром (ноябрь 1944 — март 1946), а затем — президентом Финляндской республики.

В своих мемуарах, появившихся в середине 60-х годов, Паасикиви подчеркивает, что решающей предпосылкой советского договора с гитлеровской Германией были внутренние перемены в СССР и рост великодержавного мышления. Советская империя, пишет Паасикиви, к середине 30-х годов широко развернула свою экономику, особенно тяжелую индустрию и базирующуюся на ней военную промышленность («пятилетние планы») и реорганизовала свои вооруженные силы. Это сказалось и на политической психологии в СССР.

«Самоуверенность кремлевских властителей и русско-советского населения росла вместе с гордым осознанием великодержавной мощи… Все чаще наряду с коммунистической идеологией проявлялся русский патриотизм… Все привычнее звучали в 30-е годы слова о русско-советском патриотизме и национализме. Миновали времена, когда Советская Россия чувствовала себя слабой… Дремлющий дух русского империализма пробуждался

к жизни. Усиливалось ощущение своей мощи, собственного значения, самодостаточности и величия. Для Советского Союза открылись двери в Европу, и он стал выступать в качестве великой державы, явившись активным фактором при урегулировании европейских дел».

В этой связи Паасикиви говорит и об известном сходстве в системах гитлеровской Германии и Советского Союза, облегчавшем их сотрудничество[21].

Германо-советский договор от 23 августа 1939 года (и предшествовавшее ему Мюнхенское соглашение), согласно Паасикиви, будут «когда-нибудь считаться самыми неудачными и роковыми государственными деяниями на мрачных страницах новейшей истории». Вначале еще не был понятен подлинный характер этого договора, но уже несколько месяцев спустя обнаружилось его истинное значение:

«Хотя и существовали подозрения, что с этим договором связаны какие-то секретные соглашения, но никаких точных сведений об этом тогда еще не имелось. Однако, когда в сентябре Германия и Советский Союз напали на Польшу и поделили ее между собой и когда Кремль открыто выступил против прибалтийских государств и Финляндии, а также — летом 1940 года — против Румынии, тогда стало ясно, что договор между Риббентропом и Молотовым дает основу для такого разворачивания событий»[22].

Румын Григоре Гафенку (1892–1957) также считает изменившийся характер советской системы предпосылкой для заключения пакта между Гитлером и Сталиным.

Григоре Гафенку, с 20-х годов ведущий деятель «Национальной крестьянской партии» (а с 1928 года ее депутат в парламенте), с декабря 1939 по май 1940 года был румынским министром иностранных дел и всеми силами старался уберечь Румынию от войны. С августа 1940 по июнь 1941 года Гафенку был румынским послом в Москве; будучи противником войны и диктаторского режима в Румынии, он в 1944 году эмигрировал в Швейцарию, где опубликовал также свои мемуары «Пролог к войне в Восточной Европе».

Подробно анализируя ситуацию, Гафенку, подобно Паасикиви, подчеркивает, что в СССР наблюдалось возрождение русского национального сознания, выпячивание советского патриотизма, усиленного за счет русского национализма, возобновление военных традиций, среди них — возвращение к обязательному отда-

нию чести в армии, отмененному во время революции 1917 года, восстановление знаков различия и прославление солдатской жизни: «На груди маршалов блистали золотые звезды, с такой роскошью украшенные драгоценными камнями, какая вряд ли встречалась у военачальников буржуазного мира.

Все это были лишь внешние знаки гигантских усилий, совершавшихся за счет напряжения всех экономических и финансовых ресурсов, всех производительных сил и мощностей огромной империи».

Гафенку обнаруживает связь «между пробуждением русского национализма и заключением Московского пакта». Сталин, считает Гафенку, в критический момент обратился за помощью к национализму и сумел опереться на него. Легкость, с которой в августе 1939 года был заключен германо-советский пакт, объясняется, по мнению Гафенку, «не совпадением подлинных устремлений обоих народов, а внешним сходством в идеологической манере мышления правителей этих обеих империй».

Гафенку пишет о том, что поразительно многие черты гитлеровского режима в Германии и сталинского режима в СССР повторяли друг друга. Он перечисляет эти общие черты:

«Одинаковая авторитарно-безоговорочная манера в проведении воли вождя, одинаковая одержимость, с какой вождь утверждал себя в качестве высшего авторитета, стоящего над всеми и направленного против всех, одинаковое отсутствие контроля, критики и какого-либо независимого общественного мнения; то отсутствие контроля, которое обеспечивает диктаторам полную свободу действий и дает им возможность при помощи ловкой пропаганды совершать самые невообразимые повороты и маневры; одинаковая ориентация на "массы", как на единственный предмет политических забот тоталитарного государства; одинаковое стремление к организации, вооружению, моторизации и механизации все более широких масс. ("Восемьдесят миллионов немцев, — с анонимным восторгом писала одна берлинская газетенка на следующий день после поездки Риббентропа в Москву, — и сто восемьдесят миллионов русских! Их союз создаст блок, представляющий собой величайшую военную и индустриальную силу в мире, империю, простирающуюся на небывалые доселе величайшие жизненные пространства Европы и Азии".)

Одинаковое презрение к малым государствам, которые не могут сами защитить себя, свой нейтралитет и свое существование,

одинаковое стремление всосать их в жизненное пространство мировых держав; одинаковое пристрастие к простым географическим линиям, которые смело проводятся на карте и разрезают прилежащие государства.

Одинаковый культ насилия: советский милитаризм, на службу которому поставлено все — труд и промышленное производство, военное обучение всех граждан и даже воспитание детей, ничем не уступает милитаризму германскому.

Одинаковая романтика в экономике: тенденция к мечтаниям в гигантских масштабах, к планированию на годы и эпохи вперед, к выработке проектов по обузданию энергии рек и морей и перемещению гор».

Эти черты похожести в обеих системах и политических методах создали, по мнению Гафенку, «в Берлине, как и в Москве, крайне благоприятную атмосферу для политического сотрудничества». Заключение Гафенку таково: «Оба режима, казалось, переживали момент, когда между ними вдруг спала завеса и когда им открылось то, что их роднило друг с другом — вместе со всеми выгодами, какие из этого можно было извлечь» [23].

После шестидневного молчания: на сессии Верховного Совета СССР

Однако вернемся к Советскому Союзу в первые дни после заключения пакта. Всего только два дня находилось это событие в центре внимания советской прессы: 24 августа, когда была помещена фотография Сталина и Риббентропа вместе с другими германскими и советскими руководителями и опубликован текст договора с поясняющей его передовой статьей, и, наконец, 25 августа, когда появилось официальное сообщение об отъезде Риббентропа из Москвы.

После этого в Советском Союзе вообще ничего не говорилось о пакте. Германо-советский договор больше просто не упоминался. Советская печать как можно скорее перешла к обычным повседневным вопросам. Уже 25 августа передовица «Правды» была посвящена закупке овощей.

После заключения пакта между Гитлером и Сталиным не было заседания ЦК, как это обычно происходило в случае решающих событий. Не публиковалось никакого заявления ЦК или Нарко-

мата иностранных дел. Не происходило и обычных в подобных случаях «стихийных» и «полных энтузиазма» собраний на производствах и массовых митингов, служивших для разъяснения всех важных событий. Советская печать, очевидно, по указанию Сталина, ничего не делала для того, чтобы хоть как-то объяснить населению (включая членов партии и руководящих работников) смысл и значение этого пакта. Так дело продолжалось вплоть до 31 августа, когда была созвана сессия Верховного Совета СССР, на которой выступил Молотов с речью о пакте[24].

На заседании сессии Верховного Совета 31 августа 1939 года были также испанский коммунист Энрике Кастро Дельгадо (Луис Гарсия) и советский морской офицер Н. Г. Кузнецов. Они оба написали об этом в своих воспоминаниях.

Дельгадо: «В этот день Благоева пригласила меня в свой кабинет и вручила мне маленький красный билет: это — приглашение в Кремль. Она посоветовала иметь при себе все документы, удостоверяющие мою личность… Вернувшись в свой кабинет, я все еще рассматриваю этот пригласительный билет: на нем герб Советского Союза, несколько строк напечатанного текста и два слова, вписанных от руки, — я думаю: "Луис Гарсия"».

Живший в 800 метрах от Кремля, Дельгадо тем не менее очень боялся, что может опоздать. Поэтому он поспешил из гостиницы «Люкс» по улице Горького на Красную площадь. Он проверил, все ли документы были при нем. Приглашение, коминтерновский пропуск и паспорт, где значилось: «без гражданства». Зная советские порядки, он удостоверился в том, что его псевдоним Луис Гарсия во всех документах написан одинаково.

Первая проверка — у кремлевских ворот. Два сотрудника НКВД сначала смотрят на фотографии, потом на него самого. Затем они проверяют приглашение, пропуск и паспорт.

Кремль тогда был совершенно закрыт для населения, туда входили лишь избранные. Дельгадо заметил, что сад был хорошо ухожен, здания выглядели чистыми, и перед каждым из них стояли часовые: «Атмосфера древнего монастыря и впечатляющая тишина, несколько нарушавшаяся от наших шагов». Снова часовые, и наконец он входит в большой зал заседаний. Здесь к нему подошел человек в штатском и показал его место.

Как вспоминает Дельгадо, главным событием для участников этого заседания стала не речь тогдашнего наркома иностранных дел Молотова, а то, что на нем на короткое время появился Сталин. Дельгадо вспоминает: «Подиум все больше заполняется людьми… Оглушительная овация… Я аплодирую… Руки уже болят… Я продолжаю аплодировать…

Сталин!

И я — всего в двадцати метрах от него. Представляете себе, что это значит? Я не смотрю уже никуда больше. Все мое зрение сосредотачивается только на одном человеке — Сталине.

Другие надевают наушники. Я тоже надеваю наушники… Другие слушают человека, который начал говорить. Я только смотрю. Не на человека, который начал говорить. Я смотрю на человека, который не говорит, а находится за тем, кто говорит с трибуны. Я думаю, что и германо-советский пакт был одобрен собравшимися. Но я видел только Сталина»[25].

В то время, как внимание Кастро Дельгадо было сосредоточено на появившемся ненадолго Сталине, Вячеслав Молотов, бывший тогда народным комиссаром иностранных дел СССР, произнес решающую речь, в которой он коснулся также пакта между Гитлером и Сталиным:

«23 августа, когда был подписан германо-советский договор о ненападении, надо считать датой большой исторической важности… Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами».

Конечно, Молотов понимал, что после заключения пакта в Европе скоро разразится война. Но он попытался затушевать этот факт:

«Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе».

В речи Молотова не прозвучало никакой критики в адрес гитлеровской Германии и фашистского движения, вместо этого он впервые очень резко высказался против западных социал-демократов, которых еще совсем недавно, в период Народных фронтов 1936–1938 годов, привлекали на свою сторону как союзников и друзей. Но теперь Молотов высказался таким образом:

«Советский Союз подвергся многочисленным нападкам в англо-французской и американской прессе. Особенно стараются на этот счет некоторые "социалистические" газеты… Особенным

усердием отличились в последнее время некоторые лидеры социалистических партий Франции и Англии. Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (Смех.)… Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.) Мы бы посмотрели, что это за вояки. (Смех. Аплодисменты.)»[26]

Эти выдержки из речи Молотова уже давно не упоминаются в советских трудах по внешней политике.

В конце прений выступил член Политбюро ЦК Щербаков. Он постарался доказать, что позиция британцев и французов в переговорах с Советским Союзом была несерьезной. Заканчивая свое выступление, Щербаков предложил в виду «абсолютной ясности» того, что сказал о новом договоре Молотов, отказаться от обсуждения этого вопроса, одобрить политику советского правительства и ратифицировать германо-советский договор.

О таком предложении, прозвучавшем в конце речи Щербакова, вспоминает также советский адмирал Кузнецов. Дело закончилось формальным голосованием. Кузнецов пишет: «Мы, депутаты Верховного Совета, единодушно проголосовали за ратификацию договора»[27].

Спустя несколько часов после окончания этой сессии Верховного Совета СССР, утром 1 сентября 1939 года войска гитлеровской Германии вторглись в Польшу. Вскоре после этого Великобритания и Франция объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война.

Секретный дополнительный протокол

Несмотря на политико-идеологическую катастрофу, вызванную пактом о ненападении, на самом деле, не он был решающим фактором в ночных переговорах между Риббентропом и советскими руководителями 23 августа 1939 года. Решающим был секретный дополнительный протокол о разделе сфер интересов в Восточной Европе между гитлеровской Германией и Советским Союзом.

Вот текст этого протокола:

Секретный дополнительный протокол

По случаю подписания Пакта о Ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических развитий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского соглашения.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва, 23 августа 1939 г.

За правительство Германии
И. Риббентроп

Полномочный представитель Правительства СССР
В. Молотов[28]

Согласно этому секретному протоколу Литва попадала в сферу интересов Германии, тогда как две другие прибалтийские страны — Эстония и Латвия, — а также Финляндия относились к советской сфере интересов.

Через пять недель, в конце сентября 1939 года, секретное соглашение претерпело некоторые изменения. Литва включалась

теперь в сферу советских интересов, тогда как некоторые области Польши попадали под власть гитлеровской Германии.

Строго соблюдалась секретность, на которой настаивает четвертый пункт дополнительного протокола.

Так, например, 14 сотрудников германского посольства в Москве должны были дать письменное обязательство хранить в абсолютной тайне не только содержание дополнительного протокола (известное разве что трем-четырем лицам), но и сам факт существования «какого-либо секретного протокола». Соответствующее протоколу официальное заявление датировано 27 августа, оно сохранялось в запечатанном конверте[29].

В западном мире секретный дополнительный протокол о разделе сфер влияния между гитлеровской Германией и Советским Союзом стал известен после окончания войны в 1945 году и сразу сделался предметом исследований и аналитических осмыслений.

В Советском же Союзе и связанных с ним странах Восточного блока до недавних пор сохранялось полное молчание относительно секретного дополнительного протокола. Нигде, ни в одной речи, ни в одной публикации даже не упоминалось о секретном дополнительном протоколе, запрещены были какие-либо намеки на него. В советских трудах, посвященных советской внешней политике или советско-германским отношениям, существование секретного дополнительного протокола игнорировалось.

Это табу сохраняло силу даже в период десталинизации 1956–1964 годов, в период, о котором советский историк Некрич сказал, что это были годы «освобождения от груза прошлого, годы творческого подъема». Александр Некрич, родившийся в 1920 году в Баку, работал в Институте истории АН СССР; в 1958 году он вместе с директором Института истории АН СССР В. М. Хвостовым написал книгу «Как возникла вторая мировая война». Он вспоминает:

«Хотя эта книга была посвящена возникновению второй мировой войны, мы по-прежнему уходили от обсуждения одного из главных вопросов — о роли советско-германского пакта 1939 г. в развязывании войны. Этот вопрос был и остается наиболее чувствительным для советской историографии. И никто из советских историков, в том числе и я, не осмеливались еще перейти границы дозволенного и выйти за рамки официальной трактовки пакта как сыгравшего благоприятную роль для подготовки СССР к отражению нападения Германии, последовавшего спустя два года.

Но если бы мы даже и попробовали это сделать, то такая рукопись никогда бы но увидела света»[30].

Все это относится, как уже говорилось, к относительно свободному периоду десталинизации 1956–1964 годов. В последующие годы ситуация становилась еще более жесткой, и так получилось, что почти полстолетия после заключения пакта секретный дополнительный протокол о разделе сфер влияния между гитлеровской Германией и Советским Союзом никак, даже намеком, не подлежал упоминанию в СССР. Так было до недавних пор.

Однако все представленные далее отклики на пакт относятся к августу-сентябрю 1939 года. А тогда еще никто ничего не знал о секретном дополнительном протоколе и о том, что гитлеровская Германия и Советский Союз поделили между собой сферы влияния. Упомянутые далее современники событий могли таким образом реагировать только на официально опубликованный текст пакта о ненападении.

[1] Wolfgang Leongard. «Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes». Verlag Herder, Freiburg im Breisgau 1986.

[2] Вольфганг Леонгард. «Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США» Overseas Publications Interchange Ltd 1989.

[3] Hans von Herwarth: Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945 Propyläen-Verlag Frankfurt/Main, 1982, S. 186.

[4] A. Rossi: Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bündnis. Verlag für Politik und Wirtschaft Köln 1954, S. 50–51.

[5] Hans von Herwarth: A.a.O., S. 187–189.

[6] A. Rossi: A.a.O., S. 54.

[7] «Правда», 24 авг. 1939, с. 1. (Автор книги, В. Леонгард, ссылается на кн. Alexander Werth: Russland Im Krieg. Verlag Droemer-Knaur, München-Zürich 1965, S. 56 u. 57. Существует русский перевод книги А. Вериа «Россия в войне 1941–1945.» Авториз. Перевод с английского. Москва, «Прогресс», 1967, в которой глава о пакте практически отсутствует и не приводится текст пакта. Кроме того, все источники на других языках, кроме немецкого, включая не найденные переводчиком русские или не выходившие по-русски, даются в переводе с немецкого языка, использованном автором данной книги, вне зависимости от того, на каком языке приводится автором название источника в Примечаниях. (Прим. перев. дается всегда в скобках: И. Б.)

[8] Никита Хрущёв. Воспоминания. Избранные отрывки, 1979, с. 37; Воспоминания. Книга вторая, 1981, с. 66–67, 69 и 71, — New York, Chalidze Publications (В нем. перев. воспоминания Хрущёва приведены в больший языковый и композиционный порядок.)

[9] Ernst Fischer: Erinnerungen und Reflexionen. Rowohlt Verlag, Reinbek bei Hamburg, 1969, S. 406–409.

[10] Jesus Hernandez: La Grande Trahison. Paris 1953, S. 206–207.

[11] Enrique Castro Delgado: Mi fe se perdi en Moscou (Ich habe meinen Glauben in Moskau verloren). Verlag Horizontes, Mexico 1951, S. 36–37.

[12] Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 37.
[13] Ernst Fischer: A.a.O., S. 409–411.
[14] Ruth von Mayenburg: Blaues Blut und Rote Fahnen. Verlag Fritz Molden, Wien-München-Zürich, 1969, S. 268.
[15] Friedrich Uttitz: Zeugen der Revolution. Mitkämpfer Lenins und Stalins berichten. Gespräch mit Ruth von Mayenburg, S. 134.
[16] Herbert Wehner: Zeugnis. Köln 1982, S. 233.
[17] Sidney Wilfred Scott: Rebel in a Wrong Cause. Collins, Auckland, 1960, S. 98–102.
[18] Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 43–46.
[19] Hans von Herwarth: A.a.O., S. 173.
[20] Hans von Herwarth: A.a.O., S. 187 u. 188.
[21] Juho Kusti Paasikivi: Meine Moskauer Mission 1939–1941. Holsten-Verlag Hamburg 1966, S. 50.51 und 56.
[22] Juho Kusti Paasikivi: A.a.O., S. 58.
[23] Grigore Gafencu: Vorspiel zum Krieg im Osten. Verlag Amstutz, Herdeg & Co., Zürich 1944, S. 62–63.
[24] Alexander Werth: A.a.O., S. 56–57.
[25] Enrique Castro Delgado: A.a.O., S. 45–46.
[26] «Правда», 1 сент. 1939, с. 1. Речь Молотова на сессии Верховного Совета 31 авг. 1939 г. «о ратификации договора о ненападении». (Автор пересказывает также: Alexander Werth: A.a.O., S. 58.)
[27] N. G. Kuznezow: Am Vorabend. Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, Ost-Berlin 1969, S. 250–253. (См.: Адмирал Н. Г. Кузнецов, ж. «Октябрь», №9 и 11)
[28] «СССР: Внутренние противоречия», №4, New York, Chalidze Publications, 1982, с. 248. (Перевел с нем. Ю. Фельштинский с издания Госдепартамента США.)
[29] A. Rossi: A.a.O., S. 54.
[30] Александр Некрич. Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1979, с. 157.

ДМИТРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ*

Карл Иванович Альбрехт и его книга «Преданный социализм»

Среди книг о Советском Союзе, выпущенных в Германии после 1933 г. и использовавшихся нацистской пропагандой в предвоенное и в особенности в военное время, первое место — и по тиражам, и по влиянию на общественное мнение — занимает книга коммуниста Карла Ивановича Альбрехта. Полное название этого 650-страничного тома звучит так: «Преданный социализм. Десять лет в качестве высокого государственного чиновника в Советском Союзе».

Национал-социалистическое издательство «Нибелунген-ферлаг» выпустило эту книгу в 1938 г. десятитысячным тиражом, который разошелся мгновенно. В течение первого года вышло еще десять таких же тиражей.

После заключения в августе 1939 г. пакта Молотов-Риббентроп, в Германии был запрещена антисоветская пропаганда в любых видах и выпуск книги временно прекратился. Он возобновился в сентябре 1941 г., причем тиражи так называемых «народных изданий» (их было минимум шесть) составляли 150–300 тыс. экземпляров. К 1944 г. общий тираж книги превысил 2 млн экземпляров. Можно предположить, что в первую очередь именно по книге Альбрехта формировалось представление о Советском Союзе у населения Германии в конце тридцатых и в сороковые годы.

В 1942 г. одна глава книги, «Красный экономический хаос» («Das rote Wirtschaftschaos»), где речь шла о советской экономике,

* Хмельницкий Дмитрий Сергеевич, архитектор и историк архитектуры, автор книг по истории сталинской архитектуры и составитель сборников по военной и политической истории СССР. Живет в Берлине.

была выпущена для населения оккупированных Германией советских территорий на русском языке отдельной брошюрой под названием «Разве это социалистическое строительство?» По некоторым данным, на русском языке во время войны выпускались и другие главы книги Альбрехта.

В 1945 г. распоряжением оккупационных властей книга Альбрехта была изъята из немецких библиотек. В советской оккупационной зоне обнаружение ее при обыске автоматически влекло за собой арест владельца и обвинение в симпатиях к нацизму. С тех пор эта книга, представляющая собой несомненный научный интерес, была изъята из научного обращения, не издавалась, не изучалась и не использовалась как источник информации о СССР 20–30-х гг.

Автор пропагандистского бестселлера Третьего Рейха, Карл Иванович Альбрехт (настоящее имя — Карл Маттхойз Лёв), родился 10 декабря 1897 г. в Швабии (Южная Германия) и умер 22 августа 1969 г. в Тюбингене. В 17 лет он оказался на фронте первой мировой войны, был много раз ранен, награжден Железными крестами первого и второго класса. После войны Альбрехт стал коммунистом. Получив образование лесного инженера, он в 1924 г. приехал в Советский Союз, где провел 10 лет.

Карл Альбрехт сделал в СССР фантастическую карьеру — от простого лесного инженера он вырос до члена ЦКК–РКИ (Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции СССР) и руководителя секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при Рабоче-крестьянской инспекции. Под конец карьеры он стал заместителем руководителя Главного управления лесной, деревообрабатывающей, бумажной и целлюлозной промышленности СССР, из которого позже образовался Наркомат лесной и деревообрабатывающей промышленности. Это был ранг заместителя наркома. В ведении Альбрехта находилась вся лесная промышленность СССР. Если учесть, что наряду с зерном лес был второй главной статьей валютных поступлений СССР, то важность положения Альбрехта и степень его информированности в советской внутрипартийной и внутрихозяйственной кухне трудно переоценить. Как партийно-советский чиновник высокого ранга, он участвовал в правительственных заседаниях высших советских органов: Политбюро, Президиума Центральной контрольной комиссии, пленума Центрального Комитета партии, Совнаркома и Совета труда и обороны. Он лично знал всю партийно-хозяйственную верхушку Советского Союза[1].

Кроме того, «в критическое время для становления лесного хозяйства Альбрехт был особым уполномоченным ЦК партии и Совнаркома в своей профессиональной области. В течение ряда лет Альбрехт принадлежал к узкому кругу сотрудников президиума крупнейшего советского профсоюза рабочих сельского хозяйства и лесной промышленности и был президентом объединения научно-технических обществ ученых, экономистов, инженеров и техников лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

По специальному партийному поручению Карл Альбрехт как заместитель председателя и член бюро руководил иностранной секцией, которая объединяла всех иностранных ученых, экономистов, инженеров, техников и квалифицированных рабочих в СССР»[2].

В 1933 г. Альбрехт был арестован ГПУ и обвинен в шпионаже в пользу немецкого генерального штаба. В общей сложности он провел в заключении 18 месяцев. Больше трети его книги посвящено подробному описанию его собственной тюремной эпопеи и судеб тех, с кем он познакомился в камерах разных тюрем. Альбрехт пережил пытки, устраивал голодовки, но виновным себя не признал и отказался от настойчивого предложения стать сотрудником иностранного отдела ГПУ в обмен на признание вины. В конце концов он был приговорен к смертной казни на заседании Революционного трибунала под председательством Ягоды и в присутствии высокопоставленных партийных функционеров, включая и «представителей мирового пролетариата» Хайнца Ноймана и Белы Куна. Обвинителем был Крыленко, который еще в перерыве судебного заседания, как пишет Альбрехт, уговаривал его согласиться на предложение ГПУ о сотрудничестве и тем самым спасти жизнь.

То ли благодаря чуду, то ли сохраненному немецкому гражданству и вмешательству немецкого посольства, после месячного пребывания в камере смертников Таганской тюрьмы Альбрехт был неожиданно помилован и в апреле 1934 г. выслан в Германию вместе с двухлетней дочерью. Его русская жена осталась в СССР.

В Германии Альбрехта арестовало гестапо. Он провел несколько месяцев в концентрационном лагере, допрашивался в тюрьме гестапо в Берлине (о заключении в тюрьме гестапо подробно написано в книге) и был наконец выпущен на свободу. Как бывший коммунист, Альбрехт не мог найти работу в Германии; он эмигрировал в Турцию, а затем в Швейцарию, откуда немецкое издательство и получило в 1938 г. рукопись его книги. Карл Альберт был на тот момент, видимо, самым высоким советским и партийным функционером,

покинувшим СССР и решившимся рассказать о том, что он там пережил. О причинах, заставивших его взяться за перо, Альбрехт пишет в опубликованном ниже предисловии к первому изданию.

Книга Альбрехта интересна во многих отношениях. Во-первых, это подробный и несомненно достоверный рассказ о Советском Союзе и советской жизни во множестве ее аспектов — политическом, экономическом, бытовом. Причем это рассказ человека чрезвычайно информированного и умного. Кроме того, книга иллюстрирована более чем сотней фотографий, большинство из которых сделано автором во время его путешествий по местам советских лесоразработок, работой на которых были практически исключительно заняты заключенные и депортированные крестьяне.

Во-вторых, интересен характер использования книги нацистской пропагандой. Хотя, в некоторых современных немецких биографиях Альбрехта говорится, что он стал «пламенным национал-социалистом», по книге этого сказать нельзя. Более того, сам Альбрехт в ней утверждает, что своим убеждениям юности он не изменил — он просто разочаровался в том, что сталинский Советский Союз — это есть воплощение коммунистических идеалов. Скажем, восторженная глава о Кларе Цеткин содержится во всех изданиях книги, вплоть до последних. В предисловии к первому изданию Альбрехт пишет: «Я был социалистом, и я остаюсь социалистом. Но я был коммунист и верил в строительство социализма в Советском Союзе. То, то я пережил в Советском Союзе, вынудило меня отказаться от этой веры»[3]. Тут интересен терминологический нюанс — для Альбрехта, как, видимо, и для многих, быть коммунистом в тридцатые (и более поздние годы), в отличие от двадцатых, означало быть безоговорочным сторонником сталинского Советского Союза. Поэтому он, не изменяя, по собственным словам, прежним идеалам, коммунистом быть перестал.

Судя по всему, нацистские редакторы почти не тронули текст книги. Во всяком случае, правка не бросается в глаза. Репутация Альбрехта как убежденного коммуниста работала на достоверность его книги, в чем издатели были заинтересованы. Поэтому в предисловии издательства, как подтверждения его партийной репутации, цитируются письма Клары Цеткин к самому Альбрехту и его жене с выражением доверия и поддержки, написанные во время его ареста ГПУ.

Однако явные следы пропагандистской обработки текста видны в авторских предисловиях. Предисловие к публикуемой ниже

брошюре 1942 г. «Разве это социалистическое строительство?» пропитано нацистской пропагандистской риторикой и лексикой. Там несколько раз встречаются выражения типа «жидовско-большевистские комиссары» и «иудейско-большевистские диктаторы», содержатся славословия в адрес «нашего первого рабочего Адольфа Гитлера». Ничего подобного в самой книге (и в тексте русской брошюры) нет. Текст предисловия, однако, написан в стиле пропагандистской листовки с обращениями «Брат трудящийся!» и восклицаниями «Уже взошла заря новой жизни!». Хотя предисловие к брошюре подписано Альбрехтом, оно разительно отличается по стилю и содержанию от текста брошюры. Видимо, нацистские пропагандисты полагали, что именно такого рода обращения вызовут благоприятный отклик у населения оккупированных территорий.

Предисловие к брошюре датировано 1 августа 1942 г. Предисловие Альбрехта к 12-му изданию книги «Преданный социализм» датировано июнем 1942 г., то есть двумя месяцами раньше, но написано совершенно другим языком. Редакторская обработка авторского текста носит иной характер и явно обращена не только к немецкому населению, но и к жителям Европы в целом. Там нет и намека на антисемитизм, но есть упоминания «гениального Адольфа Гитлера», под руководством которого «мы, европейцы» «строим новую социалистическую Европу».

В предисловии автора к первому изданию, 1938 г., которое публиковалось и во всех более поздних изданиях, нет ни антисемитизма, ни реверансов в сторону национал-социализма и лично Гитлера, в чем читатель может убедиться сам. Скорее всего, оно аутентично.

В опубликованной в 1942 г. брошюре речь идет о множестве чрезвычайно интересных вещей. Альбрехт описывает дикие экономические методы начальной стадии индустриализации (то есть эпохи первой пятилетки) в области хорошо и до деталей ему знакомой. Это хаотические и бессмысленные закупки иностранного оборудования, которое нет возможности грамотно использовать, хищническое разграбление лесных богатств, огромные экономические потери, которые компенсируются эксплуатацией бесправного населения страны. Альбрехт четко обозначает цель всех усилий — «подготовить Красную Армию для грядущей мировой войны». Для этого был выбран самый простой способ — превращение населения страны в принудительных рабочих, в рабов, и поддержание трудовой дисциплины массовым террором. То, что мы сегодня зна-

ем об индустриализации и коллективизации начала 30-х годов, не противоречит описанию Альбрехта, и подтверждает его значение как важного и чрезвычайно информированного свидетеля до сих пор до конца не изученных исторических процессов.

Рассказы Альбрехта о ситуации с иностранными концессиями в СССР и о политике в отношении иностранных специалистов также крайне интересны и ценны для понимания законов сталинской экономики. То же касается и политических аспектов советского демпинга в мировой лесоторговле и краткого очерка сталинской коллективизации. Тут следует обратить внимание на исключительно важный рассказ о человеке, имя которого отсутствует в советской историографии сталинской эпохи, но который, по мнению Альбрехта, сыграл ключевую роль в коллективизации — немецкого специалиста по сельскому хозяйству доктора Пюшеля. Согласно Альбрехту, именно он подготовил план коллективизации сельского хозяйства в СССР. Этот план, преследовавший совершенно иные цели, был вывернут Сталиным наизнанку и использован не для улучшения положения крестьян, а в прямо обратном смысле — для уничтожения советского крестьянства. Доведенный до нервного истощения бесплодными попытки объяснить партийному начальству губительность его действий, Пюшель умер в Москве при подозрительных обстоятельствах.

Ниже публикуется предисловие Карла Альбрехта к первому изданию его книги 1938 г., и глава из нее, вышедшая в 1942 г. на русском языке в виде брошюры «Разве это социалистическое строительство?».

Для того, чтобы продемонстрировать ошеломляющий эффект, который производила на читателей книга Альбрехта, мы публикуем также небольшой отрывок из главы, в которой Альбрехт описывает свое пребывание в камере смертников Таганской тюрьмы после объявления приговора. Историческая ценность этого отрывка чрезвычайно высока еще и потому, что людей, которым довелось выйти из такой ситуации живым и суметь рассказать о ней, было наверняка исчезающе мало.

[1] Karl I. Albrecht, „Der verratene Sozialismus. Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion“, Berlin-Leipzig, 12. Ausgabe 1943, Vorwort des Verlages, SS 11-12.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 21.

КАРЛ АЛЬБРЕХТ

Предисловие к первому изданию книги «Преданный социализм»

Решение опубликовать рассказ о событиях моего десятилетнего пребывания в СССР далось мне нелегко. Потому что эти десять труднейших и активнейших лет моей жизни в СССР я провел не как более или менее хорошо оплачиваемый специалист, которому результаты его работы и судьба государства, которому он служил, могут быть безразличны, а как убежденный, верующий коммунист, посвятивший все силы и знания «отечеству трудящихся».

Теперь эти 10 лет лежат за моей спиной как закрытая глава. Я покинул Советский Союз. Я вернулся на свою Родину, в немецкую империю, как в новый и чужой мир. Молодым коммунистом я покинул в 1924 году веймарское государство — как бывший коммунист, но все еще непоколебимый пламенный социалист, вернулся я в новую империю, в третью немецкую империю национал-социалистов. Из застенков ГПУ я попал в концентрационный лагерь тайной государственной полиции. Но и это позади. Я вернулся обратно на свободу.

Теперь, — работая инженером за границей, — я свободен. Далеко позади остался СССР. Я ускользнул от власти ГПУ. Но я точно так же свободен и от любого другого влияния политического характера.

Эта свобода ставит меня перед решением — молчать или говорить. Если я молчу, то ничем не рискую. Я могу тихо жить и работать там, где хочу. Если я заговорю, то уже не будет возврата к мирной частной жизни. Тайные убийцы ГПУ встанут на мой след,

клевета и обвинения будут сопровождать мое имя. Все это можно вынести. Больше всего я боюсь только одного, того, что друзья и товарищи по многолетней и тем не менее напрасной борьбе за лучший мир поймут меня неправильно, вычеркнут меня из своей памяти как предателя и ренегата. Этого я не хочу. Я никогда не был предателем. Я не ренегат. Я честно и изо всех выполнял в СССР свой долг. Когда меня настиг кулак ГПУ, я отказался от обращения за помощью к моему немецкому отечеству. Я был готов нести дисциплинарную ответственность, если вольно или невольно совершил ошибку. Но меня не привлекали к ответственности. Было известно, что я невиновен. Тем не менее, меня хотели уничтожить, как уничтожили с тех пор большую часть большевиков Ленина. Я не в большей степени предатель, чем все эти люди. Я был социалистом, и я остаюсь социалистом. Но я был коммунистом и верил в строительство социализма в Советском Союзе. То, то я пережил в Советском Союзе, вынудило меня отказаться от этой веры.

Я знаю, что во всем мире многие миллионы смотрят на Восток и ожидают спасения из Москвы. Ради этих миллионов, готовых жертвовать время, силы и даже жизни, я должен рассказать, почему я потерял веру.

Я знаю, что на бесконечных просторах СССР миллионы людей с фанатической верой выносили сверхчеловеческие трудности, добивались сверхчеловеческих результатов и продолжают добиваться, чтобы воплотить в действительность свои социалистические идеалы. Лучшие из них погибли или загублены. Их усилия и жертвы были напрасными, потому что их мученический путь вел не в лучший мир, он вел в хаос, в гибель, в ничто.

Ради памяти этих бессмысленно принесенных в жертву людей я должен объяснить, почему их путь был ошибочным.

Я и сегодня убежден, что революция в России была необходима и неминуема. Ужасное давление царистского режима, выдавливающего из крестьян все соки феодализма, эксплуатирующего рабочих раннего капитализма, давление этого режима с его косностью и коррупцией, душило прогресс нации, раздражало молодежь, доводило до нищеты народные массы. Об этом мне рассказывали не только многие простые или образованные русские люди. В тюрьме ГПУ я познакомился с одним старым балтийским аристо-

кратом и высшим русским офицером, последним флигель-адъютантом царя, 72-летним генерал-майором бароном фон Майделем, которого однажды вечером, спустя недели нашего совместного заключения, увели на расстрел. И этот знатный, высокопоставленный человек из высшего слоя Российской Империи, говорил перед лицом смерти совершенно открыто, что прошлое должно оставаться прошлым, потому что оно было для русского народа унизительным и невыносимым.

Но как революция Керенского плачевно ушла в песок, так и большевистская революция не только не воплотила надежды народов России, но чудовищно их предала. За несвободой царизма следовало абсолютное рабство большевизма. За убогими условиями существования широких народных слоев до 1917 г. следовал перманентный голод после переворота. За эксплуатацией рабочих и крестьян со стороны царизма следовала невиданная в истории человечества безжалостная эксплуатация всех со стороны жестокой деспотии. Недостойные методы охранки при царизме сменились попирающими любое человеческое достоинство методами ЧК и ГПУ. Большевизм не принес спасение, он не принес социализм — он низверг народ в глубочайшую нищету.

Я и сегодня убежден, что борьба против социальной несправедливости в большинстве стран Европы и мира необходима и неминуема.

Но беда народам мира, если эта борьба поставит целью в результате привести большевизм на место сегодняшнего общественного устройства! И беда народам, чья молодежь перейдет на сторону кремлевских диктаторов и будет бороться с правительствами собственных стран в интересах Москвы.

Эту полную идеалов молодежь, этих совращенных борцов за свободу стоит спасать. Им стоит показать, кем на самом деле являются совратители из Кремля, завлекающие их в революционные отряды и в интернациональные бригады.

Поэтому я должен говорить. Я должен рассказать, что практика марксистского коммунизма ужаснее всего того, с чем мы боремся и что отвергаем в капитализме.

И я знаю, что лишения и нужду времен создания нового мира следует пережить. Поэтому добровольно переносимая су-

ровость советской жизни и нищета советского народа, которую я честно с ним делил, не пошатнули моей веры в спасительность большевизма.

Что уничтожило во мне эту веру, так это ясное неопровержимое понимание того, что происшедшее за двадцать один год большевистского владычества означало не родовые схватки лучшей эпохи, а смертельную борьбу за существование нежизнеспособной, бесплодной системы. Доказательством правильности этого моего горького признания служат факты, о которых я хочу рассказать.

Никакие изменения тактики, никакие изменения методов, никакая смена персон, никакой поворот Сталина со своего предшествующего пути, никакие жертвы идеалистов не превратят несчастье большевизма в счастье человечества.

Слишком многие из знающих — молчат. Молчат дипломатические представители СССР за границей, молчит большинство сбежавших из Советского Союза. Все они боятся мести ГПУ. Один должен говорить.

Если это признание, если это открытое предупреждение к социалистическим товарищам во всем мире будет стоить мне жизни, если меня настигнет месть ГПУ, тогда пусть моя смерть подтвердит правду, за которую я борюсь.

К. И. Альбрехт
Цюрих, 1938 г.

КАРЛ АЛЬБРЕХТ

Разве это социалистическое строительство?*

Глава из книги «Преданный социализм»

Предисловие автора

Брат трудящийся!

До твоего призыва на военную службу твоя жизнь проходила, если ты рабочий — на заводе, если ты крестьянин — в колхозе или совхозе. Или, быть может, ты работал в качестве инженера, техника или служащего в одном из бесчисленных советских учреждений, или на одном из выстроенных в последние годы промышленных гигантов или хозяйственных комбинатов. Если это так, то тогда ты поймешь то, что я хочу сказать в этой брошюре.

В долгие годы твоей работы ты, наверное, не раз раздумывал над тем, что какая же в конце концов польза тебе и твоей семье от хозяйства твоей родины, организованного и спланированного советским правительством так, что главной задачей его должен быть лозунг Ленина «догнать и перегнать капиталистические страны».

Тебе неоднократно говорили о большом социалистическом хозяйственном строительстве, рассказывали о том, какой хорошей и беззаботной станет жизнь трудящихся тогда, когда Советский Союз построит свою собственную промышленность и станет совершенно независимым от ввоза из-за границы.

Тебе также говорили, что на новых фабриках и заводах вся тяжелая работа будет выполняться машинами и что твои обязанности в качестве рабочего, инженера или техника будут значительно легче, чем на таких же предприятиях за границей. Тебе

* На экземпляре брошюры, находящемся в берлинской государственной библиотеке, нет выходных данных. Год выпуска предположительно 1942.

рассказывали также и о том, что твою жизнь будут беречь и что твои силы не будут так расходоваться, как раньше. Кроме того, ты будешь зарабатывать во много раз больше, чем, например, немецкий рабочий и, несмотря на это, себестоимость продуктов производства твоего завода или фабрики будет значительно ниже, чем на таких же предприятиях капиталистических стран. Твоя жизнь станет поэтому прекрасной и на твой, по сравнению с немецким рабочим, больший заработок ты сможешь купить для себя и своей семьи в сто раз больше, чем рабочие капиталистической Германии, так как там, в «капиталистическом» хозяйстве, производственные расходы значительно выше, чем в Советском Союзе.

То, что трубили тебе в уши комиссары день за днем, — только прекрасные сказки. Но многие, к сожалению, верили всем этим выдумкам. Задумайся только над следующим: в 1928 году были пущены в ход первые промышленные гиганты. А уже несколько месяцев спустя то на одном, то на другом предприятии должны были быть остановлены целые цехи, так как не было квалифицированных рабочих, не было специалистов.

Прошло несколько лет, и эти огромные заводы и комбинаты оказались не образцовыми предприятиями социалистического ведения хозяйства, а они сделались местом самой страшной, самой ужасной эксплуатации. Тебя заставили работать с такой скоростью, которая недопустима даже и в капиталистических странах. Тебе все время болтали о социалистическом соревновании. Ты и твои товарищи по работе должны были вступать в соревнование, чтобы подстегнуть друг друга к еще большей производительности. И это продолжалось до тех пор, покуда вы совершенно истощенные, усталые и физически надломленные, не падали у ваших станков. Тогда набирались новые рабочие силы. Их ставили к вашим станкам, на ваше место. И эти новые силы выжимались до тех пор, покуда и они не надламливались. Тогда их заменяли новыми людьми.

Таков был круговорот вашей повседневной жизни, независимо от того, нес ли каждый из вас барщину в одном из многочисленных советских рабочих застенков в качестве рабочего, инженера, техника, учителя или служащего в советском аппарате, или же был он рабочим на железной дороге, на шахтах или в сельском хозяйстве.

Может быть, вы часто удивлялись тому, что во время этой войны к вам не пришел ни один немецкий, французский или какой-

либо другой иностранный рабочий и не сказал вам: «Я хочу сражаться вместе с вами за сохранение вашего Советского Союза».

Причина этого заключается в том, что в течение последних 15 лет тысячи иностранных рабочих и специалистов работали вместе с вами в вашей промышленности в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, в Сибири и т. д., — словом, везде, где строились у вас новые промышленные предприятия и где ваши комиссары нуждались в высококвалифицированной рабочей силе, которой у вас не хватало.

Но все эти ваши иностранные друзья по работе вернулись на свою «капиталистическую» родину. Отчего? Почему они это сделали? Да потому, что они и их семьи могли гораздо лучше жить и работать у себя дома, чем в вашем так называемом «социалистическом» Советском Союзе. Потому что все то, что размалевывает вам Сталин и все ваши иудейско-большевистские вожди, в действительности не имеет абсолютно ничего общего с социалистическим строительством. Все эти иностранные специалисты не могли дольше принимать участие в отвратительной эксплуатации человеческой рабочей силы, ибо они не могли больше смотреть равнодушно на то, как ваши властелины без конца, самым бессовестным образом обманывают вас и ваши семьи и вытягивают из вас последние силы.

Сотни немецких коммунистов, пламенно воодушевленные идеалами коммунизма, пришли в Советский Союз для того, чтобы работать вместе с вами. Но все они вернулись на свою родину, несмотря на то, что они знали, что там их ожидало тяжелое наказание за их политическую деятельность. Они говорили, что лучше снести строгое наказание, чем остаться в Советском Союзе и принимать дальше участие в издевательстве над людьми.

Некоторые из них не смогли вернуться на родину, потому что ГПУ не выпустило их. Они так же должны были распрощаться с жизнью, как и многие из ваших близких.

Я был идеалист. Я глубоко верил в идею коммунизма и поэтому я отдал 10 лет моей жизни, все мои силы, все мои знания и все уменье на служенье так называемому «социалистическому» строительству вашей родины.

Весною 1924 года я, тогда еще молодой инженер, приехал в Советский Союз. Десять лет спустя, весною 1934 года я покинул СССР, забрав с собой мою маленькую дочь. Моя жена, моя верная боевая подруга, пережившая вместе со мной все невзгоды этих де-

сяти лет, была задержана в Сов. Союзе. ГПУ не выпустило ее. Она была оставлена в качестве заложницы.

Все то, что я пережил за эти десять лет, я описал в моей книге «Измена социализму», вышедшей в Германии в 1938 году. И мне пришлось понести в Германии тяжелое наказание, но я был счастлив, бесконечно счастлив, что после десяти лет тяжелых разочарований, хоть и с горечью в сердце, но мне все же удалось вырваться наконец из этого ада отвратительной эксплуатации, который создали ваши жидовско-большевистские комиссары.

Брат трудящийся! В этой и в других моих брошюрах я описал часть моих переживаний в Советском Союзе. Пять лет я работал в качестве инженера на местах в промышленности, в лесах Карелии, северной России, на Урале, в Сибири. Этой работе я отдал все мои силы. Я работал так, как никогда не сделал бы этого для капиталистов! Тогда уже я видел много несчастья и много страданий, много несправедливости и страшную эксплуатацию человека. Тогда уже я видел, как иудейско-большевистские диктаторы вытягивали из вас последние силы.

После пяти лет трудной, упорной работы я был назначен членом Центрального Комитета тогда еще существовавшего профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих. Несколько месяцев спустя, когда в московском Госиздате вышли две мои книги о реконструкции и рационализации советского лесного хозяйства, я был назначен членом Центральной контрольной комиссии и руководителем секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при Рабоче-крестьянской инспекции. Вот тогда-то я и узнал полную правду!

По роду моей работы в качестве руководителя инспекции всего лесного хозяйства и лесной промышленности мне пришлось побывать во многих местах Советского Союза.

Благодаря моим полномочиям, которые я имел как лицо, занимающее высокий пост в партии и в госорганах, я целых три года имел возможность наблюдать во время многочисленных заседаний Совнаркома, СТО и ЦКК–РКИ то, чего я еще до тех пор не знал. Я узнал, что не только в тех предприятиях, не только на той работе, где я получил свой печальный опыт, царит полнейший хаос и отвратительнейшая эксплуатация, но что повсюду, во всем Советском Союзе, без малейшего исключения, была такая же безотрадная картина.

Вместе с многочисленными, так же как и я идеально настроенными коммунистами, которых впоследствии расстреляли, мы делали неоднократно попытки положить предел этой ужасной эксплуатации. Мы хотели помочь, мы делали практические предложения в Политбюро ЦК ВКП(б). Но ничего из этого не вышло!

Правда, были изданы многочисленные постановления, которые были опубликованы во всех газетах, переданы по радио, распространены агитпропом партии вплоть до самых отдаленных уголков Союза и, уж конечно, доведены до сведения заграницы. На основании этих решений нужно было предположить, что во главе Советского Союза стоят люди, которые действительно защищают интересы рабочих, которые действительно хотят построить новый мир, создать социалистическое общество и социалистическое хозяйство!

Я радовался всем сердцем каждой победе, достигнутой после упорной борьбы мною и моими идеально настроенными товарищами. Но на каждом шагу я убеждался в том, что все мои надежды, все старания были так же бесполезны, как и все то, что делали другие идеалисты-партийцы.

Когда же в конце концов я не смог выдержать больше тот обман и ту ложь, среди которых мне пришлось жить, и захотел вернуться с моей семьей на родину в Германию, ГПУ протянуло ко мне свои лапы.

Меня, как и тысячи других, заподозрили в отвратительнейших вещах, с которыми я никогда не имел ничего общего. Меня таскали из тюрьмы в тюрьму, из суда в суд. Меня пытали такими средствами и способами, ужаснее которых ничего не может придумать ни один преступный ум. Меня хотели заставить сознаться! Я молчал. Я выдерживал все угрозы. Мысль, что предо мной стоит священная задача, которую я должен выполнить во что бы то ни стало, давала мне силы. Я знал, что на моей родине, во всем свете мне нужно рассказать миллионам людей о том, что я увидел в СССР. Рассказать правду о большевизме, о его подлинной сущности, о том, что он представляет собой в действительности.

Но, кроме того, рабочие и крестьяне Советского Союза, я был убежден, что я обязан отдать все силы моей души делу освобождения ваших народов от иудейско-большевистского ига и помочь завоевать вам подлинную социалистическую свободу! С этими мыслями я написал мою книгу «Измена социализму», в которой обличил то, что называется большевизмом.

Здесь перед вами одна ее часть, посвященная красному хаосу, царящему в хозяйстве Советского Союза. В ней я описываю то, что в течение, целых десяти лет я видел своими собственными глазами и слышал своими собственными ушами, я делаю выводы, к которым привел меня мой трезвый рассудок в течение этих долгих десяти лет жизни в Советском Союзе, когда я был там на свободе или сидел в подвалах ГПУ.

Я далек от мысли хулить тех, кто до меня, вместе со мной или после меня всем сердцем, всеми своими силами пытался осуществить социализм в Советском Союзе. Вы сами знаете, что десятки тысяч этих отважных людей убиты Сталиным и его палачами-чекистами.

Сегодня поднялись все народы Европы! Поднялись не для того, чтобы отнять у вас ваши земли, разрушить вашу промышленность, ваше хозяйство. Нет и тысячу раз нет! Эти могучие армии рабочих и крестьян Европы взялись за оружие для того, чтобы уничтожить тот ужас, то несчастье, которое в октябре 1917 года обрушилось на народы России. Они жертвуют своей жизнью для вас, братья трудящиеся, рабочие и крестьяне Советского Союза! Они отдают ее за то, чтобы освободить вас от красного ужаса большевизма, чтобы завоевать для вас свободу! Они не хотят ничего, кроме свержения жидовско-большевистских захватчиков. Они хотят только открыть вам глаза, помочь узнать правду, помочь осуществить подлинный, истинный социализм!

Осмотритесь хорошенько в нашей стране! Посмотрите в глаза нашему германскому рабочему, нашему крестьянину! Найдете ли вы в них страх перед палачами НКВД, страх перед пыткой, перед смертью? Нет! Никогда!

Наши рабочие и наши крестьяне — это свободные люди на свободной земле!

Наши «капиталистические» промышленные предприятия давным-давно перестали быть местом капиталистической эксплуатации. Капиталисты не распоряжаются у нас рабочей силой. Приказывать у нас может только **один**, сам вышедший из рядов германских рабочих, наш первый рабочий **Адольф Гитлер**! Этот человек 24 года тому назад, во время империалистической войны, был простым ефрейтором и находился вместе с нами на фронте. Теперь он ведет наши армии, он наш верховный главнокомандующий, наш вождь. Мы с радостью повинуемся ему, потому что

он дал нам, германским социалистам, подлинный социализм не на слове, а на деле. Трудящиеся СССР, вы должны здесь у нас в Германии узнать на примерах, как мы, немецкие социалисты, осуществляем наш социализм!

Возьмите эту брошюру, прочтите ее внимательно, подумайте и скажите, не является ли полной противоположностью нормальному, здоровому ведению хозяйства все то, что я здесь описываю, все то, что ваши иудейско-большевистские вожди называли «социалистическим хозяйственным строительством». Вы в этом не виноваты. Вину за это несут только те бездельники, те жидовско-большевистские дилетанты, которые за эти 24 года своей диктатуры в вашей стране разрушили ваше хозяйство, вашу промышленность. Они разрушали то, что было создано вами в поте лица, что было облито кровью и слезами миллионов неповинных жертв, замученных непосильным трудом, голодом и нуждой. Этим подлым убийцам мы объявили войну. Бороться с ними должны и вы!

Мы, германские социалисты, ваши искренние друзья! Наш вождь, Адольф Гитлер, несет вашей родине освобождение! Тысячи германских рабочих и крестьян уже отдали свою жизнь за вашу свободу! Вы должны быть такими же свободными и счастливыми, как и мы! Вы должны сделать своими вождями, руководителями вашего государства таких людей, которые являются социалистами на деле, а не на слове! Ваших же жидовско-большевистских вожаков на основании того, что вы узнали, на основании вашего личного опыта и на основании опыта всех тех, кто хорошо знал вашу жизнь, этих «вождей» вы должны назвать тем именем, которое они в действительности заслуживают: **предателями социализма!** Эта брошюра должна помочь вам заглянуть за кулисы, увидеть то, что от вас так тщательно скрывали ваши поработители. Мое горячее желание заключается в том, чтобы вы осознали, что ваше благополучие и ваше счастье вы найдете не в большевизме, а только в подлинном социализме. Пусть мои слова, моя брошюра помогут вам это понять!

Пусть эти строки проложат путь между нашими сердцами! Мы, народы Европы, хотим и должны поддерживать друг друга, идти вместе! Только таким путем мы добьемся того, что мир будет принадлежать нам, что войны между отдельными странами отойдут в область предания, что эксплуататоры-кровопийцы будут навсегда устранены!

Уже взошла заря новой жизни! Теперь только несколько лет нашей совместной с вами работы, и для нас засияет солнце свободы, солнце счастья, солнце социалистической справедливости!

Наши народы будут свободны и счастливы!

Братья трудящиеся, пришедшие к нам с Востока! Работайте вместе с нами над созданием новой жизни! Тогда жизнь каждого из вас не будет напрасной и бесцельной. Тогда все страдания, все жертвы, принесенные вашим и нашим народом, не были напрасными!

К. И. Альбрехт
Берлин, 1 августа 1942 года

Хаос в советском хозяйстве

Все хозяйство Советского Союза направлено к единственной цели: подготовить Красную Армию для грядущей мировой войны. Для этого сверх-индустриализация должна проводиться все более безумно-ускоренным темпом. О том, что тут часто отдавало фантазией, о том, что вместо здорового, разумно организованного, полноценного хозяйства возникал бесхозяйственный хаос, в Кремле никто не смел говорить. Там усыпляли себя цифрами…

При этом демагоги прекрасно знали, что данные Центрального статистического управления о производительности всех отраслей советского хозяйства неверны и ни в коем случае не совпадают с секретными твердыми данными высшего контрольного органа. В таком же вопиющем противоречии находились они и с совершенно очевидным хаотическим состоянием снабжения во всех его областях, как в области обеспечения трудового населения предметами широкого потребления, так и в снабжении промышленности и сельского хозяйства машинами, орудиями производства и инструментами.

В посвященных партийных кругах уже давно никто не верил всем этим статистическим данным разных наркоматов о мнимо высоком уровне производства. Все знали, что эти горы статистических данных имеют только пропагандное значение, и то только для иностранцев.

При рассмотрении контрольных цифр второй пятилетки в Центральном Комитете партии мнения различных хозяйственных и партийных руководителей разошлись, и дело закончилось нападками друг на друга. Каждый из заинтересованных наркомов пробовал на основании своих «статистических данных» доказать дутую производительность и важность руководимой им отрасли хозяйства и тем оторвать от бюджета возможно большие средства на свою долю.

Уважаемый в самых широких партийных кругах за свою несколько холодноватую положительность Яковлев, впоследствии нарком сельского хозяйства, а тогда еще заместитель председателя Центральной контрольной комиссии, которого в то время все очень боялись, не смог, очевидно, сдержаться и воскликнул:

«Вместо того, чтобы заняться действительно печальным состоянием нашего хозяйства и озаботиться подысканием средств для его улучшения, мы только обманываем друг друга. Самое постыдное в этом — то, что мы все знаем, что каждый лжет, и, следовательно, мы сами себя совершенно сознательно обманываем!»

Во время моей долголетней, совместной работы с целым рядом руководящих работников администрации и партии и при частных встречах я довольно часто высказывал мнение, что установленная сталинской генеральной линией сверхиндустриализация в конце концов приведет советский режим к гибели, к неминуемой, стихийной хозяйственной катастрофе. Я основывал свои опасения прежде всего на том, что, как было известно и высшим руководящим кругам, вследствие невероятного разбазаривания и хищнических способов добывания сырья очень скоро придет момент, когда стремительно и беспланово построенные «гиганты» первой и второй пятилетки останутся без него. Поэтому новая индустрия не сможет достичь полной производительности или уже через несколько лет будет вынуждена приостановиться из-за недостатка сырья.

Я знал, что такие же опасения с самого начала второй пятилетки возникли в самых осведомленных кругах хозяйственного руководства и причиняли много забот, что иногда высказывалось совершенно открыто.

Я говорил о том, что бессмысленно вызывать к жизни запланированные гиганты, которые потребуют невообразимого вложения капиталов, а также целую армию высококвалифицированных специалистов. Кроме того для этого множества рабочих должны быть построены жилища, школы, больницы и электростанции, проложены улицы и проведен водопровод. Кроме того должны

быть налажены снабжение и распределение. Все это неминуемо приведет к невероятному повышению издержек производства.

На основании опыта находившихся под моим контролем лесопилок я утверждал, что гораздо умнее и хозяйственнее было бы капитально отремонтировать уже существующие заводы и обновить их и таким образом повысить на 100% их производительность, так как они могут работать еще десятки лет.

В качестве одного из многих примеров я привел жалкие результаты работы лесопилок Архангельской промышленной области. Эти лесопилки считались тогда самыми лучшими из всей очень плохо работавшей лесопильной промышленности.

В 1927–1928 гг. здесь было еще 33 лесопилки, в большинстве случаев высокопродуктивных, с 145 рамами (отчасти даже шведскими болиндеровскими быстроходными).

В 1927–1928 хозяйственном году все эти рамы, вместе взятые, распилили на доски 3 099 000 кубических метров кругляка. При этом была достигнута жалкая цифра в 1 684 000 кубометров пиленого леса. Эта нищенская продукция, однако, далеко превосходила среднюю продукцию всей лесопильной промышленности СССР.

И все-таки, эта цифра значила, что разрезанный на куски кругляк был использован только на 54% своей ценности. 46%, т. е. 1 415 000 кубических метров ценнейшего круглого леса из года в год уходило на щепу. Часть его специальными пароходами вывозилась в море и выбрасывалась, поскольку невозможно было сжигать эту массу на колоссальных кострах вблизи лесопилок.

При этом дело шло об исключительно первоклассном строевом лесе, так как в то время на лесопилки доставлялся только совершенно чистый товар без сучков, т. е. лишь нижняя часть срубленных стволов.

Мое предложение сводилось к тому, чтобы основательно модернизировать и использовать все существовавшие на территории РСФСР в 1927–1928 году лесопилки с их 1 031 рамой, в том числе и 33 лесопилки Архангельской области и таким образом привести их к нормальной продуктивности.

В этом году общая продукция всех этих лесопилок достигала только 9 332 000 погонных метров кругляка. Таким образом и здесь выброшено было в щепу 6 550 000 кубометров первоклассного лесного материала!

Пройди мои предложения, в одной только Архангельской бухте годовую промышленность ее 33 лесопилок с их 145 рамами (которые, может быть, пришлось бы отчасти заменить новыми) было бы возможно поднять с 1 684 000 кбм пиленого леса на 6 820 000 кубометров (при двух сменах).

На основании этих и других сравнительных данных я указывал, что продуктивность всех лесопилок и деревообделочных заводов всего СССР, которых было около 6 000, могла бы быть доведена до гигантской цифры. Эта продукция с лихвою перекрыла бы потребность в лесе всего советского хозяйства и намного увеличила бы экспортные возможности леса, если бы все эти предприятия были соответственно модернизированы и если бы были введены упорядоченные способы их хозяйственного управления и изменены жилищные и продовольственные условия для обслуживающего персонала и его семей.

Однако, как и многие до меня и после меня, я должен был скоро прийти к заключению, что я ораторствую перед глухими.

Обуянные неизлечимой манией величия, местные и центральные партийные шишки желали промышленных гигантов — любой ценой! Нужно было показать окружающему капиталистическому миру, что значит большевистская государственная и хозяйственная стройка.

Еще в том же 1928 году на одной только территории РСФСР было приступлено к постройке 149 новых лесопилок с общим числом в 582 рамы, которые к 1932–1933 году должны были достичь соответственно высокой продуктивности.

Так было в области лесопильной промышленности, но не лучше было и в других, мною контролируемых отраслях: бумажной, целлюлозной, фанерной, мебельной, а также и в лесохимической промышленности.

Все мои предупреждения не привели ни к чему.

Партийные специалисты, работавшие в центральных государственных органах вокруг Рыкова, Сырцова и Пятакова, в особенности получившие образование за границей, были, конечно, твердо убеждены, что, если что-либо и можно спасти, то только крутым и быстрым поворотом государственного руля.

Но Сталин решил иначе. Для него не было ни безхозяйственности, ни убыточных предприятий. Он признавал только подобранные статистикой, раздутые в целях пропаганды цифры успеха, которые большевики раструбили по всему свету в качестве «достижений социалистического управления хозяйством». Он верил в то, что в советском хозяйстве все находится в полном

порядке и что всякие неудачи объясняются или «трудностями роста» или «работой вредителей».

Для практической работы он сам никогда и пальцем не пошевелил. Фабрики и заводы Советского Союза он знал только понаслышке или по фототехническому репортажу, который ему преподносил Каганович. Действительные хозяйственные успехи Европы были для него только «паутиной лжи».

Ближайшее окружение Сталина давало самую широкую огласку этому его мнению. Со стороны руководящих партийных кругов провинции оно получило действенную поддержку.

Начиная с 1928/29 года все больше и больше стали выдвигаться люди террористического и насильнического типа. Эти люди, не обладавшие никакими специальными познаниями и никаким государственным опытом, лишенные чувства всякой личной и социалистической ответственности, — в революционные годы пришли в провинции к власти и в качестве «партийных шишек» владычествовали там неограниченно. Частью под влиянием собственного честолюбия, частью выдвигаемые своими партийными друзьями, которые надеялись в будущем занять их место или пользоваться их протекцией, — многие из этих людей добивались выставления своей кандидатуры в центр и избрания в центральные органы партии и правительства. Как только им удавалось там укрепиться, они с ненасытным властолюбием захватывали в свои руки исполнительную власть в партии и в правительстве. Это они требовали проведения «гигантских планов». Всякое сопротивление этим дилетантам рассматривалось как «мелкобуржуазная отсталость», а впоследствии как «вредительство».

Организованное Сталиным вторжение этих грубых и безответственных неучей в партийное руководство привело к мании величия. С хорошо разыгранным энтузиазмом они соблюдали сталинский лозунг «догнать и перегнать» иностранную промышленность при любых условиях и во всех областях.

Деятельность этих сталинских «свежих сил» привела в конце концов к тем фантастическим замыслам индустриализации, которые, будучи практически малоценными, послужили только фактической и пропагандной подготовке СССР к мировой революции.

При разработке и обсуждении первых планов пятилетки еще видны были границы, внутри которых должна была осуществляться промышленная стройка. Здесь была равномерность и

взаимная связанность хозяйственных целей как для разработки сырьевых источников, так и для стройки равномерно развитой крупной промышленности. Был разработан, — хотя только и теоретически, — вопрос о создании транспорта, необходимого для связи промышленных предприятий с рынками сырья и сбыта.

В 1929/30 году, т. е. на третий год пятилетки, эта картина совершенно изменилась под вторжением подталкивающих радикальных элементов. Вводились гигантские, совершенно непредусмотренные планы расширения. Исходные планы стройки оказывались выброшенными за борт. Без всякого учета наличия достаточной сырьевой базы строились гигантские предприятия. Потом, когда в эти предприятия была уже вложена огромная масса строительных материалов и денег, — многие из них пришлось «законсервировать». Однако, даже и это консервирование» явилось только прикрытием, ибо никогда эти предприятия не могли бы быть закончены и пущены в ход, так как за это время успело выясниться, что воображаемых местных источников сырья никогда не существовало, а привозное сырье не могло быть доставлено по хозяйственным или транспортным причинам.

С другой стороны — во многих местах с невероятными жертвами деньгами и человеческими силами строили в отдаленных, бездорожных местах гигантские электростанции, для тока которых ни сейчас, ни на десятки лет вперед нельзя найти никакого сбыта и никакой возможности применения.

В других очень многочисленных случаях торжественно праздновали пуск в ход законченных предприятий, но о их правильной работе нечего было и думать, так как не хватало квалифицированной рабочей силы.

Предпринимались самые различные насильственные попытки пустить в ход эти предприятия при помощи неквалифицированной рабочей силы — и все кончилось провалом. Следствием этого было то, что дорогие машины, купленные за границей на гроши голодающего народа, неквалифицированный персонал приводил в разрушение в течение нескольких недель, и такие же машины приходилось покупать вновь. Кроме того, значительно большая часть продукции, выработанной неквалифицированными рабочими, оказывалась совершеннейшим браком и шла в переработку.

В бесчисленном количестве случаев проектные бюро, которые росли, как грибы после дождя, вырабатывали никуда не годные

проекты сложнейших промышленных предприятий. На основании этих негодных или неполноценных планов ставилась масса машин, которые в производственном отношении совсем не подходили друг к другу.

Силовые установки часто оказывались слишком слабыми для пуска в ход машин предприятия.

Закупались дорогие транспортные средства, которые оказывались или непригодными для перевозок или вообще нерентабельными.

Устанавливались сложнейшие автоматы или полуавтоматы, которые для данного производства оказывались абсолютно ненужными или чересчур дорогими в эксплуатации и которые уже по чисто хозяйственным соображениям сейчас же заменялись другими, более простыми.

Советские составители проектов, опьяненные манией индустриализации, и их закупщики за границей заказывали станки, сверлильные и фрезерные машины и тысячи других предметов новейшей конструкции, для обслуживания которых не было нужных армий квалифицированных рабочих.

Но строительные площадки в провинции, на которых, по замыслу охваченных манией величия полуграмотных людей, должны были по приказу вырастать из земли гиганты индустрии, — уже через несколько месяцев после начала работ походили на поля сражений. Здесь валялись полураспакованные ценные инструментальные станки из Германии, транспортеры из Англии, экскаваторы из Америки. А нужные для них проволочные каналы, закупленные в других странах «из соображений дешевизны», валялись где-то полузасыпанные землей. Дождь и снег, жара и холод сменяли друг друга и заботились о том, чтобы это, стоившее миллионы и лежащее теперь под открытым небом оборудование в самый короткий срок было приведено в полную негодность.

Строительные работы продвигались очень медленно, так как в большинстве проектов вовсе не были учтены местные особенности. На местах, которые были предусмотрены для стройки, вместо равнины оказывались холмы и болота. Для подготовки строительной площадки проектируемых заводов приходилось сначала срывать холмы, засыпать ямы, осушать местность. Для всего этого нужны были огромные земляные работы, совершенно не предусмотренные проектами. Это не только замедляло работы, но и безмерно повышало их стоимость. Попытки специалистов

передвинуть строительную площадку на более удобное место натыкались на тупое упрямство партийных шишек. Они демонстративно заявляли, что строить нужно именно на таких неудобных местах, перед которыми капиталистические предприниматели отступили бы в страхе. Это и называлось «большевистским упорством».

Все это время непрерывно в срок прибывающие из-за границы машины лежали под открытым небом.

И когда наконец стройка доходила до того момента, когда надо было устанавливать и монтировать иностранные машины, то оказывалось, что часть их или пришла в негодность, или испорчена до такой степени, что их снова приходилось отсылать фирмам для переделки или починки. Или выяснялось, что установки, собранные со всего света, большей частью совсем не подходят друг к другу.

Проектные бюро сваливали вину на иностранных поставщиков, которые якобы со злым намерением или из желания нажиться, поставили не те машины.

Так возникали конфликты с иностранными фирмами. Конфликты эти всегда кончались тем, что фирмы, бесспорно, доказывали, что машины они поставили в полном соответствии с заказом. Проектные бюро всегда садились в лужу, ибо выбор и заказ машин производился не на основании опыта специалистов, а просто по понравившимся иллюстрациям в каталогах.

Я лично знаю такой случай, когда гигантские лесопилки А и Б в Архангельске с их 24 рамами вместо того, чтобы быть построенными у самой воды, были отнесены на 800 метров от берега. Следовательно, подлежащий переработке сырой лесной материал не мог подаваться на заводы обычным, давно проверенным и дешевым водным путем. Приходилось устанавливать чрезвычайно дорогие транспортеры, что вызывало огромные дополнительные расходы по стройке.

Кроме того, этот бессмысленный расход на транспорт чрезвычайно повышал производственные расходы.

Как при стройке этих лесопилок, где с 6-рамных станков перешли на 12-рамные, без учета местонахождения сырья, — так и во многих других новостройках первоначальные планы были значительно увеличены, причем в большинстве случаев не были приняты в расчет основные предпосылки всякого промышленного строительства: его рентабельность.

Это были основные причины ежегодных миллиардных добавочных ассигнований для советской промышленности, обреченной на вечную бесхозяйственность.

Но все гигантские потери, которые возникали из-за мании величия и личных выгод, непонимания и легкомыслия советских заправил, — покрывались за счет эксплуатации рабочей силы.

Так было на лесопилке «Мезень», находящейся при впадении реки того же названия в Северный Ледовитый океан и принадлежавшей тресту «Северолес». Для того, чтобы выровнять разросшиеся производственные расходы, правление приказало в очень значительной степени усилить темп работы во всем предприятии.

Лесопильные рамы должны были повысить свою продукцию с 30-ти стандартов в 8 часов почти вдвое, — задача, которая оказалась недостижимой даже для высококачественных шведских рам. Несколько месяцев спустя эти рамы, которые в Швеции работают по 20 лет, были поломаны, причем были еще и человеческие жертвы.

Почти при всех новостройках или при капитальной реконструкции предприятий фактически затраченные суммы далеко превосходили установленные и одобренные расходы.

Поэтому какому-то хитрецу пришла в голову идея выровнять возросшие амортизационные расходы путем повышенного использования предприятия.

Несмотря на предостережения иностранных специалистов и многочисленные протесты добросовестных русских работников, по его предложению была введена «непрерывка», т. е. непрерывная работа.

Из рабочих, которые до сих пор работали в две и три смены, была образована еще и четвертая.

Таким образом, машины работали день и ночь без малейшего перерыва. Так как общее число рабочих, на основании плана, в большинстве случаев не могло быть увеличено, то эти рабочие в продолжение восьми или шести часов должны были давать почти удвоенную продукцию, по сравнению с прежними рабочими нормами.

Конечно, этого не могли выдержать ни машины, ни люди. Правда, людей можно было путем жесточайших принудительных мер использовать до полного исчерпания их физических сил, машины же работали до тех пор, пока они не ломались, часто калеча или убивая при этом несчастных рабочих…

➔ Карл Иванович Альбрехт.

➔ Мученичество русского человека: лишенный дома и хозяйства крестьянин на принудительных работах в северных лесах. Фотография из книги «Преданный социализм».

↑ Заключенные перед соломенным шалашом на плоту во время лесосплава. Справа — охранник ГПУ в гражданском (фотография из книги «Преданный социализм»).

↓ Одна из хижин под Ветлугой, в которой совместно поселена молодежь обоих полов из «сталинских ударников». Перед хижиной — комендант ГПУ (фотография из книги «Преданный социализм»).

↑ Женщины-заключенные на лесоразработках в лагере недалеко от Архангельска (фотография из книги «Преданный социализм»).

↓ В таких землянках на Дальнем Севере живут колхозные крестьяне, отданные «в аренду» на принудительные работы (фотография из книги «Преданный социализм»).

↑ Семья колхозников с лошадиной упряжкой, «проданная» в лагерь на лесоповале. Колхозников вместе с женами и детьми выгоняют из дома и набивают ими землянки на северных лесоразработках. Немногие дети в состоянии пережить такую зиму (фотография из книги «Преданный социализм»).

↓ Комсомольская бригада на лесозаготовках (Дальний Восток, 1930 г.).

↑ Колхозники выкорчевывают лес на Дальнем Востоке (Приморский край, 1932 г.).

↓ Члены агитационного отряда беседуют с батраками в селе Мальчивы о вступлении в колхоз (Украина, 1929 г.).

↑ Иностранные специалисты консультируют советских инженеров на строительстве Горьковского автозавода (Нижний Новгород, 1931 г.).

↓ Дом выселенного из деревни кулака (Украина, 1929 г.).

↑ Выселение кулака (Украина, 1930 г.).

↓ Семья бывшего батрака селится в доме, ранее принадлежавшем кулаку (Украина, 1929 г.).

↑ Начало коллективизации на Украине. Беседа с крестьянами о преимуществах коллективного ведения хозяйства (июль 1929 г.).

↓ Колхозники беседуют с крестьянином-единоличником (Московская область, март 1931 г.).

Так, на обследованной мной лесопилке «Мезень» шатун лесопильной рамы, не выдержав перенапряжения, лопнул. Со страшной силой разлетевшиеся осколки убили трех стоявших у рамы рабочих.

Хотя в этом случае ответственность нес в первую очередь начальник главного лесного управления в Москве Фушман, который без всяких размышлений ввел во всех предприятиях лесной промышленности «непрерывку», — ответственным лицом за смерть трех рабочих, за поломку дорогих машин и за многомесячное уменьшение продукции был сделан старший инженер Спишарный, который жил в Москве, в 3000 километрах от места происшествия и в качестве технического руководителя отдела главного управления треста управлял 50-ю такими лесопилками.

Спишарный был одним из самых энергичных и способных представителей старых специалистов лесопильной промышленности. Тотчас же он был арестован ГПУ и спустя несколько недель — расстрелян.

Этот случай не был единичным. Так складывались дела повсюду в СССР. Сотни миллионов золотых рублей и миллиарды бумажных были в течение этих лет «распроектированы», т. е. растрачены совершенно бесполезно.

Полуготовые промышленные стройки, бесчисленные кладбища машин, гигантские горы бракованной продукции, бесконечные протесты и жалобы со стороны населения на недоброкачественность продукции и полная дискредитация советских изделий на иностранных рынках — вот результат этого хозяйственного хаоса. Конечно, всех этих фактов на долгое время скрыть было нельзя.

Для того, чтобы утаить от советского населения настоящие причины преступной бесхозяйственности, власть обратилась к испытанному средству всех неспособных деспотов: во что бы то ни стало нужно искать и найти «виновников».

И они были найдены; об этом позаботились друг Сталина — впоследствии расстрелянный — Ягода, его предшественник по ГПУ Менжинский и Крыленко со своим юридическим аппаратом.

Тюрьмы рабочего государства оказались в самый короткий срок переполнены представителями технической интеллигенции и квалифицированного пролетариата.

Инсценировался один процесс за другим. Изумленное советское население и весь остальной мир были поражены тем обсто-

ятельством, что «классовый враг нагло поднял голову», чтобы сорвать успех гениальной работы бедного Сталина во имя счастия трудящихся Советского Союза.

Это переложение ответственности с плеч партийных хозяйственников на плечи специалистов и квалифицированных рабочих имело чрезвычайно серьезные последствия.

С 1930–1931 года началось повальное бегство технических сил в такие области, где не надо было иметь ни малейших технических познаний и где не требовалось никакой личной ответственности. Старшие инженеры стремились устроиться копировальщиками и чертежниками в малых предприятиях или сторожами на строительных площадках. Великолепно обученные плановики и экономисты, даже высшие работники плановых органов устраивались во всевозможных учреждениях переписчиками или конторщиками.

Когда после катастрофических последствий этого «бегства от ответственности» обнаружился чудовищный недостаток технических сил и государство провело строжайшую проверку прошлой жизни и образования всех советских работников, — сбежавших специалистов можно было найти даже на постах простых милиционеров. Тем же путем шли и квалифицированные рабочие.

Было выработано специальное законодательство, на основании которого отчаявшихся советских специалистов снимали с работы отовсюду, где бы они ни скрывались, снова назначали на ответственные посты и под страхом строжайших наказаний заставляли вернуться к той деятельности, которую они добровольно покинули.

Таким образом, подготовка и знания интеллигенции и квалифицированных рабочих стали для них роковыми в самом буквальном смысле этого слова.

К концу 1931 года все советское хозяйство находилось в состоянии полнейшего хаоса. Один спец сменял другого, один директор или заведующий заменялся другим. Для многих крупных, вновь построенных предприятий долгое время совершенно невозможно было найти подходящих людей для технического руководства.

Дело зашло еще дальше.

В начале 1931 г. на тайной конференции высших партийных органов, на основании ряда примеров было установлено, что в большинстве случаев утвержденные центральными органами планы на местах, по приказу местных партийных руководителей,

были коренным образом изменены без согласия центра. Денежные средства, отпущенные Москвой для этих строек были использованы на совсем другие надобности.

Было установлено, что те средства, которые были отпущены для ускоренной постройки промышленных предприятий, зерновых силосов, складских и транспортных помещений и пр., часто использовались для стройки объектов местного значения, как кино, театры, клубы, спортивные площадки, бани и т. п.

По финансовым планам центра, ни в каком случае нельзя было возводить такие постройки за счет центрального бюджета, а только за счет местных средств.

Конечно, такие самовольные действия часто вели к катастрофическим результатам.

На тайных партийных собраниях совершенно открыто признавалось, что при таких постоянных произвольных изменениях плана строительства и нарушениях бюджетной дисциплины со стороны местных представителей власти не может быть и речи о каком-либо плановом и упорядоченном строительстве советской промышленности.

Но и здесь господствовал тот же страх личного террора со стороны местных властителей. Ни одно строительное управление не рисковало выступить против них.

В каждой отдельной области хозяйства можно проследить, как причины красного хозяйственного хаоса вырастали не только из невежества, мании величия и безответственности, но также из указанной выше агрессивной внешнеполитической позиции СССР.

Я хочу при доказательствах этого факта ограничиться только областью моей специальности, лесным хозяйством, и в остальном сослаться на неизвестные вообще тайные причины коллективизации крестьянства.

Разбазаривание сырья и демпинг

Когда в 1928–1931 годах я производил свои лесные обследования, я увидел, до чего легкомысленно, равнодушно, даже больше того, преступно разбазаривали советские владыки сырьевые богатства СССР.

Тысячи сосланных крестьян занимались на лесных разработках гигантскими заготовками железнодорожных шпал.

К немалому моему удивлению, я должен был констатировать, что отдельные шпалы, толщиной в 12 см, просто вырубались топором из кругляка в 25–30 см диаметром. Таким образом, из каждого бревна 50–60% уходило на щепу.

Я указал, что будет гораздо проще разрезать кругляки шпальной пилой на две части и потом обрабатывать нужную гладкую поверхность топором.

На это мне показали техническую инструкцию, в которой соответствующие центральные учреждения лесного ведомства предписывали вырубать шпалы только колуном или топором.

Мне пришлось затратить много усилий, чтобы по возвращении в Москву настоять на прекращении — по крайней мере, на бумаге — этого бессмысленного разбазаривания сырья. Но на практике, как я убедился при последующих обследованиях, не изменилось, конечно, ничего.

Если принять во внимание, что в СССР уже с 1925 года вырабатывалось в среднем 25–30 миллионов шпал, а позже до 50-ти миллионов, то можно себе представить, какая чудовищная масса такого ценного лесного сырья была бессмысленно растрачена за это время.

Но и в других областях лесного хозяйства велась такая же хищническая эксплуатация. В течение нескольких лет были разорены гигантские и ценные лесные области. В 1923–1924 году еще можно было доставлять большую часть нужной лесной массы — около 40 миллионов кубометров в год — из мест, лежащих в 1–3 километрах от ближайших железнодорожных станций или сплавных пунктов. Но уже зимой 1929–1930 года лес приходилось привозить за 15 километров, потому что в более близких к транспортным путям местах все пригодные виды леса были в буквальном смысле слова выкорчеваны.

Те леса, которые подвергались такой «разработке», после окончания зимних лесных работ были почти недоступны. Вдоль и поперек лежали друг на друге стволы. До трех четвертей срубленного леса оставалось лежать на земле, так как стволы были слишком тонки. Потом эти обесцененные древесные массы сжигались для «очистки» лесных площадей. Таким образом, возникали гигантские лесные пожары, истреблявшие на несколько поколений вперед многие миллионы кубических метров драгоценного высокоствольного леса — этого огромного национального богатства.

При самой скромной оценке можно утверждать, что бессмысленно и бесполезно сгноенные и сожженные массы древесины, во всяком случае, в два раза превышали использованное дерево.

Добыча 1931 хозяйственного года была равна 250 млн кубометров. Если прибавить к этому обычные потери, то получится, что в действительности было вырублено больше 500 млн кубометров. А так как известно, что гектар русского нетронутого леса дает в среднем не больше 300 кубометров древесины, то добыча или вырубка 250 млн кубометров означала обнажение более 1,5 миллиона гектаров. Если бы на такой же основе велось лесное хозяйство, например, в Финляндии или — в Германии, то это означало бы, что в Финляндии, с ее 9 миллионами гектаров леса, и в Германии, с ее приблизительно 12 миллионами, в 6–8 лет было бы вырублено все до последнего дерева.

Правда, все лесное богатство СССР оценивается в 500 млн гектаров. Но в этих подсчетах есть некоторая ошибка, так как в эту цифру включены болотистые пространства, степные леса, тайга, кустарники и пр.

О каком бы то ни было «хозяйственном освоении лесов» за двадцать лет советского владычества вообще нечего и говорить. Да власть к этому и не стремилась. То, что называлось «хозяйственным освоением», было диким хищничеством. Занимались эксплуатацией наличных лесных запасов, не заботясь о применении какой бы то ни было разумной системы.

К этим «хозяйственным методам» надо прибавить еще и лесные пожары, охватывавшие многие миллионы гектаров леса в различных областях СССР и уничтожившие огромные пространства ценных лесных запасов.

Поэтому настоящие лесные запасы СССР на сегодняшний день должны расцениваться самое большее в 50–60 млн га пригодных лесных площадей. Однако зачастую эти леса расположены в транспортном отношении настолько неблагоприятно, что половина их по хозяйственным соображениям практически бесполезна.

Так, например, старые буковые леса Кавказских гор вообще не могут быть использованы, так как нет никакой возможности доставить их с гор в равнину, не уничтожив промышленной ценности леса или не высушив многочисленных целебных источников Кавказа.

Одно из последствий этого хищничества заключается в том, что часть старых и большинство новых лесных предприятий на

Севере и Дальнем Востоке СССР продолжительное время не смогут вполне продуктивно работать, так как у них уже нет достаточного количества древесины.

Между прочим, часто случалось, что благодаря плохому техническому руководству лесными работами и ненадежности работающих в принудительном порядке рабочих, по дороге от места рубки до лесопилок, расположенных в большинстве случаев в устьях больших рек (так, например, только в Архангельской бухте, в устьях Северной Двины на Белом море, расположено около 30-ти лесопилок), теряются огромные массы древесины, так что многие лесопилки стоят все лето из-за отсутствия сырья.

Мне лично пришлось видеть, как на крайнем Севере зимой 1928–1929 года вследствие плохого устройства цепного запора у устья р. Мезени, благодаря внезапному прорыву одного из запоров, три миллиона бревен было сразу выброшено в Белое море.

Годом позже на Северной Двине из восьми миллионов пригнанных бревен половина была застигнута на реке зимою вследствие запоздания сплавных работ. Больше четырех миллионов бревен вмерзло в речной лед и с наступлением теплой погоды, вместе с огромными глыбами льда, было выброшено рекою в море.

Это было, конечно, неплохим предприятием для некоторых скандинавских промышленников, которые на спасательных судах вылавливали огромные массы этого леса и привозили его в свои гавани. Этот «русский лес» обходился еще дешевле, чем «демпинговый лес» Сталина.

Это были огромные потери для советского хозяйства. Лесопилки простаивали целыми месяцами. Но еще хуже было то, что договоры, заключенные с крупными английскими и голландскими фирмами, не могли быть выполнены, что привело к тяжелым столкновениям и большим валютным потерям.

Так как речь здесь шла только о первоклассном лесном материале, который должен дальше перерабатываться на доски и строительный лес, то потеря этих восьми миллионов бревен означала потерю 3,5 миллионов кубометров первоклассного леса и соответствовала опустошению лесных площадей Севера еще на 35 000 га.

В этих северных районах, где вегетационный период очень короток и в лучших случаях длится с апреля по сентябрь, естественное восстановление этого леса требует 200–250 лет!

Безудержный грабеж лесных богатств Советского Союза принял за последние годы такие устрашающие размеры, что большие

заводы страны могли быть обеспечены сырьем самое большее на пять лет. Через пять лет нужной древесины уже не будет, так как весь доступный лес в ближайших и более отдаленных от транспортных путей местах будет полностью уничтожен.

Общие масштабы этого бессмысленного массового разбазаривания видны на многих реках и даже ручейках всех лесных областей Советского Союза, которые буквально до краев переполнены миллионами кубометров затонувшей ценной древесины, пригодной для бумажной промышленности, крепежного и поделочного леса и дровяных отрезков.

Обычно зимой лесные рабочие свозили на санках к замерзшим рекам эти обрезки — кругляки большею частью осины, дуба, березы, ели и сосны, которые в свежесрубленном виде имеют очень большой удельный вес. Наблюдающий персонал, который часто не имел достаточных технических познаний, думал, что полая вода весеннего таяния снегов сможет поднять эти гигантские массы и сплавить их в нужные центральные пункты.

Эта «техника» была, конечно, неприменимой. Из года в год необозримая масса лесных обрубков просто тонула в этих реках и совершенно запрудила их.

Вследствие обнажения гигантских лесных площадей во всех областях СССР неизбежно возникали природные катастрофы, стремительно увеличивавшиеся с каждым годом.

Раньше берега глубоких и быстрых потоков зарастали до воды густой лесной порослью. Освобожденные таянием снегов водные массы впитывались, как губкою, гигантскими лесными массивами и потом медленно, как из естественного водоема, равномерно стекали маленькими ручьями в реки.

Но сейчас эти полые воды беспрепятственно вливаются в тающие реки и ручьи. Гигантские водные массы переполняют ложе ручьев и рек, наводняют и подмывают их обнаженные берега. В нижнем течении гигантские пенистые воды затопляют поля и страшными наводнениями смывают то, что создано человеческой заботой и человеческим трудом за десятки лет. С другой стороны обнаруживаются устрашающие последствия для всего сельского хозяйства. Лес, естественный регулятор воды, исчезает все больше и больше. Прекращается испарение накопленной в лесной чаще воды, так как, с одной стороны, уничтожены леса, с другой стороны, талая вода стекает полностью и немедленно. Громадные, до сих пор плодородные поля и луга ухудшаются из года в год. Во

всех областях сельского хозяйства все больше сказываются угрожающие последствия бессмысленного истребления лесов.

Обнаженные площади, расположенные в низинах, заболачиваются и уже через несколько лет можно установить, что еще недавно драгоценная, высококачественная почва девственного леса настолько заболочена, что в лесу приходится бродить по щиколотку или по колено в стоячей воде.

Все попытки положить предел этому хозяйственному самоубийству, этому преступному разграблению народного богатства, все попытки указать ответственным лицам на роковые последствия этой грабительской хозяйственной политики, оставались безрезультатными. На предупреждающих людей смотрели как на назойливых советников и их немедленно устраняли.

В моей книге «Реконструкция и рационализация лесного хозяйства Советского Союза», изданной в 1930 г. московским госиздатом (стр. 87–151), я на основании фотографических снимков доказал эту опасность и самым настойчивым образом выступал против сохранения чреватой последствиями политики разорения русских лесов.

В то время как с одной стороны, по правилу «после нас хоть потоп», с невероятной безответственностью разорялись русские леса, с другой стороны, значительно большая часть добытой таким образом гигантской массы древесины не использовалась продуктивно для хозяйства страны или для нормального вывоза за границу, а ее разбазаривали на всех мировых рынках. И это разбазаривание было орудием хозяйственной войны для проведения мировой революции.

Экономическая война, а вовсе не получение валюты, была конечной целью советского лесного демпинга

Хотя разумные, знакомые с состоянием мировых рынков политики и хозяйственники СССР, как, например, Сырцов, Рыков и многие другие в ЦК партии, поднимали бурю против каждой попытки демпинга, призывали к благоразумию, требовали прекращения этого безумного выбрасывания гигантских масс древесины на мировой рынок, — Сталин оставался при своем лозунге: «Демпинг любою ценою». Противники этого маневра доказывали массой до-

кументальных материалов, что уже в 1926/28 годах, благодаря этой системе, Советский Союз понес миллионные потери на валюте. Эти люди, осмеливавшиеся говорить правду, были устранены.

В 1926–27 году были грубо нарушены заключенные с конкурирующими лесоэкспортными странами, Финляндией, Швецией и Норвегией, соглашения о разделе рынков и об установлении цен, и массы сырых и пиленых лесоматериалов были брошены на голландский и английский рынки.

Вследствие этой безумной хозяйственной политики в течение нескольких дней цены на лес упали до 60% прежних мировых цен.

Эта «операция» была предписана Политбюро по личному приказу Сталина.

Сталину было важно прежде всего создать материальные и внутриполитические трудности для ненавистной «белой» Финляндии, основным экспортным предметом которой был лес. Благодаря стремительному падению мировых цен на лес, Финляндия понесла миллионные убытки, которые вызвали серьезные затруднения в финском бюджете. Целый ряд предприятий лесной промышленности вынужден был остановиться. Много крупных лесных экспортеров обанкротилось, так как мир покрыл свою потребность «дешевым русским лесом».

Тогдашний министр внутренних дел Финляндии Макконен, у которого я несколько дней гостил в его имении под Выборгом, горько жаловался на то, что в Финляндии, Швеции и Норвегии вследствие московского демпинга пришлось уволить массу рабочих лесной промышленности. Этим странам демпинг, проведенный по личному приказу Сталина, принес огромный хозяйственный вред.

Сталин тогда определенно подчеркивал, что все эти меры прежде всего должны послужить для увеличения безработицы в Финляндии, Швеции и Норвегии, а кстати, и в Канаде. А эта безработица должна была привести к энергичному развертыванию революционного движения в этих странах. Кроме того, этим странам нужно было дать понять, что они в своей внешне-политической деятельности должны приноравливаться к желаниям СССР, иначе в любой момент может быть повторение такого рода хозяйственной войны.

Сталин уже давно рассматривал внешнюю торговлю Советского Союза как средство для достижения внешнеполитических целей.

Для того, чтобы иметь возможность в любой момент повторить этот политический маневр с демпингом, был создан англо-советский лесной синдикат в Лондоне. Его руководителем был назначен член коллегии Наркомзема Косырев. Я тогда тоже должен был быть переведен в Англию в качестве его заместителя. Я имел возможность долгое время близко наблюдать деятельность этого совершенно самостоятельного синдиката, который был очень слабо связан с Внешторгом.

Повторение гигантского демпинга на мировых лесных рынках в 1930 году имело, впрочем, другие причины, чем в 1926–1927 годах.

В рамках первой пятилетки Советский Союз принял на себя гигантские обязательства по отношению к странам, поставляющим машины. Эти обязательства должны были быть выполнены во что бы то ни стало, иначе дальнейшее финансирование, в особенности текущие переговоры о государственных кредитах, были бы поставлены под угрозу.

Предусмотренные советским бюджетом поступления за уже запроданные за границу гигантские массы хлеба оказались фикцией. Благодаря трагическим результатам принудительной коллективизации, сельскохозяйственный сектор сдал. Из уже запроданного количества хлеба, несмотря на все насилие и террор, нельзя было доставить даже и половины.

По мнению Сталина и его Политбюро, оставался только один выход: пополнить гигантские потери на хлебной валюте удвоением поступлений за лес.

Именно тогда бросил Каганович в массы опасный лозунг «заем у леса».

Несмотря на протесты своих и иностранных лесных специалистов, немедленно началась никогда еще невиданная безмерная вырубка леса.

Прежде всего, были отброшены с такой тщательностью в течение последних десяти лет выработанные планы использования и освоения лесных богатств. Избранные лично Сталиным истребители леса типа Бергавинова и Фушмана позаботились о том, чтобы с помощью многих сотен тысяч раскулаченных крестьян и их семейств, колоссальное количество леса, в условиях тяжких принудительных работ, было доставлено с Севера России, из Карелии, Сибири, с Дальнего Востока к рекам и железным дорогам для отправки оттуда за границу.

Сталин лично приказал, чтобы, вопреки всяким хозяйственным соображениям, тысячи железнодорожных составов с лесом были посланы с северного Урала в Ленинград и оттуда морским путем в Голландию и в Англию.

Эта масса древесины должна была только в Советском Союзе пройти 3000 километров железнодорожного пути. При этом транспортные расходы во много раз превышали то, что при самых благоприятных условиях продажи можно было выручить в нормальных рыночных условиях. Для достижения указанной Сталиным цели беспощадно производилась невероятная растрата первоклассного русского экспортного леса.

Целые лесные комплексы, которые являлись единственной сырьевой базой для уже существующих предприятий лесной промышленности СССР и, в особенности, для строящихся по планам обоих пятилеток, были беспощадно вырублены.

И все-таки продолжалась постройка новых лесопилок, новых целлюлозных и бумажных фабрик, новых лесохимических заводов, для которых уже не существовало никаких сырьевых источников.

Доказательством того, что эти утверждения соответствуют действительности, может служить изданный 2-го июля 1936 года так называемый «Закон об охране вод в СССР». Этот закон устанавливает зоны водной охраны вдоль больших рек европейской части Советского Союза (Волга, Днепр, Дон и Северная Двина) и их притоков. Внутри этих зон порубки или вовсе запрещены или ограничены размером ежегодного прироста древесины.

Теперь, когда уже поздно и когда ничего поправить уже нельзя, Кремль решил приостановить хищническую вырубку лесов. Этим законом около 54% лесных площадей Советского Союза было изъято из ведения комиссариата лесной промышленности и передано сельскому хозяйству или доверено особому управлению.

Вместе с этим советская власть была вынуждена перенести свои лесные предприятия из опустошенных областей в новые, еще не тронутые лесные части северо-востока Сибири и Дальнего Востока. Кремль думал таким способом хотя бы частично покрыть гигантский дефицит в древесине. Ибо уже в 1937 году годовой план пиломатериалов мог быть установлен только в размере 39 миллионов кбм, хотя производительная способность советских лесопилок достигала 75 миллионов кбм.

Катастрофическая политика Кремля продолжала оказывать свое действие и дальше. Это видно из того, что в 1937 году для поддержания работы старых лесозаводов европейской части СССР пришлось перебросить из Сибири свыше 4,5 миллионов кбм кругляка. Это вызвало огромные дополнительные расходы по транспорту в 100 рублей на вагон, т. е. в два раза больше закупочной цены этого леса на месте.

Разграбление европейских лесных массивов старой России зашло так далеко, что к концу третьей пятилетки (1938–1942) подавляющее большинство лесозаводов, которые были здесь построены с такими гигантскими расходами в течение первой и второй пятилетки, должно было быть перенесено в Сибирь. Это видно из того, что к концу третьей пятилетки больше половины всех пиломатериалов должно было поставляться из Сибири, в то время как еще в 1929–1930 году едва 8%, а позднее только 23% всей потребности СССР покрывалось оттуда. Точно так же вся остальная деревообрабатывающая промышленность должна будет перебраться в Сибирь и на Дальний Восток, т. к. и ее сырьевая база исчерпана.

Таковы были результаты знаменитого лозунга Кагановича «заем у леса».

Иностранные концессии

Само собою разумеется, что все те советские специалисты и экономисты, которые не принадлежали к великой армии трусливых карьеристов и безответственных болтунов, были в ужасе от страшного хаоса в хозяйстве СССР.

Уже в 1924 и 1925 годах выдвигались, прежде всего, две идеи ликвидации этого катастрофического положения: отдача концессий иностранным предприятиям, чтобы таким образом в известной степени создать неприкосновенные «учебные ячейки» внутри советского хозяйства, и **привлечение возможно большего количества иностранных специалистов в советские предприятия**.

В иностранных кругах Москвы, так же, как и в заграничных хозяйственных кругах, знакомых с советскими условиями, была выдвинута точка зрения, что население Советского Союза еще недостаточно созрело для того, чтобы под собственным руководством рационально разрабатывать и промышленно использовать гигантские сырьевые месторождения на своей огромной территории. На этом основании Советский Союз должен передать часть этих месторождений иностранным концессиям для хозяйственного освоения. С другой стороны, как раз эти лозунги оскорбляли не только фанатизм коммунистов, но и национальное самолюбие беспартийных русских специалистов. Таким образом, сразу же были приняты планы скороспелой, фантастической по размерам стройки собственной советской промышленности.

При помощи ловкой пропаганды, которая раздула и обобщила некоторые злоупотребления и недоразумения с отдельными иностранными концессиями, власть пыталась создать в советском населении возмущение и отвращение к «иностранным, капиталистическим обманщикам».

В прессе указывалось на то, что эти иностранные концессионные предприятия стремятся только к тому, чтобы при минимальной затрате собственного капитала в самое короткое время извлечь возможно большие доходы, что, в конечном счете, возможно только при безграничной эксплуатации концессионных объектов, а следовательно и советского населения.

Несомненно, что такие стремления существовали у акционеров и руководителей некоторых иностранных концессий.

Были такие концессионные предприятия, в которых сооружения для переработки сырья были построены плохо, с неполноценным оборудованием, которое могло остаться работоспособным как раз лишь до конца срока концессии. То, что осталось бы после этого срока, не было бы предусмотренным договором, хорошо работающим и на долгое время полноценным промышленным предприятием, с хорошо расположенной сырьевой базой, а полуразрушенными хозяйственными постройками с изношенным оборудованием и с до последних остатков разграбленными источниками сырья.

Конечно, такие случаи, впрочем, редкие, были тяжелым ударом для людей, имевших в виду разумную и умеренную концессионную политику. К числу их принадлежало большое количество иностранных специалистов, хорошо знавших хозяйственные условия в СССР и за границей, в том числе и я.

Мы отстаивали точку зрения желательности и спешности привлечения солидных иностранных деловых кругов в различные области советского хозяйства, преимущественно в тяжелую промышленность, для стройки больших и сложных промышленных комбинатов и для разработки и последующего хозяйствен-

ного освоения особо трудных сырьевых источников. Практика показала, что те концессии, которые были построены на основе долгосрочных прочных договоров, быстро расцветали и оказывались необычайно жизнеспособными, даже несмотря на всякие политические, налоговые и личные трудности.

Этому было достаточно примеров.

Много больших иностранных концессионных предприятий, как, например, шведская фабрика шарикоподшипников СКФ, немецкая лесная концессия «Мологалес», англо-американские золотые прииски на Лене — «Лена-Гольдфильдс», немецкая сельскохозяйственная концессия «Друзаг» на Карказе, финская лесная концессия «Реполовуд» в Карелии и много других руководимых иностранными специалистами предприятий, являлись цветущими оазисами в общем хаосе работавших при подобных же условиях советских предприятий.

Производственные расходы концессионных предприятий, несмотря на систематическое налоговое переобложение и другие расходы, всегда были значительно ниже, чем в однородных советских предприятиях. В то же время советские рабочие на концессиях были материально гораздо лучше обеспечены, чем их товарищи на советских предприятиях.

Точно так же и качество продукции большинства этих иностранных концессий во всех отношениях значительно превосходило советское.

Рабочие зарабатывали лучше, хотя получали только то, что им полагалось по тарифной сетке. Однако заработок был всегда значительно выше, чем на советских предприятиях, т. к. сдельщина, лучшая организация, целесообразное распределение работы и лучшее использование машин и станков — все это делало возможным повышение производительности труда.

Таким образом, многие из этих иностранных концессий являлись действительно образцовыми предприятиями, которые могли служить примером для всего советского хозяйства.

Тем не менее, партийные и советские бюрократы ненавидели эти предприятия и придирались к ним, где только было можно. Советский рабочий не должен был знать, что можно хозяйничать несколько иначе, чем он привык видеть на советских предприятиях.

Кроме того, концессиям ставилось в вину то обстоятельство, что в качестве рабочей силы у них особенно предпочитались те

люди, которые носителями власти отбрасывались как «подонки советского общества в помойные ямы советского государства», т. е. так называемые «лишенцы». Это были лишенные всяких прав советские люди, которые раньше владели какими-либо собственными предприятиями, или бывшие офицеры, чиновники полиции, жандармерии и юстиции, а также люди, принадлежавшие к другим профессиям и сословиям, к которым большевики относились с презрением еще с царских времен.

Иностранные концессионеры, конечно, знали, что в таких случаях шла речь об элите русского населения. Поэтому понятно, что именно эти люди предпочитались для работы на иностранных концессиях. Все эти несчастные рады были найти здесь убежище. Благодарность, а также и стремление показать высокие образцы работы и этим демонстративно подчеркнуть свою индивидуальную ценность, подстегивали эту рабочую силу и приводили к высокой продуктивности. При помощи этих людей концессионные предприятия очень быстро поднимали свою работу на большую высоту.

Быстрый расцвет иностранных концессионных предприятий, их выдающиеся производственные результаты и в особенности спокойная и сытая жизнь занятых на них рабочих и служащих привели к тому, что в конце концов к ним устремились массами со всех концов Советского Союза способные и любящие порядок люди. Здесь уже не помогала самая напряженная пропаганда о «капиталистических эксплуататорах», работать на которых было изменой пролетариату.

Советский рабочий не мог на долгое время удовлетвориться обещаниями на бумаге, которые были не в состоянии насытить его. Он предпочитал работу **«под кнутом капиталистического рабства» «свободной жизни в своем собственном социалистическом государственном предприятии»**.

Конечно, все это было известно высшим партийным и советским учреждениям. Из-за этого среди большевистских руководителей возникали большие разногласия и острые личные столкновения.

Во всяком случае, не было принято открыто высказывать положительные мнения о концессиях, хотя в партии было много политиков-экономистов, которые в это время стояли за концессии; среди них был бывший военный комиссар, впоследствии жесточайший и опаснейший враг Сталина, Лев Троцкий.

Он был тогда председателем Главконцескома СССР. Я часто встречался с ним по служебным делам. Следующая встреча осталась у меня в памяти:

В 1925 году у меня была продолжительная беседа с начальником иностранного отдела Высшего Совета Народного Хозяйства Гуревичем, только что вернувшимся из продолжительной поездки за границу. Врач по профессии, он впоследствии был много лет Наркомздравом Украины и считался у советского правительства хозяйственным и финансовым талантом.

Дело шло о конкретном случае сдачи в иностранную концессию для хозяйственного освоения определенного промышленного предприятия. Гуревич заявил, что Советский Союз совсем не нуждается в том, чтобы на его территории в качестве концессионеров работали иностранные капиталисты. Америка была рада, если бы Советский Союз согласился разместить в Соединенных Штатах свой заем. Через шесть месяцев американские финансовые магнаты сами будут навязывать Москве свои доллары.

В то время из деловых соображений мне было очень важно провести это концессионное предприятие. Я воспользовался ближайшим случаем, чтобы поговорить о точке зрения Гуревича с его непосредственным начальством, начальником Главконцескома СССР Троцким, и просить его разрешить вопрос. Меня сопровождал немецкий рабочий, коммунист П., тогдашний официальный представитель КПГ в Коминтерне.

Троцкий в нашем присутствии сделал Гуревичу по телефону очень резкий выговор за его «абсолютно неверную и ложную» точку зрения. Мне и моему спутнику Троцкий выразил свое сожаление, что среди руководящих хозяйственных деятелей все еще попадаются фантазеры, далекие от всякой реальной действительности. Что касается его лично, то он не думал, чтобы иностранный капитал принял бы участие в хозяйственном строительстве СССР в иной форме, кроме концессий и смешанных обществ. Поэтому он поддерживал всякую попытку иностранных концессионеров ввозить таким образом капитал в страну и приносить пользу Советскому Союзу опытом передовых заграничных предприятий.

Сталин, который до сих пор рано или поздно, но всегда в конце концов проводил в жизнь требования Троцкого, одобрил тогда эту точку зрения и приказал тщательно и благожелательно рассмотреть все эти предложения, в очень большом числе поступавшие из-за границы.

Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства СССР Серго Орджоникидзе, который хорошо знал состояние советского хозяйства и его слабые стороны, долгое время также стремился к тому, чтобы с помощью разумной концессионной политики создать в стране такие промышленные и хозяйственные предприятия, продукция которых нужна была прежде всего для покрытия повседневной потребности широких масс. Надеялись и на то, что наличие иностранной концессионной промышленности заставит советскую промышленность, которая потеряет свою монополию на советском рынке, понизить свои чересчур высокие цены и улучшить качество неполноценной продукции.

Но все-таки для того, чтобы сделать концессионные предприятия в возможно более короткий срок излишними, был также выработан план, по которому предполагалось изъять отдельные советские предприятия из общего подчинения, охватить их единым руководством и сделать их образцово-показательными.

В этих предприятиях все посты руководящих специалистов и квалифицированных рабочих должны были быть заняты исключительно высококвалифицированными, опытными и специально подобранными иностранцами. Но руководство этими предприятиями должно было быть передано тщательно подобранным, знающим языки советским специалистам.

На этих основах было предположено построить целые комбинаты, начиная с сырьевой базы и кончая фабриками готовой продукции, и таким образом заложить солидные устои нового советского хозяйства.

Таким путем надеялись, наконец, дойти до его оздоровления. В этих образцовых предприятиях должны были прежде всего обучаться способные советские специалисты и квалифицированные рабочие, которых должны были впоследствии переводить на другие предприятия.

Для того, чтобы возможно скорее достигнуть практических результатов, велись предварительные переговоры с научными институтами, с заграничными специальными объединениями, с промышленными концернами, которые предполагалось привлечь в качестве поставщиков оборудования.

Целый рад разумных и честных хозяйственников видели в этом возможность вытащить советское хозяйство из атмосферы пустой болтовни и поставить его на реальную работу. Первым в их числе был впоследствии расстрелянный, чрезвычайно одарен-

ный Юрий Пятаков, сын украинского крупного промышленника, бывший студент высшей технической школы за границей и, в сущности, основатель советской тяжелой промышленности. Он хорошо понимал, что нельзя провести гигантский план стройки здоровой крупной промышленности, если одновременно не будут приняты меры к подготовке квалифицированной рабочей силы и способных и опытных руководителей. В противном случае такая стройка приведет только к бессмысленной растрате средств. Поэтому такие стремления встречали его полное одобрение и поддержку. Он надеялся воспитать в этих образцовых предприятиях молодое поколение технических сил. В составлении этих планов принимал деятельное участие и я.

Но руководящие члены партии и профсоюзов относились к этим проектам отрицательно. Они понимали, что в этих образцовых предприятиях их влиянию, их дилетантским затеям и, главным образом, их постоянным интригам, будут поставлены большие препятствия.

И они, как всегда, стали поперек дороги.

К всеобщему изумлению, совершенно внезапно головка партии стала противодействовать всем этим планам. Потребовалось немного времени, и все эти признаки поворота и перехода к деловым, упорядоченным отношениям в советском хозяйстве были сразу объявлены большевистской бюрократией «правым уклоном и классово-враждебными тенденциями». Был выкинут лозунг: «Враги работают, чтобы продать советское хозяйство иностранному капиталу».

Конечно, никто больше не рисковал защищать эти проекты.

Специалисты в Советском Союзе

Хаотическое состояние советского хозяйства, борьба партийной бюрократии с иностранными концессиями и проекты создания образцовых предприятий заставили искать новый выход.

Было сделано предложение привлечь из-за границы, главным образом из Германии, Австрии, Англии и Америки, большое число молодых безработных инженеров как «носителей рациональных методов работы и здоровой частной инициативы».

Говорили о привлечении, таким образом, до 10 000 таких молодых технических сил. Во всяком случае, эти молодые спецы

должны были бы работать на одинаковых с их русскими товарищами условиях.

Это, конечно, была утопия, т. к. в тот же год выяснилось, что ни один иностранный коммунист, за малым исключением, никогда не согласится жить и работать на одних условиях с трудящимися «первого рабочего» государства. Почти сразу они потребовали себе особых привилегий, как в отношении рабочего времени, так и в области жилищной и продовольственной.

К тому же выяснилось, что иностранные специалисты и квалифицированные рабочие, как правило, сдавали, когда им приходилось выступать в одиночку против массовой психологии.

Просто-напросто обезличение «массового человека» в советских условиях не давало никакой возможности сопротивляться общему течению.

Еще бессмысленнее было предполагать, что эти 10 000 молодых спецов, которым как раз не хватало того, что главным образом требовалось для совхозяйства, т. е. практического опыта в производстве, смогут внести хотя бы малейшее улучшение в общую бесхозяйственность.

Бесчисленные примеры давным-давно доказали, что в советских предприятиях высокая продуктивность труда одиночек могла бы продолжаться долгое время только в том случае, если бы руководство предприятий создало для этого соответствующие, более выгодные условия. А об этом не могло быть и речи.

Поэтому скоро и этот проект попал под сукно.

Несмотря на это, с середины и до конца двадцатых годов число иностранных спецов в советской промышленности неизменно увеличивалось, так что к 1928 году выявилась необходимость взять на учет ЦКК всех, работающих в Советском Союзе иностранных специалистов.

В то время я работал уже несколько месяцев в этом учреждении руководителем инспекции по лесному хозяйству, деревообрабатывающей и бумажной промышленности.

Как и некоторым другим иностранным специалистам-коммунистам, мне было предложено сотрудничество в этом учреждении. Работа эта была добавочной партийной нагрузкой. В этой области я работал потом долгие годы.

Нашими общими усилиями удалось создать при ЦКК–РКИ объединяющую нас секцию иностранных специалистов и рабочих.

К деятельности ЦКК относилась также проработка всех сложных и трудных вопросов, связанных с условиями работы и жизни находящихся в СССР иностранных специалистов.

Начиная с 1928 года в ЦК партии, в президиуме ВЦСПС, в судебных инстанциях, в Коминтерне и Профинтерне и ЦКК стало все больше накапливаться жалоб и различных протестов инспецов. Все они носили один и тот же характер: специальные знания используются неправильно, на квалификацию не обращается внимания, как не принимаются во внимание и предложения о целесообразной организации предприятий и рациональном использовании оборудования и сырья и об устранении грубых недочетов в производстве. Кроме того задерживалась выплата жалования, не соблюдались договорные условия и руководители предприятий враждебно относились к «чуждому элементу».

Одновременно непрерывно поступали жалобы со стороны советских хозяйственных организаций на «наглое поведение и неслыханные требования», а иногда и на «возбуждающую, враждебную партии и правительству пропаганду со стороны иностранцев».

До конца 1928 года все эти жалобы лежали в названном учреждении без рассмотрения. Все это привело к тому, что инспецы совершенно непроизводительно прозябали в своих предприятиях или же, сломя голову, бежали из Советского Союза. И то и другое тяжело отзывалось на предприятиях.

В то время большинство инспецов было прикомандировано к советским предприятиям в качестве советников по организационным вопросам. Там, где к их голосу действительно прислушивались, они очень много помогли своими теоретическими знаниями и практическим опытом молодым, совершенно неопытным в организации и управлении советским инженерам и руководителям предприятий. В особую заслугу их деятельности надо поставить то, что благодаря им старая довоенная промышленность, сильно разрушенная гражданской войной, была приведена в работоспособный вид.

Благодаря их энергичной, целеустремленной работе было возможно, хотя бы на некоторых заводах, устранить хаос, анархию и распущенность.

Нужно сказать, что эта восстановительная работа иностранных специалистов была очень трудной. В советских предприятиях каждый хотел быть хозяином и никто не желал быть рабочим,

каждый хотел повелевать но никто не желал повиноваться. Иностранных специалистов больше всего не любили именно за энергичную, устанавливающую порядок деятельность. ГПУ распространяло между озлобленными партийными и беспартийными рабочими мнение, что все инспецы «буржуи» и что к ним, как к классовым врагам, нужно относиться с величайшим недоверием. Таким способом хотели заранее устранить всякую возможность какой бы то ни было политической пропаганды среди голодной рабочей массы. При этом больше всего страдали беспартийные инспецы. Каждая попытка ввести рабочую дисциплину в интересах производства и повысить производительность труда, приводила к тяжелым разногласиям между ними и рабочей массой.

Инспецы не могли рассчитывать на помощь профсоюзов, т. к. они не были их членами.

Еще трудней было привлечь к устранению недостатков партийные органы.

Для партийцев, в большинстве случаев необразованных и болезненно недоверчивых, иностранные специалисты были незваными гостями. Их подозревали в том, что они занимались вредительством по заданию бывших владельцев предприятий, бежавших за границу. Многие думали, что инспецы якобы только и стремятся к тому, чтобы путем саботажа препятствовать строительству советской промышленности.

Кроме того, советские руководители любили приписывать своим иностранным советникам вину за низкую продуктивность своих предприятий.

Гора взаимных жалоб возросла в конце концов настолько, что сам ЦК партии не мог уж больше ее не заметить, особенно когда выяснилось, что первую пятилетку невозможно выполнить одними советскими силами. Таким образом, ЦК вынужден был создать авторитетный центральный орган, который не только должен был бы разбирать все эти жалобы и заботиться об устранении существующих недостатков, но и обеспечить на будущее возможность совместной работы инспецов с советскими хозяйственниками. Для этого, прежде всего, нужно было создать соответствующие условия жизни и работы для иностранцев.

Прежде всего, нужно было позаботиться о правильном подборе и распределении иностранных специалистов, необходимых для проектирования и строительства создающейся промышленности. Это нужно было сделать особенно тщательно, т. к. из опыта

первой пятилетки выяснилось, что проекты сложных промышленных комбинатов были составлены полными профанами, использовавшими для своей работы тексты каталогов.

Работающие в советской промышленности инспецы-коммунисты указывали высшим партийным и хозяйственным органам недостатки такого «планирования».

Но люди, ответственные за это, не хотели считаться ни с какими советами.

Как и раньше, оборудование новых предприятий заказывалось не по хорошо продуманным планам больших иностранных фирм, а целая армия советских закупщиков скупала у различных предприятий те машины и инструменты, которые казались им подходящими.

Позже, когда я услыхал доклады руководивших экономическим шпионажем за границей Ройзенмана и Беленького о деятельности торгпредств СССР, я понял, почему так упрямо придерживались этого своеобразного способа закупки машин. С одной стороны, для того, чтобы определить степень значения иностранных предприятий для вооружения страны и высмотреть все тайны производства, большое число советских комиссий и отдельных приемщиков должно было составить себе точное представление о методах работы и способах производства заграничных предприятий. С другой стороны, иностранные инженеры, техники и рабочие должны были познакомиться с советскими представителями, которые таким путем получали возможность сначала выискать среди них сочувствующих Советскому Союзу, а затем использовать их для целей шпионажа.

Наконец, таким образом, расширялся круг экономически заинтересованных в сохранении и углублении торговых сношений с СССР. Мелкие и средние фирмы, поставлявшие оборудование, стали одновременно своеобразными каналами пропаганды. Под прикрытием экономических сношений с СССР массе иностранных рабочих и служащих беспрестанно напоминалось о существовании Советского Союза.

Кроме этой, чисто политической точки зрения, были, еще и другие причины желания сохранить эту закупочную систему, При посещении огромного числа фабрик и заводов члены советских закупочных комиссий фотографировали самые секретные конструкции, которые им лишь бегло показывались.

Я читал много отчетов таких комиссий и видел снимки.

Наконец, было очень важно, что вследствие своих обширных деловых связей советские торгпредства во всех странах стали крупным экономическим фактором, игравшим внутри этих стран большую роль в деле разложения рабочей массы и интеллигенции. Аппараты торгпредства могли чудовищно разбухать, не вызывая никакого подозрения со стороны местных органов власти. Множество партийцев получало в этих торгпредствах хорошо оплачиваемые места. Путем регулярного помещения объявлений удалось заполучить для пробольшевистской пропаганды многие иностранные газеты. В бесчисленных смешанных обществах — Дерутра, Дерулуфт, Дероп и т. д. множество хорошо подготовленных политических агитаторов и пропагандистов находило обширное поле деятельности. Чем шире развивалась деятельность торгпредств, тем больше людей ими охватывалось и делалось экономически зависящими от СССР.

Кроме того, нужно еще упомянуть, что в советских закупочных комиссиях было много подкупных служащих, которые были заинтересованы в возможно большем поступлении заявок от иностранных фирм. Чем было больше заявок, тем больше имели они возможности обделывать свои грязные дела.

За большие деньги, через посредников, каждый фабрикант мог узнать о ценах, предложенных его конкурентом. В конце концов, заказы попадали не тем, кто предлагал наивыгоднейшие условия, а тем, кто дал большую взятку.

Само собой разумеется, такие закупщики совершенно не были заинтересованы в сотрудничестве крупной иностранной промышленности с московскими специальными проектировочными бюро. Они делали все, чтобы этому помешать.

Все эти обстоятельства постоянно служили предметом разговоров, когда нам приходилось разбирать жалобы работающих в СССР инспецов или претензии представителей иностранных фирм.

Уже на второй год первой пятилетки выяснилось, что советские спецы и квалифицированные рабочие не смогут закончить своими собственными силами строящиеся по плану и запланированные предприятия. Можно было также предвидеть, что по окончании постройки не будет хватать нужных квалифицированных рук, чтобы обеспечить полную производительность и хозяйственность этих новых предприятий. Поэтому высшие руководители-хозяйственники, несмотря на печальный опыт, который они

имели при привлечении на работу иностранных специалистов, должны были вербовать за границей тысячи новых инженеров, техников и квалифицированных рабочих.

Все особые приказы ЦК партии местным партийным и хозяйственным организациям, изданные по нашему ходатайству, предоставить инспецам условия жизни более подходящие к их привычкам, оставались на бумаге. Сразу по прибытии каждой новой партии инспецов, не только иностранные инженеры, но, главным образом, иностранные рабочие, начинали бомбардировать нас претензиями и жалобами. Мы не были в состоянии справиться с массой жалоб, поступавших в инспекцию ЦКК–РКИ и были вынуждены создать отделения нашей секции при местных партийных контрольных комиссиях или Рабоче-крестьянской инспекции важнейших промышленных центров, где работали иностранцы. Такие отделения были открыты в Ленинграде, Свердловске, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, в Донбассе и других важных промышленных центрах.

Наша добровольно принятая на себя работа по обслуживанию иностранных специалистов давала хорошие результаты. Прежде всего, мы заботились о том, чтобы инспецов назначали на работы по их специальности и чтобы им давались соответствующие задания. До средины 1929 года подавляющее большинство инспецов было вынуждено, наравне с русскими инженерами и рабочими, проводить свое свободное время в хвостах у кооперативов, чтобы купить продовольственные продукты для себя и своей семьи. После долгих трудов нам удалось убедить партийное начальство, что это бессмысленно, если иностранные специалисты вместо того, чтобы работать в цехе или у машин, проводили половину своего времени в поисках продовольствия и предметов ширпотреба.

Таким образом, по нашей инициативе в конце 1929 года и в начале 1930 во всех промышленных центрах для обслуживания **только** иностранцев и их семей были организованы столь ненавистные русскому рабочему специальные лавки «Инснаба».

Этим была устранена одна из самых больших трудностей в жизни иностранцев в СССР. Эта мера была еще вдвойне важной, т. к. начиная с 1928 года начал усиливаться товарный голод, а после коллективизации деревни с рынков исчезли все сельскохозяйственные продукты.

Чтобы не раздражать советское население хорошим снабжением привилегированных инспецов и, главным образом, чтобы

не разбудить в нем забытых с годами потребностей и желаний, партия порешила вести это снабжение в тайне. По этой причине лавки Инснаба были для советских граждан закрыты. Вход в них был разрешен только обладателям именной заборной книжки иностранца. Стекла витрин были забелены для того, чтобы снаружи не были видны товары, недоступные для большинства советских граждан.

Несмотря на это, советское население прекрасно знало о существовании таких лавок. Большинство инспецов боялось брать в этих магазинах больше товаров, чем им было нужно. И все-таки нашлись такие «спецы», которые не упустили возможности обделывать свои грязные дела и занялись спекуляцией. Мы получали много писем от русского населения с указанием таких «спецов», которые буквально опустошали лавки Инснаба с тем, чтобы потом перепродавать товар голодному населению по ценам, в несколько раз превышавшим их действительную стоимость.

На собраниях, в циркулярах, в докладах по радио мы всеми силами боролись с такими злоупотреблениями и требовали беспощадных наказаний для виновных.

Одной из самых важных своих задач мы считали помощь проведению в жизнь практических предложений инспецов для улучшения работы в их предприятиях или для организации производства новых фабрикатов.

Такой поддержкой мы давали не раз отдельным инспецам возможность проявить свои способности.

Вопрос борьбы с предубеждением русских спецов против их иностранных товарищей стоял очень остро и был сопряжен с большими трудностями.

Многим старым русским инженерам, техникам и квалифицированным рабочим было тяжело признаться в том, что они уступают в квалификации своим молодым иностранным коллегам, которые смогли приобрести свои знания в оборудованных по последнему слову науки и техники предприятиях западной промышленности. Эти знания были недоступны русским, оторванным от остального мира со времен гражданской войны. Нужно было большое знание психологии русского человека, чтобы на этой зыбкой и трудной почве найти нужное в данном месте и в данное время слово и загладить конфликт, казавшийся непримиримым, и, таким образом, создать возможность дальнейшего сотрудничества.

Особенно тяжело протекала работа тех инспецов, которые не принадлежали к компартии. Местные партийные шишки использовали каждый удобный случай, чтобы «утереть нос» иностранцу. Мелкие личные уколы и малейшие столкновения раздувались в политические дела государственного значения.

Понимающий дело спец не имел права самостоятельно решать важнейшие технические вопросы. Они разрешались большевистскими чиновниками, не имевшими ни малейшего о них представления. Этот факт я знаю не только по бесчисленным примерам, но испробовал на самом себе.

Разве не безумие было то, что Фушман, в прошлом маленький портной, только и умевший, что ставить заплатки и не имевший никакой теоретической подготовки, был назначен высшим «политически ответственным» руководителем всего лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности СССР, и что он в качестве такового управлял более чем 8000 лесничеств, свыше чем 6000 промышленных предприятий с 5,5 -миллионным персоналом? В то же время я, получивший специальное образование и единственный творчески работающий в этой области партийный специалист, должен был нести полную ответственность за сделанные Фушманом распоряжения. Если эти распоряжения бывали неудачны, как это часто случалось, он отговаривался тем, что онде, мол, не специалист, и всю вину перекладывал на мою голову.

Как это было со мной, так было с десятками и сотнями других партийных спецов, которые в качестве технических руководителей долгие годы должны были нести всю тяжесть повседневной работы больших предприятий, в то время как неизвестно откуда вынырнувший комиссар, пользующийся неограниченным доверием партии, ставился во главе предприятия и разыгрывал роль начальника.

Поэтому было само собой понятно, что советская индустрия и совхозяйство никогда не могли придти к нормальному развитию своей производительности. Начиная с самой маленькой лесопилки и кончая гигантскими комбинатами, всюду царит, как нигде, кроме СССР, невозможная бесхозяйственность.

Работники типа Фушмана с первых шагов в своей должности постоянно заботились о том, чтобы в подчиненных им управлениях промышленных и хозяйственных предприятий люди, имевшие специальное образование, были отодвинуты на второй план или устранены, в то время как болтуны или политические всезнайки назначались директорами и заведующими предприятий. Таким образом, им предоставлялось неограниченное право распоряжаться хозяйством Советского Союза,

Я долго старался найти какой-нибудь смысл такого поведения партийного руководства. Только начав сам активно работать в высших кругах партии, правительства и хозяйства, я узнал истинные причины таких мероприятий.

Руководящие члены партии, Политбюро и ЦКК, которые почти все вышли из кругов «только политиков» и в большинстве случаев не имели никакого научно-технического образования, смотрели с ненавистью, как ускользает от них с началом индустриализации то огромное влияние, которое они имели раньше. Рабочие, служащие, инженеры и техники слушали имена только тех, которые стояли во главе промышленности и хозяйства. Говорили только о производственных достижениях, а не о политических «подвигах». При обсуждении хозяйственных мероприятий, при планировании стройки промышленных предприятий, каналов, дорог, стоящие вокруг Сталина, до сих пор господствовавшие круги должны были признаться в том, что вследствие недостаточности своих теоретических и практических знаний они не могут больше иметь никакого влияния на ход развития советского хозяйства. Они видели, что ведущая роль начинает переходить к тем партийцам, которые занимали командные посты в промышленности и хозяйстве. Они поняли, что образованный спец с укреплением хозяйства занял внутри партии сильную позицию, что неизбежно приведет к проникновению его к самому руководству партии.

Чтобы избежать этой опасности, они вклинили между представителями власти и представителями хозяйства особо доверенных людей, достаточно настойчивых и достаточно гибких для того, чтобы, не имея специальных знаний, обеспечить себе место в хозяйстве, а спецов использовать как техническую вспомогательную силу.

Чтобы лишить настоящих хозяйственников всякого влияния, должны были быть втиснуты между ними эти достопримечательные доверенные типа Фушманов, Захаровых, Беленьких, Ройзенманов, Штейнов, Венцеров, Плавников, Гинсбургов, Гуревичей и т. д. Эти «доверенные» не могли никогда стать опасными кремлевской банде. Они не обладали ни специальными знаниями, ни особым влиянием в партии и знали поэтому, что доста-

точно одного слова партийного руководства, чтобы стереть их с лица земли.

Что из такой системы не выйдет ничего положительного и продуктивного, должно было быть ясно с самого начала. Кто имел хорошие намерения, благоразумие, серьезные знания и способности, рано или поздно погибал. Бессмыслица стала методом и фундаментом всей государственной стройки.

Во всех таких случаях нам приходилось вмешиваться в дело с полным авторитетом ЦКК–РКИ. От времени до времени мы могли помочь. Но вообще все оставалось по-старому.

Тут еще прибавились бесчисленные затруднения из-за незнания или недостаточного знания языка. Конечно, не было никакой возможности дать каждому инспецу переводчика. Мы организовали курсы изучения русского языка, надеясь этим помочь им.

Несмотря на множество разногласий в партийном руководстве, благодаря нашим обоснованным объяснениям, было все-таки признано, что в подавляющем большинстве инспецы несомненно являются носителями культуры среди своих русских товарищей по работе. Большинство из них были готовы поделиться своими техническими знаниями со своими коллегами.

Чтобы сделать возможно продуктивнее и жизненнее этот обмен опытом между советскими и иностранными специалистами и сблизить их, мы организовали внутри наших секций профессиональные группы. Так была основана группа энергетического хозяйства, угольной промышленности, горнозаводской, лесной и деревообделочной, строительной, машиностроительной, металлообрабатывающей промышленности и т. д. В этих группах были объединены все иностранные специалисты. Все их члены тесно сотрудничали с научными кружками соответствующих профессиональных союзов.

Результатом этой общей работы были конкретные предложения по различным отраслям советского хозяйства, сделанные нами пленуму ЦКК. Президиум, со своей стороны, заботился о том, чтобы на наши доклады были приглашены также соответствующие руководители правительства, хозяйства и лучшие русские специалисты. Если не было никаких обоснованных возражений на наше предложение, то оно принималось пленумом и приобретало, таким образом, силу распоряжения ЦКК партии. Большинство специалистов, без всякого сомнения, серьезно стремились к тому, чтобы всеми своими знаниями и опытом помочь

Советскому Союзу построить его промышленность на научно-обоснованном, в техническом отношении безукоризненном фундаменте и пустить ее в ход.

Только позднее нам стало ясно, что все эти энергичные старания останутся бесплодными. Инспец был и остался ненавистным всем советским промышленным и хозяйственным организациям и особенно партийным органам, если он осмеливался критиковать их приказы и распоряжения и выставлять конкретные требования введения более рациональных методов работы.

В конце 1932 года, сначала в провинции, а потом и в больших городах, в полном противоречии с текущими договорами, снабжение иностранных специалистов через лавки Инснаба было сокращено, валютная часть их жалованья уменьшена, а то и вовсе отменена. С каждым годом отношения ухудшались.

Травля иностранных специалистов со стороны администрации предприятий и отдельных спецов усиливалась не по дням, а по часам.

Руководящие органы советского хозяйства становились на ту точку зрения, что советская промышленность — одна из самых крупных и самых современных в мире и что поэтому русские спецы могут сами учить иностранцев. В головах местных и центральных партийных и хозяйственных шишек, страдающих манией величия, все перевернулось. Они забыли, что только с помощью этих самых иностранцев вообще было возможно выправить безумные большевистские планы стройки, вывести на нормальный путь запутанные строительные работы ошибочно запроектированных промышленных гигантов и хоть немного улучшить производительность больших заводов.

Так как в партии царило мнение, что советское государство является самым идеальным государством в мире, советская промышленность — самой передовой, а советский рабочий — самым лучшим рабочим, то были даны указания, не церемонясь, поставить иностранных специалистов перед выбором: или подчиниться советским условиям жизни и работы, или покинуть Советский Союз.

В результате такой жестокой уравниловки началось повальное бегство как раз самых лучших и самых опытных спецов из Союза.

Таким образом, попытка сделать возможной плодотворную работу, была сведена на нет.

Особенно подло и низко было отношение советских властелинов по отношению к тем иностранцам, которые, как коммунисты,

в слепом фанатизме пошли против законов своей родины и которые теперь были безжалостно поставлены перед выбором: принять советское гражданство или отдаться в руки полиции своей родины, так как им отказывали в дальнейшем гостеприимстве в СССР. Этими мерами особенно были задеты многие финны и старые немецкие коммунисты, которые в страхе перед ожидающим их на родине наказанием подчинились приказу партии и приняли советское гражданство. В нужде и горе закончили они свое печальное существование в концлагерях и тюрьмах.

Число и квалификация советских спецов оставались по-прежнему неудовлетворительными. Хотя со времени захвата власти большевиками прошло более 15 лет, прирост технического молодняка был недостаточен. Меры, принятые в этом отношении не дали желательных результатов, так как жизненный уровень квалифицированных работников мало отличался от такового обыкновенных обывателей. Работа же в этих профессиях влекла за собою ответственность, а следовательно, и вытекающую отсюда опасность для жизни.

Первые решительные меры в этом направлении, которые, как это будет указано ниже, имели только временный успех, были приняты Сталиным в 1927–1928 году. Тут речь шла, что особенно показательно, не о хозяйственном, продиктованном деловым благоразумием мероприятии, но о шахматном ходе во внутрипартийной грызне.

В этот момент оппозиционная пропаганда Троцкого достигла своего апогея. Сталин готовился к решительному удару по своему злейшему врагу. Хитрому Иосифу Виссарионовичу, действовавшему согласно им всегда применяемой тактике, пришла в голову мысль принять формально предложения своего конкурента, чтобы этим лишить его возможности пропагандировать дальше свои идеи.

Тогда Троцкий играл, главным образом, двумя козырями: требованием коллективизации деревни и усилением участия рабочих в политическом и хозяйственном аппарате.

Троцкий утверждал, что участие промышленных рабочих в ведущих органах правительства и партии слишком незначительно. В высших органах, как например во ВЦИКе, в ЦИКах отдельных республик, в ЦК партии, в наркоматах, в Совнаркоме, в Совете труда и обороны еще в 1931 году участие рабочих было равно нулю.

Конечно, кое-где сидели рабочие на руководящих должностях, но, ввиду их малограмотности и неопытности, они были совершенно беспомощны. Они были вынуждены бесспорно принимать и подписывать все, что им предлагали им же подчиненные спецы и работники, лишь бы это соответствовало в общем главной, так называемой «генеральной линии» партии. Конечно, это нельзя было назвать диктатурой пролетариата.

Само собою разумеется, и в этом нет ничего зазорного, если фабричный рабочий, слесарь, токарь или механик не может вдруг сразу приобрести необходимых знаний, чтобы производить хозяйственную калькуляцию — это элементарное основание всякого выгодного промышленного предприятия, проверять отчетность или правильность расчетов сложной стройки.

Здесь в дело энергично вмешался Сталин для того, чтобы как можно скорее провести в жизнь лозунги своего смертельного врага.

В бесчисленные рабфаки, техникумы, на специальные курсы были собраны тысячи и тысячи комсомольцев и выдвиженцев из рабочих, чтобы из них сделать инженеров, техников, хозяйственников, плановиков и разных других специалистов.

Преподавание было специализировано до крайнего предела, чтобы не перегружать ненужным «балластом» головы этих малоподготовленных рабочих-коммунистов и в возможно короткий срок дать им самые необходимые знания для предстоящей им новой работы.

Политграмота, партийная тактика, теория Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина — вот были главные предметы, знание которых должно было дать возможность этой новой интеллигенции проектировать и строить мощные электростанции, гиганты промышленности, фантастические мосты.

Этот новый слой из рабочих должен был немедленно занять политические позиции и заменить старых соратников Ленина, делавшихся все более неудобными.

Этот внутриполитический расчет удался Сталину только отчасти. Очень скоро ему пришлось убедиться, что эти его новые спецы, как только они знакомились с самыми элементарными основами науки, начинали смотреть на вопросы социальной стройки и на все окружающее совершенно иными глазами.

Молодые парнишки из рабочих и крестьян начинали прозревать. Они поняли, что одними политическими пропагандными

лозунгами и демагогической критикой никакого государства и, уж конечно, никакого социалистического хозяйства ни построить, ни вести нельзя.

Хочешь — не хочешь, им пришлось решать: или научиться чему-нибудь серьезному, или стать такими же демагогами, как интеллигенция и полуинтеллигенция в партийном и хозяйственном руководстве. Там не нужно было много специальных знаний и уменья; несколько трескучих демагогических марксистско-ленинских фраз было достаточно.

К чести русской молодежи СССР нужно сказать: немногие пошли по этой дороге. Большинство этой молодежи использовало предоставленную ей возможность учиться так основательно, что для Сталина и его «социализма» они были потеряны навсегда.

Единомышленники объединялись, защищались от демагогии своих учителей и начальников. Они хотели учиться тому, как построить мир, а не тому, как его разрушать.

Сталин организовывал одну чистку за другой. Многие из этой молодежи, когда-то горячие поклонники генеральной линии, а теперь ожесточенные противники этой революционной демагогической фразеологии и бесцельной марксистской жажды разрушения, были изъяты из вузов, заклеймены «оппозиционерами», «ренегатами» и «предателями», изгнаны из партии и преданы на расправу ГПУ.

Новые партии горячих поклонников Сталина были отправлены в вузы. Большинство опять пошло по дороге их честных предшественников. «Опиум науки» и их одурманил и из убежденных поклонников Сталина сделал опаснейшими врагами его и его доктрины.

Ибо большинство этого молодняка были идеалистами. Но за идею можно бороться только тогда, когда веришь в нее всем сердцем.

Эта вера в классовую борьбу, в фразеологию бессовестных, не задумывающихся ни над чем карьеристов, в «счастье» подсоветского человека пропадала в тот же момент, как только этот молодняк, встретившись с наукой, начинал критически мыслить.

Но эта «вторая волна» советской молодежи научилась на опыте своих погибших предшественников. Молодежь переменила свою тактику. Она замолчала. Она, как и прежде, была «верна» Сталину. Она клялась, как и прежде, в верности. Но в действительности для сталинской партии она была потеряна навсегда.

Они достигли и достигают руководящих положений в правительственном и хозяйственном аппарате, но не как слепые слуги Сталина, а как люди с обостренным зрением, как люди с твердой собственной волей. Открыто они не могли и не могут бороться со сталинским насильническим режимом, поэтому они с ним борются скрытно, не обнаруживая своего истинного лица.

Таким образом, это молодое поколение советских спецов и квалифицированных рабочих уже занимает многие руководящие посты в СССР. От времени до времени Сталин «чистит» их при помощи ГПУ.

Виноваты ли эти молодые спецы в том, что все время открываются новые «вредительские действия», все новые акты «саботажа»? Навряд ли, так как этот молодняк, чему-то научившийся и желающий работать, любит свою работу и свою родину.

Что они думают о Сталине и его режиме — никто не знает, но все догадываются.

Этот первый, весьма тонкий слой новой духовной складки советских людей, известный под общим названием «спецы», молчит.

Никто не знает, не кроется ли за этой массой «условных сталинцев» тайная угроза? Или же, быть может, протест духа снова и снова будет душиться серостью советских будней?

Сталин, во всяком случае, чует опасность.

Коллективизация деревни — лозунг Троцкого. Удар Сталина

Совершенно беспорядочная и, в конце концов, совершенно недостаточная сверхиндустриализация, которая, по признанию самих высших органов большевистской партии и ее правительства, должна была быть только базисом для агрессивной внешней политики, в целях мировой революции, практически могла быть осуществлена только за счет крестьянства.

Вокруг этого существенного вопроса внутри партии после смерти Ленина шла ожесточенная борьба.

Впереди всех шел Троцкий, передовой боец «перманентной революции», который требовал большевизации крестьянства.

Крестьянство со времени объявления «новой экономической политики» — НЭП — все больше крепло.

С другой стороны, этой массе сравнительно обеспеченных, независимых крестьян не могла быть поставлена в противовес никакая сила, т. к. компартия, которая якобы собиралась установить диктатуру пролетариата, в действительности не имела в своем распоряжении никакого «пролетариата», который она могла бы использовать как политическую боевую организацию.

Компартия, называвшая себя партией рабочих, при захвате ею власти имела лишь незначительное число членов. В 1927/28 году она насчитывала в своих рядах около 1 300 000 членов, из которых лишь 1/3, т. е. приблизительно 430 000 человек, были настоящими фабрично-заводскими рабочими. Более 15 000 человек были сельскохозяйственными рабочими. 300 000 членов были из крестьян, но они работали в партии, в профсоюзах, в Красной Армии и в административном аппарате. Остальные же 555 000 членов принадлежали к бюрократии, которая лишь наполовину происходила из рабочих, но уже совершенно потеряла всякую связь с ними. Троцкий, постоянный и ярый противник всякой земельной собственности, боялся крестьянства и надеялся создать такой фабричный пролетариат, который явился бы носителем идеи классовой борьбы и пролетарской диктатуры.

К тому же случилось еще и следующее. Троцкий, первый «главком» Красной Армии и фанатичный проповедник мировой революции, наученный горьким опытом событий 1917–22 годов, особенно тяжелым положением со снабжением его армии, был вынужден провести в жизнь основания «тоталитарной войны».

Я знаю из сообщений многих участников гражданской войны, от старых партийных товарищей — командиров и комиссаров Красной Армии, а также и от бывших офицеров белой армии, с которыми я познакомился сначала как со специалистами, а позже, как с пленниками ГПУ в концлагерях, что боеспособность частей и их успех больше всего зависели от того, удавалось ли тому или другому командованию собрать в нужном месте и в нужном количестве продовольственный и человеческий материал своей армии. Голодающие солдаты были и оставались недовольными, несмотря ни на какую идеологическую обработку. Часто в боях солдаты перебегали из одной армии в другую, от белых к красным и наоборот, только лишь потому, что к тому их вынуждал голод. Голодные солдаты представляли собой небоеспособные части. Этого никто так хорошо не знал, как Троцкий, который стоял во главе Красной Армии. Он знал также хорошо, что довольствие его

армии мировой революции будет также находиться в руках крестьянства, как и во время гражданской войны.

Опыт гражданской войны показал ему, что крестьянство вовсе не думало служить средством для достижения власти «диктатуре пролетариата», т. е. в действительности шайке преступников, прикрывающихся этой вывеской.

Троцкий боялся как раз подъема хозяйств «бедняков» и «середняков», так как он полагал, что это приблизит создание независимых средних, а также и крупных крестьянских хозяйств, т. е. усилит крестьянский фронт и тем самым сделает невозможной всякую попытку сохранить диктатуру рабочего класса, которой, собственно говоря, никогда и не было. Свободное, хозяйственно крепкое крестьянство требовало политических прав, требовало правительственной политики, которая считалась бы с его интересами, требовало спокойствия, мира, безопасности и сельскохозяйственных машин вместо пушек — этого Троцкий не хотел и не мог дать крестьянам, ибо они, как и остальные слои советского населения, должны были служить только средством для достижения цели — создать жизнеспособную «диктатуру рабочего класса» и двинуть вперед мировую революцию. Путь к этой мировой революции лежит через мировую войну, которая и должна быть подготовлена. Чтобы вести эту войну, крестьянство нужно было поработить.

Поэтому для Троцкого на первом плане стояло требование к Сталину: исключить всякую возможность крестьянского влияния даже и в хозяйстве. Он требовал также и полного уравнения крестьян, т. е. насильственной коллективизации. Он знал, что в случае войны крестьянство не подчинится «классовой диктатуре». Он знал, что крестьянство, как и во время гражданской войны, спрячет в непроходимых лесах, на островах и отдаленных хуторах своих лошадей, скот, боеспособных мужчин и запасы продовольствия и в будущем предпочтет лучше их уничтожить, чем добровольно отдать Красной Армии, так как лозунги этой армии были и остались для его сердца чуждыми.

В случае войны такое положение было бы смертельным для всего военного хозяйства, и тогда для того, чтобы заставить каждого крестьянина вести такое хозяйство, как ему предписано, и выполнять принудительные поставки на армию, пришлось бы содержать столько же жандармов и чекистов в тылу, сколько было красных бойцов на фронте.

Троцкий требовал насильственной коллективизации деревни и осуждал отказ Сталина и его Политбюро приступить к ней, называя это «величайшей ошибкой» и «величайшим преступлением». В то время в этом вопросе он был почти одинок. В тесных кругах партийного руководства тогда еще не было и речи о насильственной коллективизации. Тогда партия рассматривала крестьянство, особенно «кулаков» и «середняков» покрупнее, как великолепный объект для государственного обложения в пользу скорейшей индустриализации. Тогда вожделения еще не дошли до того, чтобы разорить крестьянское хозяйство и уничтожить экономическую независимость крестьян.

В партийной головке находилось довольно много людей, которые были в течение нескольких поколений связаны с крестьянством или вышли сами из его рядов. Калинин, Рыков, Бухарин, Муралов, Сырцов и многие другие происходили из крестьян или из тесно связанного с крестьянством поместного дворянства. Они имели достаточное образование и опыт, чтобы принять должные меры для поднятия и усовершенствования сельского хозяйства. Они желали надлежащими мерами поднять как можно выше его продуктивность.

Эта группа стремилась тому, чтобы именно «середняк» рассматривался как истинный фундамент и движущая сила прогресса сельского хозяйства. Все мероприятия должны были быть направлены к тому, чтобы по мере сил содействовать созданию крепкого среднего хозяйства. Большей части середняков должно было быть прирезано по участку земли, и они должны были в возможно скорое время превратиться в зажиточное, крепкое крестьянство. Однако «беднякам» было предложено сорганизоваться в коммуны и в сельскохозяйственные артели. Предпочтительно им были даны для совместной обработки земельные участки. Необходимые им семена, удобрения, сельскохозяйственные орудия и машины, а также и оборотный капитал были им отпущены государством на льготных условиях. Большей частью эти коммуны были совершенно освобождены от налогов.

Несмотря на такую осторожную тактику во время НЭПа и в ближайшее после него время, скоро приобрели первенствующее значение лозунги Троцкого о коллективизации, в которой он видел путь к большевизации крестьян. Мнения разных группировок внутри партии расходились только в вопросе, следует ли провести коллективизацию немедленно или отложить на какой-то

срок. В том, что она вообще должна быть проведена, были согласны все руководящие партийцы уже с начала первой пятилетки.

Так называемое левое крыло, в том числе Троцкий, Манцев, Радек, Пятаков, Смилга и целый ряд руководителей хозяйства, бывшие члены президиума ВСНХ СССР — этого предшественника позднейших промышленных комиссариатов, требовало особо высокого обложения «кулаков» и «середняков». Полученные от них деньги должны были полностью идти на стройку тяжелой промышленности. Они требовали от советского населения и дальнейших жертв в пользу тяжелой индустрии, сооружаемой для вооружения сильной армии.

Одновременно они требовали изъятия всех прибылей, полученных во время НЭПа крестьянством, частной торговлей и частной промышленностью. Они были теми движущими силами, которые протолкнули беспощадную ликвидацию ленинской новой экономической политики.

Как раз противоположного мнения держались так называемые «правые» — Рыков, Бухарин, Сырцов, Томский, Ломов, Лозинский, а потом и Зиновьев и Каменев (эти последние были очень непостоянны и переходили все время из одного лагеря в другой). «Правые» требовали продолжения политики НЭПа до тех нор, пока промышленность и сельское хозяйство не оправятся окончательно от последствий гражданской войны и не станут опять жизнеспособными.

Они были против немедленного и опрометчивого создания тяжпрома, так как мировую революцию они хотели отложить на более позднее время. Они не имели никаких агрессивных намерений в ближайшие годы и считали необходимым прежде всего правильное развитие Советского Союза, находившегося еще в пеленках.

Они стояли на той точке зрения, что и независимый крестьянин, и частная промышленность, выросшая словно из-под земли во время НЭПа и ловко прятавшаяся под видом «трудовых товариществ», пока что должны быть сохранены, так как их творческая и воспитательная деятельность сможет оказать большое влияние на дело стройки советской промышленности. Особенно Рыков опасался того, что в советской промышленности исчезнут и последние следы производственной дисциплины, если убрать с рынка единственного конкурента, частную промышленность, ибо иностранная была чересчур далека от советских рынков.

Рыков неоднократно говорил, что я и сам могу засвидетельствовать, во всех заседаниях ЦК, Политбюро и в других высших инстанциях, что крестьяне предпочитают продавать свои продукты частнику и менять их у него на предметы ширпотреба, чем отдавать государству, так как они имеют от этого больше пользы.

Действительно было так, что во время НЭПа частная торговля постоянно давала крестьянам полноценный товар, в то время как государство снабжало их лишь продуктами массового производства, которые были к тому же еще и низкого качества.

Правда, частная торговля закупала свои товары на тех же текстильных и металлообрабатывающих фабриках, которые снабжали и государственную советскую торговлю. Но частники делали это через опытных закупщиков, заинтересованных в продаже и в доверии своих поручителей. Эти закупщики строго следили за тем, чтобы им не вручили бракованный товар.

Кроме того, частная торговля покупала у частных предпринимателей и у концессий или организовывала собственное производство, стремясь к улучшению качества.

Напротив того, государственные закупщики, т. е. «чиновники» советской торговли, получали твердое жалование (конечно, для жизни недостаточное), независимо от того, продали они что-нибудь или нет, давали ли они государству доход или приносили убыток. Им это было безразлично. В помещениях государственной торговли царили невероятный беспорядок и распущенность, так что покупатели из одних уж гигиенических целей предпочитали покупать у частника.

Рыков знал все это точно и поэтому он хотел сохранить частное хозяйство так долго, как только было возможно, и развивать советскую легкую промышленность за счет максимального обложения частника. Это же касалось и сельского хозяйства.

К тому же еще в это время были подведены итоги работы бедняцких коммун. Они были абсолютно отрицательны.

Ввиду таких печальных результатов первых опытов «коммунизации крестьянства», большая часть партии и руками и ногами стала открещиваться от коллективизации, видя в ней только вред.

Сталин понял, что стоит между двух огней. С одной стороны — еще не организованное крестьянство и «правая оппозиция» с ее учеными головами, с другой — леворадикальная рабочая оппозиция с его смертельным врагом Троцким во главе. Обе в их основах совершенно различные, но в способности к удару одинаково опасные. У него не было иного выбора. Он должен был решиться: или перейти на сторону крестьянства, или подчиниться желаниям рабочей оппозиции и прижать крестьян.

Сталин сознавал, что при наличии сильного крестьянства он не только не сможет удержать надолго свою личную власть, но и не сможет обеспечить проведение сверхиндустриализации, от которой зависела его конечная цель — победа мировой революции.

К тому же, исполнив желание Троцкого, он мог лишить своего опаснейшего врага всех его козырей. Он пошел по линии левой оппозиции. Он решил ударить по крестьянству.

В этот момент судьба послала ему готовый аграрный проект.

История этого проекта и его автора — немецкого ученого, знатока сельского хозяйства, доктора Пюшеля, принадлежит к величайшим трагедиям, которые мне пришлось видеть в СССР. Яснее доказать разрушающую, пагубную сущность большевизма, который даже из сил, желающих добра, извлекает только зло, не может ничто, как эта история «плана Пюшеля».

Пюшель был одной из интереснейших личностей и, наверное, одной из умнейших голов среди всех иностранных спецов, работавших в СССР. Несколько лет он работал в Сибири, при секретаре областного комитета партии Сырцове как сельскохозяйственный эксперт и переехал вместе с ним в Москву, когда тот был назначен председателем Совнаркома РСФСР, в качестве его личного эксперта по сельскохозяйственным вопросам.

Д-р Пюшель, по возвращении его из Сибири, работал со мной рука об руку в иностранной секции и, как руководитель специальной группы сельского хозяйства, пользовался большим уважением. Во время этой совместной работы я познакомился с ним ближе.

Переселившись в Москву, Пюшель получил прежнюю квартиру Клары Цеткин в гостинице Метрополь. Его пятилетний договор с советским правительством кончался, и он намеревался возобновить его.

К немалому моему удивлению, я узнал от Пюшеля то, что почти не было известно общественности, а именно, «что коллективизация советского сельского хозяйства» проведена по разработанному им когда-то плану, но как раз в обратном его проекту смысле.

Он показал мне целый ряд письменных работ, из которых явствовало, что он был действительно автором этого плана, по

которому Сталин провел свою коллективизацию после того, как он его исказил по-своему. Его многолетняя работа в сельском хозяйстве в Сибири и его многочисленные поездки с целью исследования в важные в сельскохозяйственном отношении районы Союза, привели Пюшеля к убеждению, что советское сельское хозяйство требует коренной реформы. По его мнению, доходность сельского хозяйства СССР могла бы быть значительно повышена, если бы удалось заменить устарелые методы хозяйства новыми, научно-обоснованными.

По поручению Сырцова Пюшель в течение долгих месяцев работал над коренной реформой сельского хозяйства. Его руководящие указания вошли впоследствии в искаженном виде в генеральную линию и клались потом в качестве «научной мотивировки» в основу связанных с вопросами коллективизации решений и директив компартии и Народного комиссариата сельского хозяйства.

Эта работа д-ра Пюшеля подверглась той же участи, что и многие другие проекты и реформы, разработанные инспецами. Прежде чем она попала на заключение партийного руководства, она должна была пройти массу инстанций и при этом не только была бессмысленно искажена, но попросту вывернута наизнанку.

Тогда как Пюшель предполагал лишь воспитать крестьянство в духе ведения современного и доходного земледелия и скотоводства и установить хорошо поставленный государственный контроль над реализацией урожаев, большевистскими владыками было совершено ужасное преступление. Они уничтожили ведущую и самую работоспособную часть крестьянства путем полного лишения собственности и поработили его коллективизацией.

Так научный труд всей жизни этого немецкого ученого без его вины был сделан исходным пунктом того огромного несчастья, к которому коллективизация привела русское крестьянство.

Свою идею Пюшель обрабатывал в бесчисленных совещаниях и переговорах с лучшими советскими и иностранными спецами.

Однако руководящие мозги партийных и правительственных инстанций против воли Пюшеля и его покровителя Сырцова, который был расстрелян осенью 1937 года, умудрились исказить всю его идею, сделать из нее ее противоположность.

Пюшель не мог и предполагать, что партийное руководство только того и ждет, чтобы найти какую-нибудь возможность, чтобы сломить крепнущее сельское хозяйство и особенно ведущие его слои.

Вывернутый наизнанку проект Пюшеля дал, наконец, возможность тесно зажать в правительственные и партийные клещи сельское хозяйство и устранить с дороги опасных «кулаков» и «середняков».

Пюшель строил план на том, что к его проведению в первую голову должны быть привлечены лучшие силы деревни. К его крайнему смущению, как раз эти самые лучшие крестьяне, по сталинскому приказу, были причислены к «врагам народа» и «кулакам» и безжалостно изгнаны ГПУ из деревни.

Когда я познакомился с Пюшелем, коллективизация давно уже шла полным ходом. Он имел уже возможность убедиться в ужасных результатах проведения своего искаженного до неузнаваемости проекта. Он был в отчаянии от того, что, как ему казалось, его план был неправильно понят.

Д-р Пюшель был тогда в состоянии страшного возбуждения и полного истощения. Он был подавлен судьбой русских крестьян, которые хотя и косвенно, но все же, как он думал, по его вине уже стали и станут жертвами сталинской коллективизации. Поступавшие к нему ежедневно со всех сторон ужасные вести потрясали его. Он потерял свою жизнерадостность и желание работать.

Однако он не оставил ничего неиспробованным, чтобы убедить руководителей Советского хозяйства и ответственных партийцев в том, что проводимые меры абсолютно неправильны и вызовут как раз противоположность того, что он проектировал.

Он тщетно старался добиться отмены предпринятых мероприятий. Глядя на его глубокое горе, я решил доложить его мнение о настоящем смысле предложенного им плана коллективизации моему начальнику Серго Орджоникидзе.

В ближайшем заседании президиума ЦКК я высказал такие мысли, о которых вообще можно говорить только в самом тесном кругу.

Однако Орджоникидзе, обыкновенно охотно выслушивавший мои соображения, в самом строгом тоне прервал меня в самом начале и спросил, уж не принадлежу ли я к тем, которые осмеливаются стать поперек дороги этому «величайшему плану Сталина».

Потом он стал приветливее и начал мне излагать свой взгляд на этот предмет.

«Крестьяне — это самые страшные классовые враги. Это не повредит, если какие-нибудь 10 000 000 из них будут уничтожены. Пока мужик, наш смертельный враг, нас не проглотил, мы должны его навсегда как следует взнуздать. Коллективизация — это наше средство укротить мужика. Мы не успокоимся, пока последний мужик не войдет в наш колхоз или не будет навсегда обезврежен».

Я был страшно смущен и потрясен. В угоду властному желанию Сталина должны быть беспощадно истреблены миллионы людей, вместе с женщинами и детьми. А партия не только молчала, но и покрывала это преступление.

С глубоким сожалением я рассказал потом Пюшелю о моем бесполезном выступлении.

Хотя Пюшель оказал незаменимую услугу Сталину и был признан одним из лучших спецов по сельскому хозяйству, но за его оппозицию такому способу коллективизации его стали скоро ненавидеть.

Наркомат сельского хозяйства отказался возобновить с ним договор. Он должен был быть удален любой ценой за пределы СССР.

Хотя все связывавшие его договоры истекли, он хотел, как он мне говорил, остаться в СССР с научными целями. Он надеялся, что партия и правительство поймут наконец свою ошибку и проведут в жизнь его предложения в их первоначальном виде.

Он все еще не понимал, что тут дело идет не об ошибке практического характера, а о преступном замысле распылить и пролетаризировать все русское крестьянство.

Потрясения, которые пережил Пюшель, сказались на его здоровье. По ходатайству иностранной секции он был освидетельствован кремлевскими врачами. Однако его состояние не вызвало никаких опасений.

К моему немалому удивлению как-то утром ко мне в бюро пришла дочь Пюшеля и заявила, что отец ее в эту ночь скоропостижно скончался. Тогда же я составил свое мнение об этой странной смерти.

На следующий день, в ускоренном порядке, тело Пюшеля было сожжено в московском крематории.

Человек умер, но его исковерканная идея осталась ужасающим бичом в руках Сталина. От идеи осталось только ее имя: «коллективизация сельского хозяйства».

Это краткое описание того, что я сам пережил или испытал на себе в области советского хозяйства, дает неприкрашенную картину правды о большевизме.

Я видел массу работы, жертв, энергии, растраченную бессмысленно с одной только политической целью: достижение **мировой революции** путем победоносной наступательной войны Советского Союза. Но даже и в том направлении всякая работа в СССР осталась непродуктивной.

Ибо не здравый смысл и опыт устанавливают там методы и практику хозяйства, а демагогические фразы марксистских теоретиков, которые имеют так же мало понятия о настоящих законах работы, как и о психологических законах, которые определяют успех или неуспех человеческой деятельности. Эти «специалисты смерти» могут только одно: **разрушать.**

КАРЛ АЛЬБРЕХТ

Революционный трибунал приговаривает меня к смерти

Избранные отрывки из книги «Преданный социализм»

В восьмом часу вечера...[*]

...В этот второй вечер после объявления приговора мне поначалу показалось большой удачей и существенным облегчением по сравнению с одиночным заключением не оставаться одному в эти тяжелые часы. Я попытался как минимум немного развеяться, общаясь со своими сокамерниками.

Однако чем позже становилось, тем сильнее мне казался шум, проникавший снаружи.

Это выглядело так, будто заключенных охватывало все возрастающее беспокойство.

Всеобщее волнение захватило и трех моих товарищей по камере. Они начали ходить взад-вперед, насколько позволяло пространство нашей маленькой камеры. Чем становилось позднее, тем более странным было их поведение. Они едва отвечали на мои вопросы о причинах их возбуждения.

Мне это все казалось непонятным и непостижимым.

Пробило восемь. С тюремного двора послышался приглушенный звук моторов. С полным ужаса криком «Они идут, они идут!» трое моих сокамерников столпились у маленького окна камеры.

Михайлов, несмотря на строгий запрет, открыл окно. Теперь шум моторов стал гораздо сильнее. Я видел через окно, что в тюремный двор въехал тяжелый черный автомобиль. Через несколько мгновений шум моторов затих.

* Karl I. Albrecht. «Der verratene Sozialismus», Berlin, 1943; SS. 598–603.

Трое моих сокамерников опять сидели на своих нарах. Их лица вытянулись и заострились. Они выглядели пугающе старыми и ослабевшими.

Напротив и наискосок от нашей камеры находилась железная пристройка, на которой день и ночь стояли двое часовых. Перед ними был установлен поворачивающийся во все стороны легкий пулемет, так что они всегда имели возможность держать под огнем даже самые отдаленные уголки большого тюремного здания. Прямо над их головами был укреплен маленький латунный колокол, на котором они молотком отбивали время и подавали прочие сигналы. За этой пристройкой находилось руководство внутреннего тюремного управления.

Вот колокол ударил коротко два раза. Было 8.30 вечера.

В эти последние полчаса возбуждение моих товарищей по камере выросло до максимума. Я видел, что их бледные лбы покрыли капли пота. Дыхание было прерывистым. Общаться с ними было невозможно.

Сразу после двойного удара колокола на всю тюрьму раздался сильный пронзительный командный голос: «Всех по камерам, все камеры запереть!»

В одно мгновение замер шум в огромном здании. Наступила ужасная ошеломляющая тишина.

В этом момент я ясно почувствовал: смерть оповестила о своем приближении.

Всех охватил безумный страх смерти. Сердца 15 000 приговоренных к смертной казни остановились, замерли от ужаса. Глаза моих сокамерников, казалось, вылезающие из глазниц, с выражением безграничного ужаса были устремлены на дверь камеры.

Несмотря на сильное внутреннее сопротивление, я тоже оказался во власти парализующего чувства страха. Я чувствовал, что в следующие мгновения должно произойти что-то ужасное.

В коридоре слышались твердые тяжелые шаги, открывались двери и после короткой паузы снова с силой захлопывались. Придушенные стоны, зовы о помощи, иногда ужасный громкий крик, звук падения. Затем было слышно, как волокли тело.

И снова наступала страшная мертвая тишина.

Несмотря на строгий запрет, я подкрался за несколько шагов к двери камеры. Из-за ужаса, который на меня давил, ноги были как парализованные. Я заглянул в глазок, который не был прикрыт снаружи. Перед моими глазами прокручивалась ужасная

картина. Прямо перед нами, по другую сторону светового колодца, была открыта дверь одной из камер. Я видел высокого широкоплечего человека в униформе войск кавказского ГПУ. В одной руке он держал список, по которому читал имена, в другой — нагайку. В камере находились сбитые в одну кучу заключенные. Частью на коленях, частью стоя, с умоляюще поднятыми руками, они плотно сгрудились в дальнем углу камеры. Я видел, как двое охранников ГПУ грубо вытащили из камеры старого крестьянина. Старик, чье бескровное впалое лицо, обрамленное седой бородой, было залито слезами, в смертельном ужасе не мог сам сделать последние шаги. Рот был широко разинут. Я слышал его полный ужаса хрип. В дверях камеры он упал на колени перед чекистским палачом, обнял его ноги и стал целовать сапоги. Грубым движением ноги чекист отшвырнул старика от себя. Громкий приказ и старика уволокли.

Палач ГПУ вычеркнул одно имя в списке.

Готово

Сделано.

Человек отправлен на смерть.

Еще трех жертв извлекли из той же камеры.

Внезапно мертвую тишину разорвал пронзительный крик. Крик ребенка:

«Мама, милая мама, помоги же мне!»

Маленький мальчик, от силы 12 лет, в смертельном страхе уцепился за решетку окна. Его маленькое сердце не могло осознать, что он должен умереть. Два помощника палача вошли внутрь и попытались ударами и толчками оторвать мальчика от решетки. Последний раз прозвучал крик о помощи: «Мама, мамочка, помоги мне!»

Палач поднял нагайку и со страшной силой обрушил ее на стиснутые пальцы, полуголое детское тело. Резкий крик, слабый стон…

Снова стало тихо. Все позади.

Помощники палача вытащили маленького, худого, залитого кровью мальчика наружу. Руки ему связали за спиной. Узкая головка схвачена железным винтовым зажимом. Самым грубым образом его язык зажали между зубами верхней и нижней челюсти. Я оцепенел. Это было самое страшное, что мне приходилось видеть в жизни.

Так гибла русская молодежь.

★★★

Затем помощники палача подошли к нашей двери. Ключ засунули в дверь, дверь распахнулась.

Я сидел в самом дальнем углу камеры.

У меня было ощущение, будто холодный кулак сжал мне сердце. Поток насыщенного алкоголем воздуха ворвался в помещение.

Взгляд в список.

Дыхание замерло.

Кого выхватит сейчас смерть?

Угрожающим голосом палач пробурчал: «Михайлов!»

Михайлов сидел рядом со мной. Я чувствовал, как на него напала страшная дрожь. Он широко разинул рот. Но ни один звук не сорвался с его губ. Палач вошел в камеру.

Теперь он стоял передо мной. Его гнусное дыхание ударяло мне в лицо.

«Твое имя?»

Я хотел говорить. Но не получилось. Я не мог произнести ни звука.

Мне часто приходилось смотреть в глаза смерти — во время долгих лет на фронте: в ближнем бою, один на один, во время ожесточенных атак. Часто ее рука грубо гладила меня.

Но там я мог оружием защищать мою жизнь. Вокруг меня были верные, мужественные, готовые помочь товарищи, на которых я мог положиться при любой опасности.

Здесь же я был беззащитен и беспомощен. Отданный на произвол помощников палача, я переживал самые страшные моменты своей жизни. Тогда коридорный надзиратель подошел к палачу, уже начавшему замахиваться нагайкой, и прошептал ему мое имя.

Я видел, как чекист просматривал длинный список, ища мое имя.

Сердце еще раз остановилось.

Как будто издалека я услышал голос: «Нет, этого нет. Черт вас всех побери. Кто тут Михайлов?»

Коридорный показал на жертву. Михайлов рядов со мной весь сжался.

По знаку палача два гэпэушника схватили его, оторвали от нар и завели руки за спину. Металлический звук — на него надели наручники.

Теперь Михайлов, казалось, вышел из оцепенения. Его лицо внезапно стало темно-красным. Он широко открыл рот. Но в тот момент, когда он намеревался позвать на помощь, резким движением ему вытащили язык изо рта. Лязгающий звук, заранее приготовленным железным винтовым зажимом ему зажали язык между челюстями, чтобы помешать кричать. Несколько ударов и толчков: Ивана Ивановича Михайлова больше не было в нашей камере. Он отправился получить последнее вознаграждение от большевистской «родины всех трудящихся» за почти сорокалетнее исполнение своего долга в качестве инженера-машиностроителя и преподавателя высшей школы.

Дверь камеры захлопнулась. Лязгнул засов. Шаги удалились.

Мы снова были одни.

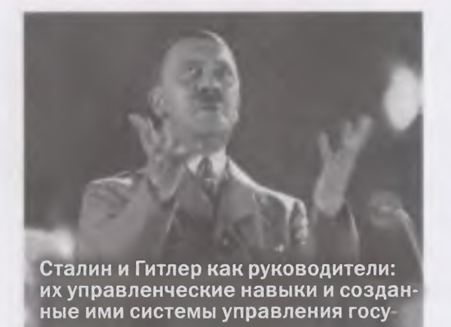
Казалось, прошла вечность, пока не прозвучал удар колокола, обозначивший конец страшных приготовлений к экзекуции.

Через некоторое время мы услышали, как удаляется проникающий в камеру из тюремного двора шум моторов машин смерти.

Оба моих сокамерника еще несколько часов сидели совершенно апатично на своих койках. В эту ночь я не сомкнул глаз.

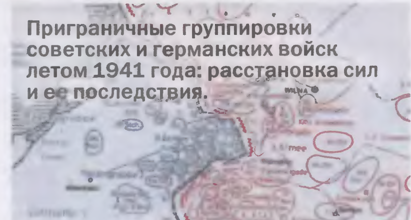
ВСЕМ ПОКЛОННИКАМ ТВОРЧЕСТВА ВИКТОРА СУВОРОВА!

НОВОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ «САМОУБИЙСТВО» УЖЕ В ПРОДАЖЕ!


Сталин и Гитлер как руководители: их управленческие навыки и созданные ими системы управления государством и вооруженными силами.

Как Гитлер «планировал» блицкриг: почему операция «Барбаросса» была обречена на провал.

Разведки СССР и Германии в период между двумя мировыми войнами: что каждая из стран знала о своем враге.

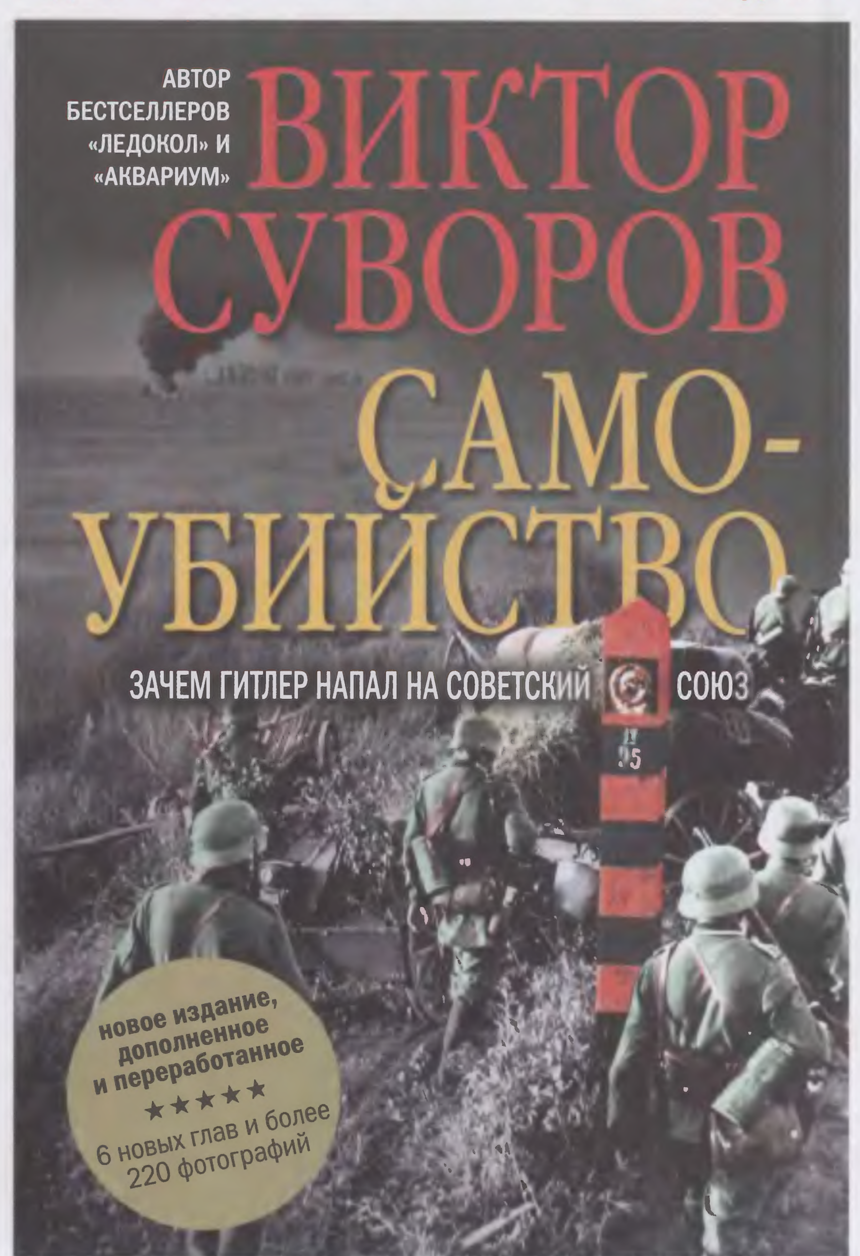

Приграничные группировки советских и германских войск летом 1941 года: расстановка сил и ее последствия.

Война между СССР и Германией была войной двух систем управления государством и вооруженными силами, двух систем военного планирования, двух лидеров и их управленческих команд; судьбы мира решались в тишине кабинетов, где лидеры двух государств и их ближайшее окружение разрабатывали стратегию своих действий.

Анализируя созданные Сталиным и Гитлером системы управления государством и вооруженными силами, особенности характера лидеров СССР и Германии и их управленческие навыки, выдающийся писатель, историк и военный аналитик Виктор Суворов убедительно показывает, что в войне против Советского Союза Германия с самого начала была обречена на поражение, что Гитлер, в отличие от Сталина, не был готов к войне, а нападение на СССР было не просто необдуманным шагом, а последним жестом отчаяния, началом конца.

«Самоубийство» — новая сенсационная версия нашей истории, разрушающая привычные представления и мифы о движущих силах и причинах ключевых событий первой половины XX века.

Новое, дополненное и переработанное издание книги содержит **6 новых глав и более 220 фотографий,** в том числе редкие архивные снимки, публикующиеся в России впервые.

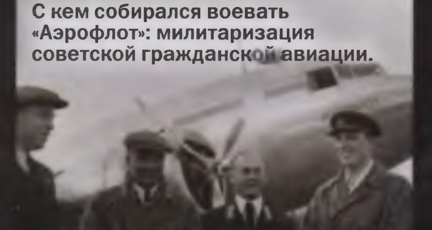


ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГУ В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ИЛИ ЗАКАЗЫВАЙТЕ С ДОСТАВКОЙ В КРУПНЕЙШЕМ РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ «ОЗОН» (WWW.OZON.RU)

Пакт Молотова — Риббентропа: неизвестные подробности советско-германских дипломатических отношений.

Массовое советское жилище 1930-х годов как инструмент управления поведением населения.

«Преданный социализм»: воспоминания высокопоставленного советского чиновника о последнем довоенном десятилетии.



С кем собирался воевать «Аэрофлот»: милитаризация советской гражданской авиации.

В военно-историческом альманахе Виктора Суворова публикуются работы ведущих российских и зарубежных историков, рассказывающие о малоизвестных сторонах и событиях в истории СССР 1920–1940-х годов, связанных с подготовкой Сталиным военной агрессии против Европы, которая была главной целью внешней и внутренней политики СССР в эти годы.

В первом выпуске альманаха:

★ **Виктор Суворов. Сказ о Великой Победе:** чем закончилась очередная попытка создать официальную историю Великой Отечественной войны.

★ **Пакт Молотова — Риббентропа и предвоенная дипломатия:** малоизвестные подробности переговоров СССР с Германией и США.

★ **Морально-политическое состояние советского общества в начале войны с Германией:** технологии стимулирования героизма и создания патриотического подъема.

★ **Оперативное применение оружия массового поражения в СССР в 1942 году.**

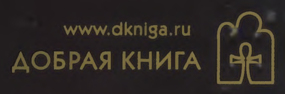
★ **Массовое советское жилище 1930-х годов как инструмент управления поведением населения:** роль архитектуры в превращении страны в единый лагерь принудительного труда.

★ **Карл Иванович Альбрехт и его книга «Преданный социализм»:** уникальные мемуары немецкого коммуниста, вошедшего в партийно-хозяйственную элиту Советского Союза и чудом избежавшего смерти в застенках ГПУ.

ISBN 978-5-98124-583-1

На лицевой стороне обложки: Наводчик-минометчик прицеливается (1942 г.). Автор снимка неизвестен.

www.dkniga.ru
ДОБРАЯ КНИГА



книги для высокоэффективной жизни™